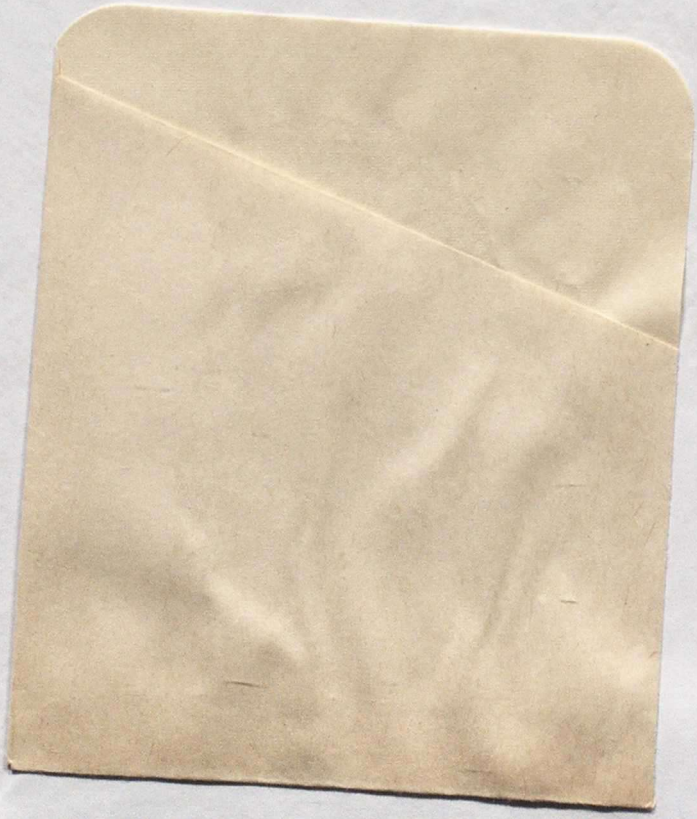
A 2812

A 2812

ПЯТЬ ЛЕТ

„ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА — ВІЛЬНОГО КОЗАЦТВА“.

СБОРНИК ИЗБРАННЫХ ПЕРЕДОВЫХ СТАТЕЙ.

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUENEV
9, Rue du Val-de-Grâce, 9

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „В. К.“
ПРАГА, 1933.

A 2812
П 2709

ПЯТЬ ЛЕТ

„ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА — ВІЛЬНОГО КОЗАЦТВА“.

СБОРНИК ИЗБРАННЫХ ПЕРЕДОВЫХ СТАТЕЙ.

42-795
Славянская библиотека Прага
BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUENEV
9, Rue du Val-de-Grâce, 9

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „В. К.“
29523 ПРАГА, 1933.

КАЗАКИЯ — НАША ЦЕЛЬ.

НАШ ДЕВИЗ — КАЗАЧЬЯ ВОЛЯ!

Slovanská tiskárna A. Fišera, Praha-Strašnice.

2020165463

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	200 г.
	1					17	46	
							21	

Пять лет журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво". Пять лет непрерывной проповеди программы Освобождения Казачества и создания самостоятельного и независимого государства — Казакии. Само это событие в казачьей жизни уже стоит того, чтобы отметить его хотя бы выпуском этого сборника.

Но не только этот юбилейный мотив побуждает нас осуществить настоящее издание. Побуждают нас к тому и основные задачи существования журнала „ВК" — задачи пропаганды ВКазачьей идеи и организации казачьих сил для будущей борьбы за Долю и Волю Казачества. Журнал наш проникает все глубже и все дальше в казачью массу. Непрестанно приходят новые читатели, только теперь узнающие о существовании „ВК". Почти всегда они хотят знать, что писалось в журнале раньше — хотя бы самое существенное. Забронировав некоторое количество полных комплектов журнала для будущего, редакция к настоящему времени уже не имеет свободных комплектов, а потому очень часто не в состоянии удовлетворить желание новых читателей познакомиться со всем журналом за пять лет. Кроме того, полный комплект журнала уже теперь настолько об'емист и громоздок, что не всякий новый читатель так легко справился бы со всем содержащимся в нем материалом; да и постоянные читатели, имеющие у себя полный комплект журнала, не всегда могут иметь его под рукой.

BIBLIOTHÈQUE SLAVE
TOURGUENEV
9, Rue du Val-de-Grâce, 9

Дать новому читателю „ВК“ краткий обзор наиболее ответственного материала журнала за первые пять лет, а постоянным читателям — сборник статей программно-идеологического характера — и является основной целью данного издания.

Если к этому добавить еще одно существенное наше желание дать в руки всем вольным казакам — агитаторам и пропагандистам Вольно-Казачьей программы — лишнее пособие в их трудной и ответственной работе, то тем самым мы исчерпаем все мотивы, заставившие нас выпустить в свет настоящий сборник, и все задачи, которые мы сами ставим новому своему изданию.

Пусть же новая казачья книга идет в казачью массу помогать творить дело журнала „ВК“!

И. БИЛЫЙ.

10 декабря, 1932. Прага.

ПЕРВОЕ „ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ".

Из писем оттуда.

... Если там у вас существует хоть небольшая горсточка членов Рады, не изменивших ее идеям, за что погибли Кулабухов и Рябовол, мы ждем — вы отозветесь.

У нас жизнь здесь тяжелая и с каждым днем делается все тяжелее. Политическое положение очень сложное и его трудно охарактеризовать каким либо трафаретом. Написать можно много и все равно не опишешь всей сложности обстановки.

Политическая пассивность большинства населения постепенно изживается и власть поддержки в широких слоях населения не имеет, за исключением новой бесштанной „аристократии". Недовольство растет и долготерпение лопается. Жаль только, что нет той силы, которая могла бы направить это недовольство в одно русло...

... Мы тут одиноки, оторваны от наших лидеров и не имеем ориентировки о том, каково настоящее положение большевиков заграницей, и о силах казачьих в эмиграции... (Писано в 1929 г.).

(„В. К." 25 марта 1931, № 77).

... Знаете ли вы толком, что творится здесь у нас? Видимо, нет. Положение наше теперь невыносимо. Дело в том, что прошлогодние и позапрошлогодние попытки возрождения „военного коммунизма" — в виде принудительных хлебозаготовок, были только цветочками, ягодки произросли теперь в виде сплошной коллективизации, непрерывного хозяйственного разгрома станиц и варварского выселения „кулаков". С первыми признаками вытрезвления казачества и иногородних от застигшей нас врасплох весенней (1930) кампании массового загона в колхозы, начался так наз. „отлив", т. е. массовый же выход из колхозов. Рассвирепевшие „совпарторганизации" ответили новыми административными и карательными мерами и таким образом теперь число колхозов непрерывно повышается. Все это происходит на фоне непрекращающейся стихийной борьбы казаков против повседневного насилия. Доведенный до отчаяния, казак ломает свои машины, режет скот, выгоняет в степь коня на голодную смерть. То там, то здесь разражаются неожиданные кровавые вспышки... Зимою и летом (1930 г.) с Кубани выселили многих „кулаков", частью вместе с семьями на Урал, часть — в засушливые уезды Ставропольщины. В связи с этим, в каждой станице много беглых. То возникают, то вновь распадаются „зеленые"...

В казачьих и иногородних массах царит большое возмущение и недовольство. Окончательно потеряла свою остроту рознь между казаком и иногородним и лишь в отдельных местах коммунисты продолжают опираться на свои „партизанско-бедняцкие цитадели".

... О политической программе: Иначе, как демократический союз вольных казачьих областей, будущее нам не представляется. Казачьи массы достаточно много испытали, чтобы не хотеть ни коммуны, ни доброволья.

... Тактика пассивного ожидания у моря погоды — в надежде, что освобождение придет неведомо когда и само по себе, является очевидной бессмыслицей и для самых трезвых голов. Для каждого, кто задумывается над нашей судьбой, очевидно, что, не встречая серьезного сопротивления, Московская В. К. П., опираясь на крепостное Российское быдло, вконец обескровит и удушит Кубанское и все другие Казачества, и в первую очередь наиболее живые его силы. Оставить движение казачьих масс без головы... явится и для нас и для вас преступлением перед родной землей. Нас охватывает одно чувство — нужно посильно, срочно и осторожно готовиться к борьбе.

Чего же мы хотим от вас? — Вдумайтесь в наше письмо, братья кубанцы, отнеситесь серьезно к каждому слову. Не обижайтесь за резкость. Это письмо людей, исстрадавшихся и измотавшихся до последнего предела. Если есть еще там кубанское боевое товарищество, так подайте сюда весть, как и чем можете помочь тем, в ком живет дух борьбы за самостийную Кубань, за освобождение ее от кровавого кошмара. Поддержите нас советом и делом....

Шлем вам всем горячий привет... (Писано в 1931 г.).

(„В. К." 25 марта 1931, № 77).

... Мы изнемогаем в борьбе. 10 лет вели борьбу за свое существование в надежде на то, что вы придете и поможете, но силы наши тают каждый день, поэтому настала последняя схватка... Привет от тысяч казаков, живущих в лесах, полях и оврагах, всем зарубежным казакам...

(„В. К." 25 июня 1930, № 60).

Знай, мій брате, що много людей під нуждою і всі вони кажуть вам туди: „Ой, рятуйте, бо всі ми загинемо в цім горі!"

Так отак, Якове, грай там пісню вільну... Помнют Рябовола... а що буде далі, ми не знаєм, тілько кажем, щоб ви грали, як грав Рябовол...

До побачення, бо мабуть побачимося.

(„В. К." 10—25 августа 1930, № 63—64).

Россия — это значит: смерть, насилие, разрушение, нищета и голод и тяжелый принудительный труд...

(„В. К." 10 мая 1931, № 80).

Рятуйте нас, брати козаки, — ми погибаєм от московського ига. Передайте, папаня, привіт всім козакам...

(„*В. К.*“ *10—25 июля 1931, № 84—85*).

... Блукав по кубанських станицях, заїзжав на Дон, Терек, був і за Каспієм... Мало осталось козаків на козачі землі, багато уже в землі, а ті, що остались на поверсі, ходять по лісах Северо-Двинського краю, якшо тіки ходять...

... Взяли кацапи козаків в лапи, та чи пустять живих?..

Пиши, я прочитаю „як треба“, та пиши, чи побачимось? ми віремо, а чи ви там вірете? ми ж тільки на вас надіємось...

(„*В. К.*“ *10—25 сентября 1931, № 88—89*).

А пропиши ты мне, мой жалкий братец, что вы там думаете: придти, или так вы нас и бросили страдать? у нас уже нет крова, нечего есть... Замучили гады, жить не дают. А вам там можно жить, вот вы и живете... Кого же вы там защищаете? Нас здесь... звери доедают и никому мы будто не нужны...

(„*В. К.*“ *10 ноября 1931, № 92*).

Напиши мне, думаете ли вы придти домой или же нет? — и не один, а все, нам это необходимо знать...

Спасите ради Бога нас, наверное у вас не умерла благородная храбрая душа...

(„*В. К.*“ *10 декабря 1931, № 94*).

... Председатель и тот прислан из Москвы, ибо у нас своих людей нет. Вот до чего мы дожились. Кто этому виноват, кто населил москалей меж казаками?.. Они жизнь нам разорили и из хаты повыгоняли. Недаром, папаня, и в песне певалось:

Ой вселився вражий москаль, вигнав нас із хати...

Оце за те, що не послухали дідів і прадідів. Наверно и нашим дедам бывало, что сейчас с нами, и они ту песню составили, щоб ми не забули, що з ними було. Ну, теперь, если живы останемся, то в казачьих станицах ни одного москаля не будет...

(„*В. К.*“ *10 января 1932, № 96*).

... Разгоняют нас, казаков, с нашей родины Кубани по всей России, а на наши места гонят русских людей.

... И вот меня взяли из моей родины и мы теперь скитаемся по всей России. которая нам ч у ж а я...

(„*В. К.*“ *25 января 1932, № 97*).

... Привет вольным казакам от широких степей, а кто идет за Россию тот наших страданий не знает...

(„*В. К.*“ *10 июня 1932, № 106*).

ВТОРОЕ „ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ".

Казачья эмиграция.

Десять лет тому назад, в конце 1917 и начале 1918 г. г., там, на наших Землях началась та война, которая окончилась в 1920 году оккупацией наших Краев Московской советской властью, а нас привела к эмиграции. Десять лет тому назад началась война, потребовавшая такого жертвенного подвига, какой выпадал на долю Казачества только на рубежах его истории, когда решалась судьба его на целые столетия.

И нужно, прежде всего, подчеркнуть огненными письменами для всех и каждого, что не казаки начали эту войну, не они виноваты в пролитой крови. Напротив, казаки избегали войны. И все же война начата на Казачьих Землях под Новочеркасском, под Екатеринодаром, под Владикавказом, под... и т. д.

Не только для истории, не только для установления истины нужно нам точно и определенно установить: где и когда начата война и кто был нападавшим, кто воевал против Дона, Кубани, Терека, Урала,... и чего он от них хотел.

Все мы согласны в том, что слишком много мы делали и наделали ошибок в прошлом, что эти ошибки и привели нас к катастрофе.

Наша общая задача теперь эти ошибки найти, осветить, назвать все вещи своими именами и не побояться посмотреть голой правде в глаза. Посмотреть и сделать надлежащие выводы.

Войну начала советская русская власть. Воевали на поле брани не народные комиссары. Войну вели и командовали генштабисты не советского происхождения. Сражались красногвардейцы и красноармейцы — далеко не все коммунисты.

Декабрь 1917 и январь 1918 г. г. (по старому стилю) — начало войны — время героической борьбы бессмертного партизана Чернецова на Дону, на Казачьей Земле. Чернецов не ходил завоевывать Москву, нет, — он едва успевал отбивать Новочеркасск.

А на Кубани первые выстрелы раздались в 8—15 верстах под Екатеринодаром. В конце 1917 г. 39 дивизия (чья?) заняла Армавир, Кавказскую, Тихорецкую... а 22—24 января части Кавказской армии (чьей?), занявшей к тому времени все Черноморское побережье, двинулись из Новороссийска и начали бой за овладение столицей Кубани.

Из трех почти лет войны, первые полтора года война происходила исключительно на казачьих территориях. Потом, через несколько месяцев (зима 1919—1920), снова прокатился тяжелый красный вал казачьими землями.

Так что-же: К а з ' ч е с т в о войны хотело? О н о ее начинало? — Ответы на все эти вопросы так ясны, что только тот, кто заведомо не хочет знать правды, ответил бы неправду.

И когда мы вспоминаем сейчас эти первые бои под Новочеркасском и под Екатеринодаром, — первая наша мысль и первое наше молчаливое коленопреклонение — перед памятью тех Чернецовых и Галаевых, Великих и Малых, Известных и Неизвестных, кто первые стали на защиту своих Земель, на защиту с в о е й Родины.

Может быть, будет небесполезным припомнить тем, кто забыл, и сказать тем, кто этого не знает, что мы — н е п е р в а я казачья эмиграция.

Первая казачья эмиграция была уже в 1670—1680 г. г. с Дона на Кубань. Причины — религиозные преследования, инициатива которых принадлежала Москве. С Дона ушло тогда до 3000 бойцов на Кубань „под турка". Эти казаки-эмигранты назывались потом Аграханские, Кубские или Кубанские.

К ним позже пришла вторая донская эмиграция в 1708 году, приведенная туда Некрасовым (тоже свыше 3000 бойцов) после страшного разгрома Дона и кровавого не в меру подавления Петром I восстания донских казаков под предводительством Атамана Кондратия Булавина.

Это первое „Кубанское Войско" существовало на Кубани до конца семидесятых годов XVIII ст. (1775—1780 г. г.), а после того, как правобережная Кубань отошла, в результате войны России с Турцией (при Екатерине II), к России, казаки предпочли и дальше оставаться под „неверным турком", чем идти под „православную царицу". Казаки ушли за Дунай, в турецкую Добруджу, откуда позже часть их переселилась в Малую Азию, где живут и до сих пор.

А сколько раз эмигрировали Запорожцы? — Первый „основательный" разгром Украины и Запорожья произведен тем же Петром I, после Полтавской битвы 1709 г., в которой Украинский Гетман Мазепа и Запорожские казаки были союзниками шведов.

Разбитые, Запорожцы (с Кошевым Гордиенком) ушли под протекторат Крымского хана (с согласия турецкого султана). Эта первая запорожская эмиграция вернулась на свои „старые места" в 1734 году, пробыв „под татарином" 25 лет.

Вторая запорожская эмиграция была при Екатерине II после предательского разгрома и разорения Сичи Запорожской в 1775 году. Запорожцы ушли на Дунай „під турка". Тернист был путь этой эмиграции. Часть побывала и под „австрияком"; часть ушла на остров Мальту к мальтийским рыцарям; часть вернулась в Россию

BIBLIOTHÈQUE SE
TOURGUENEV
9, Rue du Val-de-Grâce, 9

(в 1828 г.) с Кошевым Гладким (потом — небольшое Азовское Войско, впоследствии переселенное на Кубань). Побывали казаки и у Эгейского моря и, наконец, остатки их расселились по Добрудже.

А разве переселение оставшихся после разгрома Сичи на своих казаче-украинских Землях Запорожцев на Кубань в 1792 году не было, по существу, эмиграцией?

А что сталось с землями запорожскими?

Наконец, события нашего времени (1917—1920...). Снова часть Казачества вынуждена была эмигрировать (тою же „историческою" дорогою в Турцию и через Турцию), а Казачьи Земли включаются в колонизационные планы Москвы и кроятся — перекраиваются, межуются — перемежевываются, „недорезанные" казаки расстреливаются, выселяются и переселяются... Одним словом, Казачество ликвидируется...

Таким образом, на протяжении всей истории Казачества, начиная с того времени, когда границы Московской Руси придвинулись к рубежам Казачьих Земель, происходит одно и то же явление.

Кому-то (кому?) всегда нужны казачьи земли, а потому казаки каждый раз должны „потесниться". „Теснила" Россия (или власть?) царская; обещала „теснить" Россия (или власть?) черновско-социалистическая; теснит сейчас Россия (или власть?) большевицко-коммунистическая.

Этой правде пора, наконец, посмотреть открыто в глаза всему Казачеству, не обманывать дальше ни себя, ни других, что касается истинного положения вещей, и

или позволить „теснить" себя до конца и постепенно погибнуть,
или искать с в о е решение с в о е г о вопроса.

До каких же пор ты, Казачество, будешь эмигрировать?

„В. К." 25 января 1928, № 4.

I.

„Вольное Казачество—Вільне Козацтво".

10 декабря 1927 — 10 декабря 1932.

Пять лет тому назад вышел в свет первый номер журнала »Вольное Казачество — Вільне Козацтво«, поставившего себе основную задачу — об'единить и сплотить все живые силы Казачества около идеи государственной самостоятельности Казачьих Земель.

Четко и ясно поставили мы вопрос о том, что пришла пора прямо и открыто говорить казакам с казаками, что наступило время, когда Казачеству самому нужно брать свою историческую судьбу в свои руки.

Долго »опекали« нас одни. Кроваво »экспериментируют« над нами другие. И те и другие — чужие. Пора казакам думать самим о себе. Будущее Казачества должно принадлежать самому Казачеству и никому больше.

Сейчас — наши Земли, наши братья — в рабстве. Мы — в изгнании. Знаем: от рабства к свободе, из изгнания к Отчизне — нет пути без боя и борьбы.

Всколыхнулось, взволновалось Казачество. Процесс »переоценки ценностей«, процесс кристаллизации казачьей мысли выступлением »В. К.« продвинулся вперед огромными шагами, и мы глубоко верим, что недалеко то время, когда Казачество, одушевленное одной мыслью, охваченное одной идеей, соберется все под свои собственные знамена.

Доля Казачьих Земель там и судьба казачьей эмиграции здесь — стояг того.

Там — двенадцать лет тяжелой военной оккупации наших Земель красными московскими победителями.

Там — двенадцать лет на спинах и на головах наших братьев испытываются всякие »коммунизмы« — военные и государственные, или новые экономические »политики« — нэпы. Двенадцать лет организованного грабежа в виде продразверсток и продналогов, совхозов и колхозов, просто всевозможных налогов и контрибуций. Двенадцать лет беспощадных расстрелов. Двенадцать лет население Казачьих Земель упорно и с рассчетом обескровливается и хозяйственно систематически обессиливается. Двенадцать лет московские комиссары »расказачивают« Казачество. Отворачиваются и »поворачиваются« к нему лицом (чтобы лучше бить!). Там — все лучшие, все верные закону с в о е й Земли расселяются и выселяются все теми же старыми — »историческими« — дорогами на Соловки и в Сибирь. А на Казачьих Землях растут »колонии« московские, еврейские, немецкие и всякие иные. Там — двенадцать лет разными »дискуссиями« и »пропагандами« кремлевские диктаторы и их прислужники стараются развратить самую душу нашего народа. Там — разрезано и разделено живое тело Казачьих Земель. Там — для ослабления Казачества искусственно созданы в его Землях новые территориальные или »автономные« единицы и группировки — »Края« и »Области«.

— И столько же лет нашего изгнания — здесь. Сколько скорби и страданий, сколько томлений за это время по нашей прекрасной, далекой Родине! Пережиты первые кошмарные месяцы эвакуации на Чаталдже и на Лемносе. Потом — уход из Врангелиады и тяжкое приспособление к заграничной чужой, нам непривычной обстановке и поиски труда, упорная борьба за существование, за самую жизнь. Пережиты времена возвращения »домой«, — с искренним и неискренним примирением с советской властью. Пережита »смена вех« с возвращением и »смена вех« без возвращения. И наступил тяжелый и томительный путь нашего эмигрантского жития.

Разбросаны мы по всем странам и материкам. Слу-

жим мы в иностранных легионах в знойной Африке; ищем счастья в Америке — северной и южной; забрались мы даже в Австралию; в поте лица своего добываем хлеб наш насущный в Югославии и Болгарии, Франции и Польше, Румынии и Чехословакии. Нет, кажется, ни одной страны, где бы сейчас не пробивал себе казак торной жизненной дороги тяжелым и упорным трудом...

Но, не только искание и добывание хлеба насущного стояло и стоит перед Казачеством в эти долгие годы изгнания. Как только прошли первые трудные месяцы и физическая жизнь на чужбине была обеспечена, — перед каждым из нас встали одни и те же мучительные вопросы:

С кем и за что мы воевали, ради чего сложили казаки столько своих голов и пролили столько крови; кто были наши подлинные союзники и кто — настоящие враги, и почему борьбу мы проиграли?

И чем больше казаки задумывались над этими вопросами, над вопросами: кто мы и что мы? — тем вернее начали приходить к мысли, что достаточно уже Казачеству быть орудием в руках других, что свои силы и свои средства нужно тратить для достижения своих целей.

И неуклонно совершался в эти годы процесс освобождения и отхода из под фактической и идеологической связи и зависимости от былых »вождей« и разных российских политических партий, организаций и группировок и той части казачьей эмиграции, которая вольно или невольно в такой зависимости и связи еще была. »Разочаровались« даже те, о подобной эволюции которых еще недавно и думать было нельзя. »Разочаровались« потому, что и они уже не видят там счастья своей Родины, видят только желание всех использовать и далее Казачество, как средство для достижения своих целей, как простое пушечное мясо; видят, что союзников в том лагере у Казачества

нет, — там каждый хотел бы только править и володеть им безраздельно и неограниченно.

Постепенно, медленнее у одних, скорее у других направлялась и ковалась среди Казачества мысль об ориентации на самих себя, на свои Земли. И растут ряды тех, кто и раньше смел думать, говорить и бороться за то, что Казачьи Земли и Казачество само по себе являются настолько прекрасными и высокими целями, что стоит все наши силы и все наши способности посвятить Им, Их счастью, Их благополучию.

*

Мы живем сейчас в начале конца царства российской большевицкой компартии над народами, которые не по своей доброй воле входят в состав СССР; живем накануне великих событий, накануне второго акта той великой драмы, того большого процесса борьбы за освобождение, который так бурно начался в 1917—1920 годах на широких просторах б. Р. Империи, и первый акт которого окончился тогда победою красных империалистов из московского Кремля и оккупацией ими Казачьих Земель. Во всем мире сейчас, на различных местах, в и вне СССР., тайно или открыто, но везде идет напряженная подготовительная работа к этому второму акту — мир готовится в настоящее время не столько к ликвидации — этот вопрос является сейчас бесспорным — сколько ко второму дню после ликвидации диктатуры московского »пролетариата« и III интернационала в »СССР«. И кто знает, как развернутся эти события »на второй день« после падения совласти большевицко-коммунистических »рабочих и крестян« над порабощенными ими народами?

Это наиболее трудная, но и наиболее важная наша задача сейчас — правильно понять то, что делается кругом нас, а прежде всего в СССР и там у нас, в Казачьих Землях, чтобы знать и свое место в грядущих событиях и не растрачивать

впустую свои силы, а с наибольшим успехом приложить их там и так, чтобы они принесли максимум пользы прежде всего своему народу — Казачеству.

И оттого, когда и насколько правильно мы поймем то, что есть, и сумеем предвидеть то, что и как будет, будет во многом зависеть успех или неуспех нашей здесь политической работы или борьбы наших братьев там. Больше: мы должны не только предвидеть события и их возможную развязку, но и все сделать для того, чтобы они кончились так, как то отвечает действительным интересам нашего народа.

Неоднократно нами уже говорилось да и все мы, пожалуй, согласны сейчас в том, что одною из основных причин наших неудач в недавнем прошлом было то, что Казачество не было готово в 1917 и ближайших последующих годах к революционным событиям в тех формах и размерах, в каких поставила их перед ним политическая действительность. Оттого и была у казаков путаница мыслей и целей, оттого и были среди них столь гибельные разногласия. Но события по существу только начинаются и еще и нам придется в них участвовать. И если бы и на этот раз мы не были готовы, то этого не простил бы нам никто: ни люди, ни история.

А потому прежде всего: ясная мысль, ясная цель, ясная и определенная программа, наша программа. Такая программа, в которой конкретные задачи сегодняшнего дня совпадали бы с конечными целями далекого будущего, и какую можно было бы одинаково успешно проводить и осуществлять в жизни и им там, и нам — здесь.

Нашей конечной целью должно быть благо своего народа, своей Земли прежде всего.

Осуществление блага народного, как и полный и всесторонний расцвет всех духовных и материальных сил каждого народа возможны только тогда, когда он политически свободен и государственно самостоятелен. В одинаковой мере это относится

и к Казачеству. Поэтому и для Казачества, если оно хочет существовать вообще, если оно хочет себе блага так, как оно само это благо понимает, основными задачами являются восстановление и создание на территории Земель Европейского Казачества самостоятельных государств-республик, об'единенных в один тесный братский Союз — Союз Вольных Казачьих Земель. Только при этом условии там царствовали бы: свобода и справедливые законы для всех граждан этих Земель и обеспечены бы были спокойный рост и развитие всех сторон духовной и материальной жизни народов, их населяющих. Казачество не хочет никаких диктатур и экспериментов, не хочет быть страшилищем других народов, а хочет и стремится присоединиться к семье культурних народов, само как член культурный и миролюбивый. Не хочет само господствовать над другими, но не хочет и чужого господства над собою.

Что же и кто стоит на пути нашем?

— Прежде всего большевицко-коммунистическая власть Москвы над нашими Землями.

А потому наша очередная и священная задача — освобождение из под власти РСФСР и СССР всех Казачьих Земель от Дона до Яика и Оренбурга, как и Земель тех степных или горских народов, что живут вместе или между казаками.

Очевидно, а для нас это является бесспорным и обязательным, что сейчас же после освобождения, »на другой день после освобождения«, в каждом Крае соберется свой Круг, своя Рада, как суверенные Учредительные Собрания, над волею которых не может быть никакой иной высшей воли. А после того, как будут положены первые камни восстанавливаемой и созидаемой государственности на Дону, на Кубани, на Тереке, на Яике и в Оренбурге, у Калмыков и Астраханцев, тогда наступит момент для создания общего:

— Союза Вольных Казачьих Земель-Республик — Казакии.

Вот путь государственного строительства Казачьих Земель, как его понимает Вольное Казачество.

Необходимым условием, основною предпосылкою возможности и успеха в осуществлении принятой нами программы является примирение в первую голову между самими казаками. Между собою нам драться не из-за чего, — попробуем найти общий язык и сговориться. В прошлом дрались мы одни с другими не за свои, а за чужие интересы. Пусть же в будущем »чужие« сами дерутся за свои интересы, а мы будем бороться вместе — за свои.

Далее нужно правильно и раз навсегда решить: на Кубани — вопрос иногородний, на Дону — вопрос крестьянский и иногородний. Это общее положение почти в одинаковой мере относится и к другим Казачьим Землям. Для решения этого »больного« вопроса нужно, очевидно, такое же искреннее, полное и взаимное примирение и соглашение казаков со старым (до большевицким) иногородним и крестьянским населением на Дону, на Кубани, на Тереке, у Калмыков... Они должны будут стать такими же гражданами Казачьих Республик, как и сами казаки. Иного решения этого вопроса нет.

Установление принципа равенства основных национальностей Казачьих Земель в области национального и культурного развития — дальнейший бесспорный пункт программы Вольного Казачества.

И, наконец, последний, такой же общий и обязательный пункт программ всех союзных организаций — отрицание всяких коммунизаций. В основу народнохозяйственной жизни Казачьих Земель должно положить право частной собственности человека на продукты и результаты его труда.

— Вот общие контуры, основные элементы нашей программы. Остальное — детали, на которых не будем сейчас останавливаться. Детали эти решаются здесь

или будут решаться там каждым из членов казачьего государства в зависимости от особенностей или обстановки у каждого из них.

*

Мы знали и знаем все трудности, связанные с осуществлением такой программы, и нисколько не закрываем на это глаз, а особенно на пункт первый — освобождение. Оно прежде всего потребует великих сил и великих жертв. Мы знаем также, что такие задачи не выполняются отдельными группировками и течениями или партиями, как бы сильны они не были. Они требуют и от нас сговора и соглашения со всеми теми, кто на такую программу-минимум пойти может: для решения современных заданий Вольного Казачества здесь нужна раньше всего консолидация сил казачьей эмиграции. В истории каждого народа бывают времена великих жертв и героических повинностей. Пришли они и к нам еще раз.

Как ни трудна все же эта задача — задача освобождения, — она не невыполнима. Для нас она облегчается тем, что она стоит сейчас и перед всеми другими народами, покоренными под нози СССР, а прежде всего перед нашими ближайшими и непосредственными соседями: Украиной, Кавказскими народами и др.

Сейчас уже для всех нас является бесспорным то, что второю из причин наших неудач в прошлом, если не главною, был неудачный выбор союзников (Добрармии) и война с теми, кто мог быть союзником действительным. Союзники только тогда хороши, когда имеют общие или одинаковые цели борьбы. С Добрармией же у нас была лишь одна половина общей задачи: борьба против большевиков, а далее расхождение — боролись мы за разное. Мало того, Добрармия, собственно, и не хотела быть нашим союзником, а хотела стоять над нами. В будущем мы, очевидно, такой ошибки не сделаем. Мы боремся с боль-

шевиками-коммунистами или вели спор с Добрармией не для того, чтобы переменить »барина«.

Что касается нашего отношения к русскому народу, то оно зависит и будет всегда зависеть от отношения русского (великорусского) народа к нам: мы не нападаем, а только защищаемся. Ненависти к русскому народу не питаем и проповедывать ее не собираемся, но защищать свое право и свою свободу будем. Самостийность мы понимаем не как изоляцию, — союзников и друзей искать себе будем, но только на основе: вольный с вольным, равный с равным.

С программой, которую мы в общих чертах выше изложили и с намерениями, о которых мы здесь говорили, пять лет тому назад и выступило открыто »В. К.«.

Выходя в свет, »В. К.« звало в свои ряды всех тех, кто хочет защищать свою волю; кто не хочет ничьего господства над собою, от кого бы оно ни исходило и как бы оно не называлось; кто считает, что Казачеству нужно прежде всего думать о себе и о своих Землях, бороться за свое право и свою свободу и предоставить каждому народу устраивать свою жизнь так, как он того хочет. —

Оглядываясь на эти пять лет работы, мы не можем скрыть своего величайшего удовлетворения: зерно, брошенное »В. К.«, упало на хорошую почву. С открытым лицом и чистой совестью, можем сказать уже: дело »Вольного Казачества« стало делом всего Казачества.

... Заря взойдет. Спадет мрак ночи —
Свободы нашей день придет.
Вернется то, чего так каждый хочет:
Свободным станет наш народ.

А. Аникушин („ВК“ № 100).

II.

Путь Вольного Казачества.

10 января 1931, № 72.

Волею исторической судьбы Казачество только теперь (с 1917 г.) начинает снова осознавать себя равноправным членом среди славянских народов на Востоке Европы (б. Р. И., ныне СССР.) — великороссов, украинцев и белоруссов, равно как таким же равноправным »соседом« и других народов — кавказских, среднеазиатских или сибирских, — тоже возрождающихся и стремящихся к своему политическому освобождению и государственной самостоятельности.

Силою исторических же обстоятельств освободительные и государственные задачи перед Казачеством стали раньше (1917 г.), чем оно политически к тому было готово. Практическому осуществлению этих задач не предшествовал широкий и всеобщий процесс культурного и национального возрождения. События 1917 и последующих годов застали Казачество на самой ранней заре его возрождения. До 1917 года Казачество почти не имело своей литературы, не было никакого общепризнанного (казаками) решения казачьего вопроса; казачья интеллигенция только нарождалась. Не по своей вине, но — к борьбе 1917—1920 годов Казачество пришло не подготовленным почти ни в каком отношении.

Поэтому, может быть, и казачья государственность »широко« и »сразу« родилась в 1917—18 г. г. скорее на моментах »отрицательных«, из-за нежелания принять советско-большевицкий государственный и социальный

строй России (как и все почти народы б. Р., и казаки »мечтали« в 1917 г. о российской федерации)...

Здесь именно и лежат настоящие причины неудач Казачества в недавней вооруженной борьбе его за свою свободу.

Потом уже в процессе борьбы начала создаваться и ясно формулироваться и положительная программа казачьей государственности.

Продолжать эту задачу и в эмиграции взяло на себя В. К., поставив Казачий Вопрос во всей его широте и во всем его об'еме.

Вольно-казачье движение не есть только политическо-государственное движение Казачества, имеющее задачей освобождение Казачьих Земель и создание самостоятельного казачьего государства — Казакии, но, одновременно, и движение духовное, движение культурного и национального возрождения Казачества, начало формирования казачьей нации. Ибо ясно, что если будет такое возрождение, то тогда (и только тогда!) будет и Казакия — держава. Без этого может быть только уже бывшее недавно »впредь до«...

В силу сложившихся сейчас для Казачества политических условий там, дома, — пионером этой задачи, пионером казачьего ренесанса и формулировщиком Казачьей Идеи и бескомпромиссной казачьей государственной программы можеть быть только казачья эмиграция.

Эту роль казачьей эмиграции прекрасно сознает в. к. движение. К этой роли оно хотело бы и должно готовить всю казачью эмиграцию.

Зародившись, как революционно-политическая организация с программой освобождения Казачьих Земель и создания независимого казачьего государства, — В. К. перешло в более широкое движение, поставившее задачи и национального возрождения Казачества. И правильно, ибо это — предпосылка казачьей государственности. И правильно, ибо на просторах нынешнего СССР перекраиваются не только границы го-

сударств, борятся не только национальные и политические интересы, но и социальные и духовные миропонимания, — ломается и перестраивается вся жизнь.

Сейчас, вступая в четвертый год издания своего журнала и на пороге Нового Года мы попробуем еще раз остановить внимание наших читателей на основных вопросах программы В. К.

Весьма трудно бывает уложить национальные освободительные движения в сухие пункты и параграфы, — так же трудно, как трудно уложить в них самую жизнь. В таких случаях короткие формулировки программ бывают часто ярче и выпуклее. Казачью, например, программу можно выразить всего тремя словами: независимая держава Казакия.

И тем не менее, по крайней мере общая программа своего будущего, программа ясная и определенная, должна быть у каждого народа, который хочет жить и борется за свою государственную самостоятельность.

Полная программа освободительного движения любого народа не родится в один день и в одной голове. Так и В. К. программа родилась не сразу, но, сейчас уже можно сказать, что за три года существования журнала »В. К.« и дружной работы его сотрудников общую формулировку ее можно считать законченной. Что касается программных вопросов, то дальше остаются только детали.

Как же представляет себе в. к. движение свои основные цели и задачи? Какова историческая миссия В. К. в ближайшем будущем?

Для действительного успеха и верного достижения конечных целей в. к. движения, необходимо, как предпосылка всего, возрождение Казачества. Надо, разбудить у Казачества его национальное чувство. Надо, чтобы его политическое самосознание освободилось от всего наносного, чуждого, привитого ему веками русского господства.

Надо, чтобы перед каждым казачьим взором во всей ее чистоте и повелительности предстала Казачья Идея, — чтобы она вошла в плоть и кровь, в мозг и сознание, в сердце и чувство казачье, — чтобы Казачий Вопрос стал для каждого казака своим вопросом, ясным и понятным, само собою разумеющимся, в котором нет уступок и нет компромиссов ни со своей совестью, ни с внешним, чужим миром. Надо, чтобы каждым казачьим сердцем овладела воля к свободе, к осуществлению своих идеалов. Надо, чтобы казак расправил снова свои орлиные крылья, чтобы он снова развернул свои духовные силы во всю их мощь и стал опять творцом своего настоящего и будущего, как он был когда то творцом своей доли в прошлом. И когда Казачество сольется в таком могучем, едином порыве к утверждению своего национального »я«, — тогда начнется подлинный расцвет казачьей эпохи ренесанса, тогда Казачеству будет доступно и по силам всякое решение своего вопроса.

Возрождение Казачества должно не только предшествовать, но и сопутствовать всей его дальнейшей освободительной борьбе. Это оно будет питать и одухотворять казачьи силы во время будущей борьбы. Только творческий порыв и романтизм возрождения смогут поддержать силы Казачества при осуществлении им своих политических и государственных задач будущего. А сил этих потребуется много. Борьба за освобождение потребует полного напряжения всех сил Казачества, моральных и физических.

Но, сейчас уже надо думать и о том, что делать »на второй день после освобождения«. Нельзя этого вопроса откладывать до дня осуществления освобождения. Думать много и долго тогда будет поздно, — тогда придется действовать. А задачи будут огромные: государственная организация каждого Края; создание Казакии: ее Конституции и организация государственной власти, решение пограничных вопросов и установление взаимоотношений с соседями. Только

когда государственная машина Казакии заработает нормальным ходом, только тогда основная и первая общая задача вольно-казачьего движения будет закончена и В. К. переформируется в партию или партии для участия во внутреннем государственном строительстве Казачьей Державы.

Итак: первой задачей В. К. является освобождение всех Земель Европейского Казачества: Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Яицкого (Уральского) и Оренбургского и Земель Калмыцкого и других степных или горских народов, живущих между или на территориях перечисленных Казачьих Краев (Войск, Областей), из под власти и государственной зависимости СССР и РСФСР и их возможного наследника или наследников. Вторая задача — создание казачьего государства — Казакии.

Как же В. К. мыслит себе путь создания Казакии? Иначе — что делать Казачеству на второй день после освобождения? — Ясно, что немедленно же после освобождения каждый Казачий Край (Земля, Область, Войско) и Калмыцкая Автономная Область созывают свои В. Круги (Раду, Хурулдан).

Возникает вопрос: из кого созывать Круги и Раду — только ли из казаков или из состава всего населения, которое предполагается считать потом полноправными гражданами будущей Казакии? Мы думаем, что этот вопрос, в интересах Казачьей Державы, Казачества и иногороднего населения Казачьих Земель, надо решать один раз и решать радикально. Надо все старое, коренное иногороднее население уже теперь считать, наравне с казаками, гражданами (равные права и равные обязанности перед своим государством) будущей Казакии. Таким образом, по нашему, Войсковые Круги (Рада, Хурулдан) должны будут быть созваны из казачьего и остального коренного населения Казачьих Земель.

Мы предлагаем (конкретно) под коренным населением, кроме казаков, понимать крестьян и иногород-

них, равно и горожан, живших на казачьих территориях (в казачьих областях и краях) до 1919 года. Само собою разумеется, что сюда же относятся: горцы на Кубани, калмыки на Дону и др. меньшие народы из состава населения Казачьих Земель. Таким решением были бы лишены прав гражданства все »гастролеры« казаче-большевицкой войны и »колонизаторы« периода советской оккупации. Все же остальное население было бы »оказачено«, т. е. сделалось бы полноправными гражданами казачьего государства.

Созванные Круги, Рада и Хурулдан (Калмыцкий Круг), установят каждый у себя свою власть, выберут из своей среды депутатов и пошлют их в Верховный Круг Казакии.

Первый Верховный Круг Казакии (Учредительное Собрание Казакии) примет Конституцию Казакии (основные государственные законы) и, согласно принятой Конституции, организует государственную власть Казачьей Державы. Очевидно, что дальнейшая государственная и административная организация Казакии проводится согласно будущей Конституции.

Каковы границы будущего казачьего государства? — Мы, в. к., границы Казакии представляем себе так: на западе и юге: границы между В. В. Д. и Украиной 1919 г.; от точки где эта граница упирается в Азовское море (выше Мариуполя), — посредине Азовского моря к средине Керченского пролива; Черное море; граница с Грузией у Гагр; далее по старой административной границе Кубанской области к границам Терской области и далее к р. Тереку; общее направление границы идет далее р. Тереком; необходимые детали и исправления границ между Тереком и Горской Республикой (на основании этнографического принципа) могут быть произведены соглашением между Правительствами будущей Казакии и будущей Горской Республики, если до этого не состоится непосредственного соглашения и пограничного размежевания меж-

ду Тереком и Горцами. Далее — от южной точки границы на побережьи Каспийского моря к северо-восточным берегам этого моря. Граница на востоке идет (приблизительно) по р. Эмбе. Необходимые исправления — по соглашению с Киргиз-казаками. От р. Эмбы — к р. Ор и по Ор к границам Оренбургского казачьего Войска. Далее — границами Оренбургского к. Войска на север, потом на запад и юго-запад к границам Яицкого (Уральского) Войска; по границам сего последнего — к границам б. Астраханской губ. и потом — на запад к Волге и к северным границам В. В. Д.

Что касается государственного строя, то с нашей точки зрения наилучшим государственным строем казачьего государства может быть федерация (союзное государство). Этот строй обеспечил бы, с одной стороны, самобытность и в некоторых отношениях самостоятельность каждому Краю, Войску или народу, а с другой — мог бы гарантировать сильную организацию самого государства и центральной (федеральной) власти.

Федеральные единицы — Штаты — установит (окончательно) Конституция Казакии (первый Верховный Круг Казакии). До этого таковыми могут считаться, очевидно, шесть Казачьих Земель и Калмыцкая Авт. Область. Что касается Ставропольской губернии, то она могла бы выступить как самостоятельный Штат или, по своему желанию и соглашению с одним или двумя соседними казачьими Краями, войти в состав сего или сих последних.

Не будем говорить сейчас о компетенции федеральной государственной власти Казакии. Этот вопрос подробно будет решен в нашем проекте Конституции Казакии, о котором будем говорить позже.

Точно также не будем касаться здесь и деталей государственного строя Казакии, об этом — тоже после, но для нас является несомненным, что в основу политического и административного государственного устройства Казакии должен быть положен принцип демократический.

В национальном вопросе мы признаем принцип равенства основных национальностей Казакии в области национального и культурного развития.

Большой вопрос — вопрос экономической программы, программы не только хозяйственного восстановления наших Земель после большевицкой оккупации, но и программы будущего экономического развития Казачьей Державы. Этим вопросам следует посвятить особое место и особое внимание. Сейчас же ограничимся основным — самым общим утверждением: в основу народно-хозяйственной жизни Казакии должно быть положено право частной собственности. Если теперешний мир в социально-экономическом отношении поделить на два враждующих лагеря: с одной стороны — мир »буржуазный«, »капиталистический«, а с другой — »советско-коммунистический« или »социалистический«, то мы выбираем первый. Без частной инициативы и права собственности человека на продукты своего труда невозможно хозяйственное развитие и процветание никакой страны.

Еще один »колючий« для нас, казаков, вопрос следует здесь затронуть. Это — вопрос земельный в Казачьих Областях. Затронуть не для того, чтобы решать его сейчас так или иначе, а с исключительной целью лишний раз подчеркнуть наше общее решение еще более колючего вопроса — вопроса иногороднего. По нашему, решение иногороднего вопроса только тогда будет окончательным, т. е. внутренний мир в Казачьих Землях только тогда будет обеспечен, когда иногородние, помимо равенства с казаками в политических и др. правах (и обязанностях, конечно), получат от казаков признание и одинакового права на землю. Опять таки, не будем касаться в данный момент деталей этого большого и ответственного вопроса, т. к. очевидно, что все вопросы землевладения и землепользования будет решать каждая федеральная единица — Штат — самостоятельно (за исклю-

чением вопросов внутренней колонизации, которые будут принадлежать скорее власти федеральной).

Затронутые вопросы — основные вопросы. Если они будут решены, тем более будут решены потом вопросы меньшего калибра.

Такова общая, »перспективная« программа В. К.

По силам ли эта программа Казачеству? — Мы отвечаем, что да. Но мы совершенно не заблуждаемся относительно того, что поднять ее на свои плечи Казачество может только общими, об'единенными силами всех своих сынов. Нужно не только качество — высокая квалификация духа, которую может дать Казачеству здоровый романтизм возрождения, но и количество. Чужие задачи в прошлой своей истории Казачество брало иногда на свои плечи довольно дружно. Мы глубоко уверены, что строительство своего государства нисколько не труднее, чем служение государству чужому. Нужно немного только веры в себя и в правоту своего дела. Поэтому, кто верит в творческие силы Казачества, тому место — в рядах В. К.

. . . . . .

Наша Родина в неволе —
Ждет она своих сынов.
Стон казачий в Диком Поле
Слышен... слышен звон оков...
Сломим вражескую силу —
Мы отвагою полны!
Или — Воля, иль — в могилу,
Мы — Казакии сыны!

Петр Крюков („ВК“ № 86—87).

III.

Казакия или отдельные казачьи государства?

25 июня 1931, № 83.

В 1917-18 годах образовался ряд казачьих государств-республик. Тогда же возникла и первая мысль об их об'единении, сначала в форме Юго-Восточного Союза (1917), позже в проекте Доно-Кавказского Союза (1918), Доно-Кубано-Терской Конференции 1919 года или казачьего Союзного Государства Верховного Круга Дона, Кубани и Терека начала 1920 года. Ни одно из этих начинаний не осуществилось тогда, в силу того ли, что Казачество не было еще достаточно подготовлено к ставшим перед ним огромным и сложным государственным задачам, или потому, что события захлестнули его раньше, чем оно смогло при всем своем напряжении сил поставленные себе задачи осуществить. Больше, чем вероятно, что существовали тогда и другие (иногда чисто внешние) причины, помешавшие реализации казачьего государственного об'единения и погубившие тем все дело казачьей освободительной борьбы, но для нас сейчас совершенно ясно, что те неудачи ни в коем случае нельзя отнести за счет нежизненности самой идеи казачьего государственного об'единения. Мы глубоко убеждены в том, что осуществление этой идеи, формулируемой нами ныне, как идеи Казакии, только и может спасти Казачество и решить Казачий Вопрос в интересах Казачества.

Так или иначе, идея об'единенного Казачьего государства в прошлом не осуществилась и — Казачество бито было по частям. Ныне, когда мы конечной целью казачьей освободительной борьбы снова ставим идею

казачьей федерации, идею казачьего союзного государства, среди самих казаков опять находятся противники этой идеи, при чем одни из этих противников — противники старые, бывшие противниками ее и в 1918-19 годах, другие стали ими теперь. Поэтому будет далеко не бесполезным остановиться здесь еще раз на вопросе о казачьей федерации — Казакии.

Прежде всего, что такое федерация?

Федерацией называется союзное государство, представляющее собою вообще один из видов сложных государств. Союзное государство (федерация) образуется из нескольких, или многих самостоятельных (суверенных) государств, соединяющихся для постоянного совместного осуществления общих государственных задач и целей в один союз, в одно союзное государство.

В настоящее время существуют следующие федеративные или союзные государства: С. Американские Соединенные Штаты (с 1789 г.), Швейцария (1848), Канада (1867), Мексика, Бразилия, Аргентина, Австралия. Союзное же государство представляла собой и довоенная Германия.

От иных видов сложного государства федерация отличается: 1. От у н и и государств, об'единенных особой монарха и, иногда, сравнительно немногими общими учреждениями, — тем, что в федерации об'единение глубже и прочнее. 2. От государства с широко развитым самоуправлением федерация отличается тем, что в последней отдельные члены (штаты, государства) сохраняют свой характер самостоятельных государств, т. е. они осуществляют свои государственные задачи по собственному праву (по праву, юридически не контролируемому никакой иной властью) самостоятельно и независимо, отказавшись (делегируя, передавая) в пользу федеральной власти от части своего суверенитета. Общины же автономные (края, области, провинции) п о л у ч а ю т свое самоуправление и осуществляют свои права по поручению и под контролем верховной власти государства. Таким образом, помимо раз-

ного пути и характера создания самого государства в обоих случаях, об'ем прав членов федерации несомненно шире и полнее, чем права автономных единиц в унитарном государстве.

От конфедерации (союз государств) федерация отличается тем, что она обладает большим количеством и об'емом общих задач, во имя общего осуществления которых отдельные государства — члены будущей федерации — вступают между собою в союз, и большей прочностью (более органической связанностью) союза.

Конфедерация есть (более внешний, более целевой) союз, заключаемый несколькими государствами для достижения каких либо вполне определенных целей, преимущественно для целей обороны и ведения общей внешней политики. В конфедерации бывает правильно и постоянно действующий общий правительственный орган, называемый конгрессом, состоящий из представителей правительств отдельных государств. Авторитет этого органа не весьма большой, т. к. его постановления приводятся в исполнение не им самим, а отдельными государствами. В союзе государств каждое государство — член союза — сохраняет свой суверенитет вполне неприкосновенным, и хотя союзный договор обязывает всех членов к исполнению решений, принимаемых конгрессом, однако исполнение их ничем не гарантируется. У центрального органа власти нет никакой реальной силы, могущей принудить к повиновению. Общей армии у конфедеративной власти нет, но все государства обязаны выставлять в случае необходимости определенный контингент вооруженных сил.

Вообще же конфедерация представляет вид неразвившегося союзного государства (федерации) и является непрочным государственным об'единением. Такой союз государств с течением времени или распадается или развивается в союзное государство, т. е. естественно превращается в федерацию.

При образовании федерации в ведение (компетенцию) федеральной власти передаются обыкновенно такие во-

просы, как: оборона страны, внешняя политика, общие финансы и денежное обращение, таможенные тарифы, почта и телеграф, пути сообщения общего значения, меры и весы, иногда даже гражданское, уголовное и процессуальное законодательство.

Для осуществления общегосударственных (федеральных) задач федерация имеет и общее (федеральное) правительство, обладающее достаточной принудительной властью. Права и обязанности федеральной власти определяются союзной конституцией и союзным законодательством.

Федерация, как мы сказали уже, образуется (как общее правило) об'единением отдельных государств в одно союзное государство. Несомненно, что повелительным основанием такого решения для отдельных государств может быть какой либо жизненный интерес, общий для всех членов создаваемой федерации, интерес доминирующий над частными интересами отдельных государств.

Суть и оттенки таких общегосударственно-жизненных интересов могут быть различны, в зависимости от исторической эпохи, от состояния самих государств и от условий, определяющих их государственно-политические или экономические цели. Интересы, побуждающие государства (земли, края или области) к федерации, к об'единению в одном союзном государстве могут быть: религиозными или культурными, политическими или социальными; наиболее же существенными и преимущественными в таких случаях являются интересы экономические, военно-стратегические и вопросы политики внешней (международной).

Помимо перечисленных побудительных причин »материалистических«, принуждающих отдельные государства или земли к соединению в федерацию, нельзя не считаться и с категориями характера идеального или морального. Общность кровного происхождения, расовое, национальное или племенное сродство, общность культуры, быта, языка и психологических ка-

честв народов — все это, безусловно, играет не малую роль среди народов и земель, стремящихся к государственному союзу.

Переходя непосредственно к вопросу о федерации Казачьих Земель, следует отметить, что Вольное Казачество, выдвинувшее отчетливо и ясно эту формулу своей государственно-политической программы, принимает в общем тот же принцип и те же основания, на которых создались и существуют все иные современные федерации.

Несомненно, что реальный, глубоко жизненный интерес, интерес общий для всего Казачества, заставляет и должен заставить его стремиться к федерации, к братскому союзу в одном государстве — Казакии. Лишь в собственном, независимом, в суверенном самодовлеющем союзном государстве каждая казачья Земля, каждый казачий Край, каждое казачье Войско сможет найти полное обеспечение своих исконных прав и свобод. Лишь в своей государственности каждый казачий Край может найти обеспечение сохранения Казачества, как такового, обеспечение культурного, экономического и бытового развития. Лишь в Казакии — федерации всех Казачьих Земель — сможет обрести все Казачество в целом гарантии своей государственности вообще.

Каждый казачий Край может сохраниться, развиваться и свободно процветать лишь через свою собственную государственность. Каждая отдельная казачья Земля может осуществить вполне свое право лишь через свой суверенитет. Все же Казачество — все народы Казакии в целом — смогут сохранить и осуществить свою государственность и уберечь и обеспечить самостоятельную государственность каждого Края в отдельности только через федерацию всех Казачьих Земель в одном Союзе.

Короче: спасение и будущее каждого казачьего Края — в собственной государственности — в общеказачьей федерации.

Никакая инкорпорация, никакое поглощение Казачества или хотя бы даже »пристройство« его к чужим силам, к чужой государственности не может обеспечить свободы и прав Казачества в такой полной, безусловной мере, как то гарантирует ему собственное государственное независимое бытие в едином союзном казачьем государстве.

Это, так сказать, — общие политические мотивы в пользу казачьей федерации.

Кроме этого, Казачество должно учитывать и те конкретные вопросы более практического характера, которые реально, со всей очевидностью представляют выгоду всеказачьего Союза. Это, прежде всего — интересы общеказачьи экономические, военно-стратегические и государственно-политические. В свое время мы посвятим специальное внимание каждому из только что затронутых основных вопросов, чтобы более подробно аргументировать вольноказачью программу Казакии, сейчас же ограничимся общей постановкой вопроса.

Казачья федерация — программа Казакии — стремится охватить все Края и Земли Европейского Казачества (семь) и других народов, живущих на или между казачьими территориями. В таком Союзе каждый из отдельных казачьих Штатов будет чувствовать себя в семь раз сильнее в смысле экономическом и политическом. Особенно же выступает на первый план при этом выгода федерации в вопросе обороны казачьей страны и в вопросах внешней (международной) политики. Вопрос военно-стратегический и государственно-политический в данном случае играет решающую, наиважнейшую роль.

Не менее сильным стимулом к об'единению Казачества в государственный Союз являются одновременно и соображения характера чисто морального. Общность казачьей самобытной культуры, общность психологического казачьего типа, общность исторического прошлого, одинаковые стремления всех Казачьих Земель

к сохранению и утверждению своих исторических прав и самобытности, общие задачи дальнейшего своего исторического будущего, а в силу этого общность и современных политических государственных стремлений — все это с непреодолимой силой толкает отдельные казачьи Края друг к другу для слияния в общем союзном государстве — Казакии. И что это так, лучше всего подтверждает недавнее наше прошлое, когда Казачество строило свою государственность и когда на протяжении трех лет было проявлено три инициативы, три попытки к об'единению Казачьих и Горских Земель в одном государственном союзе — »Юго-Восточный Союз«, »Доно-Кавказский Союз« и »Верховный Круг Дона, Кубани и Терека« (подробнее см. об этом передовую статью »Наши предпосылки в прошлом« в номере 14 »В. К.« за 1928 год). Неудача тех стремлений нисколько не говорит против них, ибо не удались те попытки под давлением внешних сил, а прежде всего единонеделимцев всех цветов, угробивших потом раз'единенное Казачество гораздо легче, чем могли бы они это сделать с ним государственно об'единенным и сплоченным.

Во имя успеха нашего дела в будущем, считаем необходимым останавливаться время от времени и на тех возражениях, которые выдвигаются иногда противниками идеи Казакии, будь то противники свои или чужие. Опускаем в данном случае из вида тех из наших противников, которые вообще против всякой казачьей самостоятельности: всем своим таким противникам самостийное казачье движение дало уже достойный ответ. Сейчас мы останавливаемся на тех возражениях против идеи и программы Казакии, которые исходят как-будто не от несомненных врагов Казачества, а выдвигаются зачастую мыслью, признающею в принципе право некоторых Казачьих Краев на независимость, но распространяющих такое свое признание только на Дон и Кубань прежде всего (иногда и исключительно).

Надо при этом заметить, что по существу против казачьей федерации никто и из этих противников не высказался еще ясно, определенно и связно. Никто еще до сих пор не выдвинул против программы союзного казачьего государства, против Казакии, какой-либо системы доказательств, опровергающей необходимость или возможность казачьей федерации. Все возражения противников и до сего времени носят неясный характер »сомнений«, иногда странных намеков, иногда недостойных насмешек и т. д. Такого рода »аргументами« пока исчерпываются все возражения противников казачьей федерации (создают »настроение«).

В настоящем своем ответе мы имеем в виду не полемизировать с такими противниками (как и зачем доказывать тому, кто не умеет сам доказывать или уклоняется от доказательств своих утверждений?), а открыть их подходы, осветить, наоборот, те »пункты«, на которых строят свои якобы возражения наши противники.

В главном все эти возражения сводятся к следующему:

1. Казачья федерация невозможна потому, что Казачьи Земли, помимо казаков, заселены и не казачьим элементом; элемент этот — чуженациональный Казачеству (русские, украинцы) и имеет постоянное стремление к своим национально-государственным метрополиям.

—Несостоятельность и несерьезность такой »аргументации«, выдвигаемой против казачьей федерации, очевидна своею нелогичностью. В самом деле, почему чуженациональный, чуженародный в Казачьих Землях элемент из казачьей федерации будет тянуть к своим метрополиям? Почему эта тяга обнаружится лишь в казачьей федерации? А если бы федерации К. З. не было, а существовали бы отдельные казачьи государства, то тогда как? тогда бы тяги этих чуженациональных элементов из казачьих государств к своим метрополиям не было? Ответ в обоих случаях может

быть только один: и при казачьей федерации, и при существовании отдельных казачьих государств действительно чуженациональный элемент (как меньшинство в казачьих Краях) одинаково мог бы обнаружить свое стремление к своим метрополиям (как везде на свете). Признавание прав таких меньшинств на их соединение со своими метрополями выше и преимущественнее прав Казачества на самостоятельность равносильно по существу отрицанию казачьей самостийности, равносильно отрицанию прав Казачества на самостоятельность и государственность на своих исконных исторических территориях. Значит, федерация здесь не при чем, — удар противников направляется не против самой федерации, а против самостоятельного осуществления Казачеством своей государственности вообще.

2. Близко к указанному выдвигают противники федерации и другой вопрос, вопрос национальный в казачьих Краях. Казачья федерация невозможна де потому, что, во-первых, на землях казачьих живет несколько различных национальностей и, во-вторых, национальный состав самого Казачества не однородный (Черноморцы, Калмыки).

— На первую часть этого вопроса дан уже ответ в предыдущем. Никакие неказачьи национальные меньшинства, живущие в казачьих Краях, не могут служить препятствием к осуществлению казачьей самостийности одинаково — ни в отдельных казачьих государствах, ни в одном союзном казачьем государстве. Существование национальных меньшинств почти во всех государствах мира вообще есть естественное современное явление; территории государственно-национальные и этнографические в настоящее время часто не совпадают и не покрываются одна другой. Мировая (международная) политика, констатируя этот факт и выходя из этого современного исторического явления, изыскивает всевозможные способы, чтобы предотвратить всякие конфликты между национальными меньшинствами и государствами, чтобы, не нарушая государственного

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUENEV

права (суверенитета) и границ национальных большинств, вместе с тем охранить и обеспечить юридически и права меньшинств. Несомненно, что и казачье союзное государство в отношении своих национальных меньшинств будет проводить и осуществлять эту общую современную политическую линию. Предоставлением национальной автономии своим меньшинствам, т. е. полным охранением и обеспечением естественных прав всех национальностей в казачьих Краях Казачество достигнет государственного равновесия в своих национальных вопросах и тем предотвратит возможность всякой протигосударственной ирриденты со стороны своих меньшинств.

В этом можно найти вполне удовлетворительный ответ и на вторую часть вопроса о разнонациональном составе самого Казачества и ответ на параллельный вопрос о свободе и праве национальных языков в Казакии. Признание национальных прав за всем населением казачьей федерации исключает какое то особенное и противуположное толкование национальных прав казаков-черноморцев и казаков-калмыков. Общим положительным разрешением национального вопроса казачье государство устраняет этот вопрос и в специальном отношении к казакам и к правам их языка.

»Разнонациональность« как казачьего, так и неказачьего населения Казакии ни в коем случае не может служить препятствием к созданию Казачеством государственной федерации. Примеры из истории иных европейских и внеевропейских федераций и государств, где разнонациональное население осуществляло свои права в гармоническом сочетании с интересами общегосударственными, вполне подтверждают и оправдывают естественность и возможность, даже необходимость стремлений Казачества к осуществлению своих государственных прав в едином союзном казачьем государстве.

3. Тоже самое надо сказать и относительно возражений противников, выдвигающих вопрос »социального

неравенства« населения Казачьих Земель. Вследствие де того, что население Казакии состоит из казаков и неказаков, государственный союз Казачества невозможен.

— Этот пункт возражений противников федерации своею нелогичностью подобен только что разобранному нами вопросу о неравенстве национальном. И в этом случае отрицание возможности казачьей федерации якобы через неравенство социальное ее населения сводится, в сущности, к отрицанию прав Казачества на государственное бытие, ибо тот же самый вопрос оставался бы открытым и при существовании отдельных суверенных казачьих республик. А если возможно положительное разрешение его для отдельных казачьих государств, то в такой же мере, и с таким же успехом возможно положительное разрешение этого »недоразумения« и во всем всеказачьем государственном Союзе. Действительно, признание казачьей федерацией одинаковых прав гражданства за всем населением Казакии устраняет раз навсегда деление в ней граждан на казаков и неказаков. По программе В. К. все население Казакии оказачивается.

Этим исчерпываются все, так сказать, внутренние »неясные« вопросы »препятствующие« будто бы созданию казачьей федерации. Обратимся теперь к »препятствиям« »внешним«.

4. Как на одно из »внешних обстоятельств«, мешающих будто бы осуществлению казачьей федерации, противники ее указывают, что слишком большое расширение территории казачьего союзного государства за счет тех земель казачьих Войск (помимо Дона и Кубани), где неказачье население имеет будто бы перевес над казачьим, ставит самих казаков в диспропорциональное отношение ко всей территории федерации; что, якобы, существование такого громадного территориально казачьего союзного государства, где сами казаки являлись бы меньшинством, было бы ненормальным и нецелесообразным. Вывод из этого их утвержде-

ния наши противники делают обыкновенно такой: казачье самостийничество, суверенность и государственная независимость Казачества может осуществиться лишь через отдельные самостоятельные государства Дон и Кубань; остальные же казачьи Войска должны остаться в составе соседних с ними государств: Оренбургское, Яицкое (Уральское) и Астраханское — в составе России; Терское, возможно, было бы присоединено к Горцам.

Положительная сторона раз'единения Казачества (»выигрыш«!) остается еще неясной и для самих противников Казакии. В их »аргументации« можно отчетливо отметить только стремление разбить Казачество, раз'единить, выделить из всего состава Европейского Казачества, лишь два, наиболее три самостоятельных государства, — решение же вопроса о судьбе, бытии и будущем остального Казачества остается для них неясным или неопределенным, а вообще по отношению ко всему Казачеству »настроение« нередко враждебным.

Подчеркиваем при этом еще раз, что и в данном случае мы имеем в виду не открытых врагов Казачества (там все давно ясно), а лишь противников казачьей федерации, противников Казакии. Должны заметить при этом, что и в аргументах противников, свидетельствующих невозможность федерации диспропорцией казачьего населения и территориальными размерами федерации, а одновременно говорящими в пользу нормальности или необходимости существования лишь отдельных казачьих республик, — мы склонны усмотреть какие то скрытые политические рассчеты, могущие (будто бы) предоставить в будущем их теперешним защитникам какие то предполагаемые ими выгоды.

Прежде всего о »диспропорции« (несоответствии между малым населением и большой территорией). Во-первых, аргументация диспропорцией не выдерживает по существу критики, ибо эта диспропорция лишь кажущаяся. Численность казачьего населения во всех Казачьих Землях относительно превышает везде чи-

сленность каждой иной группы населения в отдельности, а часто и всех их, взятых вместе (см. подробнее по этому вопросу статью И.Б. »Казачьи Земли« в номерах 19—23 »В. К.« за 1928 год). Везде, во всем союзном казачьем государстве казачье население составляло бы наибольшую компактную массу, к тому же — наиболее активную, спаянную единодушием, психологической и моральной общностью, способную сыграть роль фермонтирующего, творческого начала в организации всей государственной жизни на землях союза.

Во-вторых, неказачье население на землях казачьих есть население пришлое (колонизаторы!), тогда как казаки владеют своими историческими территориями искони, отстаивали их и свою свободу с великими жертвами и, таким образом, имели бы даже некоторое моральное право на занятие первенствующего положения в государстве, если бы решение вопроса ставилось в такую именно плоскость. Но, главное, в третьих, при уравнении всего населения казачьей федерации в равноправном гражданстве, — тем самым такие разговоры о казаках и неказаках совершенно отпадают.

Таким образом, аргументы »диспропорции« казачьего населения в отношении территории казачьего союзного государства отпадают целиком.

5. Точно так же представляется нам и та сомнительная выгода от раз'единения Казачества, на которую, возможно, »расчитывают« противники казачьей федерации среди некоторых наших соседей. Конечно, можно предположить, что существование отдельных слабых казачьих государств вместо одного монолитного сильного союзного государства представляло бы большую возможность нашим соседям »комбинировать« за счет Казачества в своей политической игре, но такая возможность для тех наших соседей, которые сами ведут сейчас борьбу за свою свободу, с нашей точки зрения — едва ли представляла бы из себя действительную выгоду. Отдельные слабые казачьи государства, которые находились бы под перекрестным влиянием

своих более сильных соседей, никакой бы действительно реальной силы в борьбе с гегемонией Москвы не имели. Наоборот, вероятнее всего предположить, что при раз'единении Казачества, на шахматной доске Востока Европы наиболее сильным влиянием пользовалась бы сила Московская. Таким образом, и в собственных интересах наших противников из наших соседей было бы как раз осуществление Казакии. Можем только удивляться, какую, напр., могли бы видеть эти наши противники для себя выгоду в том, что Казачьи Земли Оренбургского, Уральского, Астраханского и Терского Войск не были бы соединены в союзном казачьем государстве, а остались бы в пределах России или иного какого государства?

Мы думаем, что не только в интересах самого Казачества, но — так же бесспорно, — что будущее существование независимого и сильного союзного казачьего государства — Казакии — и в интересах всех народов, борющихся ныне на Востоке Европы за свое освобождение.

Преодолевая в своем освободительном движении трудности внутренние, ведя борьбу на один фронт внешний, Казачество глубоко верит, что других внешних фронтов у него не будет. Само оно их искать во всяком случае не собирается. Казачество осуществляет свою казачью программу во имя своей свободы, своего права, во имя справедливости и разума, порядка и прогресса, во имя и за свое место под солнцем. Не отказывая в этом другим, оно не поступится и своим в пользу других.

... Размахнись же, Горыныч, вполне
И девятой своею волною
Смой, смети, что нелюбо-постыло Тебе,
Лишь оставь со крестом, с бородою!..

П. Фадеев („ВК“ № 104).

IV.

В день годовщины.

10 декабря 1930, № 70.

Три года тому назад вышел первый номер »В. К.«. Вышел в свет журнал, на страницах которого казаки самостийники поставили Казачий Вопрос снова на очередь дня, поставили так широко и так глубоко, как только можно его поставить в трудных условиях эмиграции. И не только поставили. На этих же страницах мы даем и решение этого вопроса — даем казачью программу решения Казачьего Вопроса. Мы верим, что скоро наступит время, когда Казачеству придется решать свой вопрос во всем его об'еме и в действительности, осуществлять и на практике сегодняшние свои идеальные стремления. Готово ли Казачество к тому? Знает ли оно, что оно будет делать завтра, если завтра пробьет двенадцатый час его сегодняшних поработителей?

— Должно знать, должно быть готово, — так три года уже говорит Казачеству »В. К.«. Казачество стоит сейчас на грани наиболее опасного, наиболее ответственного своего исторического рубежа, какой когда либо история ему ставила. От того, как перешагнет Казачество этот рубеж, будет зависеть вся его будущая историческая судьба. Чувствуешь ли это Ты, Казачество? — »В. К.« возникло затем, чтобы сделать все для того, чтобы за нынешним историческим рубежом Казачество нашло свое счастливое историческое будущее. — Хочешь ли Ты этого, Казачество? — Мы знаем, что хочешь, ибо Ты хочешь жить. Хочешь — и будешь жить.

Мы живем в замечательное историческое время. Волею судеб нам суждено было стать свидетелями, а многим из нас и участниками, великих мировых событий — Великой (Мировой!) войны, колоссальных политических и социальных переворотов, упадка некогда великих государств-империй, восстановления и возникновения новых государств и возрождения целого ряда »неисторических« народов.

Поистине надо уметь глубоко вдуматься во все эти происходящие у нас на глазах события, чтобы верно понять и оценить их, чтобы уразуметь течение настоящего исторического процесса, почувствовать, как говорят, »знамение времени«, ориентировать себя во всем совершающемся и не только применить направление своих собственных политических мыслей, чувств и воли соответственно требованиям исторического момента, но и внести в ход его и свою долю понимания и активного участия в интересах своего народа.

Тревожная неуверенность, а то и просто растерянность, разочарованность, сомнения, даже отчаяние у многих, как отдельных лиц, так и целых людских групп в наше время, в сущности, и появляется часто от неуменья разобраться среди массы современных жизненных явлений и нагроможденного хаоса различных, часто противоречивых идей. Неясность мысли или неосуществимые мечтания, поддерживаемые иногда сожалением о сокрушенном прошлом и бессмысленным желанием повернуть течение жизни вспять, делают некоторых бессильными суметь выделить наиболее значительные факты и вывести из них ту основную реальную линию совершающихся исторических процессов, по которой стремится современная жизнь. История, ведь, часто жестоко наказывает не только лиц, но иногда и целые народы, которые — вольно или невольно — грешат против ее законов или пренебрегают ее указаниями.

Что же можно было бы признать главным, наиболее заметным, ясным »знамением« переживаемого нами

времени? По каким наиболее верным признакам можно определить общую историческую характеристику переживаемой нами эпохи?

Для правильного ответа на эти вопросы необходимо обратить серьезное внимание на те явления в жизни народов, которые возникли в результате и после Мировой войны, этой мировой »встряски« государств, народов и классов.

Что же мы видим после войны? Какое наиболее общее состояние умов определяет »генеральную« линию стремлений человечества после страшных военных потрясений? Какие идеи волнуют народы, затронутые в той или иной мере последней Великой войной? Ответ на эти вопросы дает внимательное и вдумчивое рассмотрение самых последствий той войны, тех политических и социальных изменений, правильнее сказать революций среди человечества, которые были ею вызваны.

Главнейшие же явления по-военной жизни в Европе (да и в других частях света) характеризуются как явления, идущие по линии исполнения трех наиболее заметных принципов. Это: общее усиление принципа демократизма (республиканизма!), освобождение социальное и, что для нас особенно интересно, освобождение национальное — расцвет принципа самоопределения народов.

Действительно, во исполнение этих исторических принципов, в по-военное время мы стали свидетелями таких явлений и событий, как крушение династических империй — российской, австро-венгерской и германской; в государствах же, сохранивших династии, права и влияние демократических институтов расширены; все нововосстановленные и возникшие вновь государства приняли у себя демократические, республиканские формы государственного управления. Австро-Венгрия перестала существовать вообще. Россия переживает величайшую в мире политическую, социальную и национальную революцию. На их месте возродились

новые национальные государства: Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехословакия, Венгрия; возродились, хотя и потеряли временно снова свою независимость: Украина, Белоруссия, Казачьи Республики, Грузия, Азербейджан, Армения. Усилились, вследствие распадения двух империй, за счет присоединения территорий с одноплеменным населением Румыния и Сербия — ныне Югославия. В общем, политическая карта Европы была перекроена совершенно по новому и несомненно в пользу возрожденных к новой государственной жизни народов.

Таким образом, самые замечательные политические результаты последней мировой военной бури выразились, главным образом, в образовании совершенно новых государственных организмов и в возрождении к самостоятельной жизни многих народов. Исторический процесс последнего времени развивается, как видим, по линии освобождения человечества, и *освобождение национальное* является безусловно наиболее ярким признаком этого процесса. Вполне правильно, поэтому, можно определить общую характеристику переживаемых нами событий, определить то »знамение времени«, которое всегда довлеет в исполняющихся исторических процессах, как *время освобождения народов, огосударствления наций*.

Всякому ясно, что такое сложное явление в сознании и политической жизни человечества не могло возникнуть вдруг. И мы действительно видим, что национальные освободительные движения среди народов Европы характеризуют уже прошлый XIX век. Ход европейской истории в XIX веке определенно наметился по этой »тенденциозной« линии и ясно обозначил дальнейшее направление и развитие этой линии, ибо в следующем, XX веке, общий исторический освободительный процесс быстро усиливается и осуществляется.

Национальное самосознание решительно и непреодолимо захватывает более и более широкий круг народов. Одни из них раньше достигают своего освобож-

дения и создания собственных независимых государств, другие — позже, но исторический путь развития и прогресса для всех их начертан одинаково. Наше время еще раз подчеркнуло, что только этим путем идет современное человечество к усовершенствованию общественных и государственных форм в своем развитии.

В последнее время, свидетелями которого суждено быть и нам, сознание исторического принципа освобождения народов, как современной исторической задачи, докатилось уже и до границ России, державшей под своей властью многие и многие народы. Революция 1917 года, естественно, дала могучий толчек всем этим народам к проявлению ими своей собственной воли. И действительно, в 1917 и последующие годы все народы б. Р. И. проявили свою настойчивую волю к самоопределению. Народам по западной границе б. Р. удалось сохранить свою государственность. Народы же юга и востока б. Империи, задавленные нашествием русских большевицких армий, не смогли удержать за собою добытую ими свободу. Но, несомненно, временное торжество сегодняшних победителей не в силе сломить у порабощенных ими народов воли к освобождению. Упорная кровавая и жертвенная борьба этих народов за свои естественные человеческие и национальные права, их глубокая вера в новое освобождение, а к тому — лихорадочная деятельность и подготовка к борьбе грядущей — свидетельствуют не о сломленности и понижении их воли, а, наоборот, о необыкновенной ее концентрации и напряжении.

Итак, наша эпоха, наше историческое время — это эпоха и время освобождения народов и осуществления ими своего государственного суверенитета. Под этим »знамением времени« совершается развитие современного исторического процесса и социологического прогресса человечества. Не чувствуют, не понимают этого лишь те (как из отдельных людей, так и из народов), которые ослеплены своими собственными, чисто эгоистическими интере-

сами сегодняшнего дня и не способны, вообще, быть чувствительными к совершающимся вокруг них событиям. Умышленное затушевывание или отрицание этого »знамения времени« служит ясным выражением прикрытого желания у господствующего народа удержать за собою, продлить власть над порабощенными народами. Но, законы жизни — непобедимы и бескомпромиссны; исторический ход их неотвратим; остановить или изменить их человеческая воля так же бессильна, как бессильна остановить или изменить вспять ход времени. Закон должен быть исполнен. Исторический процесс — совершен. Национально осознавшие себя народы должны быть и будут рано или поздно освобождены и огосударствленны.

Выходя из такого, единственно правильного понимания этого общего, совершающегося на наших глазах процесса, необходимо и Казачеству задуматься о своей судьбе и определить свое место в системе совершающихся событий, найти свое место в историческом процессе, ибо, чем скорее совершится уразумение и полное осознание Казачеством своих собственных жизненных задач, тем лучше для него же.

Со всей решительностью в последнее время вопрос о судьбе Казачества поставила российская революция; вернее — само Казачество во время революции выдвинуло этот вопрос, как основной и долженствующий определить дальнейшее его историческое бытие. Когда, вследствие революции и уничтожения царской власти, Российская Империя развалилась, пробудилось от долгого, более чем двухсотлетнего сна и Казачество. Решение вопроса о своем собственном »быть или не быть«, о своей дальнейшей судьбе и об избрании верного пути к достижению своих собственных целей — явилось для Казачества, во время необыкновенных политических потрясений, крайней необходимостью, диктовавшейся и временем и обстоятельствами, сложившимися на Востоке Европы.

Целый ряд народов во время революции отделился

от России и провозгласил свою государственную независимость. Российское Временное Правительство, а затем и советское настойчиво продолжает политику порабощения народов и вооруженной силой вновь загнало некоторых из них за стены »тюрьмы народов«.

Перед Казачеством уже в самом начале революции во всей широте стал вопрос — по какому пути идти? Здоровый, живой дух свободы и инстинкт самосохранения, как и верная оценка своих интересов подсказывали Казачеству путь самоопределения.

Ясно, что все казачье движение, получившее толчок во время российской революции, вызвано было как казачьим сознанием, так и логическим ходом развивающихся исторических событий — как во время самой революции, так и после нее. Казачество, как и всякий живой организм, чувствующий или сознающий опасность уничтожения, со всеми своими возможными силами ринулось в борьбу, дабы охранить свое право, свою мысль, свое чувство и волю от чужих посягательств. Правда, внешние обстоятельства не совсем благоприятствовали этой борьбе и вследствие этого Казачество понесло на первый раз поражение. Замешательство, внесенное на первых порах в казачьи ряды русским революционным обманом, и случайное, не связанное органически с Казачеством концентрирование »белого движения« на Казачьих Землях сильно затруднили Казачеству борьбу за свой порог и угол. Наплыв и нагромождение чужих, посторонних влияний и идей, а то и просто внешнее давление чужих воль, пересекавшихся на Казачьих Землях, помешали всему Казачеству в целом ясно осознать свою собственную идею освобождения и проявить свою собственную сконцентрированную волю к ее реализации.

Вследствие всего этого, воля и сопротивление Казачества были сломлены. Борьба, ведшаяся разбросанными силами, не об'единенными одной идеей всеказачьего освобождения; борьба, ведшаяся под разными, иногда навязанными, часто совершенно чужими Ка-

зачеству лозунгами, а не под единственным собственным лозунгом единения и освобождения Казачества — естественно должна была быть проиграна.

В результате проигранной борьбы на Казачьи Земли навалилось наигоршее из всех — большевицко-коммунистическое порабощение. На родных своих полях, политых кровью и потом многих поколений, Казачество не является ныне хозяином положения, там царствует чужая, беспощадная, оккупационная власть, а само Казачество уничтожается, на его место приходит чужое, русское население: Казачьи Земли колонизуются... Та же часть Казачества, которая активно участвовала в борьбе, принуждена ныне влачить свое существование в изгнании, на чужбине.

Вот результат наших несогласий и политического разнобоя среди Казачества в недалеком прошлом.

Уже одно ясное сознание некоторых своих прошлых ошибок или »ошибок« некоторых своих вождей, зараженных все еще российским единонеделимчеством, способно внушить Казачеству естественную мысль о том, что вся судьба его, все его будущее зависит единственно от него самого, от его разумной и верной оценки своих собственных интересов, от чувства теснейшего кровного единения всего Казачества (понимаем под этим все население Казачьих Земель, за исключением »колонистов« и пришельцев революционно-большевицкого времени) и от сильной, сконцентрированной в одном стремлении воли.

Никакое »применение к местности« под чужую диктовку, никакое исповедание чужого »верую«, никакое увлечение чужими идеалами, никакое пролитие крови в рядах чужих бойцов и за чужие интересы, — словом, никакие самые искренние и большие жертвы на чужой алтарь — Казачества не спасут. Вся кровь, мозг и сила Казачества, отданные чужим богам, напрасны, бессмысленны и ненужны. Таков закон жизни: кто не постоит за себя сам, за того никто не по-

стоит; кто не называет себя собственным именем сам, того чужие тоже по правде не назовут.

Спасение Казачества, его культурное и политическое развитие, его национальное возрождение, словом, вся его историческая жизнь в дальнейшем должна зависеть от самого Казачества, иначе — гибель ему. Наше время — время освобождения народов; время упорной, жертвенной борьбы народов за свою свободу и место под солнцем; время суровое и беспощадное. Какой из народов не сознает своего национального »я«; кто не умеет пользоваться своей силой; кто отказывается сам от всех своих прав и борьбы; кто не способен чувствовать врага и легко может быть введен им в заблуждение; кто, наконец, обладает мягким, сентиментальным характером, ведущим к вредным для него компромиссам, и не способен проявить твердую, настойчивую волю, — такой народ обречен и наперед осужден на политическую смерть. Отказывающийся от борьбы за свое национальное лицо народ сам изрекает над собой осуждающий приговор истории — он будет уничтожен, имя его исчезнет и забудется; на его трупе встанет торжествующий победитель; разложившиеся его соки будут питать чужую жизнь, а его разрушенная самобытная культура послужит лишь удобрением для роста культуры чужой.

Может ли, хочет ли по такому пути самоуничтожения идти Казачество? Ответ, мы уверены, для всех казаков, сознающих и чувствующих себя действительно казаками, может быть лишь один — ясный и решительный: Казачество не хочет самоуничтожаться; Казачество хочет жить и за свое право жить по своему готово на борьбу. Исходя из этого единственного, естественного и вполне понятного ответа, все Казачество должно стать под одни свои знамена и все свои силы и способности отдать для достижения с в о е й ц е л и.

А если так, если вся историческая судьба Казачества зависит от него самого; если лишь оно само может быть источником и средством своего полити-

ческого, культурного и экономического возрождения и развития, то для него единственная форма, в которой может вылиться полная независимая Воля Казачества к осуществлению своих идеалов возможна лишь — наивысшая социологическая форма современного человеческого общежития — форма суверенной государственности. Лишь владение собственным государством и техническим государственным аппаратом может дать Казачеству полную возможность высказывать свою волю по всем собственным жизненным вопросам и обеспечить ему практическое решение и осуществление их. Не создав своей государственности, Казачество тем самым обрекается еще на продолжительный период упорной, затяжной борьбы за свою самобытность, за сохранение себя от различных, враждебных ему опытов и экспериментов, которые будут диктоваться и проводиться на его землях чужой волей.

История нас учит, что всякий народ, как бы высоко не было развито его национальное сознание и чувство, но если воля его сломлена и неспособна к борьбе за свою государственность — такой народ еще не бывает свободным. Только с достижением государственности приобретается наивысшая форма национальной свободы. Потому то и понятна у каждого народа, стремящегося к своему возрождению, такая непреодолимая жажда своего собственного огосударствления, как последней цели освобождения.

Действительно, лишь государственный суверенитет для каждого народа является последним пунктом его освободительных стремлений и вместе — первым этапом, с которого начинается его подлинное национальное развитие. Через национальное сознание и чувство — к проявлению воли к государственности; через государственность — к полному расцвету сил и способностей нации. Таков путь »исторических« народов. По этому пути должно идти и Казачество, если оно способно и хочет жить.

Итак, Казачество все свои силы должно сосредоточить на создании своего собственного независимого государства — Казакии. Казакия, как самостоятельное, независимое, суверенное государство всех Войск Европейского Казачества есть единственный залог полного сохранения Казачества, его благополучия и всемерного развития. И единственно Казакия должна быть наивысшим политическим идеалом каждого казака, кому не чужда судьба его народа и стремление к его лучшему будущему.

И несомненно, что основную и инициативную роль в деле духовного возрождения, политического освобождения и самоутверждения в государственности — в строительстве Казачьего Государства — должны взять на себя казаки, как наиболее сплоченный, исторически самобытно законченный и сознательный коллектив на территории Казачьих Земель.

. . . . . .

Вступая в четвертый год своего существования, »В. К.« еще выше поднимет развернутое 10 декабря 1927 года знамя возрождения и освобождения Казачества, знамя будущей Казакии.

... Есть пылкая любовь; есть львиная нас лава;
В груди бойцов, создавших этот Храм,
Есть вера, что зовет нас дедовская слава
И воля-вольная... Чего ж бояться нам?..
Настанет день — мы сбросим шлем с лица
И встанем в рост со всей кипящей местью,
С решимостью идти вперед и до конца —
Иль на щите, иль со щитом и честью!
Пусть много мук лежит в рассвете воли,
Без края — путь к отчизне в черной мгле...
И если смерть нас ждет — мы ляжем в чистом поле,
А если жизнь — то на родной земле!..

И. М. Назаров („ВК“ № 101).

BIBLIOTHÈQUE RU
TOURGUENEV
9, Rue du Val-de-Grâce

V.

На пороге пятого года.

10 декабря 1931, № 94.

Четыре года. При молодости казачьей периодической прессы вообще, а эмигрантской тем более, — срок достаточный для того, чтобы говорить о результатах и, оглядываясь на пройденный путь, совершенно сознательно строить планы на будущее. Четыре года тому назад, выпуская первый номер »В. К.«, мы могли только верить в успех Казачьей Идеи среди казаков; — сейчас, на пороге пятого года, накануне сотого номера нашего журнала мы можем уже и рассчитывать, ибо дело В. К. стало реальным не только в среде казачьей, но и вне ее.

Припомним — в какой обстановке мы начали.

Казачья политическая мысль ко времени последней освободительной борьбы не была ясно отчеканенной, казачья политическо-государственная программа признавалась не всеми и казаками. Все это привело к раз'единению Казачества, — к тому, что когда над Казачьими Землями нависла угроза самому бытию Казачества, когда одни казаки стали в наступившей смертельной схватке с поработителями за интересы и правду казачью, другие пошли с русскими »белыми«, третьи — с русскими »красными«. За все это заплачено потоками казачьей крови. В самом процессе борьбы процесс политического самосознания развернулся бурным темпом, и из трех »ориентаций« казачью массу победила одна — своя: казачье начало торжествовало. Но, казачья сила была уже истрачена на чужое дело. Пришло поражение, а с ним вместе и дезорганизация духа.

На Черноморском побережьи казачьи самостийники (фактически) потерпели большее поражение (физическое!), чем единонеделимцы, которые нашли убежище и в Крыму.

»Крымский период« усилил влияние русских »белых« и их сторонников среди казаков. Падение Крыма — новый удар, окончательный удар тем, кто верил в »белых«.

Исход в эмиграцию только усилил у казаков в первое время и дезорганизацию духа и дезориентацию мысли.

Первые семь лет эмиграции (1920-1927). За эти первые семь лет все возможные казачьи несамостийные группировки — от единонеделимцев безоговорочных до федералистов — попробовали свои силы на казачьей душе (чувстве) и на казачьем политическом сознании (разуме). За эти семь лет мы видели на политической работе: и бескомпромиссных единонеделимцев всех оттенков, и автономистов, и федералистов. Политические организации и неполитические »общества« и »союзы« боролись за душу и тело казачье. Организации »правительственные« и »общественные« — все были, все пытались. Давно все это отошло в область преданий или »существует« и до сих пор — без жизни и без надежды жить.

В течении первых семи лет эмиграции, в совершенно свободных политических условиях, когда для мысли — по крайней мере — был полный простор, испытали свои силы казачьи несамостийники всех разновидностей и... кончили бесславно.

Не будем вспоминать здесь ни блаженной памяти »Союза Возрождения Казачества«, прилепившегося к русским эсерам и умершего так, что никто этого и не заметил; ни отколовшегося от него »Союза Единство Казачества«, отцветшего, не успевши расцвесть; ни »Общеказачьего с-х союза«, ни других каких »организаций« и группировок или прессы их — всех этих »Казачьих

Слов«, »Казачьих Дум«, »Казачьих Лав«, »Казачьих Путей« и »Путей Казачества«, и многих других. Не будем говорить и о существующей еще фикции — »Казачьем Союзе« — и его постепенно умирающем органе »Р. К.«

— Вся работа тех организаций и группировок не принесла Казачеству ничего положительного, не вывела казачьей эмиграции из состояния дезорганизации и дезориентации. Почему? — потому, что никто из них не поставил казачьего вопроса, как вопроса самого по себе; потому, что ни для одной из них казаки и казачий вопрос не были самоцелью, а только придатком другого »большего« вопроса; потому, что каждый из них в конечном счете предлагал одного и того же »хозяина«, только, может быть, в разных видах и с разных сторон. Конечно, увлечь это никого из казаков, по крайней мере тех казаков, которые не отказались мыслить о казачьих делах своей собственной головой, и болеть о судьбе Казачества своей казачьей совестью, не могло.

И все эти »организации« и »программы« — в лучшем случае — не оставили после себя ничего, в худшем — недовольство и недоверие казаков ко всякой новой политической инициативе. Относится это одинаково и к организациям политическим и к формально неполитическим, но по существу — политическим группировкам, прикрывавшимся формальной аполигичностью возглавляемых ими организаций, чтобы тем легче вести свою политическую работу »без конкуренции«.

Интересно отметить, что умерли не только те организации (несамостийные), но забыты и их программы. Или, вернее, организации те умирали потому, что умирали, были нежизненны их программы. Не составляет исключения из этого общего правила и единственная, формально еще существующая »организация« Атаманов — ОСДКТ. Автономно-федералистическая программа ОСДКТ давно уже не вспоминается даже ее авторами, безоговорочно идущими в »сфере влия-

ния« русских эмигрантских »белых сил«, для которых никакого казачьего вопроса не существует. Судьба атаманской »федерации« — лишнее свидетельство для казаков того, чего они могли бы ожидать в будущем и от всякой другой федералистической программы.

Подчеркиваем: первые семь лет эмиграции достаточно изверили казачью душу в том, что со стороны официального казачьего возглавления или из среды общественно-политических кругов, игравших недавно еще »руководящую« роль там, — что с той стороны может раздаться призыв к подлинно казачьему делу.

Есть еще одно обстоятельство, в значительной мере вообще отягощающее политическую работу в казачьей среде. Это — отсутствие у казаков навыка (опыта) в политической деятельности, отсутствие своей »политической школы« в прошлом, разрыв традиции непосредственной политической борьбы.

— Все это, вместе взятое, создавало довольно тяжелую обстановку и для В. К. в момент его появления в конце 1927 года. Эта обстановка в значительной мере наложила свой отпечаток на первый, »зародышевый« период работы В. К. Эта же обстановка предопределила и путь развития и роста В. К., его деятельность и формулировку его программы.

Программа В. К. — программа национального возрождения и освобождения Казачества и образования союзного казачьего государства — Казакии, — программа широкая и всесторонняя. В первой своей части — возрождение и освобождение — она вообще не могла бы быть уложена в пункты и параграфы. Во второй части — образование Казакии — она должна охватывать: путь (способ) создания, основы (по крайней мере) Конституции, т. е. государственного устройства будущего казачьего государства и решение в ней основных вопросов государственно-политических, социальных и экономических.

Все эти вопросы имеют тесную связь одни с другими, но в наших условиях мы можем »чередовать«,

и формулировать их постепенно, т. к. было бы практически невозможным дать наперед исчерпывающую формулировку всех вопросов программы в целом. Считаем необходимым оговориться по этому вопросу более подробно.

Если ставить нам, казакам, свой программный вопрос во всей его широте и во всем его об'еме, — а иначе ставить его нет и смысла, — то программные трудности об'являются не только в том, чтобы национальную казачью программу правильно, вернее — удачно формулировать, выразить так, чтобы она действительно стала на все — ближайшее по крайней мере — будущее евангелием, катехизисом казачьего дела. Мало предложить программу. Надо обеспечить и ее приятие (т. е. надо сначала выполнить огромную подготовительную работу). Но мало и этого, — мало того, чтобы программа была принята, — надо, что самое главное, чтобы принявшие ее захотели и осуществить ее, претворить ее в жизнь, не останавливаясь ни перед чем — ни перед трудностями, ни перед жертвами.

Было бы весьма не легким делом писать программу национального возрождения Казачества, ибо... вся она вкладывается в одно предложение: возродить Казачество национально — это значит — разбудить его национальное чувство, вызвать его к жизни, заострить и во внутрь, и во вне. Короткая формулировка и — весьма длительное осуществление, ибо это значит — создать свою национальную интеллигенцию и соответствующим образом перевоспитать целое поколение, — задача не только длительная, но и трудная. — Наши читатели, а прежде всего наши сотрудники пусть скажут сами, если и что нам удалось уже сделать на этом пути.

Еще короче формулировка программы Освобождения, ибо в действительности это есть организация борьбы за освобождение. Удачное решение этой задачи зависит почти исключительно от того, как успешно будет протекать процесс пробужде-

ния национального казачьего самосознания. Ибо осуществление обеих этих задач может и должно быть делом только рук самих казаков.

Отдавая себе ясный отчет в основных задачах, стоящих перед Казачеством на пути к его национальному освобождению и хорошо зная обстановку — дезорганизацию духа и мысли, как результат поражения в недавней борьбе и там — под влиянием террора завоевателей, и здесь — в условиях рассеяния и борьбы за влияние на казачьи души разного рода единонеделимцев — своих и чужих, — мы и выдвинули в первую очередь резко и определенно немногие, но общие и кардинальные вопросы политическо-национальные. Первая наша задача была: организация казачьего духа, организация казачьей политической мысли. И сейчас мы можем заявить, с полным сознанием ответственности за такое заявление, что эту задачу нам разрешить удалось: из состояния депрессии и хаоса — казачья политическая мысль выведена на прямую и широкую дорогу национального возрождения и освобождения и на дороге этой поставлены ясные, точные и определенные вехи. С этой дороги Казачество уже не может свернуть.

Мы уверены, что постепенно удастся нам разрешить и вторую задачу, стоящую перед Казачеством, а прежде всего перед казачьей эмиграцией — организацию казачьей воли — из политической толпы создать политическую армию.

Наша работа (пропаганда и организация) идут рядом и одновременно с формулировкою нашей — в. к. — программы. Сейчас мы можем говорить уже и о некоторых деталях. Успех в. к. движения среди Казачества позволяет нам сделать следующий шаг в формулировке нашей программы: через месяц, в новогоднем номере журнала »В. К.« мы предложим проект Конституции будущей Казакии, как основную, центральную часть в. к. программы в вопросе о создании казачьего государства.

Мы имеем основания утверждать, что этот наш путь — сначала основное, главное, общее, а потом частности и мелочи — этот метод в нашей работе разделяется всеми в. к. Если бы мы избрали путь обратный и с первого же дня предложили детальную, уложенную в пункты и параграфы программу, — больше чем вероятно, что мы потерпели бы неудачу. Одни бы увязались в бесконечные споры о мелочах, для других тогда (вначале) было многое неприемлемо то, что сейчас они уже исповедуют, как свое. Да и кто мог бы создать программу в таком идеальном виде, чтобы она »сразу годилась«?

Родившись, программа должна расти и развиваться вместе с ростом и развитием движения. Тогда программа создается по частям и в создании ее принимает участие весь творческий коллектив движения. Сначала — общие лозунги, потом — тезисы программы, и только потом — подробная программа.

Трудность нашей (программной) задачи заключается и в том, что нет — и не может быть! — »шаблона« для нашей программы. Программа в форме и виде программы »партийной« — »узка« и наши цели и задачи в такие формы не уложишь: программа национального освободительного движения ш и р е программы всякой партии, борющейся за то или иное устройство государства уже существующего. Часть своей задачи мы и решили так, что решили составить проект Конституции казачьего государства — Казакии — и этот проект сделать основным пунктом политическо-освободительной программы В. К.

Итак — э т а п ы нашей программы: возрождение и освобождение Казачества и создание Казакии.

Следующий основной, не менее главный вопрос нашей программы — к а к о й Казакии, к а к должно создаться и к а к о в должен быть государственный строй нашего казачьего государства? — Ответить на этот вопрос мы и постараемся в проекте Конституции Казакии.

Ясно, что Конституция не может охватить всех сторон государственной жизни или нормировать в деталях такие сложные вопросы, как, положим, социальные и экономические. Такие вопросы внутренней жизни государства решаются потом »реальным соотношением сил«, а в подлинно демократическом государстве, каковым мы мыслим себе Казакию, соглашением, компромиссом разных частей (классов) населения (надлежащая организация законодательства и власти). Казаки должны будут, конечно, определить и свою »социальную природу«, и свои интересы, и свое положение (место) в своем государстве, в котором им будет принадлежать большинство. А так как в общественной и государственной (политической) жизни государства роль можно играть и свои интересы защищать только будучи организованным (в политические партии), то казакам, а в первую голову казачьей эмиграции надо думать теперь уже о том, какую именно партию у себя на родине они создадут. К этой теме мы еще вернемся для более подробного ее освещения, сейчас же только посоветуем всем казакам присматриваться к заграничной партийной жизни, а особенно изучать партии земледельческие, ибо несомненно, что казачья (как и вообще всего земледельческого населения будущей Казакии) партия будет з е л е н о г о цвета.

Дальнейшим нашим программным большим вопросом является вопрос с о с е д с к и й: размежевание и установление тех или иных взаимоотношений со своими соседями. Общая »директива« в этом вопросе уже изложена нами в номере 72 »В. К.« Остается только подчеркнуть, что наиболее спорные »пограничные« вопросы не могут быть, конечно, решены заграницей, хотя мы с своей стороны сделаем все для того, чтобы создать обстановку для наиболее безболезненного будущего окончательного решения таких вопросов там. Конечной целью в этом вопросе нашей программы является не только установление добрососедских отношений со всеми нашими соседями, но и создание общего

с ними союзного фронта в борьбе за свою свободу и независимость.

Четыре года издания журнала »В. К.« и те результаты, которых уже сейчас достигло вольно-казачье движение, свидетельствуют бесспорно, что казаки способны к активной политической борьбе за свою свободу, за свое право, за свою жизнь, за свое историческое будущее. Они не все еще встали к этой борьбе, они не все еще собрались под знамена В. К., но будем верить, что наша программа, наша работа и наша пропаганда скоро найдут путь и к их казачьим сердцам, к их казачьей совести, к их казачьему сознанию, — разбудят их и приведут в одну великую вольно-казачью семью. Да будет так.

Вступая в 5-й год издания, мы будем с еще большими усилиями продолжать начатую работу на всех наших направлениях, всегда памятуя — бдите убо... И — дай Бог, чтобы мы, казаки, были готовы к тому моменту, когда будущие события поставят перед нами еще раз возможность осуществления самого важного, самого заветного, самого основного.

Призывая в. к. памятовать о Казачестве, мы зовем их к дружной, самоотверженной и непрерывной работе и борьбе за осуществление наших идеалов.

Вперед по намеченному пути!

. . . . . .

Прийде щастя юнакові,
Прийде Доля козакові, —
Знову гай зазеленіє,
Знову нива зчервоніє,
Встане Лицарь — стрепенеться —
Ворог кровью обіллється.
Встане Воля — роскується —
Степ козачий усміхнеться.

О. Кокунько (†) („ВК“ № 12).

VI.

Наши предпосылки в прошлом.

25 июня 1928, № 14.

Великие политическо-государственные идеи не родятся сразу готовыми во всей своей совершенной законченности и окончательной формулировке. Тем меньше сразу получают они полное осуществление в действительной жизни. Но, когда какая нибудь идея, раз родившись, настойчиво »живет« и развивается и, несмотря на видимые неудачи, постоянно возрождается снова и снова, то это значит, что идея сама по себе жизненна, что рано или поздно она восторжествует.

Одной из таких идей, одной из политическо-государственных концепций, которая на протяжении последнего десятилетия несколько раз уже возрождалась, росла, проявляла явное стремление к развитию и не только никогда не умирала, но, наоборот, каждый раз подчеркивала элементы своей здоровой жизненности, — есть идея создания союза казачьих государств-республик, расположенных между Черным, Азовским и Каспийским морями, от Дона до Яика. Будущее, которое наступит после освобождения этих Земель из под власти нынешних их завоевателей, докончит, очевидно, формулировку этой идеи осуществлением ее в действительности. Не лишним, поэтому, будет проследить хотя бы в общих чертах зарождение и историческое развитие этой мысли, которая все равно должна будет занять соответствующее внимание Казачества и теперь и в будущее время грядущей борьбы за освобождение.

Когда в 1917 году начали вырисовываться общие контуры исхода революционных событий в направлении

разрешения национального вопроса народов б. России в смысле национального самоопределения и государственной самостоятельности, когда эти идеи начали постепенно овладевать событиями и в Казачьих Землях, когда Кубань и Дон (прежде всего) начали формироваться и складываться по их собственному почину в самодовлеющие государственные организмы (в понимании 1917 года — Штаты будущей Российской федерации, — тогда, в 1917 г., все народы б. России стояли еще на почве федерации), — тогда уже зародилась и другая идея, много раз потом повторяющаяся, идея создания Юго-Восточного Союза казачьих и неказачьих государственных образований.

Созданная весною 1917 года практически необ'ятная идея союза всех казачьих Войск начинает осенью того же года замирать. Идею союза всех казачьих Войск сменяет более жизненная мысль создания соглашения между Казачьими Землями и Народами, живущими с нами по соседству, в границах между Доном, Кавказом, Каспийским морем и Яиком, т. е. между Краями, которые кроме того, что имеют или могут иметь общие политические, экономические, национальные или другие какие ингересы, являются еще и территориальными соседями, непосредственно граничат друг с другом, так что та или иная политическо-государственная комбинация их имеет под собою такой существенный аргумент, как компактная и неразрывная территория.

Идея Юго-Восточного Союза в 1917 году наиболее горячих сторонников нашла на Кубани, которая тогда уже была более радикально настроена со своим федерализмом против автономизма тогдашнего правящего Дона. Инициативу практического осуществления идеи Ю.-В. Союза взяли на себя тогда кубанцы.

Первая конференция представителей казачьих и горских государственных образований, предрешившая образование Ю.-В. Союза, состоялась в Екатеринодаре 20-24 сентября (ст. ст.) 1917 г. Последовавшая затем

вторая конференция во Владикавказе в середине октября приняла уже и договор — конституцию »Юго-Восточного Союза казачьих Войск, горских народов Кавказа и вольных народов степей«. Хотя во главе Союза, согласно конституции его, становилось особое правительство — союзная власть, но по существу Союз представлял собою скорее целевое соглашение, чем государственное образование.

Характер и задачи Союза предопределялись несомненно и теми многочисленными побудительными причинами или большими »больными« вопросами того времени, которые стояли тогда перед каждым из участников Союза в отдельности и перед всеми ими в целом. Сепаратизма тогда еще не было, все народы и казачьи Земли в том числе становились в то время еще только на путь федерации. Но уже распространено было среди Казачества опасение за свою судьбу и за будущее своих Земель перед »Всероссийским Учредительным Собранием«; уже тогда нескрываемо выявлялось сильное желание уйти от чрезмерной »опеки« Москвы, освободиться не только политически, но и экономически. А раз принималась тогда еще формула сохранения б. Р. империи в виде Всероссийской федерации, — было естественным желание федералистов организованно оказать влияние на установление желательного государственного строя будущей России.

В последующем оказалось, что Ю.-В. Союз сколько нибудь значительной роли не сыграл. Нельзя, конечно, неудачу эту отнести за счет нежизненности самой идеи государственного сотрудничества в той или иной форме участников Союза — донцов, кубанцев, терцев, калмыков и др. Несомненно, что вопрос о союзе поставлен был раньше времени, раньше, чем окончательно самоопределились, выкристаллизовались сами участники его. К тому же в то время члены Союза слишком заняты были каждый своими внутренними делами, бывшими у всех тогда, осенью 1917 года и следующею зимою, в далеко не блестящем положении.

Идея бывшего Юго-Восточного Союза, как будущего Штата Всероссийской федеративной республики, не удалась, т. к. не осуществилась прежде всего сама »Всероссийская Федеративная Республика«. Но идея соглашения или государственного союза Казачьих Земель и других степных народов между собою не умерла, она уже в следующем году возродилась в форме »Доно-Кавказского Союза«, инициатива которого исходила от донцов.

Если »Юго-Восточный Союз« не разрывал с Россией (в 1917 году ни один народ, добившийся после государственной самостоятельности или еще ее добивающийся сейчас, на путь полного сепаратизма еще не стал, — Украина провозгласила свою самостоятельность 22 января, Грузия 26 мая, Армения 28 мая, и т. д., — все в 1918 г.), если целью его было перестроить »единую, неделимую« Россию на федеративную республику, то »Доно-Кавказский Союз« должен был провозгласить себя и формально (хотя по мысли его инициаторов и временно!) суверенным, т. е. независимым государством. Статья первая проекта Доно-Кавказского Союза гласит: »Доно-Кавказский Союз состоит из самостоятельно управляемых государств: Всевеликого Войска Донского, Кубанского Войска, Терского Войска, Астраханского Войска и Союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана, соединенных в одно государство на началах федерации«.

Проект Д.-К. Союза уже ничего не говорит о России. Статья двенадцатая проекта говорит: »Доно-Кавказский Союз, провозглашая себя самостоятельной державой, об'являет вместе с тем, что он находится в состоянии нейтралитета, не будучи в положении войны с какой либо державой мира, борется лишь с большевицкими войсками, находящимися на его территории«.

Доно-Кавказский Союз остался только проектом, он так и не вышел из стадии переговоров, т. к. Кубань в это время была связана по рукам и по

ногам Добрармией, а командование Добрармии, в лице ген. Деникина, заняло к проекту Союза резко-отрицательную позицию. Без Кубани же, второй, после Дона, основной составляющей проектировавшегося Доно-Кавказского Союза, он, конечно, осуществиться в действительности не мог.

Дальнейшей попыткой сговориться и установить взаимоотношения между Доном, Кубанью, Тереком была так наз. »Южно-Русская Конференция« 1919 года. Собственно говоря, в начале это не была »Южно-Русская Конференция«, а конференция Доно-Кубано-Терская, созванная для того, чтобы в первую очередь разрешить проблему Казачьих Земель-Республик, а затем уже определить и общее отношение их к делу Добровольческой армии, установить взаимоотношения с ее руководителями. И только после убийства председателя кубанской делегации Н. С. Рябовола задачи Конференции были несколько изменены и ей был придан »Южно-Русский« характер, с непременным »руководящим« участием Добрармии с тем, чтобы и будущее возглавление создаваемой »Южной России« принадлежало не только фактически, но и юридически возглавлению »Вооруженных сил Юга России«. »Южно-Русская Конференция« окончилась неудачей; ген. Деникин так и не получил никакого правового титула, который бы »по закону« ставил его в каком бы то ни было отношении над Казачьими Республиками.

Неудачу Конференции, которая первой своей задачей имела сговор Дона, Кубани и Терека, следует отнести прежде всего на счет упомянутого уже слишком поспешного изменения ее первоначальных задач. Весьма возможно, что если бы возглавление Добрармии не вклинилось (или не было вклинено) в начинавшееся дело (возрождалась здесь, конечно, все та же идея, хотя и в измененной несколько форме, которую мы видели уже и в »Юго-Восточном Союзе« и в »Доно-Кавказском Союзе«), — может быть Казачьи Земли тогда уже договорились бы между собою более определен-

но и, весьма возможно, этот сговор оказал бы свое влияние на последующий ход событий, результаты которых, вероятно, были бы иные.

Небезинтересным будет здесь отметить и одну характерную »деталь« этой Конференции. Тот новый характер Конференции, какой придан был ей после смерти Рябовола, не отвечал настроениям и интересам Кубани. Кубанцы прекрасно видели тогда уже, что »торжество« Деникина в »Южной России« несет гибель Казачеству и потому руководящая часть кубанской делегации, хорошо зная, с кем она будет иметь дело, приняла для себя (по соглашению с руководящими кругами Рады) решение, что она воспрепятствует всякому проекту, который в какой бы то ни было форме ставил Кубань (а, значит, и Дон, и Терек) в политическую или другую какую зависимость от Добрармии. Зная своих »контрагентов«, кубанцы решили, что цели они своей достигнут (т. е., чтобы нежелательное соглашение не было осуществлено), если будут на Конференции защищать **настоящую** федерацию. Средство оказалось прекрасным. Семь месяцев защищали казаки свои федералистические тезисы против представителей »Особого Совещания« — правительства главного Командования Вооруженными Силами Юга России. Так ни с чем и разошлись, — хороший пример для некоторых наших теперешних федералистов.

Последней попыткой найти общий язык между Доном, Кубанью и Тереком еще там, на своей Земле, был »Верховный Круг Дона, Кубани и Терека«, созванный в январе 1920 г. в Екатеринодаре.

Когда начала выясняться »неудача« »Южно-Русской Конференции«, кубанцы попробовали еще раз сговориться непосредственно с донцами и терцами, помимо »особого Совещания«. По инициативе Кубанской Законодательной Рады был поставлен, а донцами и терцами принят вопрос о созыве »Верховного Круга«, построенного по Союзному принципу — равенства представительства.

»Верховный Круг Дона, Кубани и Терека« собрался в Екатеринодаре 5 января 1920 г., но Дон в это время снова был оккупирован большевиками, война переносилась в пределы Кубани, плохо было на Тереке и над возможными решениями Верховного Круга тяготела уже приближавшаяся военная катастрофа. И на этот раз Казачество не имело свободных рук и не могло говорить друг с другом так, как того бы хотело.

Круг принял Положение о Верховном Круге, начинавшееся торжественным:

»Мы избранники Донского Войскового Круга, Кубанской Краевой Рады и Терского Большого Войскового Круга, в тяжелый исторический момент, когда купленной потоками крови свободе и самому существованию всего населения грозит гибель, собрались в Екатеринодаре для организации решительной борьбы против большевиков и очищения от них наших территорий, защиты от разгрома родных очагов, установления внутреннего спокойствия и обеспечения свободы и права, берем в свои руки Верховную власть по делам общим для Дона, Кубани и Терека и устанавливаем следующее положение о Верховном Круге:

Верховный Круг является полномочным представительством государственных образований Дона, Кубани и Терека и ставит себе задачи:

а) установление Союзного Государства, составленного из указанных выше территорий, с возможностью расширения пределов Союзного Государства включением новых областей на основах союзной конституции и по свободному волеиз'явлению населения тех областей;

б) создание союзной власти...

Но было уже поздно.

Приняв это положение, Верховный Круг не имел силы и возможности осуществить его в жизни. В дело

Верховного Круга вмешался ген. Деникин и... повторилась »Южно-Русская Конференция«. Начались бесконечные споры о »южно-русской власти«, о законодательной или законосовещательной власти Народного представительства, потом — вынужденное »соглашение«, после этого — снова разрыв.

Далее катастрофа: для одних — оккупация, для других — изгнание.

Все упомянутые выше попытки осуществить идею Союза казачьих государств-республик не увенчались успехом, но та настойчивость, с которой сама идея, после каждой неудачи, возрождалась вновь в новой форме, служит лучшим доказательством, что в самой идее есть здоровое, жизненное начало, имеющее свое будущее.

Все попытки, о которых мы говорили выше, имели место в то время, когда события, стоявшие перед Казачеством или его захватившие, были сильнее самой сильной воли отдельных людей.

Кроме того, и »Юго-Восточный Союз«, и »Доно-Кавказский Союз«, и »Южно-Русская Конференция« — все это было делом рук правящей головки Казачества все равно на Кубани или на Дону. Более широкое участие в осуществлении сговора Казачества приняло само Казачество только на Верховном Кругу.

Безусловно, что рассматриваемую нами идею несколько дискредитировали сейчас там большевики созданием Северо-Кавказского Края и разделом Дона и Кубани. С этим придется считаться, хотя мы и полагаем, что население и Дона, и Кубани, как и др. Земель, сумело и сумеет в будущем правильно разобраться в большевицкой политике, направленной в наших Краях главным образом на ослабление Казачества.

Ныне, вместе с лозунгом освобождения Казачьих Земель из под власти красной Москвы, идея будущего Союза освобожденных казачьих Республик и автономных национальных областей между Доном, Кав-

казом и Яиком — снова воскресает, с той только разницей по сравнению с прошлым, что теперь она становится достоянием широких масс Казачества, а в этом лежит зарука не только живучести этой политическо-государственной концепции, но и залог ее успешного осуществления.

. . . . . .

... Двинулись Ваньки несметною тучею,
Массой давя казаков...
И... подломилася силушка ратная —
Замер, тоскуя, сполох...
Умерла, умерла степь необ'ятная,
Голос свободы заглох.

*

Слушай, Россиюшка, песенку новую —
Песню умерших степей:
На Дон надвинулась крыша гробовая,
Ты — подавала гвоздей!
Что-ж! Забивай! Да гляди, чтоб не гнулися!
Крепче, поглубже их бей!
Бей поскорее, пока не проснулися,
Да зарывай поскорей.
Что, глубоко-то? Гляди, не довольно-ли?
Кликни старуху судьбу!
Гей, навались на Казачество Вольное!..
... Слава народу — рабу!..

Павел Поляков („ВК“ № 3).

VII.

Исполним свой долг!

10 июля 1928, № 15.

В своей борьбе против государственной самостоятельности Казачьих Земель и в походе против самостийников, противники наши — казаки и не казаки — стараются убедить друг друга в том, что казаки никогда самостийниками не были.

Неказаки утверждают, что »широкие массы казачества« (в противовес, очевидно, »кучке« самостийников) одушевлены и об'единены около всеохватывающей идеи автономизма, соединенного с »непреклонной верностью принципу целости России« (»Посл. Новости«).

Некоторые казаки, некогда предлагавшие нашим законодательным учреждениям и сами, как члены этих законодательных учреждений, принимавшие Конституции самостоятельных казачьих республик, присягавшие (не по принуждению!) потом на основании этих Конституций служить только Дону, только Кубани, говорят теперь, что это было и не в серьез, и не на долго... Некоторые из них переходят сейчас на позицию нейтралитета своими заявлениями, вроде:

Ну, что-ж, если казаки сумеют добиться самостоятельности, то мы и против этого возражать не будем.

Так говорят те, кто должен был бы больше всех работать для дела освобождения и восстановления Конституций Казачьих Земель.

Верим, что недалек новый 1917 год, но боимся, чтобы Казачество вновь не встретило грядущие события так же неготовым, как это было в недалеком прошлом. Особенно это касается задач и целей буду-

щей борьбы (без борьбы вообще наш вопрос — вопрос освобождения — не разрешится, речь может идти только о том, меньшая или большая, более удачная или менее удачная она, борьба, будет).

По нашему, задачи эти совершенно правильно в общих чертах формулированы казаками еще летом 1917 года. В доказательство этого и в доказательство того, что казаки были и суть самостийники, мы позволим себе привести свидетельство одного из очень больших противников действительной государственной самостоятельности Казачьих Земель — б. Донского Атамана Краснова, изложенное им в его книжке, посвященной казачьей »самостийности«, написанной еще в 1921 году (изданной ультрамонархическим издательством »Двуглавый Орел«). Генерал Краснов, в ответ на свой вопрос: когда зародилась казачья »самостийность«, рассказывает:

»В это сумбурное время (т. е. летом 1917 года, ред.) я командовал 1-й Кубанской казачьей дивизией. Дивизия была второ-очередная, состояла из пожилых, уравновешенных казаков кубанцев. Но были, особенно среди офицерского состава, и молодые, горячие головы...

Как то, в начале августа, зашли ко мне в сел. Тростенец командиры полков и сказали: — не можете ли вы, Ваше Превосходительство, рассказать казакам о казачьих войсках, их географическом положении, их соотношении с Россией? — А что? — Да среди молодежи упорно сидит мечта о создании отдельного общеказачьего государства, независимого от России, управляемого своими атаманами, со своим старшим атаманом, или советом атаманов. — Да вы сами то как об этом думаете? — Понимаем, что это невозможно... А только хорошо бы это было. Потому что, если эта пакость будет продолжаться, погибнет Россия, погибнем и мы с нею. А так, может быть, своею казачьею республикою и устоим. — Хорошо сказал я.

На 9 августа, в земледельческом училище, в обширном рекреационном зале я назначил сообщение. Казаков собралось, как никогда, много. Я повесил карту Российской Империи, нарисовал на классной доске маленькими квадратами, треугольниками, линиями и точками все одиннадцать казачьих войск, рассказал историю их образования, указал на то, что более или менее компактную массу представляют только три войска: Донское, Кубанское и Терское... В Донском войске казаки составляют всего 60% населения, в Кубанском и того меньше. При таких условиях жить казакам возможно только в полной дружбе с Россией и ни о какой »самостийности« думать не приходится.

Хмурые расходились казаки. Я подошел к группе Уманцев, разумных, твердых казаков, хохлов. — Что ж нам делать остается, господин генерал, сказал мне один из них. — Не иначе, как пропадать всему казачеству приходится. — Не надо было так возмущаться на старый режим, сказал я. При Государе Императоре не плохо вам жилось. Заботились о вас и ваши права охраняли.

Отворачивались от меня казаки... — Не иначе, как отделиться нам от этой самой России, вот как Украина хочет, слышал я голоса в группах казаков, расходившихся по коням. — Иначе пропадешь. Перережут нас »товарищи«...

— Вот как начиналась »самостийность«, говорит Краснов. Он дает свое об'яснение этому началу самостийности, но для нас важен самый факт, в оценке его и в об'яснении мы расходимся с вышеприведенным автором.

Приведенные выше слова простых казаков прямо таки пророческие. В немногих словах — целая программа будущего Казачества. И это было в начале августа, т. е. раньше, чем некоторые представители Казачества, на Московском государственном совещании предлагали другую, прямо противоположную програм-

му и хотели казаками »спасать Россию«, в то время, как эти казаки уже думали об отделении от России, т. е. о самостийности.

Если бы казаки сразу поступили так, как говорили уманцы, мы не были бы в изгнании, Казачьи Земли жили бы самостоятельной жизнью не хуже Эстонии, Латвии, Финляндии и др. народов, которые оказались счастливее нас. И разве не правду говорили казаки, что »перережут нас товарищи?« — Сколько уже перерезали, порасстреляли, сколько легло казачьих голов на поле брани, сколько сгнило в тюрьмах и сколько их еще сидит там? А тех, кто остался, разве не сделали нищими? Такого грабежа, такого разбоя и татары в свое время не могли бы учинить.

Когда мы пришли заграницу и пробовали говорить европейцам правду о русском большевизме, никто почти нам не верил и не скрывал того, что не верит, т. к. в европейской голове, привыкшей к определенному порядку, совершенно не укладывался московский »рай«. Мы думаем, что нечто подобное делается теперь с некоторыми из нас. Мы видели и почти все мы на себе испытали большевицкие зверства, но и нам, знающим, что такое большевизм, трудно представить себе что так можно разорить, разграбить, ободрать наш Край, как это сделали и продолжают делать московские оккупанты.

А что делаем мы? — Не говоря уже о пустозвонах — спорщиках из »любви к искусству«, мы спорим о том, что лучше: »автономия«, »широкое местное самоуправление« или »демократическая, федеративная Российская республика и свободное казачество в ней«, тогда как, пока осуществится эта д. ф. Р. р. и т. д., от Казачества может быть и хвостов не останется.

Мы считаем, что Казачество сделало страшную ошибку, что не взяло программы уманцев, о которой рассказал ген. Краснов, сразу же за исходную точку своей программы будущего; что причина гибели Казачьих Земель лежит прежде всего в несогласиях сре-

ди самих казаков, в том, что в то время, как одни казаки говорили так, как говорили ради спасения Казачества казаки 1-й Кубанской дивизии, другие на гибель Казачества заключали в это время блок с российской кадетской партией. За эту последнюю политику Казачество заплатило очень дорого.

Пора казакам думать свою думу, пора создавать свою программу, пора становиться в свои ряды: свой к своему! Надо хоть теперь безоговорочно выходить на свой собственный исторический шлях.

Все, кто казак душой, а не только по названию, кто любит Казачество не только на словах, но и на деле, кто любит свои семьи, родные Края и дорогие станицы, кто хочет поскорее увидеть их освобожденными, кто не хочет бесславно умирать за рубежом Родины в изгнании, тот пусть становится в ряды Вольного Казачества.

Довольно гнета и насилия там — дома, на »нашій, але не своїй тепер землі!« Довольно медлить и колебаться, качаясь из стороны в сторону здесь, заграницей. Бросьте и там и здесь прислуживаться и прислушиваться, перестаньте следовать за московскими красными, черными или белыми »господами«.

Зная вашу во многих случаях сейчас подначальную и подневольную зависимость от москвичей и там на Родине и здесь заграницей, мы не призываем вас немедленно кричать на площадях и перекрестках, что вы — вольные казаки, — наше дело можно и нужно вначале делать молча. Мы призываем вас всех, братья казаки и неказаки наших Земель, вспомнить сейчас о своих гибнущих Краях, о своих изнывающих семьях и родных там, на широких и когда-то богатых, а теперь ободраных и нищих просторах Тихого Дона, Вольной Кубани, Бурного Терека, Славных Яика и Астрахани. Не будем закрывать глаза на действительность: гибнет Казачество. Не будем же обманывать себя о причинах и виновниках этой гибели.

Мы призываем и тех, кто перед Кругами и Радой приносили присягу и давали клятву служить и работать на пользу и процветание своих родных Войск и Краев, а не красной, черной или белой Москве, призываем исполнить эту клятву, перед Богом и Конституциями данную. Помните, что в наших далеких станицах ежедневно и ежечасно душат там красные палачи московские наших отцов, братьев, жен и детей!

Помните, казаки, что само собою ничего не делается, что если мы сами ничего не будем делать, то через несколько лет там окончательно удушат Казачество.

Но, прежде чем что-нибудь делать, надо самим нам сговориться, надо самим нам стать в одни ряды, под свои знамена. Помните и знайте, казаки, что только в нашем общем единении найдем мы нужную нам несокрушимую силу и что если мы дружно сомкнем свои ряды нога в ногу, стремя в стремя, то тогда только добьемся того, чего желаем и из-за чего так терпеливо переносим горечь изгнания и невыносимый гнет красного московского ига.

Если же и дальше будем пребывать распыленными и неорганизованными, — сильными не будем, а кто сам ничего не стоит, тот ни союзника себе не найдет, ни на помощь чью либо рассчитывать не может.

Вольное Казачество исполнит свой долг и все истинные вольные казаки первыми отдадут свои силы и жизнь делу освобождения своих Земель из под власти всяких большевиков.

. . . . . .

І буря козачого гніву зірветься —
За вчинені кривди, старі і нові...
І знов на степу кров ката поллється...
Ой, будуть, ще будуть степи у огні...

С. Савицький („ВК“ № 57).

VIII.

Необходима организация ВК.

25 мая 1928, № 12.

Одной из главных причин наших неудач в прошлой борьбе с большевиками был недостаток ясно формулированной идеологии этой борьбы и абсолютная политическая неорганизованность Казачества.

«Армия — вне политики» — совершенно правильный лозунг для армии всякого государства, одинаково, как в мирное, так и в военное время, но совершенно не годится этот лозунг для бойцов, ведущих борьбу за политическо-государственное освобождение своего народа, как это имело место в нашем случае, в войне Казачества с Московскими большевиками. В такое время армия военная должна одновременно быть и армией политической.

Не будет очень большой смелостью утверждать, что не все мы одинаково ясно представляем себе, против кого мы боролись и боремся, а еще меньше многие из нас знали, за что мы боролись. Если прибавить сюда расхождение (часто противоположное) в понимании целей и пределов борьбы и среди «знавших и понимавших», то и выйдет, что одни из нас воевали за одно, другие — за другое. Не было у Казачества точной и общепринятой положительной программы борьбы.

Это отсутствие своей ясной программы в прошлом принесло нам много зла.

Казаки были и суть прекрасным военным материалом, они могли создать непобедимую военную армию, но политически они были неискушены, как дети. И,

прекрасная боевая сила в борьбе вооруженной, — в борьбе политической потерпела поражение.

И, наоборот. Большевики в начале войны в боевом отношении были больше неорганизованной толпой, но в отношении политическом дело обстояло у них гораздо лучше. Что касается идеологии, — у них все было ясно: каждый из них прекрасно знал, не только против кого, но, что более важно, и за что он воевал.

Наше военное поражение обусловилось сначала нашим политическим поражением. Победила политика.

Вот почему нам, готовясь к будущей освободительной борьбе, необходимо сейчас уже думать о надлежащей своей политической организации, которая должна идти впереди всякой другой организации и работы.

Вооруженная толпа не представляет большой вооруженной силы. Точно также толпа, хотя бы и с одинаковым политическим настроением, не является большой силой политической. Настроение, пожалуй, у большинства казаков одинаковое. И наша общая очередная задача: из политической толпы казаков создать политическую армию Казачества.

Мы, политические эмигранты Казачьих Земель, прекрасно видим роль политических партий в жизни отдельных государств Европы; мы видим здесь, что участие народа в государственной жизни везде осуществляется через политические организации.

Так, если для того, чтобы управлять государством, его гражданам нужна политическая организованность, то тем более нужна она нам для того, чтобы освободить наш народ из под чужого ига и восстановить свою государственность.

В начале борьбы, когда только начиналась война с большевиками, мы, пожалуй, лучше знали то, чего мы не хотели, чем то, что мы хотели. Потому то и был возможен в прошлом гибельный «союз» Казачества с Добрармией. У нас и у них был общий неприятель,

но цели борьбы с этим неприятелем у обоих «союзников» были не только разные, но часто прямо таки противоположные. И т. к. Казачество политически не было организовано, то потому только командование Добрармии и могло так «успешно» воевать с государственностью Казачьих Республик, а часто подсовывать Казачеству и свои цели и задачи борьбы, навязывать ему свою идеологию и волю.

Отсюда следует, что Казачеству нужно сначала вырешить, *за что* ему нужно бороться, а тогда само собою будет ясно, *против кого* надо или придется бороться. Тогда легче будет решить, кто друг и союзник, а кто враг.

Исправно найти и правильно определить цели нашей борьбы важно не только для нас, эмигрантов. Может быть еще более важно это для тех, кто находится сейчас *там*, где пресекается смертью всякое проявление свободной мысли, где наши братья не имеют и тех возможностей свободного обмена политической мысли, каким располагаем мы здесь.

Как бы ни трудна была наша эмигрантская жизнь, мы все же должны взять на себя эту задачу — своевременно дать ясные и исчерпывающие ответы на все «проклятые» вопросы нашего недавнего прошлого и настоящего.

Надо поставить перед собою только вопрос о том, какую огромную помощь могла бы принести казачья эмиграция тем, кто борется *там*, если бы она оставила в стороне некоторые мелочные споры между собою о деталях на то мирное будущее, которое, верим, не за горами, а сейчас сговорилась бы между собою по вопросам большим и основным. Один такой сговор был бы уже большой моральной помощью *туда*. Там, ведь, ждут от нас помощи. Они вправе не только рассчитывать, — они имеют право и требовать ее от нас.

А для нас самих разве не важно правильное решение поставленных вопросов?

Одно дело — придти домой «в одиночку», ничем не связанными идейно; принести туда только муку и боль своей души, которых там и без того достаточно. И другое дело — вернуться политически организованными, подчиненными одному общему плану работы, придти так, чтобы каждый из нас не только знал там свое место, но и то, что делать ему на этом месте.

Какие же формы политической организации нам выбрать?

В тех странах, где народ живет свободной политической жизнью, где он участвует в организации власти и управлении государством, там политическая практика давно уже выработала и формы политических организаций граждан. Это — политические партии.

У Казачества все равно на Дону, на Кубани или на Тереке, с в о и х политических партий в прошлом не было. Нет их там и сейчас, как не создались они и среди казачьей эмиграции.

Думаем, однако, что пришла пора создавать казакам с в о и политические организации. Совершенно очевидно, что будущая наша политическая борьба без политической организации немыслима и невозможна, иначе она была бы такой же «дикой» и неудачной, какой во многих отношениях она и была уже в прошлом.

Считаем, что было бы нецелесообразным выбрать нам сейчас п а р т и й н ы е формы организации Казачества. Партии об'единяют граждан одной страны или одного государства, имеющих не столько общие политические, сколько общие социальные интересы и идеалы. Перед нами же стоит сейчас исключительно п о л и т и ч е с к а я задача: задача освобождения наших Земель от оккупантов-завоевателей в первую очередь. Нужно наперед получить самую возможность свободного строительства своей государственной и общественной жизни, а тогда уже дойдет дело и до создания политических партий.

Теперь же и здесь, имея в виду предстоящие нам задачи, нужно ставить на очередь дня политическую организацию казачьей эмиграции в форме союза — Союза Вольного Казачества. Нам нужна сейчас организация на это переходное время. И творя политическую организацию, нужно создавать не только политическую идеологию, но и точно и ясно формулировать стоящие перед нею практические задачи ближайшего будущего.

Нельзя сейчас увлекаться или подробно останавливаться на деталях. Мы еще раз в свое время остановимся на основных моментах программных положений организации В. К., в самых общих чертах изложенных уже в первом номере «В. К.», точно также, как и на союзном принципе, положенном в основу В. К. Здесь же еще раз считаем необходимым подчеркнуть, что если в будущем мы будем представлять собою такую же неорганизованную человеческую пыль, какой мы были в недавнем прошлом, мы рискуем обречь себя снова на роль, аналогичную той, которая привела уже раз нас в изгнание.

Чем неорганизованнее мы будем, тем мы будем и слабее, а слабые — мы не только не исполним стоящих перед нами задач, но и вообще не отстоим своего места под солнцем.

. . . . . .

Тревога,
Тревога,
Тревога...
Сигналы зовут боевые,
Набаты в станицах сзывают —
Живых не сломили еще,
Живые еще умирают...
И бьются, хоть всяк изнемог...
. . . . . .
Тяжко, как тяжко нам...
Слышишь ли, Бог?

Б. Кундрюцков („ВК“ № 50).

IX.

Казачьи идеологические группировки.

10 января 1928, № 3.

Особенностью казачьих политически-идеологических группировок является прежде всего то, что вопросами, создающими эти различные группировки, являются отнюдь не темы политические или социальные внутреннего характера Дона, Кубани, Терека и т. д., а всегда вопросы «политики внешней».

Характерным, напр., для Кубанской и Донской общественной жизни в прошлом (это, пожалуй, относится и ко всему Казачеству) — было отсутствие своих политических партий (отдельные лица — мало их! — примыкали к тем или другим российским партиям). Несмотря все же на такой, казалось бы, «парадокс», Казачество в первые же годы революции на своих Представительных Собраниях — Кругах и в Раде — выявило недюжинную политическую мудрость, а что касается вопросов внутреннего государственного строительства, то и смелое творчество, и большое единодушие. Нередко вопросы огромной важности и большого масштаба решались на Круге или в Раде единогласно.

Не так гладко обстояло дело с политикой «внешней». Восстановив свои государства-республики, Казачество разделилось по вопросу о том, как понимать свою государственную самостоятельность. Казачья политическая мысль и выплывающая из нее политика путались между «самостийностью» и «федерацией». Этою невыкристаллизованностью и неопределенностью только и можно об'яснить некоторые «странности» го-

сударственной жизни нашего недавнего прошлого, вроде таких, напр., как

теперешнее утверждение некоторых донских единонеделимцев, что безоговорочная Донская Конституция, провозглашая Всевеликое Войско Донское безоговорочно самостоятельным государством, — было только «тактикой»,

или как для кубанских самостийников было тоже «тактикой», — после утверждения Радой Конституции, — принятие оговорки-декларации о федерации в неопределенном будущем.

Отсутствие единства политической мысли по основному вопросу: как понимать свою государственность: как вынужденно-временную или как «всерьез и надолго», перешло и к казачьей эмиграции. Это все тот же единственный и серьезный вопрос, который служит яблоком раздора и причиной несогласий между казаками и здесь, в изгнании.

Собственно говоря, для нашей эмиграции его можно было бы наиболее правильно формулировать сейчас спором о шкуре неубитого медведя. Казачья эмиграция ломает наибольше копий на вопросе:

что бы мы делали с Доном или Кубанью, с Тереком или Уралом, если бы мы их имели?

Из-за этого деремся и препираемся между собою, а забываем, что прежде надо бы было иметь эти Дон и Кубань, Терек и Урал, т. е. сначала помочь освободить их, вернуться туда самим, а потом уже и распоряжаться их судьбою.

Постараемся разобраться, какие же действительно существуют среди казачьей эмиграции политические течения и каково их понимание будущности Казачьих Земель.

Начнем со сторонников «широкого местного самоуправления», с добавлением «земского» и без этого добавления. Сюда же отнесем и так называемых автономистов. Это тем более возможно, что между теми и

другими нет строго выраженной межи, они незаметно переходят одни в других, и сторонники «земского самоуправления» легко, сравнительно, помирились бы с «автономией», как и «автономисты» не очень рьяно восставали бы против «самоуправления».

Количественно — это самая слабая «партия». Это те отдельные, весьма немногочисленные представители старого, довоенного времени, которых почти не коснулись события, начиная с 1917 года. Ясно очерченной программы этих направлений нет. Неясная идеология их — это скорее настроение, чем программа, к возвращению того, что было до 1917 года, — может быть несколько подчищенного, в иных местах — подправленного.

Прежде всего, конечно, это «Единая и Неделимая». Последователи этих направлений это те, для кого наши Конституции — слишком большая «ересь». Для них — ни Кругов, ни Рады в том смысле, как мы привыкли их понимать за эти годы. Они заранее отказываются в пользу других от каких бы то ни было прав своих Земель. Право установления отношений к своему народу они переуступают другим, а себе (Казачеству!) оставляют только долг выполнять волю чужую.

И при «широком местном самоуправлении» и при автономии — и компетенцию самоуправления или автономии и определение того, кто и в какой степени ими пользуется, принадлежит исключительно и в полной мере русской центральной государственной власти, какова бы она ни была. Казачьи Земли лишены были бы какого бы то ни было права на действительное влияние при разрешении основных вопросов, касающихся Казачества и его Краев в целом.

И самоуправление и автономия определяются (даруются!) односторонним актом центральной государственной власти. В таком же порядке происходят и те или иные изменения или дополнения соответствующих законов.

Даже при самом демократическом государственном строе число представителей Казачества во Всероссийских Представительных Собраниях было бы настолько малым, что всегда судьба Казачьих Земель решалась бы русским большинством.

Казачеству раз навсегда осталась бы только «законопослушность».

В небольшом проценте (по отношению ко всей казачьей эмиграции) защитников подобных «учений», наибольшее число последователей принадлежит приписным казакам «последнего призыва».

Подавляющее большинство казачьей эмиграции делится между двумя направлениями.

По одному пути идут те, кто будущее своих Краев видит в свободном и независимом государственном существовании; кто при решении судьбы своих Земель признает и защищает единственно безапелляционным решающим моментом волю своего народа; кто сейчас не считает себя вправе односторонне предрешать отношений своего народа к другим народам и государствам; кто хочет отношения эти строить на основе свободного сговора и соглашения, как равный с равным, не принося в жертву себя и не требуя жертв от других. Это самостийники.

По другому пути идут те, кто сейчас уже свой выбор сделали или предрешили его; кто вообще не мыслит самостоятельного государственного бытия своей Родины, а если, в силу создавшейся обстановки, и допускает такую постановку вопроса, то только как временную, о чем об'является наперед. Это — федералисты.

Но есть федералисты и федералисты.

Подлинная федерация предполагает сначала полную государственную самостоятельность федерирующихся членов. Настоящая федерация не есть подчинение Новочеркасска или Екатеринодара Москве, а в одинаковой мере подчинение и Новочеркасска и Екатеринодара и Москвы тому третьему, что, в результате

свободного соглашения, создали бы равноправные Москва, Новочеркасск и Екатеринодар. Федерация может быть создана свободным взаимным сговором будущих членов ее и не может быть подлинной федерации в результате акта воли односторонней, чьей бы то ни было. Федералисты не могут идти во Всероссийское Учредительное Собрание, ибо, если даже предположить, что будущее У. С. об'явит государственный строй — федеральным, то, созданный актом односторонним, он будет все время находиться под постоянной угрозой «поправок» или ликвидации, при изменившейся коньюнктуре, в том же порядке. Кто дает, тот может взять и обратно. Что касается существа и действительности таких федераций, то лучшим примером тому может служить созданная «сверху» фиктивная федерация советская.

Федерация есть свободный договор равных. Поэтому кубанский или донской федералист, только имея за собою государственную независимость Кубани или Дона, может говорить о федерации с тем или другим своим соседом, так же свободным и суверенным. Настоящий казак-федералист поэтому должен прежде всего добиться государственной самостоятельности своей Земли, а уже потом идти подписывать федерацию.

Федерация зависит не только от желания одной стороны, стремящейся к федерированию, но и от желаний той другой стороны, с которой желает федерироваться сторона первая. Естественно поэтому встает вопрос: ну а что, если другая договаривающаяся сторона (положим, Москва) не пойдет на федерацию или предложит неприемлемые условия? — что будет делать донской или кубанский федералист? — Настоящий федералист скажет: ну, что-ж, подождем, пока «контрагент» «не образуется», а пока будем жить своей государственно-самостоятельной жизнью.

Настоящий федералист не может поэтому сказать наперед, как долго пришлось бы, напр., Донской или Кубанской республике (или Союзу их) существовать, как независимым государствам.

Подлинный федералист не будет во что бы то ни стало и за всякую цену тянуть во всякую федерацию, а будет ждать, когда станет возможной настоящая федерация, отвечающая действительным интересам своего народа. Подлинный федералист не принесет в жертву свой народ для блага народа другого.

Поэтому, когда донской или кубанский общественный деятель сейчас борется против государственной самостоятельности своего Края и говорит при том, что он федералист, — ложь есть! — Федерацией здесь прикрываются далеко не федералистические намерения.

Собственно, говорить сейчас казакам-федералистам о федерации рано. Федерироваться и некому и не с кем. Вопрос о федерации мог бы стать только там, на освобожденном Дону, на освобожденной Кубани, Тереке и т. д. А пока мы в эмиграции, спор о федерации — бесполезная трата времени.

Настоящие федералисты в данное время и в данных условиях не только не должны бы были вести борьбу с самостийниками, а, наоборот, должны были бы в своей политической работе идти сейчас только с самостийниками и, во всяком случае, не тратить сил на взаимную борьбу, т. к. эти силы нужны полностью на борьбу с врагом общим.

Самостийникам с федералистами идти сейчас некуда. Федералистам с самостийниками, по крайней мере пока, — по дороге. Самостийники должны отказаться от своих целей, чтобы сговориться с федералистами на их программе. Федералисты, если бы они пошли сейчас с самостийниками, нисколько не должны были бы кривить душой против своего «верую». Расхождение между обоими течениями по существу началось бы там и только тогда, когда уже существовали бы фактически и юридически наши республики, как независимые государства. До того же времени работа могла бы быть общей.

Но наша беда в том, что настоящих федералистов у нас мало. Многие наши «федералисты» — в действительности лжефедералисты. Они, как и автономисты или сторонники местного самоуправления, не признают, по существу, наших Конституций. Они, прикрываясь федерацией, которую понимают слишком «по своему», намеренно вводят других в заблуждение.

Мы глубоко уверены, что в дальнейшем этим лжефедералистам не удастся больше вводить в заблуждение и тех, кого им до сего вводить удавалось.

Казачество отвергнет эту неискреннюю игру.

В тяжком изгнании дни испытания
Скорбной плывут чередой.
Душу изгнанника, дальнего странника,
Гложут немолчной тоской...
С сердцем остывшим, взором поникшим,
Думает думу свою:
Все дорогое, святое, родное
Бросил он в страшном краю:
В царстве коммуны новые гунны
Льют кровь казачью рекой;
Вор и убийца над правдой глумится,
Правит кровавой чекой...
Ночью не спится... сердце томится:
Вами, родные, живу я!..
Скоро ли, страждущий, отдыха жаждущий,
Землю свою поцелую?..
... Даль беспросветная, чужь неприветная...
Черные мысли гнетут...
В тяжком изгнании дни испытания
Скорбно плывут и плывут...

Вл. Куртин (ВК" № 25).

X.

Корень расхождений.

10 марта 1931, № 76.

Так уж оно повелось в жизни. Народ, потерявший свою государственную самостоятельность, другими словами — право верховного распоряжения своими судьбами сообразно своей воле и своему пониманию своих интересов и общей пользы, всячески стремится возвратить себе это высшее благо, пока в нем не погасла и хоть слабо еще теплится искра сознания своей национальной особности. Народ же победитель, в лице своего государства, с своей стороны, отлично понимает всю выгодность для себя распоряжения судьбою подвластного народа и его территорией, с ее надземными и подземными богатствами, а потому стремится всеми способами и всеми средствами навсегда удержать в своем подчинении раз подчиненный народ.

Но, народ-господин также отлично понимает, что до тех пор, пока подвластный народ не потерял своего национального лица, пока он национально и культурно не обезличен, до тех пор он будет стремиться к своему освобождению, к своей государственной самостоятельности. Поэтому государство-завоеватель (за очень и очень немногими исключениями) принимает все меры к тому, чтобы денационализировать (расказачить, напр.) и ассимилировать (растворить в своей среде) подчиненный народ. Все, что отличает подчиненный народ от народа-господина, преследуется и уничтожается. Подчиненный народ вынуждается, напр., обучать своих детей грамоте и давать им образование на языке народа-победителя. Школа господствующего народа на-

учит народ подвластный забыть свою историю и даже свое прошлое видеть только в свете, выгодном господину.

Земля порабощенного народа под теми или иными благовидными, а то и совсем неблаговидными предлогами отбирается (конфискуется) и отдается в пользование либо собственность пришельцам-колонистам народа завоевателя (и только иногда и отчасти своим ренегатам — перевертням народа подчиненного).

Общественно-хозяйственный строй уничтожается и заменяется соответствующим строем державного народа. Так Россия перенесла на Украину, напр., свой помещичье-крепостнический строй.

Не допускаются и жестоко преследуются всякого рода не только политические, но и национально-культурные организации: просветительные общества, кружки родиноведения, по изучению истории своего народа и т. д., и т. д.

И история знает случаи, когда подчиненные народы окончательно и бесповоротно денационализировались и ассимилировались, тонули и растворялись в море народов-завоевателей. Такая участь постигала народы мало культурные и пассивные, когда они попадали в зависимость от народов более культурных, более активных и более предприимчивых. (Бывало иногда и так, что мало культурный завоеватель сам растворялся в среде более культурного побежденного народа, как то было когда то, напр., с болгарами).

В большинстве же случаев народы, потерявшие свою государственную самостоятельность, возрождаясь политически и национально, в конце концов возвращали ее себе, выждав момента ослабления своего завоевателя. Так, после многовекового порабощения, освободились из под власти турок: греки, сербы, болгары, румыны; из под власти немцев и мадьяр — словенцы, хорваты, словаки, чехи; из под власти русских — финны, эсты, латыши, литовцы; из под власти русских и немцев — поляки; на пути к окончательной государ-

ственной независимости находится в настоящий момент ирландский народ, находившийся под властью англичан свыше 700 лет (с XII века).

Однако, и для тех народов, которые возвратили себе свою национальную свободу, долгое пребывание под иноземным владычеством проходит далеко не бесследно. Все они в той или иной мере несут потом на себе влияние завоевателей. Это влияние сказывается и на языке и на общественно-экономических отношениях, и даже на нравах и обычаях. Общеизвестно влияние татарского ига на русский народ. Что же касается балканских народов, то они еще и до настоящего времени носят на себе некоторые следы турецкого влияния. Наибольшему ассимилирующему влиянию подверглись кельты Зеленого Острова — Ирландии. Они потеряли свой язык и говорят теперь на языке своих завоевателей; они потеряли даже свое имя, но душу народную отстояли и сохранили. И, уступая напору малого ирландского народа в его борьбе за свое национальное возрождение и освобождение, могущественная Британия, владычица морей и океанов, в 1923 году должна была признать свободное Ирландское государство.

Скорее и полнее всего денационализируются и ассимилируются высшие сословия или верхние слои подчиненного народа, — те, основным источником существования или ролью которых было в той или иной мере участие в управлении своим народом. С потерей народом независимости, бывшее «правящее сословие» тоже теряет свои функции и роль и становится перед дилеммой: либо перейти в стан поработителя и принимать все меры для мирного подчинения ему своего народа; либо, если такое лицо не располагает какими либо независимыми от победителя источниками существования, смешаться в массе своего народа и приступить к ведению сельского хозяйства или заняться ремеслом. Но на это последнее высшие сословия если и идут иногда, то лишь в тех случаях, когда все остальное им недоступно.

Стремясь больше других к образованию и получая его в школах победителя, высшие сословия скорее подвергаются и национально-культурной обработке в духе и интересах своих новых властителей. Бывают поэтому случаи, когда правившие сословия побежденного народа целиком растворяются в среде победителя и принимают даже его имя.

Источники существования так называемых «низших» слоев народа, его хлеборобских масс и ремесленников, гораздо менее уязвимы для воздействий со стороны государства-завоевателя. Кроме того, их национальное сознание почти целиком сливается с инстинктом самосохранения. А это значит, что вне рамок своей национальной особности они вообще не мыслят своего существования. По этим то основным причинам наибольшее упорство в борьбе против денационализаторских и ассимиляторских усилий победителя проявляют именно народные «низы». Именно в народных низах, в том, кого по ученому называют демосом, как в зерне, отлагаются все необходимейшие элементы сохранения и возрождения народа.

История любого порабощенного народа дает тысячи конкретных примеров, подтверждающих эти общие мысли.

Казачество также не составляет исключения из общего правила. Его сословия развивались или деградировали в общем по такой же схеме, по такому же плану. Кто из казаков помог русскому государству низвести вольное казачество до положения служилого сословия? История Дона и козачої України совершенно определенно отвечает: казачья старшина по преимуществу, т. е. казачье дворянство. Исключения, разумеется, бывали. Часть дворянства временами действовала явно на стороне народных казачьих масс. В целом же, как сословие, казачье дворянство (главным образом после потери независимости) не за страх только «доброхотствовало» царям и старательно подтягивало под московское ярмо казачьи массы, получая за это призна-

ние со стороны России своих дворянских прав, — право захватывать Войсковые земли в свою личную собственность и садить на них своих крепостных рабов. Вольное казачество, разумеется, никогда бы не допустило до этого свою старшину. Вот почему старшина в большинстве была против вольного казачества и с своей стороны делала все, чтобы перевести его на положение казачества служилого.

Нет ничего удивительного, поэтому, в том, что современное родовитое служилое и поместное дворянство в большей своей части тоскует и долго еще будет тосковать про себя по тому «доброму старому времени», когда оно обладало такими «плодоносными» правами, и открыто противодействует и будет противодействовать всему тому, что мешает их возвращению. Вольное казачество, независимое казачье государство — это конец мечте и окончательный гроб для дворянских привилегий.

Вот это и есть главный корень того, что современная казачья старшина — дворянство, как целое, так настойчиво борется против самостийных течений в Казачестве. Эта старшина, примыкая ныне к русским реставрационным течениям, главным образом — монархическим, надеется на возвращение если не всего, то большей части того, чего лишили их Круги и Рада в 1917-1919 годах.

Исключения из этого правила среди казачьей старшины имеются и ныне, но, к большому сожалению, только исключения.

Помимо владения и права на почетную и привилегированную службу, старшина обладала часто и правом обучения своих детей на войсковой счет, начиная от кадетского корпуса или реального училища и кончая высшими учебными заведениями. Не мудрено поэтому, что, будучи наиболее образованным и культурным слоем среди Казачества, она достаточно сильно влияла на другие его слои, особенно на те, которые находились под ее постоянным воздействием, внушая им и свою

политическую идеологию. Идеология же эта заключалась и заключается в том, что Казачество должно быть служилым, а не вольным; что оно должно расширять и охранять границы русского государства, должно служить «якорями русского правительства на окраинах русского государства»; и что казаки — русские люди.

Такова старшинско-дворянская идеология. Выразителями ее в недавнем прошлом были журналы «Казачьи Думы», «Казачий Путь», «Путь Казачества», а в настоящее время проводником ее является «Родимый Край» Мельникова — Богаевского.

Старая же вольно-казачья идеология законсервировалась и сохранилась вплоть до революции 1917 года в народной толще Казачества, в народных «низах». Блестящим доказательством этого является, между прочим, и роман советского донского писателя Мих. Шолохова «Тихий Дон». Советского писателя невозможно, конечно, заподозрить в «казакоманстве», в том, что он преднамеренно склонен изображать Казачество в исторически правдивом свете. Поэтому то его наблюдения положительных сторон казачьего духа представляют особенный интерес.

Вот характернейшая сценка, которую Мих. Шолохов относит к весне 1914 года. Дело происходит на хуторе Татарском. После перепалки, происшедшей из-за очереди на мельнице между казаками и «хохлами», к возбужденной группе казаков подходит слесарь Штокман, б. ростовский рабочий, отбывший ссылку, член российской социал-демократической рабочей партии. Конечно, он ловит всякий подходящий случай, чтобы подагитировать среди казаков.

„... — Хохлы, они огромадно сердитые, — усмехнулся Афонька Озеров.

Человек (Штокман) махнул шляпой в его сторону.

— А ты кто?..

— Я то казак, а ты не из цыганев?

— Мы с тобой обое р у с с к и е.

— Брешешь! — раздельно выговорил Афонька.

— Казаки от русских произошли. Знаешь про это?

— А я тебе говорю, — казаки от казаков ведутся.

— В старину от помещиков бежали крепостные, селились на Дону, их то и прозвали казаками.

— Иди-ка ты, милый человек, своим путем, — сжимая запухшие пальцы в кулак, сдержанно-злобно посоветовал Алексей безрукий и заморгал чаще.

— Сволочь поселилась!.. Ишь, поганка, в мужиков захотел переделать"!..

— Так решает вопрос о своем национальном происхождении казачья масса: казаки от казаков ведутся.

Знаменитая речь рядового, «неизвестного депутата» Донского Круга, основной смысл которой сводился к тому, что Дон — это Дон, и Круг должен заниматься донскими делами, а Россия пусть занимается делами русскими, — есть такое же решение вопроса о политическо-государственном существовании Казачества.

Несомненно, что так же решает эти основные вопросы бытия Казачества казачья масса и других Войск.

Совершенно иначе они решаются казачьей старшиной — дворянством. К этому склоняет его прежде всего его скрытое желание вернуть себе то привилегированное положение, которым оно пользовалось особенно в период 1835-1917 г. г., т. е. его сословные интересы. И в том, что сословные, личные интересы казачьего дворянства толкают его в сторону от народных казачьих масс, в том — тяжелая трагедия Казачества. В недавнем прошлом оно заплатило страшную цену за роскошь иметь — в своей среде две «ориентации», две «партии», тянувшие в разные стороны.

Не хотим выступать здесь против старшины ради намеренного раз'единения. Мы говорим все это не для того, чтобы казаки прониклись ненавистью к казачьей

старшине; а для того, чтобы та часть казачьей старшины, которая умеет читать в книге судеб народов и которая не захочет впредь уходить от своего народа или тянуть свой народ на службу другому народу, — чтобы, повторяем, та часть казачьей старшины слилась с Казачеством, отожествила свои интересы с его интересами и пошла с ним нога в ногу, рука в руку к его лучшему историческому будущему.

Возрождение каждого народа начинается с появлением своей интеллигенции, — интеллигенции, вышедшей из недр самого народа. Эта интеллигенция с частью интеллигенции, вышедшей из «высших сословий», и составляет мозг нации, берущий на себя инициативу возрождения своего народа в целом и задачу его освобождения. Так будет и у Казачества. Нужно только, чтобы максимальная часть старшины отказалась от службы чужим и вернулась к своему народу.

. . . . . .

Раскричалася русь сермяжная,
Забурлила в ней кровь бродяжная
И накинулась на Казачий Дом,
И кривым серпом размахнулась в нем...
Полилась ручьем кровь горячая,
Застонала вдруг степь казачая
И окрасилась во кровавый цвет...
Палачам смердным конца-края нет...
Рать московская на степи поет,
А родная степь всех сынов зовет:
„В ком казачья кровь, эй нечай!
Все, плечом к плечу, за Казачий Край!..“

Виктор Карпушкин („В К“ № 70).

XI.

Ко всей казачьей эмиграции.

10 апреля 1931, № 78.

Вести, идущие из дому; отчаянные зовы истязуемого и уничтожаемого красными оккупантами Казачества еще раз свидетельствуют о том, что положение там не только не улучшается, гнет — после одиннадцатилетнего владычества завоевателей не только не ослабевает, а, напротив, пресс московских владык давит все сильнее и беспощаднее.

Сегодняшнее положение там — в Казачьих Землях — ставит еще раз, еще сильнее Казачий Вопрос, или — вернее — требует от казачьей эмиграции правильного, отвечающего интересам Казачества, и немедленного решения казачьего вопроса.

Что делать? В состоянии ли Казачество решить свой вопрос только своими силами? И от каких других еще сил зависит решение нашего вопроса?

Как это ни «неожиданно» с первого взгляда, но сейчас ни один народ (даже Великие Державы) не может решать часто своего вопроса сам на все 100%, ибо не может жить «изолированно», не может отгородиться от народов других. Отношения не только соседних, но и дальних народов переплетены ныне взаимными интересами весьма сильно. Точно также и для нас нет упрощенной «двухсторонней» схемы: Казачество и его нынешние угнетатели. Есть так или иначе заинтересованные в решении нашего вопроса. Это, прежде всего, наши соседи. Эта заинтересованность — взаимная. Кроме того, и это главное, силы наши — побежденных и победителей — в данный момент не

равны. Это последнее обстоятельство сильнее всего заставляет нас думать и искать союзников не только среди соседей близких, но и среди народов «далеких», равно как и в международной обстановке. Даже выиграв освободительную борьбу, нельзя наладить у себя всесторонне «гладкой» жизни, не войдя в семью (систему) народов, не урегулировав и не установив с ними нормальных взаимоотношений. И об этом надо думать сейчас. Надо думать не только о борьбе за освобождение, надо будет потом добытую и завоеванную свободу обеспечить и защищать.

Предпосылкой успешного и хорошего решения казачьего вопроса является для Казачества ясное и четкое осознание им всех факторов и всех сил, на которые оно может рассчитывать в своей борьбе за свое освобождение. Надо отдавать себе полный отчет о роли и значении каждого из факторов и каждой из сил, а особенно — различать: значение своих, казачьих, сил; роль союзников и удельный вес внешних условий — международной обстановки.

Решающей, конечно, является роль своих собственных сил. Это положение должно стать не только бесспорным для каждого казака, но и своего рода приказом-водителем во всем дальнейшем его поведении на все время борьбы. Внешняя обстановка, равно как и интересы соседей, не всегда могут совпадать с интересами нашими. В этом отношении надо быть готовыми иногда и к обратному. До сих пор Казачество не имело еще счастливой для себя международной (хотя бы — «ближайшей») обстановки, равно как и установившихся отношений со всеми своими соседями, — было и есть еще несколько вопросов не договоренных и споров нерешенных.

Стремясь к установлению со своими соседями подлинно добрососедских отношений на основе взаимности; делая все, чтобы создать для себя благоприятную «атмосферу» и хорошую обстановку во вне, — Казачество должно все же в первую очередь рассчитывать на свои

силы: на свои руки и на свои головы (разум!). Союзникам надо отводить роль союзников. Международной обстановке — роль международной обстановки. В наших интересах, в интересах всего исторического будущего Казачества нужно, чтобы в настоящей освободительной борьбе роль нашего собственного «фактора» была наибольшей и в то же время — наименее зависима от роли «внешних обстоятельств».

Что для этого нужно? — Нужно, чтобы наличная казачья сила — физическая и моральная (политическая и идеологическая) была максимальной. — Необходимым условием для этого является совершенная осознанность казачьего вопроса и ясность казачьей программы для казаков, а потом — об'единение Казачества на своей программе в одну организацию.

Пока еще этого нет. Но к нему нужно всеми силами стремиться. Осуществлению такого идеального положения должна помочь наша предварительная интенсивная работа внутри казачьей эмиграции для консолидации казачьих сил и проповеди идеи и программы В. К. — как Казачьей Программы.

Казачий вопрос должен быть поставлен ясно и определенно не только для самих казаков, но ясность постановки и решения нашего вопроса надо сделать известным и понятным и для других народов, а прежде всего — наших соседей — близких и далеких. Казачий вопрос в международном масштабе еще не стоит, а ставить его так уже нужно. Сделать же это может, при сложившихся у нас дома условиях, только казачья эмиграция. Точно также, казачья эмиграция, стремясь ныне к созданию союзного фронта в борьбе за освобождение со своими ближайшими соседями, этим самым будет во многом предрешать те или иные взаимоотношения Казакии с ними и в будущем. Интерес взаимности будет диктовать не только нам, но и им — нашим соседям — заранее намечать решение спорных вопросов, устранять ненужные трения и готовить таким образом отношения искренне добрососедские.

Все это — с нашей точки зрения — значит готовиться к предстоящей освободительной борьбе так, чтобы в каждый данный момент быть готовыми к любому «началу» грядущих событий.

Что есть в действительности?

Казачьих политических группировок в эмиграции довольно много. Но, «удельный вес» и роль их неодинаковы. Потеряли свое значение в казачьей среде, отмирают те «партии» и группировки, которые решали казачий вопрос в рамках той или иной русской политической партии. Ни одна из таких казачьих «программ» — будь то казачьи эсеры, или милюковцы, или красновцы-монархисты, или другие кто — не пустили корней в казачьей массе и — одни уже «засохли», другие — к этому весьма близки.

Если поставить вопрос широко, то сейчас серьезно можно говорить только о двух факторах, играющих действительно серьезную — а не «местную» только — роль в казачьей жизни: в казачьей эмиграции непосредственно и косвенно («отголоском», по скольку позволяют «внешние» труднопреодолимые обстоятельства) там, дома. Это:

официальные (формальные) возглавители казачьей эмиграции — Атаманы, опирающиеся на *силу авторитета*, оставшегося у них от недавнего прошлого казачьей действительности, и

Вольно-казачье движение, опирающееся на *силу идеи*.

Программы решения казачьего вопроса у этих двух факторов, двух реальных, хотя по природе своей весьма различных казачьих сил, тоже весьма разные. А между тем, в интересах Казачества было бы наилучшим, если бы такие факторы — сила идеи и сила авторитета — совпадали. К сожалению, сейчас, при данных условиях, этого нет и с этим положением надо считаться, как с фактом.

Атаманы казачьего решения казачьего вопроса не имеют. Так наз. платформа ОСДКТ (см. «Казачьи Ду-

мы», № 11 за 1923 год, и неоднократную защиту ее на страницах «Р. Края»), связывающая судьбу Казачьих Краев с Россией, тем самым связывает и теперешнюю работу и политику Атаманов. Самостоятельно действовать они не могут. В силу этого, казачий вопрос, как вопрос сам по себе, перед Атаманами стать и не может. Он, казачий вопрос, для Атаманов только «следствие», часть бóльшего вопроса, вопроса русского, и должен разделять его судьбу, вернее — служить ему.

Осуществлять Атаманскую программу ОСДКТ значит — повторять недавнее прошлое, которое привело Казачество к настоящей катастрофе. Ясно поэтому, что политическая программа ОСДКТ противоречит интересам Казачества. Не будет большой смелостью утверждать, что если бы Атаманы опирались только на об'явленную ими программу и не имели за собой силы авторитета, т. е. если бы они выступили со своей программой только как политические деятели, они давно бы уже разделили судьбу аналогичных покойных организаций, как «Союз Возрождения Казачества», «Союз Единства Казачества» или группировок, стоявших за журналами «Казачьи Думы», «Путь Казачества» и др.

Не будем останавливаться здесь специально на атаманском вопросе, давно уже ставшем с точки зрения казачьих Конституций вопросом ненормальным. Казачество лишено сейчас фактической возможности решать атаманские вопросы. И чем дальше, тем большее расхождение получается между подлинными стремлениями Казачества и их формальными в настоящий момент возглавителями. Да и сама природа атаманского авторитета сейчас уже иная, чем это отвечает духу и требованиям казачьих Конституций.

Как же выйти казакам из этого положения? К какому решению стремиться: иметь ли Казачеству свою *казачью программу* решения казачьего вопроса или звать к об'единению на платформе ОСДКТ, прикрываемой силою атаманского авторитета, но решающего казачий вопрос под углом зрения интересов русских?

Для нас, В. К., спора и сомнения в этом вопросе нет. Программа ОСДКТ не может быть нашей программой, ибо она — не есть программа казачья. Не для вольных казаков, а для еще не в. к. мы хотели бы подчеркнуть здесь, что второе решение, второй путь не несет Казачеству того, что нужно, не приведет в будущем к иному, чем привел нас в недавнем прошлом. Мы на тот путь — путь служилого казачества — звать казаков не можем.

Остается наш путь, путь В. К.

Казачество не подчиняет своих интересов никому, принимает свою чисто казачью программу и все свои силы отдает на ее осуществление.

Когда это случится, тогда будут решены все «больные» вопросы казачьей жизни, тогда будут ясны ответы на все запросы и «проклятые вопросы» казачьей современности, тогда казакам ясна будет их историческая будущность и тогда у них будет яркая путеводная нить к этой будущности. Только тогда Казачество будет иметь свои руки развязанными и будет действовать самостоятельно; только тогда оно свои силы будет тратить для достижения своих целей.

Пока же казаки будут раздроблены, пока одни из них будут стремиться к осуществлению своей казачьей программы, а другие в это время — тянуть «к общерусскому об'единению», — помочь своим братьям там или делать большое казачье дело заграницей казачья эмиграция вряд ли сможет.

И потому — приказ времени: не творить новые «организации», а создавать о д н у. Не искать программных «деталей», а решать вопросы основные. А основной вопрос у нас, казаков, один: решать казачий вопрос под углом зрения только казачьих интересов и как вопрос сам по себе или — решать казачий вопрос с точки зрения интересов Единой-Неделимой. В первом случае возможно только о д н о р е ш е н и е — вольно-казачье решение казачьего вопроса. Во втором случае — ре-

шений, или вернее — попыток решения казачьего вопроса может быть несколько (что в действительности и есть). Став на этот второй путь, можно до бесконечности «варьировать» свои программы, но, кроме излишней путаницы в казачьем вопросе, ничего другого такое «творчество» не дает. Вот почему вольно-казачьей программе противники наши среди казаков не смогли противопоставить программы же.

Мы намеренно ставим сейчас эти основные вопросы определенно и без недоговоренностей. Ибо — договориться по ним один раз казакам нужно.

Окажется ли казачья эмиграция на высоте требований от нее настоящего исторического момента; найдет ли она в себе столько моральных сил, чтобы в полной мере и во всем об'еме поднять на свои плечи стоящие перед ней исторические задачи и еще раз — теперь уже на поле политическом — исполнить свой долг перед своей казачьей Родиной, — на эти вопросы пусть ответит она сама.

Мы глубоко верим, что ответ этот будет утвердительным и словом и делом.

. . . . . .

О, край родной, кто волей черной
Тебя сейчас заворожил?
Где казаков твоих задорный
Дух и порыв народных сил?
Где песни вольности, и удаль,
И сабель огненная сталь?
— Народ спасенья ждет оттуда,
Где запада синеет даль...
Крепись, мой Край,
Насилье правда сломит!
Надейся Дон. Терпи в снегу,
Пока раскат святого грома
Не прозвучит на берегу.

В. Орехов („ВК“ № 79).

XII.

Печальная годовщина.

25 апреля 1931, № 79.

Весна 1920 года — гибель казачьих стремлений одиннадцать лет тому назад. Весна 1920 года — катастрофа первого периода казачьей государственности, восстановленной после двухвекового перерыва.

Казачья катастрофа 1920 года произошла не только под давлением внешней силы красных завоевателей, но в не меньшей мере и благодаря неудачной, не отвечающей казачьим интересам политике той части Казачества, которая тянула тогда в сторону русской контрреволюции. Эта тяга и была гибелью тогдашних надежд другой части Казачества, которая, воспользовавшись русской революцией, хотела всерьез строить здание казачьей государственности.

Одиннадцать лет тому назад потерпели поражение приверженцы былой Единой-Неделимой и Казачество, которое к этим представителям старой России усиленно тянули сторонники их среди казаков, упало под обломками дела Деникина-Богаевского-Филимонова.

Спор между двумя группировками — представителями двух решений казачьего вопроса продолжается и заграницей. Представители той части Казачества, домогания которых погубили казачьи 1917-1919 годы, до сих пор формально возглавляют Казачество и до сих пор тянут его все на тот же путь. Есть еще до сих пор казаки, которые платят в казну Н. Н. или в другие фонды, назначение которых все то же — продолжение дела «белых».

Значит, далеко еще не все благополучно в казачь-

ем мире, хотя другой частью казачьей эмиграции и сделана уже большая работа для внесения ясности в казачий вопрос у самих казаков. Самостийное движение от стихийных настроений укладывается в ясную и определенную вольно-казачью программу Казакии. Но, представители старого русского не сдаются, надеясь еще раз повести Казачество по той дороге смерти, по которой они провели его уже в 1919-1920 годах.

Катастрофа 1920 года — катастрофа не только вооруженных сил казачьих республик, это — страшный провал вождей Казачества единонеделимческого толка, увлекший за собой в пропасть и Казачество, отдавший в московские красные руки обескровленные и разоренные ожесточенной войной Казачьи Земли. Катастрофа 1920 года — это расплата Казачества за его (вольный или невольный — все равно!) союз с Добрармией, за стремление некоторой части казачьей старшины поддержать во всероссийском масштабе дело Деникина-Врангеля.

На краю пропасти Казачество пробовало спасти свое положение — был созван Верховный Круг Дона, Кубани и Терека, но — было уже поздно. События катили судьбу Казачества уже по наклонной плоскости. К несчастью Казачества, в его собственной среде даже в тот смертный час не было единства понимания ни своего положения, ни средств и способов своего спасения.

Ради будущего надо обернуться иногда назад и посмотреть в прошлое. Там можно часто найти уроки для настоящего. А настоящим, ведь, — делаем будущее...

На страницах «В. К.» мы выражали уже сожаление о том, что казаки сами не пишут истории своей недавней борьбы. Надо собирать томы материалов, надо писать книги. К сожалению, на страницах журнала можем говорить только в общих чертах. Скоро этого будет недостаточно, но сейчас, когда живы еще непосредственные участники событий, они восполнят в

своей памяти многие детали того, о чем мы будем говорить здесь по необходимости в общей форме.

Припомним хотя немногое из того, что было одиннадцать лет назад. Вспомним, какие силы играли какую роль, какие события и люди предопределили исход больше чем двухлетней вооруженной борьбы Казачества и привели его к трагедии на берегах Черного моря.

Самым большим «внутренним» врагом казачьего дела была путаница и противоречия на верхах казачьего управления и законодательства, короче — на верхах казачьей государственной власти. Законы принимались в направлении самостийном, а исполнять эти законы ставились противники самостийности. В самом деле. Первое «противоречие»: нельзя было Донскому Кругу принимать самостийную Конституцию и ставить во главе Донской Республики такого безоговорочного противника самостийности, как генерал А. Богаевский. Нельзя было Кубанской Раде принимать самостийную программу, рвать на этом с Деникиным, а Атаманом избирать Филимонова, не менее определенного противника самостоятельного государственного бытия Казачества, чем и Богаевский. Такие «комбинации» даром не проходят. Раз — самостийные Конституции, то и во главу исолнительной власти надо было ставить самостийников. А если Атаманами выбирать единонеделимцев, то какой практический смысл имело принимать самостийные Конституции?

В моменты решительной борьбы за свободу, когда идет вопрос о жизни или смерти целого народа, во главе себя народ должен ставить людей соответствующих и своей национальной программе и по характеру своему отвечающих требованиям данного исторического момента. У казаков же, и Богаевский и Филимонов, помимо того, что они были противниками подлинных казачьих стремлений 1917-1920 годов, они, тогдашние казачьи Атаманы, и по характеру своему были (и есть) типичными представителями служилого казаче-

ства, той части казачьей старшины, которая и до сих пор ни на что другое, чем «чего изволите?» перед русскими единонеделимцами, не способна. Поэтому тогда уже, в сущности, фактическими распорядителями судеб Казачества были Доброармейцы.

Если в «нормальных», мирных условиях соответствие между общей программой и задачами народа, с одной стороны, и личными качествами исполнителей-вождей и возглавителей государств и политической жизни, с другой, играет такую важную роль, то в обстоятельствах чрезвычайных такое соответствие или несоответствие играет роль решающую. К несчастью Казачества, повторяем, это — одно из основных условий успеха и казачьего дела — исполнено не было.

Неудачное решение атаманского вопроса, естественно, не могло повлечь за собою счастливого решения и, что касается личного или «программного» состава казачьих правительств, ответственных и перед законодательными учреждениями (Круг, Рада) и перед Атаманами. Опять таки, даже в нормальных условиях положение правительства, обязанного считаться и с парламентом и с президентом (в случае их несогласий в понимании самых основных задач государственной жизни), было бы весьма трудным, а в наших условиях 1917-1919 годов — больше, чем трудным. Вот почему на Кубани, напр., правительственный кризис ни разу не был решен удачно. Это, в свою очередь, не могло не влиять губительным образом на ход событий.

Эта «неразбериха» «на верху» и разногласия в самых важных и существенных вопросах между казачьими законодательными учреждениями и носителями исполнительной власти; намеренная тяга к «общерусскому делу» у одних; невыграненность и неясность политического мышления у других; отсутствие «реальной силы» в руках самостийников, — все это приводило к тому, что «на верху» казачьей государственной жизни такую большую и всегда вредную для казачьих интересов роль играли «чужие», с точки зрения Конституи-

ций даже не граждане казачьих республик. Никогда не бывшие друзьями Казачества, они всегда были вредителями казачьего дела, а иногда и предателями, одновременно находившимися на службе непосредственных врагов его (напр., бывш. военный министр Куб. Пр-ва ген. Болховитинов).

Расхождение между верховными законодательными учреждениями (Круг, Рада) и Атаманами сыграло свою роковую роль и в самый ответственный, самый решающий момент событий 1920 года, почти непосредственно накануне катастрофы. Имеем в виду поведение некоторой части старшего командного состава казачьих армий во время Верховного Круга об'единенного Доно-Кубано-Терского Казачества.

Отношения между казачьими Кругами и Радой и Добрармией, а потом и «В. С. Ю. Р.», несмотря на все старания некоторых поклонников дела «белых» среди казаков, никогда не были «розовыми» и, чем дальше, тем портились все сильнее и глубже. Так наз. «Южнорусская конференция», несмотря на то, что кубанцы — противники соглашения с ген. Деникиным — были в меньшинстве, так за шесть месяцев и не дала никаких результатов. Тем временем Казачество, отходя от навязанного ему сотрудничества с русскими «бело-черными», начинало сознавать все большую необходимость сговориться самим между собою и общими силами брать свою судьбу в свои руки. Сознание неизбежности гибели дела Деникина помогало таким намерениям. Это и зародило среди представителей Д. Круга и К. Рады желание о конкретизации и осуществлении казачьих стремлений к сговору. Так родилась мысль о созыве первого в истории Верховного Круга Донского, Кубанского и Терского Казачества.

Прекрасная мысль, к сожалению — поздно осуществленная. Верховный Круг собрался, когда Дон уже заняли красные. Началась дезорганизация на командных военных и политических верхах...

Верховный Круг собрался для того, чтобы стать верховною властью для Дона, Кубани и Терека. Был поставлен вопрос о создании Союзного Казачьего Государства. Но... в казачье дело снова вклинивается Деникин. Под тяжестью чрезвычайных внешних обстоятельств, Верховный Круг ведет вынужденные и нудные переговоры с Деникиным, принимает формулу соглашения, потом рвет ее... Рвет с делом Добрармии и собравшаяся Кубанская Рада. Но, опять таки, — поздно.

В чем же и где причина неудачи попытки Верховного Круга создать казачье государство? — Верховный Круг собрался в условиях и обстановке весьма тяжелых. Но, как и Куб. Рада, и В. Круг не имел в своем распоряжении реальной военной силы.

Ни для кого не секрет, что, ведя переговоры с командованием В. С. Ю. Р. (Деникин-Романовский), Верх. Круг готовился к разрыву. В первую голову надо было решить вопрос о своих вооруженных силах. (Верх. Круг в самом же начале своих работ поставил перед собою два основных вопроса — вопрос Конституции Союзного Казачьего Государства и вопрос его армии, поэтому учреждено было всего две комиссии: конституционная и военная). Предполагая первым своим актом создание Казачьей Армии, Верх. Круг начал искать будущего главнокомандующего об'единенными Доно-Кубано-Терскими казачьими вооруженными силами. Был задан вопрос и тогдашнему командующему Донской Армией ген. Сидорину (намечалось ген. Сидорину предложить пост главнокомандующего, а ген. Кельчевскому — пост нач. штаба). И что же? Что ответил казак, генерал Сидорин, наивысшему представительному Казачьему Собранию — верховной власти казачьей? — Буквально: «Я дал слово генералу Деникину и ему не изменю». Для Сидорина Деникин и его дело стояли выше Казачества и его судьбы.

А некоторые кубанские генералы — комкоры и начдивы? — «Недовольные» выборами Куб. Атаманом ген. Букретова, а еще больше разрывом Верх. Круга

и Рады с Деникиным и его делом, они начали «доказывать», что без Деникина «сделать ничего нельзя» и намеренно спешили на Черноморское побережье, чтобы «наглядно» показать казакам «вредность разрыва» и «наказать виновников разрыва». Некоторые генералы «саботировали»... Саботировали до того, что один из генералов предлагал для спасения положения и «перемены настроения» повесить одного-двух генералов. Ген. Букретов на это не пошел... События шли своим чередом.

Как же при таких условиях могло Казачество успешно вести вооруженную борьбу за свою долю?

Не все было хорошо у нас в прошлом. Чтобы не попасть в будущем в такое положение, Казачество должно научиться заставлять подчиняться своей воле не только рядовых казаков, но и «строптивых» генералов или — во-время расстаться с теми, кто может предпочесть службу московскому боярину службе своему народу.

Командный состав Донской Армии, оставшийся верным генералу Деникину, довел донцов до... Новороссийска. Кубанские генералы, фрондировавшие против Рады, через два года в чужих краях при встрече с Врангелем переходили на другую сторону улицы. Но что из того? — поздно.

В весне 1920 года могут найти поучение не только казаки. Когда Кубанская Армия пришла на Черноморское побережье, перед кубанцами встал вопрос о соглашении с Грузией, о возможности перехода грузинских границ. Но, миссия особой делегации Кубанской Рады по этому вопросу не имела никакого успеха в Тифлисе. Позже казаки узнали, что грузины в то время вели как раз в Москве «мирные» переговоры. Увы! — теперь, пожалуй, и грузины согласятся с тем, что существование казачьих республик гораздо лучше гарантирует Грузинскую самостоятельность, чем даже «дружественные» договоры с Москвою.

Вспоминая сейчас печальную годовщину краха казачьего дела одиннадцать лет тому назад, может быть будет не лишним и не лишенным смысла припомнить последнее решение Кубанской Краевой Рады на своей казачьей земле. Предвидя возможность военной катастрофы, Рада поступила так. Не желая, чтобы, в случае сдачи Армии, сдавалась и Рада, как Рада, т. е. не желая передавать в руки неприятеля самого символа тогда казачьего суверенитета, Краевая Рада постановила не распускать себя, а только закрыть свое «очередное» заседание и, закрывая это заседание 29 марта (16 по ст. ст.) перед переходом через Гойтинский перевал, Рада поручила своему Президиуму созвать Раду, когда наступит для того соответствующий момент.

Пусть это решение имеет сейчас только символическое значение. Но оно свидетельствует, что даже в годину, казалось, безнадежную Казачество не считало своего дела законченным. Само же решение Рады — есть моральный приказ-завет казачьей эмиграции продолжать освободительную борьбу.

Казачее знамя над Вольной Страною
Подняв, не уроним в кровавой борьбе
И волю былую мы смелой рукою
Вернем, непокорные рабской судьбе...
Пусть враг нас сильнее, пусть смерть угрожает —
За волю с любовью мы в бой все спешим
И каждый, кто честен, клинок обнажает —
Мы вражеской кровью его обагрим...
И солнце свободы над древней землею
Казачества Вольного вновь заблестит,
В Казакии люди пусть дружной семьею
Так мощными будут, как твердый гранит...

Антонина Козлова („ВК“ № 108—109).

XIII.

Памяти А. И. Кулабухова.

25 ноября 1929, № 48.

Десять лет тому назад произошло величайшее злодеяние. Опираясь на вооруженную силу, б. главнокомандующий вооруженными силами на «Юге России» генерал Деникин, поправ суверенитет Кубани, путем грубого над нею насилия, над ее Верховным Государственным Органом — Краевою Радою — хотел всецело овладеть Кубанским Казачеством и заставить его безоговорочно служить своим целям и задачам, служить которым добровольно кубанцы отказались. Самым острым и драматическим моментом тех событий было убийство члена Рады, б. кубанского министра и члена Парижской делегации А. И. Кулабухова.

Эти дни стали в то же время и началом конца как самого генерала Деникина, так и всего того дела, которое не он, правда, начинал, но так блестяще сумел погубить.

Ноябрьские 1919 года дни на Кубани во многом были и концом борьбы, больше года продолжавшейся между Кубанью и главным командованием Добрармии. Мира между ними уже больше не было.

Правду сказать, хороших, или лучше — нормальных отношений между Кубанью и ген. Деникиным никогда не было. Кубанцы прекрасно помнят, что начало взаимоотношений Кубани и Добрармии было положено еще при генерале Корнилове, причем, состоявшееся в ст. Новодмитриевской соглашение ни в какой мере не нарушало государственного суверенитета Кубани. «Недоразумения» начались после смерти ген. Кор-

нилова и вскоре приняли довольно острые формы. Генерал Деникин и его окружение «не могли» и не хотели помириться с тем, что Кубанское Казачество может иметь свои задачи и цели борьбы, отличные от задач и целей Добрармии. Кубань для Добрармии, в понимании добровольцев, должна была стать людской и материальной базой и тылом борьбы с советской властью во Всероссийском масштабе. Цели и задачи такой борьбы определили бы сами добровольцы.

Эта борьба продолжалась все время войны, то усиливаясь, то затихая, но никогда не прекращаясь.

На примере взаимоотношений Кубани и Добрармии лучше всего проверить неправильность существовавшего тогда общего, но поверхностного утверждения, что в борьбе годятся всякие союзники. Оказывается, что нет. Оказывается, что недостаточно, чтобы у борющихся были одни и те же противники, чтобы общими целями были только моменты характера, так сказать, «отрицательного» (против кого борьба, — в данном случае общие противники). Для успеха борьбы нужно, чтобы и положительные задачи борьбы — *за что бороться* — были тоже одинаковы, или, в крайнем случае, не противоположны или противоречивы. Особенно относится это к борьбе политической, каковой по существу была большевицкая война. А у нас в действительности было, что одни боролись за одно, а другие — за другое, прямо противоположное. Казачество, конечно, использует этот дорогой опыт и подобных «ошибок» не повторит.

Не будем припоминать здесь всего содержания Кубано-Добровольческого спора и всех его перепитий, скажем только, что Кубань вела его мирными «парламентскими» способами, в то время, как другая сторона не отказывалась прибегать и к средствам «сильнодействующим». Таким именно сильнодействующим средством было раньше убийство Председателя Рады Рябовола. «Молчаливое» ответное на этот акт поведение Кубани неправильно было учтено руководителями

Добрармии. Они просмотрели, что это молчание было молчанием стиснувшего зубы.

Кулабуховские дни не были только завершением спора Добрармии с Кубанью. Собственно говоря, нет полной еще оценки Добровольческому движению и делу Добрармии. Не сказали еще своего слова по этому поводу казаки. Что касается политической стороны руководительства Добрармии, то здесь уже установилось вполне определенное мнение среди Казачества, но остаются еще под большим вопросом военно-стратегические способности руководителей Добрармии. Ген. Деникин потерпел ведь поражение не только со стороны политической, но и со стороны военной. В свое время казачьи военные специалисты дадут должную оценку военным способностям и Деникина, и Врангеля, и Покровского, и...

Мы думаем, что ген. Деникин осенью 1919 года сам видел, что при принятой им линии политического курса, он терпит крах и на поле брани. И Кулабуховскими днями он не только хотел получить себе легальный, «законный» титул на владение Кубанью, которого он до того не мог получить ни от Кубанской Рады, ни от так наз. Южно-Русской Конференции, — но весьма вероятно, что таким сильнодействующим средством он хотел прежде всего отвлечь внимание от истинных причин поражения своего фронта. Проиграв борьбу, он хотел переложить вину за свои неудачи на плечи других.

Ведь для всякого хотя бы немного беспристрастного наблюдателя событий станет ясным, что предание суду Парижской делегации было простой и к тому же запоздалой придиркой. Не говорим уже о том, что предавать суду Парижскую делегацию — такого права Деникин не имел. Да он и сам это знал. Он применил силу. Ему нужно было за что нибудь зацепиться. За что — все равно. Он и зацепился за Договор Дружбы.

Кулабуховские дни учат нас не только тому, как надо выбирать союзников «внешних». Что Деникин на-

пал на Кубань и совершил злодеяние — он виноват. Но что кубанцы позволили совершить это злодеяние над собою, что они ограничили свои протесты и на этот раз (как и во дни Рябовола) только словами и не противопоставили действия действию, что они «сдали» в последнюю минуту и не рискнули на противодействие и самозащиту и проиграли тогда, когда могли и выиграть — в этом они виноваты. В политической борьбе надо бороться оружием равным. Правда, Кубанское Казачество реагировало на ноябрьские события уходом с фронта, но... этим борьбы уже не выиграло.

Самым главным виновником со стороны кубанской, виновником, который не только не мог защитить чести и достоинства Кубани в те жуткие дни, но, кажется, и не хотел их защищать, хотя по положению своему и должен был это делать, — это б. В. Атаман Филимонов. Его малодушия или предательства Казачество ему не простит никогда. Такие Атаманы Казачеству не нужны. Пусть это будет поучением на будущее всем нам о том, как и кого выбирать в Атаманы.

Заслуживает быть отмеченным и поведение рядового казачества. Как известно, днем 6 (19 по новому ст.) ноября Покровский, требуя у Рады выдачи «изменников», поставил по улицам, в «парадном порядке»... казачьи части. Судили Кулабухова некоторые казачьи офицеры, вешали — тоже. Покровские убивали кубанских народных избранников... казачьими руками. Большего издевательства над Казачеством придумать трудно. Мы же думаем, что те кубанские казаки, которые стояли в «параде» 6 (19) ноября 1919 года по Красной улице в Екатеринодаре, не смеют снять с себя своей доли ответственности за все тогда совершившееся.

Казачеству нужно знать, что если оно хочет жить своей жизнью, если оно хочет распоряжаться своей судьбой, если оно действительно желает быть государственно самостоятельным и хочет иметь во главе своего государства своих людей, то оно должно хотеть и уметь этих людей беречь и защищать... А кубанцы в 1919

году не уберегли Рябовола, не защитили Кулабухова... Как на войне противник хочет прежде всего обезглавить своего противника и в первую очередь уничтожает командный состав, так и в борьбе политической первыми жертвами падают вожаки. Казаки умеют прекрасно хранить своих офицеров в бою. Надо учиться хранить и офицеров в политике, — без них Казачество своей политической борьбы не выиграет.

И еще одно полезное поучение можем вынести из кубанских событий 1919 года. Когда в 1917 году Всероссийское Временное Правительство потребовало выдачи Каледина, Дон, отказывая (тогда еще — своему «законному» правительству!), имел за собою поддержку Кубани (да и всего Казачества). Мы имеем много оснований думать, что в 1919 году ген. Деникин, предпринимая свое гнусное «действо» на Кубани, получил предварительно согласие на то Дона. Донская власть гарантировала ген. Деникину в его «споре» с Кубанью по крайней мере дружественный нейтралитет (по отношению к Деникину). Говорим не столько ради прошлого, сколько ради будущего: такие «добрососедские» отношения между двумя наиболее сильными казачьими республиками не годятся.

Каждое народное освободительное движение имеет своих мучеников (как религиозное — своих святых). Роль их для развития национального самосознания колоссальна. И как бы ни была тяжела жертва, — в данном случае она никогда не пропадет. Так не пропала бесследно и смерть Кулабухова. Убийцы его ошиблись. Мертвый Кулабухов сделал может быть больше, чем сделал бы живой.

Отдавая дань жертвенности покойного А. И. Кулабухова, преклоняясь перед его светлой памятью, Казачество не помянет добрым словом живого еще Деникина. Кулабухова он убил, но духа живого Казачества не убьет: политические идеалы свои Казачество осуществит, если бы на дороге ему стали десятки Деникиных.

XIV.

Ноябрьская годовщина.

25 ноября 1931, № 93.

Ноябрьские дни на Кубани — одно из самых печальных и не менее предостерегающих событий новейшей истории Казачества. Мы говорим истории Казачества, а не истории Кубанского Казачества, т. к. по существу в ноябре 1919 г. решался не частный спор Кубани с Добрармией, а «Русь белая», как представительница великодержавной России прошлого, в интересах, как она их понимала, России будущей решилась раз и навсегда покончить с казачьим сепаратизмом и раз навсегда Казачий Вопрос из вопроса двусторонне-внешнего сделать снова вопросом односторонней внутренней русской политики местного значения (русская программа максимум в казачьем вопросе).

Эта «белая» русская политика по отношению к Казачеству, весьма внушительно поддержанная грубой физической силой самой Добрармии и не менее рьяно некоторыми «доброхотами» бывших царских бояр из среды самих же казаков, на несколько дней (буквально!) восторжествовала. Но, тем стремительнее было затем падение и самого «русского белого дела».

Мы очень хорошо знаем, что и как делает с Казачеством «Русь красная». По «ноябрьским дням» на Кубани можно со стопроцентной уверенностью говорить о том, что сделала бы с Казачеством «Русь белая» в случае, если бы ее дело увенчалось успехом. Вот почему казаки не должны забывать того, что произошло в ноябре 1919 года в Екатеринодаре, вернее — того, чем и как закончился полуторагодичный

«спор» Кубани с «Вооруженными силами Юга России». Особенно нужно хорошо продумать это тем казакам, которые, к несчастью Казачества, еще и до сих пор плетутся в хвосте провалившейся «белой мечты» и создают окружение неудачным русским генералам, которые к друзьям Казачества во всяком случае не принадлежат.

20 (7-го по ст. ст.) ноября 1919 года в Екатеринодаре повешен был А. И. Кулабухов не как А. И. Кулабухов, а как представитель тогдашнего самостийного казачьего движения (точно также, как по тому же самому признаку пятью месяцами раньше в Ростове убит был и Н. С. Рябовол). «Руси белой» казаки нужны были как хорошее пушечное мясо, как материал, на котором она, как на солидном фундаменте (а фундамент лежит всегда в земле!), хотела построить с в о е здание Единой и Неделимой. И до тех пор, пока у нее была эта надежда, она казаков, как казаков, еще терпела. Но, коль скоро обнаружилось, что казаки не имеют желания класть свои головы для осуществления дела русских генералов и возвращения земли русским помещикам; коль скоро обнаружилось, что казаки имеют свои собственные цели и стремления, что свое будущее они понимают по своему, что они хотят сами строить свою жизнь и сами распоряжаться своей головой, своим достоянием и своей исторической судьбой, — маски были сняты и, по установившейся уже исторической традиции, Деникин и Врангель прибегли к способам и средствам Петра и Екатерины. А. И. Кулабухов повешен. Но, — пусть поспорят сейчас с популярностью этого имени в казачьей душе те чужие, кто его вешал, или те свои, кто им помогал!

Для нас и тогда, а теперь и для всего Казачества совершенно ясно, что пресловутый «Договор дружбы» был только предлогом, был той ширмой, которой Деникин-Врангель прикрывали свои истинные намерения и «оправдывали» поведение своих помощников в этом злодеянии из казаков.

Какие планы и намерения в адрес Казачества имела «Русь белая» и что она по отношению к нему позволила, когда чувствовала, что позволить может, мы теперь знаем все. Для тех, кто истинное соотношение тогдашних сил и подлинные намерения обеих сторон знал и тогда, для тех в том, что произошло в ноябре 1919 года, ничего неожиданного не было. Природа русского белого единонеделимчества (как и красного!) и природа казачья слишком различны. Но, есть и *но*, огромное *но*. Что касается Деникина-Врангеля — там все ясно. То — наши противники. Другого от них нельзя было и ожидать. И в том, что они в адрес Казачества совершили — они виноваты (в нашем, конечно, понимании, ибо в своем сознании они не виновны, а виновны, наоборот, мы — наши точки зрения совершенно противоположны!). Но, мы хотим подойти к этому вопросу и с другой стороны.

Если господа Деникины-Врангели виновны в том, что они на нас напали, то мы виновны в том, что не оказали должного отпора и сопротивления и борьбу проиграли. А мы ее могли и не проиграть. Почему же все таки случилось то, что случилось? — Потому, во-первых, что они побили нас нашими же казачьими руками и, во-вторых, мы, казаки, не решились тогда на насилие ответить насилием, — нельзя было бороться со штыками и пулеметами одними только резолюциями и голосованиями. Поэтому, не только ради освещения прошлого, но еще больше ради интересов будущего надо ставить вопрос о поведении тех, кто из казаков помогал вместе с возглавлением Добрармии надевать петлю на Казачество (Кулабухов сейчас уже символ распятого Казачества!), и надо в будущем уметь нам не только решать, но и уметь защищать свои решения и свои стремления. Надо всегда иметь за плечами хорошую организованную силу (физическую и моральную), чтобы суметь в каждый момент дать надлежащий отпор каждому нападающему.

Какое то проклятие тяготит над Казачеством. Всег-

да почти в трудные для него исторические моменты, противники его находили кого нибудь в его же среде, кто исполнял роль Иуды (Иуду такого потом так или иначе «ликвидировали» сами же, кому он оказывал свою услугу). Это общее положение оправдалось и в ноябрьские дни. И в ноябрьские дни случилось то, что случилось, только потому, что на Кубани не было в то время настоящего Атамана. Был весьма ревностный служитель идеи Добрармии на посту Атамана, преданный и послушный ее вождям. А когда после ноябрьских дней он больше и им не был нужен, они предложили ему уйти и он их послушался. Сами же Деникин («Очерки Русской смуты») и Врангель («Белое дело») рассказывают нам об этом. В V томе своих очерков (стр. 214) ген. Деникин приводит, напр., следующее письмо к нему ген. А. П. Филимонова:

«В событиях последних дней (ноябрьских, Ред.) на Кубани для меня лично оказалось самым тяжелым — это переданное мне через третьих лиц Ваше мнение о неприемлемости моего пребывания на посту Кубанского атамана... Являясь убежденным и последовательным сторонником идеи воссоздания России, я ни одной минуты не мыслил работать без Вашего сочувствия и доброжелательства; поэтому, как только я узнал, что этих условий в настоящее время нет, я немедленно, несмотря на единодушное доверие Рады, сложил с себя полномочия»...

Мы думаем, что в этом весьма характерном для ген. Филимонова отрывке все так ясно, что читатели разберутся и вынесут свой приговор без каких бы то ни было комментарий с нашей стороны. В самом деле: в то время, как над Кубанью совершалось гнуснейшее насилие, ее выборный глава больше всего болеет тем, что думал о нем ген. Деникин — автор самого насилия. Принимая избрание на пост Атамана от Рады, ген. Филимонов свое пребывание на этом посту ставил в зависимость исключительно от воли ген. Деникина. Это хорошая наука кубанским казакам в вопросе о том,

какого не нужно выбирать себе Атамана. Прибавьте к этому еще и то, что это он, ген. Филимонов, тогда еще В. Атаман, заманул к себе во дворец А. И. Кулабухова, где его и «взял живьем» г. Покровский прямо на виселицу.

К сожалению, говоря о «доброхотах» из казаков и роли их в ноябрьских событиях на Кубани, должны остановиться и на поведении нынешнего Атамана. Из записок тех же генералов (Деникина и Врангеля) узнаем, что автором «переворота» был сам ген. Деникин, фактическим исполнителем «кубанского действа» — г. Покровский, а руководителем всей «операции» был ген. Врангель, — советником же у него во всем этом деле, как это ни печально, был ген. В. Г. Науменко. Рассказывает об этом опять таки сам ген. Врангель («Белое дело», т. V, стр. 214-243, ст. «Крамола на Кубани»). Приведем ниже, в доказательство этого утверждения, соответствующие выдержки из его книги:

«С генералом Филимоновым разговаривать было бесполезно (перед тем он, ген. Врангель, так охарактеризовал ген. Филимонова: «К сожалению, недостаточно твердый, нерешительный, он потерял почву под ногами и выпустил власть из своих рук»...) и я решил посвятить в дело ближайшего помощника его, исполнявшего должность походного атамана и начальника военного управления, ген. Науменко. Последний, весьма разумный человек, отлично отдавал себе отчет в необходимости изменить существующий порядок вещей. После обеда у атамана, я с генералами Покровским и Науменко беседовал весь вечер. Я изложил намеченный мною план действий, который и был, в конце концов, всеми принят». (Стр. 219).

...«В этот же день прибыл ко мне ген. Науменко (в Кисловодск, 31 октября. Ред.). Мы подробно обсудили дело. Ген. Покровский должен был произвести аресты Кулабухова и ряда других лиц и немедленно предать их военно-полевому суду, каковой должен был быть сформирован при имеющейся у него бригаде пол-

ковника Буряка. Дабы не ставить атамана в тяжелое положение и тем еще более не осложнить вопрос, я просил ген. Науменко переговорить от моего имени с ген. Филимоновым и постараться убедить его сложить с себя атаманское звание». (Стр. 231).

«Я тут же написал соответствующее предписание ген. Покровскому, которое и передал ген. Науменко для вручения его ген. Покровскому лишь после того, как атаман примет решение».

Предписание это кончалось так:

... «Арестованных лиц немедленно предайте военно-полевому суду, каковой сформируйте при бригаде полковника Буряка и приговор суда приведите в исполнение безотлагательно»... (Стр. 231).

Так было. Братья, казаки! что надо делать, чтобы в будущем так не было? Разве генералы Деникин-Врангель рискнули бы на свою ноябрьскую «операцию», если бы им не помогали в этом сами же казаки? Мы уверены, что нет.

Мы готовимся сейчас к освобождению своих Земель от «Руси красной». Надо, чтобы это грядущее освобождение было действительным. Надо сейчас уже готовиться и к тому, чтобы не пришли потом к нам новые Деникины-Врангели и вместе со своими сторонниками из казаков же не повторили ноябрьских дней.

Самым идеальным и счастливым для судьбы Казачества было бы, если бы все Казачество об'единилось на своей, исключительно казачьей программе и если бы никакие русские единонеделимцы не нашли себе в будущем среди казаков единомышленников и пособников при своих посягательствах на права и интересы будущего Казачьего Государства. Этого бы мы хотели. Но, желая идеального, надо быть всегда готовым к действительному.

Вспоминая сейчас все то, что было двенадцать лет назад, хочется, чтобы этот урок не прошел для Казачества даром; хочется, чтобы не проливалась так

бесславно и так бесполезно казачья кровь. Это — роскошь, которая стоит весьма дорого. Казачья кровь льется сейчас рекой от руки красного Московского палача. Более чем вероятно, что потребует ее и грядущее освобождение. Но пусть та кровь будет последней. И пусть никогда уже казачья кровь не прольется от руки казачьей!

Ночь. Глухо-черно кругом.
Догорели, погасли зарницы;
И, об'ятые чутким, измученным сном,
Спят долины, леса и станицы.
Но не спить Мать-Кубань и не может уснуть —
Боль незажитых ран сна не знает.
И, купая в крови крестно-пройденный путь,
Тихостонно, родная, рыдает.
И как только забрезжит рассвет по горам
И в тумане проснется станица, —
С лаской шепчет, усталая, детям-волнам
На прощанье наказ Мать-Орлица:
— С Богом, милые, в даль! Да по всем по морям
Мою думу и зов разнесите, —
Всем, кто помнит меня, да орлятам-сынам
Так от Матери всем им скажите:
Что не спит де она, что все думы о них,
Что о них она ночью рыдает...
И, мечту затая, бойцов воли своих
Всех к своим берегам ожидает.

М. Н-ов („ВК“ № 10).

XV.

О восстаниях.

10—25 сентября 1928, № 19—20.

В прошлом номере «В. К.» помещено было сообщение Берлинской газеты «Руль» о том, что в области Верхнего Дона происходят серьезные «беспорядки», в которых принимают участие как казаки степных станиц, так и крестьяне (донские, конечно!); что появились уже и партизанские отряды и что в район «беспорядков» посылается одна из надежнейших дивизий — Московская стрелковая, укомплектованная почти исключительно рабочими. В том же «Руле» сообщалось, что и на Северном Кавказе появились партизанские отряды, взорвавшие за Армавиром железнодорожный мост.

Сообщения эти проверить, пока, не удалось.

Действительно ли там были какие «беспорядки» или нет, сказать трудно — слишком высока еще китайская стена красной Московской цензуры, чтобы можно было легко узнать подлинную правду о том, что в действительности за ней творится.

Но одно можно сказать наверняка: «беспорядки» (по советской терминологии) возможны. По нашему же, это не беспорядки, это восстание или восстания тех, кто не выдержал или не выдерживает ига красной московской диктатуры.

Восстания в Казачьих Землях были и не один раз за эти восемь лет оккупации их чужой советской властью. Были потому, что нет и не было за это время мира в наших Землях, что нет и не было примирения наших Краев с завоевателями — господами сегодняш-

него положения из Московского Кремля. Казачьи Земли оккупированы, народ побежден грубой внешней силой, но с победителями не примирился. «Мир» и «порядок» в наших Землях держатся на «кончике штыка» московского красноармейца. Казачество придавлено, но не покорилось.

Вот почему восстания были, вот почему они возможны, и, вероятно, будут пока будет продолжаться оккупация.

В сообщении «Руля» есть одна, очень характерная и для нас утешительная деталь: в «беспорядках» принимают участие не только казаки, но и крестьяне — донские и кубанские. «Иногородний» вопрос, таким образом, разрешается. Было время, когда «иногородние» Казачьих Земель стояли против казаков, а казаки против иногородних. Теперь они становятся рядом против общего врага. Так должно быть, такая постановка вопроса только и может решить его ко благу обеих сторон.

Все предыдущие восстания в Казачьих Землях против господства там Московских большевиков терпели неудачу. Каждое восстание или даже попытки к ним жестоко подавлялись оккупантами и всегда после этого усиливалось царство террора. И все же восстания повторялись и, возможно, повторятся.

Когда люди прекрасно знают, что ждет их в случае неудачи и все же идут на восстание, то это только свидетельствует о степени тяжести грубого большевицко-коммунистического сапога, со всей своей силой навалившегося на Казачьи Земли.

К восстаниям легко не прибегают. Восстание — последнее средство, последний аргумент.

Раньше известны были в большинстве случаев народные восстания против власти, шла борьба за свободу, за права «человека и гражданина». Ныне мы живем в то время, когда целые народы борятся за свое освобождение из под власти или гегемонии других на-

родов; ныне, в большинстве, идет борьба за право народов на самоопределение, за право каждого народа на свою государственную независимость. Прежний спор между властью и ее «подданными» постепенно, по мере торжества идей демократии, уступает место спору более широкого масштаба, спору между «историческими» и «неисторическими» народами.

Трудная и тяжелая была борьба за права человека и гражданина. К сожалению, еще более трудна, еще более кровава борьба за права народа. Здесь еще более подтверждается общее положение, что ничто даром не дается, тем более свобода народов. Вот почему, пока не будут решены или предопределены, пока будут существовать споры о правах народов, пока одни народы будут господствовать, а другие «служить» им, — до тех пор будут и восстания. Но, кровь, пролитая за свободу народа, никогда не пропадет даром: рано или поздно приносит свою жатву.

Можно различать несколько видов восстаний:

Восстания продуманные и хорошо подготовленные, рассчитанные, делаемые с надлежащими силами, хорошо руководимые и поднимаемые в надлежащий момент, как правило — неожиданно для тех, против кого они направлены. Только такие восстания могут рассчитывать на серьезную удачу.

Восстания другого рода — восстания с отчаяния, возникающие стихийно, как порыв, когда «ждать нельзя», когда — «лучше смерть, чем невыносимая жизнь», когда не думают о рассчетах или о предварительной подготовке. — Восставшие в этом случае могут ждать успеха лишь в том случае, если восстание не останется «местным явлением».

Бывают и восстания спровоцированные теми, против кого они готовились и кто, узнав наперед о его подготовке, сам подготовившись, искусственно вызывает его раньше времени — «обнаруживает противника», — чтобы не дать довести организационную работу до

конца. Эти последние восстания всегда заранее обречены на неудачу и бывают самые дорогие, т. к. по сути они находятся в распоряжении «противника».

Никто так не хотел бы разрешить наш вопрос, вопрос освобождения наших Краев, без крови, какой угодно, но мирной ценой, как то хотели бы мы, хотело бы все Казачество. Слишком тяжела и дорога была недавняя борьба и теперешняя оккупация, слишком обескровлено Казачество, чтобы оно могло хотеть лишней крови. Но если без крови обойтись нельзя, если нужно или когда придется Казачеству поднимать восстание для того, чтобы не погибнуть, то только тогда, когда это выгодно будет ему, Казачеству восстающему. Надо сначала надлежаще приготовиться и выступить тогда, когда свое положение есть наилучшим, свои шансы наибольшие, а шансы и положение противника наименее выгодны.

Как бы ни было тяжело положение, но восстаний с отчаяния все же делать не нужно. Восстание такое, в подавляющем большинстве случаев обреченное на неудачу, бывает дороже, стоит больше, чем то, что его вызывает.

Больше же всего надо бояться восстаний, спровоцированных «противником».

Отсюда ясно, как велика роль и сколь велика ответственность вождей и руководителей восстаний. Если восстание не имеет шансов на успех, то его лучше не поднимать — торжествующие победители не жалеют крови побежденных.

Для успешного восстания нужна база, нужен «тыл», нужна обеспеченная заранее помощь (резерв). Но еще больше, чем к самому восстанию, нужна подготовка ко второму дню после восстания. Мало еще было бы для нас свергнуть большевицкое иго и завоевать себе свободу, — ее надо уметь и удержать, надо суметь другой раз не пустить к себе непрошенного гостя. Свободу мы уже один раз имели, Ка-

зачьи Земли один раз уже были очищены от большевиков, но защитить их от другого нашествия того же врага мы не смогли.

Не одни Казачьи Земли стонут под большевицко-коммунистической пятой. Украина, Кавказ и др. «счастливые» народы «рая» одинаково страдают от господства московского интернационала. То наши естественные союзники в борьбе за свободу. И если бы кто бы то ни было из них думал о восстании, как последнем и неизбежном средстве борьбы, тот должен был бы обеспечить себя и союзниками. Каждый из этих народов в отдельности рискует борьбу один на один проиграть. Поэтому всем им надо думать сначала о создании своего союзного фронта против своих угнетателей.

Если бы наш голос мог дойти туда, мы хотели бы, чтобы наши братья там и наши соображения приняли в рассчет и не обессиливали бы себя мелкими восстаниями. Восстание, поднятое раньше времени — есть вещь проигранная. Восстание, если ему суждено быть, если без него нельзя будет обойтись, должно быть одно и только то, которое наверняка принесет освобождение.

. . . . . .

Чья возьмет — еще посмотрим...
Слушай, слушай, справа по-три,
И держи на Север шаг...
Стремя в стремя... Строй за строем...
Эй, кремлевский враг!
Выходи-ка! В смертном бое
Подсчитаем мы с тобою
Вековой разлад!..

Ф. Полковников („ВК“ № 10).

XVI.

Пропаганда.

10 июня 1931, № 82.

... Пропаганда политическая является проводником особого рода идей, проникающих собою человеческую общественную жизнь, производящую и свое название от греческого слова «полис» — город, община, общество; занятие общественными делами и называлось в древней Греции «политикой».

О роли и значении политических идей в общественной жизни человечества особенно распространяться не приходится; известно, что эти идеи во всевозможных оттенках затрагивают все виды общественной деятельности — муниципальной, государственной, организационной, экономической, социальной, национальной, получая, в зависимости от характера и сущности тех или иных идеологий, облеченных в специальных схемах-программах, соответствующую окраску; политика потому и бывает муниципальной, экономической, социальной, государственной, народной, международной, национальной, интернациональной и т. д. Руководство в организованной политической жизни принадлежит правительствам, общественным учреждениям и разным, основанным на какой либо специфической идеологии, группам, именуемым политическими партиями.

Тот общий род политики, который обнимает собою наиболее широкие интересы целой земли, отечества, народа, государства носит название политики патриотической. Безусловно, что каждая политика в стремлении внедрить свою идеологию в сознание и чувство массы и в необходимости подчинить их своему влия-

нию, пользуется, как наиболее верным и действительным орудием — пропагандой; лишь через посредство пропаганды и использование всех ее специфических особенностей и приемов, может возрости, утвердиться и распространиться в среде народной массы какая либо и политическая идея, может оформиться по известному плану (программе) массовое сознание, пробудиться активность чувства и может воспитаться воля к необходимому действию. Вот почему всякая политика пользуется так широко пропагандой во всех ее видах.

Переходя к вопросу о Казачестве, должно отметить, что, в зависимости от крайне тяжелого переживаемого Казачеством времени, и вся политика его в настоящем должна вращаться вокруг главнейшего и существеннейшего вопроса, наиболее полно затрагивающего его жизненные интересы, определяющего вообще его бытие. Такой политикой в настоящее время для Казачества может быть лишь политика патриотическая, защищающая все Казачество в целом, обнимающая собою все остальные политические вопросы, отстаивающая освобождение Казачества от всякого внешнего посягательства и долженствующая вести к полному освобождению, к созданию самодовлеющего казачьего государственного организма. Ясно, что в зависимости от таких высоких и исчерпывающих задач, диктуемых Казачеству настоящим временем и положением и составляющих содержание его современных жизненных стремлений и политической патриотической деятельности, и пропаганда казачья главным образом должна вестись по линии политической-патриотической.

Современное тяжелое положение Казачества, стоящего под угрозой полного уничтожения его сов. Россией при индиферентном отношении к его судьбе со стороны иных народов и государств, требует от самого Казачества напряжения всех своих сил и изыскания возможностей подать голос самому за себя, проявить свою волю; эти возможности можно и должно изыскать прежде всего во внешней и внутренней пропаган-

де своих заветных идей и своих конечных стремлений. И потому на свою собственную пропаганду, пропаганду казачью, патриотическую Казачество должно обратить весьма серьезное внимание. Освободительная патриотическая пропаганда Казачества должна быть неутомимой, интенсивной и убедительной. Свои задачи и стремления должны быть обозначены ясно, понятно и открыто; с внешней стороны должна быть использована всякая обстановка, к которой наша пропаганда могла бы с наибольшей выгодой для Казачества применяться. Как сама суть пропаганды, ее основания, особенности, способы и возможности воздействия, так и материал, масса, подлежащие ее обработке, должны быть все время в вниманин Казачества, в изучении, в учете. Лишь умелым использованием обстановки, условия, места и времени можно сделать свою пропаганду действительной и сильной и, в свою очередь, лишь через пропаганду можно подготовить истинный путь к своему освобождению.

Современная политическая обстановка для Казачества действительно крайне неблагоприятна: Казачьи Земли и главная масса Казачества оккупированы и придавлены врагом; внедрение освободительных идей в массе казачьего населения родных Земель способом хорошо разработанной, плановой пропаганды почти исключено. Жестоким насилием, террором Казачество в родной своей стране лишено всякой возможности бороться с оккупантом способом какой либо пропаганды; само оно даже не может заявить о своих страданиях и насилиях, совершаемых над ним. Пропаганда внутренняя, концентрирующая силы Казачества внутри его самого в общей ненависти к врагу и к отрицанию его господства, ведется на казачьих землях, так сказать, путем «от противного»; само большевицкое насилие пропагандирует ненависть к нему.

Таким образом, обстановка и время работают постепенно, но верно в пользу Казачества, но такая отрицательная пропаганда имеет то неудобство, что она

крайне односторонняя; силы, возбуждаемые ею, способны формироваться скорее в линии деструктивного, чем конструктивного, созидательного направления; приобретая в своем размахе и развитии огромную мощь, силы эти в конечном результате могут быть все же лишены разумного плана действия; к тому же, такая «пропаганда» сопровождается всегда бесчисленными и тяжелыми кровавыми жертвами; и чем большее время господствует враг, тем больше требует себе жертв его господство; отдельные вспышки ненависти к себе со стороны побежденного, терзаемого народа поработитель имеет пока неограниченную возможность придушить; а общую, угрожающую себе опасность разростающейся ненависти, необ'единенной единым планом действия, противник может уничтожить уничтожением самого Казачества, к чему он неуклонно все время и стремится.

Таким образом, хотя, вследствие террора и грубого господства большевиков над Казачеством, само время и действует за Казачество, однако, в это же самое время господство врага является страшной угрозой самому существованию Казачества. Казачество само должно быть активным и, не надеясь на отрицательную естественную пропаганду времени, сознательно вести пропаганду положительную, построенную на началах конструктивных, ясно формулирующих цели борьбы, направляющих волю к разумному действию. Казачество не должно никогда забывать, что враг у него не один; не одни лишь большевики, угнетающие сейчас его свободу, что «мессианистская» тенденция всякой России будет для Казачества постоянной угрозой со стороны тех, кто собирается занять и когда либо займет место большевицкой России. Казачество должно наперед предвидеть своих будущих противников и своевременно принять меры к самозащите.

Такая подготовка Казачества может быть исполнена лишь способом глубоко продуманной, организованной конструктивной пропаганды уже теперь. Но такая положительная, рассчитанная, созидательная пропаган-

да требует, естественно, хотя бы некоторой благоприятной обстановки и свободы действий. Дома такая обстановка и свобода являются совершенно исключенными, потому и соответствующей пропаганды там Казачество ни создать, ни развить ее не может — эти задачи ложатся необходимым бременем на плечи казачьей эмиграции, рассеянной по всему свету.

Живя в свободных, культурных условиях многих государств Европы, казачья эмиграция имеет полную возможность исполнить свой патриотический долг; свое существование хотя и тяжелое в смысле материальном, но несравненно более благоприятное в смысле моральном, эмиграция должна оправдать перед родиной еще одной жертвой, возможной для нее, а именно — неустанной политической работой в пользу своих порабощенных братьев. Эта работа сводится, в конечном счете, к созданию и организации противовражеских сил, а создание этих сил, их укрепление и активизация достижимо лишь с помощью пропаганды. Поэтому казачья эмиграция должна использовать все возможности для своей собственной патриотической пропаганды; она должна использовать и все способы этой пропаганды, как посредственные, так и непосредственные, так и все виды ее, как пропаганды оборонительной, так и наступательной, как внутренней, так и внешней.

Практически, задачей оборонительной казачьей пропаганды, вполне понятно является разрушение лжи противников Казачества, отражение наступления на него со стороны врагов (иногда прикидывающихся и друзьями), преследующих свои собственные (иногда сокрытые) цели.

Целью пропаганды казачьей наступательной должно быть возможно большее и полное ознакомление с Казачеством как своих, так и чужих; ознакомление с его народными особенностями и достоинствами, с его историей, с его бытом, способом жизни, культурой, с его бывшим служебным положением в быв-

шей России и с настоящим порабощенным положением под властью красной Москвы. Но, главными своими пунктами наступательная казачья пропаганда должна иметь полное и ясное ознакомление с вековой борьбой Казачества за свою свободу, со своим освободительным движением во время недавней революции и, главнейшее, стараться внедрить, утвердить в своем и чужом сознании ясные, отчетливые, логически обоснованные цели борьбы и освободительные идеи.

Внутренняя казачья пропаганда возможна пока лишь в своей же казачьей эмигрантской среде, но если бы и среди казачьей массы в эмиграции пропаганда казачьих освободительных идей была действительно сильной, полной и действенной, способной соединить всю казачью эмиграцию в один монолит, проникнутый одной мыслью, одним чувством, одной непреклонной волей к борьбе за освобождение, то уже и такая пропаганда в настоящих условиях вполне бы оправдала себя.

Казачья пропаганда внешняя должна быть обращена к чужим — друзьям, нейтральным и противникам; главной ее целью должно быть ознакомление чужих с Казачеством, разрушение лжи и предрассудков в адрес Казачества и привитие привычки смотреть на Казачество как на самодовлеющий, ценный историко-социологический организм, преисполненный жизненных сил и могучей воли к свободному проявлению себя в среде иных народов.

Способами интенсивной, настойчивой и широкой внешней пропаганды Казачество получит возможность приобретать себе необходимых друзей по всему белу свету, а друзья и благожелатели, даже хотя бы только сочувствующие и понимающие, всегда могут быть полезны в трудном казачьем деле.

Наконец, казачья эмиграция должна себе ясно представлять и общий характер и суть своих собственных освободительных идей, ясно осознавать характер своих стремлений, а соответственно этому знать харак-

тер, схему, план и главные ударные точки и в своей пропаганде этих идей и стремлений.

И поскольку, как мы уже упоминали несколько раз, главной и наибольшей целью Казачества есть в настоящее время стремление к достижению освобождения, — главной идеей, вдохновляющей казачью политическую мысль в эмиграции, есть идея освобождения. Тем самым определяется и характер казачьей патриотической, политической пропаганды, как пропаганды казачьей свободы.

Если Казачество пришло уже к сознанию необходимости пропаганды своей свободы, то эта свобода должна быть полная, ничем не ограниченная. Никакие идеи казачьих политических групп, за исключением Вольного Казачества, не могут раскрыть полной и ясной картины такой свободы, — ни автономисты, сторонники казачьего самоуправления, ни федералисты, мыслящие Казачество в границах федеративной России, ни так называемые «самостийники» «впредь до»... не могут обосновать в своих политических схемах и программах этой полной свободы. Одно лишь Вольное Казачество, продумавшее и осознавшее пути казачьего освобождения до конца, уразумевшее смысл казачьей борьбы, имеющее перед собою задачу полного и совершенного освобождения, выражающегося в независимом, суверенном государственном существовании Казакии, выдвинуло свою освободительную программу, как программу-максимум казачьей свободы.

И потому, конкретно, пропаганда казачьей свободы сводится, в сущности, к пропаганде освободительных идей Вольного Казачества, сказавшего свое последнее слово в понимании и представлении этой свободы, сказавшего свое понимание решения казачьего вопроса, как осуществление независимого государственного бытия Казачества, как высшей формы свободы, организованной общественно-политической жизни современного человечества.

XVII.

О роли казачьей эмиграции.

10—25 сентября 1929, № 43—44.

Переселение небольшой пока части кубанцев в Перу всколыхнуло всю казачью эмиграцию. Всколыхнуло потому, что возможность устроиться на землю, сесть своим хозяйством, вернуться к своему привычному труду и роли хозяина-господина в своем доме и на своей земле хотя бы и в чужом краю — это для всех казаков на чужбине является давно уже заветной мэчтой. Вот почему Перу вдруг стало »землей обетованной« казачьей эмиграции. Будет-ли ею в действительности, — не знаем. На этот вопрос может ответить только будущее. Мы настроены осторожно.

Но, заволновались казаки. Заволновались тем более, что надоело жить в батраках; утомились от непривычного и неблагодарного труда на фабриках и заводах; отупели на рудниках или каменоломнях; устали строить чужие шоссе; истосковались по родной Земле и начали терять веру в то, что скоро ее увидят снова...

Люди часто ошибаются. Когда в 1914 году началась Великая война, все — и военные и невоенные — думали, что она будет очень короткой. На самом деле она оказалась очень продолжительной. Когда в 1917 году русскую государственную власть захватили большевики-коммунисты, противники их думали, что продержатся они... несколько недель. Когда русские антибольшевики, украинцы, казаки и эмиграция других народов, боровшихся за свое освобождение, очутились заграницей, тоже все считали, что не надолго. Долго очень среди эмиграции царствовало »чемоданное«

настроение. Думали заграницей только переждать и перебиться. И пережидали... изо дня в день, из года в год.

Неправильными оказались предположения тех, кто полагал, что срок нашей эмиграции будет слишком короткий. А эти неправильные предположения привели к тому, что казачья эмиграция на несколько лет опоздала устраиваться и оседать заграницей »по хозяйски«. Правильнее бы было, если бы, веря безусловно в скорое возвращение на свою Родину, готовясь и работая для этого возвращения, в то же время устраиваться здесь, заграницей, основательно и серьезно. Уже для успеха самой борьбы Казачества за свое освобождение нужно, чтобы казачья эмиграция сделалась материально обеспеченной, имущественно сильной. С голыми руками и пустыми карманами ничего и никого не освободишь.

Если раньше несбыточные надежды на скорое появление в Москве власти неведомой »третьей России« создавали некоторые иллюзии и являлись оправданием »чемоданного« настроения, равно как и освобождали многих от того, чтобы самим думать об освобождении своих Краев от московских сатрапов, то сейчас кое где начинает проявляться другая крайность. В связи с перуанскими »перспективами« заговорили об основании нового казачьего Войска... на берегах Апуримака. Может быть и хорошая мысль, она оказалась бы именно крайностью, если бы заслонила собою основную задачу казачьей эмиграции — борьбу за освобождение Казачьих Земель, если бы знаменала отказ или уклонение от осуществления идеи казачьей государственности. Скажем откровенно наперед: нас мало прельщает судьба некрасовцев в Малой Азии, или доля остатков Запорожья за Дунаем.

Повторяем: искать лучшее нужно, устраиваться основательно нужно, собраться, если где можно (пусть это будет и Перу), казакам вместе следует, но никогда не следует забывать нам, что мы эмиграция, никогда

и ни при каких условиях не должны мы отказываться от своей Родины и возможности ее освобождения. Нам выпал тяжкий удел работать каждому на себя и каждому же (и всем нам вместе) работать на свою порабощенную Родину. От этого уклониться не можем и не смеем.

При соблюдении этих условий, сама мысль о сосредоточении казачьей эмиграции, может быть и об основании нового »Перуанского« казачьего Войска, как средство сохранения Казачества заграницей, — мысль безусловно правильная и ее можно только приветствовать. Удастся ли осуществить эту задачу в Перу, покажут... прежде всего климатические условия экваториального Перу.

Мы пользуемся еще раз этим случаем, чтобы напомнить и подчеркнуть Казачеству, что достаточно оно наделало »ошибок« в прошлом, чтобы начать извлекать из них и некоторое поучение.

Поведение некоторой части казачьей эмиграции заграницей во многом напоминает поведение и действия некоторой части казачества там дома, в 1917—1920 годах.

Когда разразилась революция 1917 года, не все Казачество правильно оценило ее подлинную сущность, не всем ясны были все поставленные ею вопросы, не многие предвидели ее результаты. Считали ее явлением временным, преходящим, ждали ее скорого конца и..., вместо того, чтобы считаться с фактами исторических событий, разрушивших старую Империю, и начать немедленно строить свои собственные Дома, Казачество хотело строить чужой дом, а для себя сколачивало кое как временные шалаши. Тоже думали только... переждать и перебиться, упорно твердили »впредь до«... Умнее оказались те, кто не занимался вопросом, как долго будут сидеть большевики в Кремле, а немедленно, со всей своей силой и энергией начали строить свой собственный дом. Не скитаются сейчас по белу свету малые прибалтийские народы, ко-

торые не тратили своих сил на борьбу за чужие интересы, не устилали своими костьми и не поливали своей кровью никаких московских дорог, а отдали их целиком и полностью каждый своей родине, пусть небольшой и не богатой, но, повторяем, *своей*. А кто из нас не захотел бы сейчас поменяться с ними? Могли и мы, казаки, жить сейчас в своем Доме не хуже их — Казачьи Земли, ведь, и больше и богаче. И сила была тогда у Казачества, да не так она растрачена, как нужно было ее тратить.

Нужно хотя теперь выходить Казачеству на *свою* Дорогу и этой Дороги не терять из виду ни при каких обстоятельствах ни *там*, дома, ни *здесь*, в эмиграции. К эмиграции мы можем быть более строгими в этом отношении, ибо там, под большевиками, о собственных Дорогах Казачеству не только говорить, но и думать не разрешается. На этом месте мы уже не однажды отмечали, что формулировку политической идеологии Казачества и государственной системы Казачьих Земель должна взять на себя казачья эмиграция. Это ее долг и обязанность.

Должна ли казачья эмиграция, садясь на землю, устраиваясь заграницей »всерьез и надолго«, основывая даже новое казачье Войско в Перу или еще где, — должна ли она отказаться от мысли о возвращении домой? — Нет, не должна. Нам надо думать и о себе, и о тех, кто остался там. И как бы тяжело нам здесь не было, надо всегда помнить, что *там* безмерно тяжелее. Мы же глубоко верим, что придет время, может быть и скоро, когда оттуда попросят помощи, когда казачья эмиграция должна будет еще раз исполнить свой долг по отношению к своей Родине.

Надо только, чтобы казачья эмиграция правильно определила свою роль и безошибочно нашла свое место в будущих событиях ныне СССР. Если бы эти события наступили завтра (что они вообще наступят, — в этом может быть наименьше сомнений), — нужно откровенно признаться, что роль казачьей эмиграции,

как непосредственной военной (физической) силы была бы и теперь уже не так значительной. Тем меньшей она может быть в будущем. Зато политическая роль казачьей эмиграции может быть очень большой. Казачья эмиграция может положить на чашку весов неизбежной будущей борьбы то, чего недостает ныне там: организованную политическую мысль, хорошо продуманную программу решения казачьего вопроса, короче — только она может свободно формулировать сейчас Казачью Идею. Казачья эмиграция, если бы она того захотела и если бы сумела, могла бы стать политическим вождем освобожденного и возрожденного Казачества.

Мы думаем, что она им станет.

... Там под российским каленым штыком
Братья в мучениях бьются.
Степь пропиталась детей своих кровью;
Степь, ты сжилась ли с жестокою новью?.. —
Ждет она молча и веру таит:
На западе сердце казачье горит
И разум свободу степную кует;
Баян свои гимны отчизне поет...
Здесь молодые и сильные духом;
В сердце их вера в Тебя не потухла;
Оковы с Тебя они с силой сорвут...
Слышишь, Отчизна, они уж идут.
Крепок их шаг и могуч их девиз;
Знает их воля одно лишь — вперед!
Пламенный взор не склоняется вниз:
Там, за морями, их страждет народ...
Куда бы не бросил их тягостный рок,
Трудясь и не зная покоя,
Они не забыли родной свой порог —
Готовы к последнему бою.
Родина, слышишь! в могучей груди
Сердце казачье бьется.
Сильные встали. Они уж в пути.
Вольно-казачий стяг вьется.

Константин Поляков („ВК“ № 93).

XVIII.

О роли интеллигенции.

25 марта 1931, № 77.

В 76 номере мы уже упоминали про главную причину расхождения между двумя группами порабощенного народа: между его высшими слоями — аристократией, дворянством, старшиною и между основной массой простого люда. Корнем расхождения аристократической старшинско-дворянской части населения покоренного края с остальными слоями населения, причиной отчуждения его от исторических и освободительных идеалов народа служит главнейшим образом острое и эгоистическое сознание своих »классовых« интересов и вообще всех тех своих сословных выгод, сохранения которых высшие сословия могут добиться лишь отказом от борьбы с народом-победителем, отказом возглавлять и поддерживать освободительные стремления своего народа. Такое положение (везде и всегда) толкает высшие сословия и классы или к лояльности по отношению к победителю, и тогда своим корыстным »дипломатическим« молчанием они теряют всякое значение в среде своего народа; или они переходят открыто в лагерь победителей, прислуживаются им, применяются к их вкусам, привычкам, идеологии, — и тем становятся во враждебные отношения к своему родному народу — становятся врагами его национального освобождения наравне с поработителями.

Там же была подчеркнута и »органическая« особенность масс »простого народа« — хлеборобов и ремесленников — проявлять свою неуязвимость, отпор,

или хотя бы инерцию, по отношению к воздействиям на них со стороны государства — победителя. Подсознательное и смутное, логически неоформленное национальное или народное чувство массы целиком сливается с инстинктом самосохранения и вне рамок своей национальной особности массы вообще не мыслят своего существования.

Но народная масса не обладает ясно осознанным идеалом своего освобождения, не имеет положительной, четко формулированной программы своего освободительного движения, не имеет систематически разработанных формул своих стремлений, не обладает ясно выработанными лозунгами, определяющими порядок и последовательность ее действий. Словом, свое положение побежденного масса не сознает, а чувствует; это чувство дается ей опытом инстинкта самосохранения и эмоцией противодействия. Масса способна реагировать на посягательства и притеснения победителя лишь »отрицательно«, сопротивляясь без общего плана, связанного общим и высшим идеалом, высшей положительной целью.

Правда, инстинкт самосохранения и эмоция (чувство) отпорная, — это постоянное, подсознательное, готовое к активности возбуждение при известных условиях и при чрезмерном нажиме со стороны угнетателя, — способны вызвать массу к более резкому и активному реагированию, способны вылиться даже в могучее движение стихийное. Этим об'ясняются, напр., во всемирной истории все стихийные анархические и разрушительные массовые движения народных низов против крайних притеснений со стороны победителей или против хотя бы одного даже упорного навязывания им чуждой, несвойственной и непонятной подвластному народу идеологии.

Но, всякое массовое стихийное движение, неубранное в строгие рамки плановых действий, является всегда по сути анархическим, разрушительным, вредящим часто себе больше, чем врагу, и наперед осуж-

денным вследствие этого на неудачу. Движения масс, опирающихся лишь на одно свое инстинктивное подсознательное чувство, принимают всегда форму бунта, а не целесообразного, разумного, осознанного, уясненного в своих перспективах и рассчитанного действия.

И национальная борьба, нуждающаяся в одинаковой степени как в глубоких возбудительных национальных эмоциях, так и в твердой и решительной воле действия, равно и в ясном осознании этих чувств и воли, опираясь исключительно на стихию народных низов, не в силах достичь высших целей — освобождения и возрождения народа.

В этом и заключается главным образом трагедия порабощенных народов, — в расхождении, в раз'единении сознания с инстинктивным, подсознательным чувством самосохранения и волей к борьбе. Высшие сословия и классы, благодаря своему высшему интеллектуальному развитию, способные к осознанию целей освободительной борьбы, отказываются вследствие своего эгоизма от исполнения своих обязанностей по отношению к своему народу, — сам же народ, »низы«, тая в себе постоянное живое чувство самосохранения и отпора и накапливая в себе потенциональную волю к действию, способен по существу лишь на бунт, на борьбу неорганизованную.

Каким же образом можно построить необходимый мост между сознанием, с одной стороны, и между чувством и волею, с другой, чтобы два этих могучих элемента, сконцентрировавшись, слившись в одном общем вдохновении, в одной стремительной силе, привели восставший за свою свободу народ к конечным целям, чтобы великая и общая акция увенчалась успехом? Как слить сознание, чувство и волю в одну целесообразно действующую силу? — Эту роль берет на себя интеллигенция каждого народа.

Что же такое интеллигенция? Несомненно, что это не есть отдельное какое то сословие или класс, ибо рекрутируется она и из высших сословий и из »ни-

зов«; из одного и другого она берет лишь то лучшее, что может служить к общей пользе народа: от сословий высших — »сознание«, из масс народа берет она глубокое основное и постоянное чувство национальное, чувство отделенности и отпора чужеродным влияниям и волю к действию. Интеллигенция и есть мостом, соединением, синтезом двух этих элементов национальной силы одного народа. Она, как звено, вяжет собою как бы два полюса одного национального организма. В ней сливаются и растворяются в новый »тип« одинаково приходящие как с одной, так и с другой стороны. Отдельные единицы и группы из высших сословий с единицами и группами из низов народных соединяются в интеллигенции, и в этой новой средней, синтезирующей группе сливаются в один национальный монолит; у одних в ней прививается живое чувство и активизируется воля, у других подсознательное чувство и дезорганизованная воля облекаются сознанием.

Таким образом, интеллигенция является носительницей осознанного национального чувства и воли народа, »мозгом нации« (как называют ее обыкновенно) и »совестью нации«.

Основным признаком и главной особенностью этой группы населения в каждом народе есть то, что она является как бы духовным вожаком своего народа, опираясь на его могучее коллективное чувство самосохранения, черпая в то же время для своей деятельности его живые силы; интеллигенция формулирует идеалы своего народа, связывая и об'единяя его подсознательные силы в одном общем и ясном сознании.

Лишь в интеллигенции национальное неясное чувство народной массы достигает своей высшей формы, достигает своего осознания. То, что в народе, как в зерне, как было уже упомянуто, таит в себе лишь способность к развитию и расцвету, — то в интеллигенции принимает уже реальные и законченные формы, проникнутые сознанием высших целей и целесообразности. Иными словами, в интеллигенции выполняют-

ся, наливаются живой кровью и оплодотворяются все высшие национальные идеалы и стремления.

Совершенно понятно, что интеллигенция должна служить и главной точкой опоры для народа в его стремлении к своему возрождению, совершенствованию и развитию. Несомненно, что (как и в нашем случае) интеллигенция обязана взять на себя роль и руководителя в деле освобождения народа от порабощения. В активизации народного чувства, в облечении его в сознательные формы, в расширении этого сознания в массах народных, в активизации их воли заключается несомненный высший долг интеллигенции перед своим народом.

Поэтому на интеллигенции каждого народа лежит обязанность разумно использовать национальную и волевую стихию масс, обозначать цели народных стремлений, определять ясно характер достижимых идеалов, формулировать задачи действий и провозглашать лозунги, стимулирующие народ к развитию, к возрождению, к борьбе.

С особенным же подчеркиванием и упоминанием вменяется такая обязанность интеллигенции народа порабощенного, борющегося за свое освобождение и изнывающего в борьбе. Интеллигенция такого народа должна быть особенно активной и решительной; она должна не то что избегать борьбы или стараться удерживать от нее народ, тормозить массовые героические усилия и стремления, а наоборот, интеллигенция должна первой бросаться в борьбу, должна вдохновлять и возглавлять освободительное движение. Лишь такая жертвенная и отважная интеллигенция способна вывести свой народ на путь национальной свободы и государственной самостоятельности.

История всех возродившихся и возрождающихся народов изобилует примерами именно таких действий интеллигенции. Интеллигенция каждого народа накопляла силы и подготовляла борьбу. Она формиро-

вала свой народ в активный несокрушимый монолит; она воспитывала его национальное чувство и возбуждала волю к свободе; она охраняла его самобытность, хранила традиции, развивала любовь ко всему своему, родному; она оберегала его моральные и культурные богатства; она совершенствовала родной язык; развивала родную литературу и создавала искусство; она установляла великий культ родных героев и культ борьбы за свободу.

Она, интеллигенция, приносила и наибольшие жертвы на алтарь своей Родины, ибо враг-поработитель первый свой и наиболее тяжкий удар всегда направлял против активно действующей, вдохновленной великой идеей свободы, неутолимо жаждущей победы группы, которая была, как мы уже сказали, »мозгом народа«, его совестью, его моральной силой, его главой. Это и понятно. Угнетатель знает, что как бы ни был силен и многочислен покоренный им народ, без своей интеллигенции, без проводников, масса представляет из себя не более, как слепого, блуждающего во тьме. Держать такой народ в подчинении не представляет особенного труда, если разбита, распылена или уничтожена его интеллигенция. Интеллигенция всегда и везде подкапывает господство чужеродца-победителя, расшатывает его силу и в решительный момент борьбы обладает наибольшей силой и возможностью сломать его палку и разбить рабские оковы. Потому победитель-государство и стремится всегда систематически уничтожать старую интеллигенцию и ограничивать искусственно природный рост интеллигенции новой. Порабощенный народ держится в »черном теле«, его не допускают к просвещению, к образованию, ему не дают возможности развиваться на родном языке, преследуется проявление им самобытности, оплевывается и унижается нарочно память его героев и славного исторического прошлого, осмеиваются его национальные чувства, идеалы и стремления, навязывается ему своя идеология. Словом, все способы употребляются к тому,

чтобы порабощенный народ мог чувствовать себя и осознавать не более как народом-работником.

Но, несмотря ни на какие хитро-мудро придуманные победителем способы и ограничения — живого чувства и сознания в порабощенном народе ему не убить. Из животворных гущ народных масс, как из обильной почвы, выростают все новые и новые молодые, свежие побеги — растет, развивается и крепнет в своей силе интеллигенция; у могучего и сильного тела вырастает голова — народ осознает себя и... наступает конец господству угнетателя.

Такова роль, значение и сила интеллигенции вообще, как третьей внеклассовой группы населения каждого края, как группы идеологической.

Все, что мы говорили выше о роли интеллигенции каждого народа, буквально применимо и к народу казачьему и к его интеллигенции.

В историческом прошлом старая казачья интеллигенция держала свое знамя довольно высоко. Почти все казачьи восстания и движения возглавлялись ею. Ее осознанное казачье народное чувство формулировало всегда ясно цели борьбы с угнетателями в линии политического освобождения и огосударствленного возрождения. Причин неудач борьбы надо искать в других исторических неблагоприятных условиях.

Что касается роли современной казачьей интеллигенции в нынешней освободительной борьбе Казачества, то очевидно, что, несмотря на все еще существующие в казачьей среде разные »течения« (и весьма разной »силы«, что подчеркиваем), разное понимание казачьего вопроса и разные его решения, роль свою она, казачья интеллигенция (по крайней мере большинство ее), понимает правильно. Она становится загонщиком казачьего освободительного движения. Она формулирует казачью освободительную программу и, не отрываясь от своего народа, поднимает свой народ к ясному пониманию настоящего исторического

момента и стоящих перед всем Казачеством его исторических задач.

Показательным в этом отношении является, между прочим, и то, что лозунг сторонников недавнего скверного прошлого Казачества, лозунг остатков старшинско-дворянской группировки единонеделимческого толка: »долой политику« (они бы делали ее сами или предоставили бы делать казачью политику попрежнему своим господам), — лозунг этот становится все слабее и раздается все реже. Освободительная борьба — есть борьба прежде всего политическая, какими бы средствами она ни велась, и казачья интеллигенция делает совершенно правильно, становясь в настоящий момент в авангарде политической борьбы Казачества за свое освобождение и за свою государственную самостоятельность.

Пусть нас немного —
Самостийных казачьих голов;
Пусть вокруг нас кипит злоба
Вековых наших лютых врагов;
Пусть как и прежде шипят, извиваясь,
Как удав обвивают кругом —
Мы идем, ни на что не взирая, —
Стяг свой Казачий высоко несем.
Битвой кровавой возьмем свое Право,
И Вольность Казачью мечем обретем,
Мы выступим смело с открытым забралом,
Стяг свой Казачий в Степях развернем.
Пусть кровью окрасятся бурки,
Пусть ярче краснеет лампас —
Мы прадедов славных правнуки
И кровь их струится по жилам у нас.
Нам в помощь — Вождей наших Тени,
Что пали за Вольность Казачьей Земли,
Что пытки и муки терпели, —
Из мертвых воскреснут Они...

Сергей Маргушин („ВК“ № 65).

XIX.

Вынужденная полемика.

I.

25 апреля 1928, № 10.

В нынешнее время в каждом демократическом государстве носители верховной власти — короли или президенты — не участвуют во внутренней политической борьбе партий или разных общественно-политических группировок. Они являются той высшей инстанцией, для которой все партии, все группы, все направления политической мысли одинаково равны. Король или президент стоят «выше партий». В каждом демократическом государстве (а таких сейчас подавляющее большинство, а в Европе, кроме СССР, других и нет) верховная власть правит страной через Правительство, ответственное перед парламентом, где представлены политические группировки страны. При таком порядке вещей, президент или король не несет и ответственности за действия власти. Правительство — ответственно, глава государства — «безответственен». Этим предопределяется и отношение страны к своему верховному представителю. Политические группировки страны и сами не втягивают носителя верховной власти в свои споры. В то же время каждая партия знает, что, когда страна окажет ей доверие и на выборах она получит большинство, то с нею будет и «первый гражданин государства», независимо от своих личных политических убеждений.

Такой порядок существует в каждой стране, где власть существует для блага государства и народа, а не наоборот, — не народ или государство для власти.

Казачьи Республики — Кубанская и Донская по крайней мере, — согласно своих Конституций были и суть республиками демократическими: имели выборных президентов-Атаманов, парламенты (Круг, Рада) и правительства, ответственные перед этими парламентами. Очевидно, что, если бы наши республики просуществовали некоторый, хотя бы небольшой срок мирной жизнью, то кроме законов писанных — Конституций — установились бы и навыки, традиции, привычки, которые часто (как, напр., в Англии) составляют неписанное дополнение конституций. К сожалению, непрерывная война не позволила создать нам «неписанного порядка», а потом эмиграция лишила нас фактической возможности исполнять наши Конституции и в той их части, какая касается организации власти. Казалось бы, что это обстоятельство должно было бы все время заставлять, особенно Атаманов, быть особенно осторожными в своем «правлении».

В действительности наблюдается иное: не только нет возможности соблюдать Конституции, но и сами те, кто наибольше должен был бы блюсти их и наименьше отклоняться от них в своей работе, — те все время умаляют значение Конституций слишком частыми и своеобразными своими «толкованиями» и утверждениями, что «самостийные Конституции» есть явление временное, тактика и пр.

Точно также, не всегда «конституционно» фактически и «правят» Атаманы. Они сами на себя берут функции правительства, делают «политику». Вместо того, чтобы быть выше партий и группировок (своих, конечно, казачьих), Атаманы (не все, правда, в одинаковой мере) сами вмешиваются в борьбу, выступая за одних, или против других. Это влечет за собою одобрение одних и ответ или неодобрение других. Этим носители «верховной власти» свлекаются с пьедестала, становятся «смертными, — слишком смертными».

Короли или президенты «ошибок» не делают. «Ошибки» делают правительства, которые за них и

отвечают. Наши же Атаманы, идя сами до «передовых линий» политической борьбы, совершенно не гарантированы не только от «ошибок», но и от вещей более горших. Такое поведение «президентов» позволяет и разрешает «гражданам» критику «главы государства», дает поводы думать о их пристрастии и пр.

*

В последнем номере (14-15, январь-апрель, 1928) «Вестника Казачьего Союза» выступили против «В. К.» Донской Войсковой Атаман ген. А. Богаевский и председатель Донского Правительства г. Н. М. Мельников.

Эти выступления разрешают, конечно, нам и дают право не только на ответ, но и на то, чтобы поставить перед Казачеством и более общий вопрос о правильности или неправильности атаманской политики заграницей.

В выступлениях своих, Донской Атаман и Председатель Д. Пр-ва несколько различны в оценке самостийников. Если для ген. Богаевского «самостийность... — злое и неумное дело» (хотя на временную самостоятельность и он пошел бы — «пока будут править большевики»), то Н. М. Мельников не так уже враждебно настроен в наш адрес, он ничего не имел бы против того, чтобы «самостийники» освободили Казачьи Республики (для этого допускается союз даже с Украиной и кавказцами) и восстановили бы самостоятельность Дона, Кубани и Терека, а он, Мельников, положил бы потом (когда признал бы это нужным) эти «готовые пироги» к ногам «будущей России».

Да простят нам наши читатели, если мы несколько подробнее остановимся на обоих выступлениях.

Прежде всего обратимся к статье «о казачьей самостийности», в которой Донской Атаман говорит не только от себя, но и от имени всего Об'единенного Совета Дона, Кубани и Терека и в которой, по нашему

глубокому убеждению, ген. А. П. Богаевский совершенно заслонил собою Донского В. Атамана.

Не будем останавливаться здесь на первой части статьи, посвященной исторической справке о происхождении Казачества. Сейчас, после всего пережитого, после того, как казаки перестали вполне доверять чужим историкам, а сами уже несколько покопались в первоисточниках и сами начали находить свои «метрики», — даже гимназисты младших классов не все приняли бы исторические утверждения ген. А. Богаевского, как бесспорные.

Не утешает Д. Атаман и скорым падением большевиков, хотя и говорит, что сов. власть держится только насилием. Мы думаем, что без поддержки русского (великорусского) народа большевики не продержались бы и одного дня. Мы различаем истинное положение дел в Великороссии с одной стороны (там еще не боролись серьезно с большевиками), и на Украине, в Казачьих Землях, на Кавказе, — вообще «на окраинах» — с другой, где большевики действительно держатся только великорусскими штыками. Предупреждение же В. Атамана, что придется ждать падения большевиков может быть «целое поколение», еще более утверждает нас в правильности нашей мысли, что казакам нужно думать прежде всего самим о себе. Представим себе на минуту, что мы действительно будем сидеть и ждать у моря погоды «целое поколение». Что будет здесь, с нами? — Прежде всего мы, наше поколение, значит, не дождемся, собственно, этого «падения». Малое это для нас, казаков, утешение. А что будет там? — Там десять лет идет ликвидация Казачества. Нет никаких признаков и поводов для того, чтобы думать, что политика Московской советской власти в отношении Казачества изменится хотя бы в какой либо мере. А что будет при таком темпе чекистской «работы» через двадцать-тридцать лет? Весьма возможно, что вопрос «самостийности» разрешится тогда сам собою, потому что «отделять» уже некого будет. Тогда,

конечно, русские интересы, о которых так печется ген. Богаевский, будут соблюдены, но удовлетворены-ли будут тем интересы Казачества?

Очевидно, что стратегические вопросы обороны Казачьих Земель, о которых говорит Д. Атаман, должны быть предметом особого, специального исследования. Мы считаем, что утверждение ген. Богаевского о том, что Казачьи Республики не смогут существовать рядом с великим и уже «враждебным» соседом — Россией — есть слабый аргумент против самостийности. Мы видим, что в действительности существует в мире больше малых (меньших, чем даже Дон или Кубань отдельно взятые) государств, чем больших. И живут рядом — большие и малые. Иногда «враждебны», иногда дружественны, но живут, и никто еще из «малых» соседей не отказался от своей самостоятельности только потому, что это не нравилось его «большему» соседу, хотя бы и «враждебному». И здесь мы считаем, что при решении вопроса о судьбе Казачества, единственно решающую роль должна играть воля (согласие или несогласие) самого Казачества, а не его «враждебного», хотя бы и большого соседа.

Далее Д. Атаман ставит ряд вопросов: что, собственно, дает Казачеству «самостийность»? и на некоторые только сам дает ответы. Остановимся и мы на них.

— Для небольшой группы казаков, близких к политике, говорит ген. Богаевский, самостийность даст «больше возможностей выдвижения на высокие служебные места в Крае. Интересно-ли это для всего Войска?» — Приписывать самостийникам такой слишком «личный» побудительный мотив в их работе и в их конечных целях, это значит или не считать самостийническое движение серьезным или рассчитывать на наивность своих читателей. Вероятно и сам автор согласен с тем, что одного честолюбия здесь было бы мало. Только будущее, конечно, даст окончательный ответ, поскольку самостийное движение Казачества серьезно

или несерьезно. Что же касается вообще роли казачьей интеллигенции в казачьей политической жизни, то мы считаем, что независимо от судьбы Казачьих Земель, будут ли они государственно самостоятельны или не будут, для Казачества всегда будет лучше, если политической его жизнью будут руководить свои люди, а не чужие, как и не те свои, что так плохо разбираются в «политике». Каждый народ стремится и должен иметь свою интеллигенцию. Может быть и исход недавней борьбы Казачества с большевиками был иной, если бы у нас была своя интеллигенция, стоящая на высоте задач переживаемого исторического момента. От «политики» казакам уже не уйти, напротив, горе казакам, что они «далеки» были от политики. «Пушечным мясом» мы были и есть прекрасным, но только... в чужих руках, а не в своих.

Д. Атаман спрашивает: интересно-ли для всего Войска, если высокие служебные места в Крае будут принадлежать «небольшой группе казаков, близких к политике»?». — Да, гораздо более интересно, чем когда эти места принадлежат чужим, как это было недавно и есть сейчас.

— «Полное равнодушие, даже, наверное, враждебность к этому вопросу (самостийности) со стороны простой казачьей массы, если независимость не даст ей сразу спокойной, обеспеченной жизни. А этого спокойствия не будет, раз около живет сильный обиженный сосед», утверждает Донской Атаман. — Выше мы говорили уже об отношении к «враждебному» соседу. Странная все же логика у людей, которые считаются с настроениями обиженных соседей больше, чем с интересами своего собственного народа. Стремление Казачества к самосохранению, нежелание быть окончательно с'еденным «соседом» (который сейчас очень враждебен Казачеству) должно, согласно ген. Богаевскому, вызвать как будто даже законную, само собою разумеющуюся «обиду» у соседа, тогда как мы не только что защищаться не имеем права и не дол-

жны, а наоборот — радоваться, а не обижаться должны, что имели и будем иметь «честь» удовлетворять ненасытные аппетиты «соседа». Пусть позволено будет и нам на этом месте спросить Донского Атамана: кто же и когда даст Казачеству сразу спокойную и обеспеченную жизнь? — Россия настоящего не дала и не даст. Даст ли ее та Россия, ждать которую советует ген. Богаевский и в которой Казачеству снова принадлежала бы роль «охранителя» уже не России, а только всероссийской власти? — Не будет-ли, после этого, судьба Казачества при второй (последующей) «великой революции» еще более печальна, чем после первой «великой революции» 1917 года? — А что если независимость даст хотя бы и не сразу, но более спокойную и обеспеченную жизнь, чем под сенью «обиженного» соседа?

Третье «устрашающее» обстоятельство для Донского Атамана, это «необходимость для казаков немедленно решить массу вопросов огромной важности»...

— Хотят казаки, или не хотят того, но от разрешения больших вопросов, в том числе и от затронутых Д. Атаманом, им не уйти и сейчас и в будущем, если вообще они хотят жить. Если бы казаки захотели уклониться от их решения, то все равно кто-то будет решать их, но уже за счет казачьей крови. Мы полагаем, что, наоборот, не уходить, а нужно как можно ближе самим подходить ко всем вопросам, большим и малым, самим решать их, — только тогда справедливые интересы Казачества будут соблюдены.

Пересмотрим затронутые Д. Атаманом вопросы по порядку:

— Как быть с крестьянами? спрашивает Атаман и не дает ответа. — Мы считаем, что вопрос этот («крестьянский» на Дону, «иногородний» на Кубани) кровно касается Казачества и оно прежде всего должно иметь свое решение его. Нерешенным он оставаться не может. Что его во́ время не решили сами казаки — жалели потом многие. Не решат этого вопроса казаки,

— решит кто то третий, а Казачество при таком решении только больше проиграет. — А как быть с крестьянами, если не добиваться самостоятельности? в свою очередь могли бы мы спросить Донского Атамана. — Что делать, если они (крестьяне) не захотят подчиниться решению о «самостийности»? продолжает спрашивать Атаман. — Мы думаем, что ответ на этот вопрос будет зависеть всецело от решения предыдущего вопроса. А решение того вопроса надо искать такое, чтобы казакам не пришлось воевать со своим коренным соседом — крестьянином, а крестьянину с казаком; чтобы Дон в будущем был одинаково равным Отцом как для казаков, так и для крестьян. Иного решения нет, если не делить Дона. Если бы этот вопрос решал кто то третий, — он решал бы его так (как это было и есть), чтобы между казаками и крестьянами всегда оставались нерешенными некоторые спорные вопросы, потому что где два дерутся, там третий с того имеет выгоду. Divide et impera — разделяй и властвуй — старый испытанный девиз.

Следующие затронутые Атаманом вопросы — экономического и финансового характера. — Как то на этом месте мы уже сказали, и еще раз это подтверждаем, что самая дорогая самостийность будет стоить нам все же дешевле, чем большевики и теперешнее положение наших Краев и те будущие платежи по счетам революции, какие еще наложит на плечи Казачества даже та будущая Россия, о которой некоторые из нас так мечтают...

— Как быть с денежной системой? — Мы имеем перед глазами как раз несколько (достаточно много) примеров, когда на территории б. Р. Империи и б. Австро-Венгрии создались новые государства, которые должны были как раз решать эти вопросы своей денежной системы. Большинство этих малых государств, далеко меньшие и по территории, и по населению, и по естественным богатствам, чем один Дон или одна Кубань. И все же эти малые народы достаточно хорошо,

а иные прямо таки блестяще справились со своими финансовыми задачами. Неужели мы имеем меньше данных для того, чтобы быть не хуже их? Да почему бы нам не поучиться у тех, кто был умнее нас и, в то время, как мы бесполезно, но так щедро растрачивали казачью кровь, кто сумел уйти от Москвы и построить свою хату и не скитаться сейчас так по свету, как мы. Поучиться никогда не зазорно. Не будем учиться сами решать большие вопросы, — так навсегда и останемся только хорошим «удобрением» для других.

Боится ген. Богаевский и долгов. «Долг вызовет большие налоги»... — Разве могут быть еще большие налоги, чем те, какие сейчас платят наши братья там, под Красной Москвой? Или кто нибудь думает, что, в случае падения большевиков и оставления Казачьих Земель в составе «новой России», налоги уменьшатся? Ошибается тот, кто так думает. Сейчас платят т а м большие налоги, чтобы могла существовать Сов. власть, но большие еще налоги будут платить на «восстановление единой-неделимой».

Мы не говорим, что налогов в самостийных казачьих республиках не будет. Теперь уже никогда такого «безналогового» времени не наступит, но в самостийных казачьих республиках налоги будут устанавливаться донским, кубанским, терским населением и налоги эти будут идти на удовлетворение своих нужд, а теперь или в России «будущего» нам предоставлено будет только платить их, а устанавливать и распоряжаться ими будут другие.

— Как поделить землю? — С нашей точки зрения лучше будет, если ее поделит Казачество, чем делят или, все равно, будут делить другие. Лучше потерять часть, чем все.

Невозможно в одной статье исчерпывающе ответить на все затронутые вопросы, каждый из них требует внимательного и серьезного разбора и решения. Придет время, когда мы поставим каждый из них во всей

его широте. Мы нисколько не намерены «уходить» от трудных вопросов, но у нас есть на них свой черед.

Коснемся, однако, вкратце еще одного вопроса, затронутого Донским Атаманом. — «Самостийное» государство не может существовать без армии. Откуда взять средства, чтобы ее вооружить, содержать? —

Прежде всего: будут или не будут самостоятельны Казачьи республики, все равно воинскую повинность казаки будут нести. В прошлом казаки несли ее в гораздо большем размере, чем остальное население империи. Казаки не имели своих армий, казаками тогда, как и сейчас, командуют другие, чужие. Своей армии бояться нечего. Если бы и раньше были у донцов, кубанцев, терцев свои армии, — может быть мы не были бы сейчас и в эмиграции. Что касается средств на содержание, так разве раньше, а особенно теперь наше население не платит на красную армию? Не содержат же ее «чужие». Если такие задачи под силу меньшим и более бедным государствам, как Эстония, Латвия, Финляндия и др., то почему не справимся с ними мы?

— Затронут даже такой вопрос, как невозможность в будущем (при осуществлении «самостийности») «служить в России». — Казаки не уходили не только «служить» в Россию, но и вообще неохотно покидали свою землю. Если и уходили «на службу» в Россию, то только те немногие интеллигенты, которым «тесно» было на своей родной земле; уходили те, кто мечтал о карьере в большем масштабе, чем это могло быть на Дону, Кубани или Тереке. Казачество ничего не проиграло бы, если бы такие возможности в будущем были более ограничены и казачья интеллигенция должна была бы служить прежде всего своему народу.

Только улыбку может вызвать упоминание В. Атамана о невозможности в будущем казачеству «жить... без ее (России) былой помощи на разные войсковые нужды». Сейчас уже и дети-казачата знают, *что* брала Россия с Казачьих Земель и *что* им давала.

Страшит В. Атамана «неминуемое появление разных политических партий, их ожесточенная грызня в парламенте — Войсковом Круге». — Партии все равно будут, независимо от того, будут или не будут Дон, Кубань, Терек самостоятельными. Но опять таки, пусть будут свои, чем такая чужая, какая правит сейчас там. Кто хочет иметь Донской парламент — Войсковой Круг, тот не должен бояться донских партий; кто же не хочет донских партий, тот не хочет В. Круга, ибо парламент — не воинская часть. Мы имеем все основания думать все же, что среди Казачества партий будет немного; вероятно, одна — сильная.

Еще большее недоумение вызывает у читателя страх Донского Атамана перед «очередными революциями, как в Португалии, Мексике, в мелких американских республиках»... — Сказано, очевидно, больше для красного словца, ибо немного раньше сам автор, говоря не о «малой» какой нибудь Донской революции, а о целом революционном море Всероссийском, подчеркивает, что когда на Дону возродились Войсковой Круг и выборный Атаман с их прежней властью и силой, то «это дало возможность сохранить порядок в Войске»... Противоречие автора с самим собою очевидное. Мы глубоко убеждены, что своих революций в свободном Союзе Казачьих Республик не будет. Чаще они будут у того «обиженного» соседа, за благополучие которого ген. Богаевский так боится. Переживать Казачеству их все так, как переживаем мы эту последнюю, слишком невыгодно.

— И все же и ген. А. Богаевский допускает возможность отделения Казачьих Краев от Советской России и их временную самостоятельность. — Если так, то зачем же было так много писать против самостийников. Ведь и наше отделение сейчас — отделение от Советской России. Еще в первом номере «В. К.» мы первым пунктом своей общей программы поставили о с в о б о ж д е н и е Дона, Кубани, Терека... из под власти

РСФСР. и СССР. Выходит, что с этим пунктом нашей программы согласен и Донской Атаман. Расхождение между нами начинается дальше: для него — это может быть явлением только временным, для нас это и самоцель, т. к. мы не верим, чтобы кто нибудь потом стал отказываться от своих прав. Фактически, решение этого вопроса будущего было бы возможно только там, и принадлежало бы свободной воле Казачества. Мы за это свободное решение народа не боимся. А кто боится, тот все равно не выиграет.

Еще больше противоречий и несогласованности между статьей Донского Атамана и статьей Председателя Донского Правительства.

II.

10 мая 1928, № 11.

Если ген. Богаевский занял по отношению к «В. К.» позицию отрицательную, хотя и не совсем резкую, то председатель Донского Пр-ва и председатель «Казачьего Союза» Н. М. Мельников гораздо мягче и эластичнее. Его отношение — нейтралитет, пожалуй, даже благожелательный. Окончательное свое отношение он установит, очевидно, не только в зависимости от того, поскольку самостийное движение окажется серьезным, но и в зависимости от того, поскольку серьезны союзники у самостийников. Раз «союзники» серьезны и у самостийников обозначится успех, — Н. М. Мельников бороться против не будет, пока... не восстановится «новая Россия».

Одно можем и должны подчеркнуть здесь, — что никогда и ничего, а тем более такое дело, как наше, нельзя строить прежде всего на «союзниках». В первую очередь нужно надеяться на самих себя, а «союзникам», кто бы они ни были, нужно всегда оставлять роль союзников, — не больше.

Переходя к самой статье «о самостийности», можем отметить, прежде всего, что большую ошибку делает

г. Мельников, когда причины появления самостийного движения видит в неудовлетворенности и разочаровании казаков в российской эмиграции. Не говоря уже о том, что самостийное движение гораздо старше того действительного и в настоящее время уже всеобщего разочарования в русской эмиграции и той части казачьей эмиграции, которая до сего времени была еще «очарована», можно сказать, что одного «разочарования» в таком большом вопросе было бы все же мало, хотя, конечно, и такие слишком личные моменты (да еще на хорошей почве) тоже играют свою роль. Мы думаем, что если до последнего времени среди казачьей эмиграции и были еще некоторые «очарованные», то после того, как они прочитали в статье несамостийника Мельникова характеристику русских и их отношение к Казачеству, и они должны были «разочароваться». Правда, автор утешает нас Россией «будущего» и, очевидно, «русскими людьми будущего», но вся трагедия г. г. Мельниковых и тех с ними, кто в такую Россию верят, в том, что никто из них не может указать ни одной российской организации, или партии, или даже живого отдельного представителя русской политической мысли, которые, что касается Казачества, стояли бы хотя бы на той точке зрения, на какой стоят Мельниковы. Союзников даже у Мельниковых среди русских нет.

Сделав такую блестящую характеристику «русских», которая многих из казаков, умеющих мыслить до логического конца, пошлет в ряды самостийников, председатель Донского Пр-ва утверждает (в явном противоречии и с самим собою и с действительностью): «России прошлого..., проводившей политику ликвидации и остатков казачьего самоуправления нет и не будет». — Такие утверждения можно писать сейчас только на луне. Была (царская) и есть (большевицкая). А кто скажет, кто поручится, что будет лучшая? — Яблочко от яблоньки недалеко откатывается. Среди самих русских, во всяком случае, мы не видим

и признаков той «лучшей», о которой мечтают некоторые не совсем русские.

Н. М. Мельников нас «понимает, но не одобряет». То же самое можем ответить и мы ему. Во всяком случае и то уже хорошо, когда люди понимают друг друга, — при взаимном понимании не исключается возможность когда нибудь и столковаться.

Да, Н. М., — правда, — Казачество устало от ужасов войны оно «изнемогает под пятой большевизма, оно жаждет мира, спокойной жизни, и мы должны думать об этом мире»... — Но, будем говорить правду до конца. Казачество устало, изнемогло, обескровилось и обескровливается... под Россией. В России (именуемой сейчас РСФСР) ликвидируется Казачество, и не потому оно ликвидируется, что отделилось или хочет отделиться.

И мы не ищем «новых столкновений», напротив, — отделением хотим избежать их и спасти хотя бы остатки Казачества. Разве, если бы не было самостийников, положение т а м изменилось бы? Наоборот, целый ряд народов своевременным отделением ушел от тех ужасов, какие переживают наши братья под Московской большевизией. Кто отделился, тот спасся, а кто «хранит верность», тот гибнет.

«Почему лучше быть в связи с Украиной..., а не с Россией?» спрашивает председатель Донского Пр-ва. — Очень охотно ответим: потому, что с Украиной «связь» эта возможна только как с о ю з на началах: «равный с равным, вольный с вольным». А разве даже «Россия будущего» когда нибудь на нечто подобное согласится? Разве за такие «еретические» мысли нас не вешали? С точки зрения Москвы мы можем быть только ее п о д д а н н ы м и. Для Украины мы — союзники.

Что касается Таганрогского и других округов, населенных украинцами, то, при условии, что Дон останется в составе России, — какой же смысл Украине

отказываться от них? Иное дело — Дон самостийный. Тогда, наоборот, самой Украине будет более выгодным оставить «крестьянские» округа донцам.

Н. М. Мельников подчеркивает, что Украина отхватила сейчас кое-что от Дона. — Какая Украина и почему? Н. М. прекрасно сам знает, что Украиной правит сейчас не Харьков и не Киев, а Москва. Почему г. председатель Донского Пр-ва умолчал в этом месте о том, что еще больше отхвачено сейчас от живого донского тела Москвой — целые казачьи округа? Мы глубоко уверены, что и вернуть в будущем «отхваченное» от Украины далеко легче, чем от Москвы.

Есть ли Казачество «нация»? — Это зависит от того, кто какую «теорию» исповедует или что кому выгодно. По Милюкову, напр., могут быть и казаки нацией.

Когда читаешь статью председателя Донского Правительства, невольно встает вопрос: все же как много еще сохранилось у людей (хотя бы и добросовестных) заблуждений. В самом деле, ведь, сейчас только очень наивные люди еще могут думать, что Казачество, «оставаясь в составе России», сможет быть «хозяином в своем собственном курене», сможет «устроить у себя свою собственную жизнь сообразно своим вкусам и особенностям, в соответствии с исторической «обыкновенностью»... — Оно было и есть в составе России. Но не только ничего не сберегло, а, наоборот, потеряло все. И самые курени потеряло. И, — надо прямо смотреть в глаза действительности, — прошлое и настоящее больше говорят за то, что в составе России Казачество не только никогда уже не будет хозяином в своем курене, но и самого куреня уже не вернет.

Председатель Донского Пр-ва, вероятно, прекрасно разбирается в том, что такое «Войсковой Круг» и что такое «Законодательный по местным делам Войсковой Круг». Последний — это «губернское земское собрание» не больше. Будем называть вещи их собственными именами, чтобы и самим не самообольщаться и других

не вводить в заблуждение. Сам же г. Мельников приводит заявления некоторых русских по вопросу о Круге (... теперь уже этого не будет...). Других (лучших) и он, не самостийник, привести не может.

Мало для нас и выборности Атаманов. Станичные атаманы тоже были выборные, а делали то, что угодно было «начальству». Настоящего выборного Атамана донцы, кубанцы, терцы... будут иметь только тогда, когда будут самостоятельны.

Н. М. Мельников утверждает, что Круга и Атамана «можно добиться и будучи в составе России, не отделяясь от нее». — Это утверждение г. Мельникова, а вот жизнь: когда (давно) Казачьи Республики были самостоятельными, они имели и В. Круг (Раду) и выборных Атаманов. А когда вошли в состав России, то не только чего нибудь не добились нового, а и потеряли все то, что имели. Не добровольно же отказалось Казачество от своих прав. Так, если не смогли удержать в прошлом того, что уже имели, где гарантии, что смогли бы добиться чего нибудь в будущем? Или почему тогда не добились ничего в прошлом, а, чтобы дождаться Круга, Рады и Атаманов, должны были дожидаться революции и не «добиваться» от кого нибудь, а делать сами свое дело, никого не спрашивая?

Чтобы запастись лишними аргументами против самостийности, председатель Донского Пр-ва ссылается на постановление В. Круга в июне 1917 года, в котором Круг (а тогда еще все народы б. Р. почти так говорили) говорит, что «Войско Донское составляет неотделимую часть Российской Республики», и умалчивает о позднейшем решении В. Круга (1918), выраженном в 1-й статье Донской конституции: «Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное государство», и которым предыдущее постановление было аннулировано.

Что касается того, как думают казаки на Дону, — вопрос спорный. Мы во всяком случае не только не можем согласиться с г. председателем Донского Правительства, но имеем все основания утверждать, что по-

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUENEV

давляющее большинство Казачества предпочтет самостоятельный Дон и теперешней, реальной Р.С.Ф.С.Р. и неопределенной, неуловимой «синей птице» — «России будущего».

Председатель Донского Пр-ва не об'являет нам войны; еще охотнее, чем Д. В. Атаман, он пошел бы на временную самостоятельность. Но, признаемся, мало логики мы видим в таком мышлении. Самостоятельность «всерьез» для Н. М. Мельникова тоже неприемлема. Но он ничего не имел бы, как и Д. Атаман, пережить 1918-1920 годы снова.

1918-1919 годы переживали одинаково мы около Черного моря и эстонцы, латыши и др. около Балтийского. Они тогда хотели полной самостоятельности, наши Мельниковы — временной. А теперь сравним результаты: они не в нашу (Казачества) пользу.

Если бы председатель Донского Пр-ва, сам будучи только «временным» самостийником, искренно хотел освобождения Казачества из под власти Р.С.Ф.С.Р., если бы интересы Дона были для него дороже интересов Москвы, то он, конечно, работал бы сейчас на самостийность А уже там, когда народилась бы действительно та Россия, о которой он говорит, сказал бы:

— Ну так вот — дождались. Теперь можем говорить и с Москвою.

Мы думаем, что, вероятно, Н. М. Мельников и сам плохо верит в свою Россию будущего, а мы твердо верим, что если Казачьи Земли добьются самостоятельности, они от нее уже не откажутся.

Во многих отношениях автор статьи «о самостийности» стоит на распутьи. В старом изверился, но окончательно оторваться от него еще не решается. Новому еще не вполне доверяет. Думаем, что здесь придет на помощь жизнь и действительность. Они иногда делают удивительные вещи.

С удовлетворением можем отметить и отсутствие у председателя Д. Пр-ва ненависти и недоброжела-

тельства в адрес соседей Казачества: украинцев и кавказцев. Здесь он уже еще более решительно расходится и с ген. Богаевским и с Харламовым. И правильно: лишние союзники не повредят.

Не знаем, в какой мере удастся нам найти в будущем общий язык с предс. Д. Пр-ва, но по некоторым вопросам вряд-ли мы договоримся с ним и, если будут осуществлены наши цели, мы не согласимся с ним и, конечно, не пустим уже больше «на независимый от большевиков Юго-Восток» ни тех, «кто считал, что казакам придется потесниться», ни тех, «кто советовал забыть о В. Круге и Раде». Один раз Казачество уже пустило их к себе. Думаем, что довольно и этого — слишком дорого это обходится.

В отличие от Д. В. Атамана, председатель Д. Пр-ва не отказывает нам и в кое-чем хорошем, но думает, что казачья масса за нами не пойдет. — Как и за кем она пойдет, лучше всего, конечно, покажет будущее. Мы же уверены, что если, «паче чаяния» Н. М. Мельникова, мы «осуществили бы свои планы», то не только казачьи массы пошли бы с нами, но не отказались бы от этого и некоторые единицы!

. . . . . .

Кто тайны откроет казачьих курганов?..
Где дух Булавина?.. где мощь Ермака?..
Хоть редко, но время родит великанов
С рукой богатырской, с чутьем казака.
А тайны то „сказок“ для всех поколений
Курганы расскажут немногим из нас, —
Лишь тем, кто за волю идет без сомнений...
Кто Стенькино ухо имеет и глаз.

Е. Булавин („ВК“ № 67).

XX.

Генералу А. П. Богаевскому.

10—25 августа 1929, № 41—42.

Донской Атаман, ген. Богаевский, не оставляет нас своим вниманием. На этот раз он решил выступить не в своем «Р. К.», не перед своей казачьей аудиторией, а на страницах парижского «Возрождения», очевидно для того, чтобы все те же его старые возражения против В. К. прочитали прежде всего русские эмигранты, — казаки, ведь, может быть, за исключением Франции, мало читают «Возрождение», да и видят они его редко.

Начинает ген. Богаевский на этот раз с повторения того, что недавно писали о В. К. г. г. Мейснер и Варшавский, и, конечно, — уж в который раз! — обещает скорый конец вольно-казачьему движению и всем самостийникам вообще. Ген. Богаевский не был пророком раньше, тем меньше оснований думать, что он им стал сейчас или будет в будущем. В упрямстве отказать ему, во всяком случае, не можем.

Отвечаем ему и на этот раз больше по обязанности, чем из желания с ним спорить. Ген. Богаевского не переубедишь, раз не могла переубедить его жизнь.

По существу, ген. Богаевский давно уже принадлежит прошлому. Избран он был Атаманом тогда, когда противникам самостоятельности Дона надо было подчинить Дон генералу Деникину. Задачу эту он выполнил. Освободительную борьбу Казачества вместе с генералами Деникиным и Врангелем проиграл. Врангель умер. О Деникине казаки давно уже забыли. Никогда в будущем под его знамена второй раз не станут. Казачество не имеет никакого желания повторять еще

раз прошлые ошибки. Казачество думает сейчас новую, свою думу, ищет собственных путей своего спасения. И не Богаевские поведут его по этим новым путям. Ген. Богаевский все еще никак не может понять, что его политическая роль кончена, что Атаман он только потому, что не может собраться Донской Круг.

Мы знали и знаем, что думает и куда зовет ген. Богаевский, даже если бы он вслух об этом не говорил, но, уважая Донского Атамана, мы никогда не позволяли себе нападать первыми даже на ген. Богаевского. Он этого, очевидно, не хочет понять. Он забывает, что Атаман для казаков, а не казаки для Атамана.

Ген. Богаевскому «больно и стыдно» за донских генералов, пошедших с В. К. Нам стыдно и больно за Донского Атамана, не могущего отстать от чужого, гибельного прошлого, никак не хотящего уразуметь ни настоящего трагического положения Казачества, ни его будущего.

Прежде всего мы должны категорически запротестовать. И хотим мы протестовать не против того, что ген. Богаевский считает идею В. К. «дикой фантазией» или журнал «В. К.» называет иронически «журнальчиком» — это его право думать так, как он думает, этим он В. К. не повредит и такими средствами нас не поборет. Наоборот, те частые выступления, которые он против В. К. делает, свидетельствуют только о том, что «дикие фантазии» «журнальчика» «В. К.» серьезно не дают спать ген. Богаевскому. Но мы самым решительным образом протестуем против неправды. Мы повторяем, что, несмотря на все наше отрицательное отношение к ген. Богаевскому, мы не забываем до сих пор, что он Донской Атаман и до сих пор не позволяли себе «обливать грязью» ни Дон. Атамана, ни ген. Богаевского.

В большом своем «подвале» ген. Богаевский все еще расписывает, как «верой и правдой» служило Казачество России, «расширяя и охраняя» ее пределы. — Теперь казаки знают и сами прекрасно не только

это, но и то, к чему это привело. Поэтому и ищут выхода, а не хотят идти вместе с ген. Богаевским в старое ярмо. Да и вернется ли это старое? Не лучше ли не «мечтать» об умершем старом, а посмотреть живой правде в глаза? посмотреть, как и что делается сейчас там, дома, и какова судьба казачьей эмиграции здесь? — Чтобы Казачество вышло на свою дорогу, чтобы вообще сохранило себя, надо, не забывая настоящего, постоянно имея его перед глазами, думать не столько о прошлом (знать его, конечно, нужно), сколько о будущем. Из прошлого же мы могли бы припомнить ген. Богаевскому не только то, как казаки «верой и правдой» служили России и чем платила она за эту службу, но и то, как кроваво боролось Казачество против Москвы, пядь за пядью отстаивая свои Земли, упорно и жертвенно защищая свою свободу.

В своей аргументации против В. К. ген. Богаевский напоминает о многих пожалованных русскими царями благодарственных грамотах и других знаках «своего внимания и уважения» к Казачеству. — Он лучше бы сделал, если бы напомнил, как эти цари держали свое слово по отношению к казакам и как одни цари нарушали «ненарушимые» грамоты других царей.

Несколько раз уже ген. Богаевский повторяет свою «географическую» аргументацию против государственной самостоятельности Казачьих Земель: «Казачьи Края неотделимо связаны с Россией географически». — Сейчас, в век танков и аэропланов, Казачьи Края связаны с Россией географически не больше и не меньше, чем всякая другая страна: Финляндия, Эстония, Латвия, Польша, Румыния, Турция, Персия, Афганистан, Китай и т. д. «Естественных границ» сейчас уже нет. Нынешние границы между отдельными государствами и народами — единственные: по одну сторону границы живут, положим, французы, по другую — немцы; по одну — чехословаки, по другую — мадьяры; по одну — русские, по другую — эстонцы и т. д. Такова гра-

ница будет (и есть) и между Казакией и Россией: по одну сторону ее живут и будут жить казаки, по другую (на север) великороссы или татары. Никаких других «непереходимых» границ теперь уже не существует. Это нисколько не мешает существовать и ныне отдельным государствам.

Не боимся и чересполосицы, ибо она — произведение позднейшего (царского) времени, усиленная или намеренно создаваемая сейчас большевиками. Всякая чересполосица должна будет быть устранена простым восстановлением исторической несправедливости, произведенной разными русскими властями над Казачьими Землями.

Ген. Богаевский слишком много думает об интересах России, которая де не помирится и т. д... Донскому Атаману надлежало бы больше думать и заботиться об интересах Казачества, а о русских интересах позаботятся и без него Кутеповы, Струве, Гессены, Милюковы, Керенские и др. Тем более, что никто из них до сих пор никаких советов ген. Богаевского не спрашивал. А то всегда выходит: чужие дела решать умеем, а своих — даст Бог.

Поднимает и не однажды уже ген. Богаевский и крестьянский вопрос: что делать с 55% (по Богаевскому) крестьян? — Можем заверить только казаков, что если ими и впредь будут править Богаевские, Таубе, Граббе и пр., или современные московские комиссары, то крестьян будет на Казачьих Землях не 55%, а очень скоро 95%. Пусть казаки задумаются над этим и сами ответят ген. Богаевскому. А перед тем надо поставить еще вопросы: кто и какие это крестьяне и откуда взялись? 50-60 лет тому назад, напр., «крестьян» на Кубани совсем не было...

Ни одного нового аргумента в своем выступлении и на этот раз ген. Богаевский не привел. Все то же повторение старого о денежной системе и пр. На подобные вопросы мы отвечали уже неоднократно и повторять их здесь не будем.

Впрочем и сам ген. Богаевский признает, что «сама жизнь заставила казаков отделить свои Края от Сов. России и об'явить их самостоятельными государственными образованиями». А что есть сейчас? — Не Сов. Россия? — Вот В. К. и защищает то, что диктует жизнь, что диктуют жизненные интересы Казачества. Кто идет против жизни, тот гибнет. Мы глубоко уверены, что Казачество на свою гибель не пойдет. Кто хочет жить, кто хочет светлого будущего Казачества, кто хочет его сохранения, тот пойдет с В. К.

Сегодня ген. Богаевский, забыв совершенно недавнее историческое прошлое и не желая видеть настоящего, утверждает: «никакая российская власть после большевиков не будет угнетать Казачества»... Пусть наши читатели в отделе «Дум и Мыслей» прочтут, что думают по казачьему вопросу сами русские. Мы думаем, что сам ген. Богаевский был гораздо ближе к истине, когда недавно писал: «помните, казаки, что нас никто не любит».

Пока очередное выступление ген. Богаевского против В. К. заслужило похвалу только «Возрождения». Мы этому нисколько не завидуем и остаемся при прежнем своем решении: защищать интересы Казачества и только Казачества.

. . . . . .

Так всколыхнись же, Дон Родимый,
За Волю-Волюшку былую!
В тебе огонь неугасимый
Пылал всегда за Честь святую...
И в славный час Освобожденья
Ты нас, изгнанников, зови:
Ты будешь наше Воскресенье,
А ты нам, Боже, помоги!..

Николай Букин („ВК“ № 34).

XXI.

Наш ответ г-ну Мельникову.

25 сентября 1930, № 65.

Глава Донского Правительства и председатель «Казачьего Союза», г-н Мельников, на страницах своего «Р. К.» (номера 6 и 7 за 1930 год) выстрпил с большой статьей «о самостийности». Выступил по поводу брошюры некоторых донцов «Ответы В. К. — наш ответ ген. А. Богаевскому», но «обрушился» вообще против самостийников.

Если бы г-н Мельников отвечал только авторам «Ответов», мы прошли бы мимо и этого «ответа», т. к. не хотели ввязываться в спор донцов со своим Атаманом.

Брошюру «Ответы» издала не редакция «В. К.». Мы не разделяем некоторых «методов» «Ответов». Но дело идет сейчас уже не о способах и формах борьбы, а вопрос стоит по существу — вопрос о будущем Казачества. Что касается способов борьбы, то, не разделяя некоторых из них, мы тем не менее (беря спор во всей его полноте) понимаем противников ген. Богаевского. В самом деле: что же делать донцам? ведь кроме открытого выступления (в печати или на собраниях) у них нет иного способа проявить недовольство своим когда то выборным Атаманом. А недовольство существует, ибо действительно же ген. Богаевский («наказный атаман» по выражению «Возрождения» в номере 1900 от 15 августа 1930 г.) на теперешнем посту своем не удовлетворяет весьма многих и многих казаков.

Мы не будем касаться и здесь специально донского спора (казаков со своим Атаманом). Коснемся

только той части статьи г-на Мельникова, где он говорит о самостийниках вообще. Остановимся и на том, что же предлагает взамен самостийности сам Мельников, на его, так сказать. программе положительной.

Ругаться, конечно, легко. Говорить о том, как и что у других скверно, еще легче. Труднее хорошо сказать, чего ты хочешь. И посмотрите: сколько места посвятил г. Мельников «поношению» самостийников и... как «умен» он в этих местах. Но... как убог он там, где он пытается предложить свою программу! — В сущности — несколько общих фраз из политического словаря некоторых русско-эмигрантских изданий. Общих чужих фраз для решения казачьего вопроса — мало! Теперь уже казаки хотят и должны иметь казачье решение Казачьего Вопроса.

Впрочем обратимся к самой статье г. Мельникова. Прежде всего, несколько «общих мест».

Читатели «В. К.» прекрасно знают, что мы никогда не нападали первые ни на одну казачью группировку, хотя бы они молились и чужому Богу. Это не потому, что они нам нравились, а потому, что всю свою работу мы построили на одной общей предпосылке: бороться (если бы надо было бороться) с нашими противниками не тем, чтобы тыкать в них пальцем и подчеркивать, что они скверные и что есть у них нехорошего, а тем, что можем предложить мы хорошего. Мы боролись и боремся со своими противниками утверждением своей положительной программы. Мы поставили казачий вопрос и даем казачье решение этого вопроса. Наши противники все время указывают, как мы «нехороши», но ничего своего, ничего казачьего взамен не предлагают.

Так и с ген. Богаевским. Мельников жалуется, что самостийники нападают только на Донского Атамана, тогда как будто бы все Атаманы одинаково смотрят на В. К. Это неправда. Самостийники и на Донского Атамана не нападали. Напал на В. К. пер-

вым ген. Богаевский и, ясно, что получил ответ. До сих пор мы Донскому Атаману только отвечали. Теперь этот спор не нравится ни ген. Богаевскому, ни г. Мельникову. Признаемся, что не нравится он и нам. Но, что делать? — не надо было начинать.

Статья г-на Мельникова не отличается большой стройностью. Много повторений, беспомощного топтания на месте... Чтобы читатели «В. К.» и «Р. К.» могли легче следить за нашим спором, просмотрим сначала статью Мельникова «по порядку».

Уже в самом начале ее видим, какой г. Мельников большой ловкач. Утверждение его о том, что «самостийники... перенесли спор на чисто личную почву»... — неправильно. Самостийники затрагивали до сих пор «личный вопрос» не больше, чем их противники, начавшие спор.

Чьи ряды поредели — вопрос спорный. Мы, напр., имеем все основания считать, что ряды Мельникова редеют весьма ощутительно. Если бы Мельников сам верил, что самостийников «кучка», — ему не нужно бы было так много писать о них.

Неправильно утверждение Мельникова и о том, что «казаки выборному Атаману верят». Если и верят, то далеко не все. Да и вряд ли можно говорить теперь о выборности Атамана, раз он фактически обратился в атамана «пожизненного».

Много уделяет места и «остроумия» г. Мельников и «средствам иностранной державы». — Демагогия! Слабость аргументации против самостийников и отсутствие с в о е й программы заменяет Мельников дешевой демагогией. Мы достаточно много говорили уже по этому поводу, чтобы повторяться еще раз. Но... и по Мельникову: «грех» не в том, чтобы получать или не получать «иностранную помощь», а в том, — зачем и на что ее получать. Если бы мы искали средства у иностранцев на «спасение России», на цели, угодные Мельникову, тогда это ничего. Но, искать средства на

спасение Казачества — это грех! Когда Мельников достает или хочет доставать (может ли — это другой вопрос) — это в порядке. Когда достают его противники — это скверно.

Мы признаемся даже в большем: мы хотели бы сделать все для того, чтобы Казачество смогло достать столько средств на выгодных для себя условиях, чтобы их хватило и для борьбы за освобождение и для восстановления разрушенной оккупантами экономической и культурной жизни там, на Родине... Думаем, что если бы эта задача удалась, Казачество одобрило бы нашу политику, а не политику г. Мельникова.

Не знаем, зачем говорит Мельников о какой то цензуре. Не хотим касаться здесь личности г. председателя Донского Пр-ва, но думаем, что человек в здравом уме и твердой памяти такой чуши не напишет. Когда возглавитель такой организации, как «Казачий Союз», в борьбе со своими противниками прибегает к приемам мелкого газетного репортера какого нибудь бульварного вечерника, то это свидетельствует только о несерьезности самого возглавителя и слабости защищаемого им дела. «Какая ужасная, отвратительная гримаса жизни!», давшей казакам в такое трудное историческое время такого политического вождя.

Очень интересна «забота» (не то «радость») г. Мельникова о том, что «донцы в этом движении крупной роли не играют — по крайней мере постепенно ее утрачивают»..., а кубанцы «вытесняют донцов из руководящего центра»... — Прием совершенно понятный: внести р о з н ь. Не будем говорить здесь о роли, какую кто играет в «руководящем центре» — «история разберет» потом этот вопрос лучше... Можем подчеркнуть только, что «Ответы» писаны исключительно донцами. При этом можем весьма кстати спросить у господина председателя «Казачьего Союза» (организации по характеру и имени своему «общеказачьей») — какую роль играют кубанцы (не говорим уже о других) в «руководящем центре» вашего «Казачьего Союза»? — Так

было и есть и у вашего «соседа» здесь в Праге — у В. А. Харламова, а теперь В. Т. Васильева — в ОКСХС. Искренны ли ваши, г. Мельников, «беспокойства» в этом месте?

Интересная *логика* у господина председателя Донского Пр-ва. В одном месте (вернее — во многих местах) он усиленно стремится взять под подозрение в. к. движение «связью» с «иностранной помощью», а в другом «об'ясняет» «преобладающую» роль черноморцев в самостийном движении «связью» с украинцами («петлюровцами»). Это, г. Мельников, мы слышали от всех «освагов» еще на Кубани, еще тогда, когда от «петлюровцев» мы были отделены Добровольческой «завесой». Господам Мельниковым все еще никак не хочется допустить, что в казачьей голове может родиться казачье решение казачьего вопроса. В их неказачьей голове это не укладывается.

Достаточно много места уделяет г. Мельников и мысли о «будущей войне» самостийников «против России». Он категорически при этом утверждает, что «казачество за самостийниками против *новой* будущей России не пойдет». — Мы, ведь, и сами не собираемся идти против не только новой, но и против всякой России: мы работаем *не* против России, а *за* Казачество. Мы боремся за освобождение Казачества и, если зовем его, то только для самозащиты. Мы не хотим, чтобы Россия к нам шла войной, все равно какая — старая, настоящая или новая. И только. Поэтому, с нашей точки зрения, участие Казачества в борьбе во Всероссийском масштабе (как того хочет Мельников) на стороне тех или иных претендентов на власть, — не только не нужно, но и весьма вредно для его действительных интересов.

Г. Мельников боится (в эту боязнь его мы не верим, — ему, как русскому, — все равно!), что борьба за освобождение приведет к уничтожению Казачества. Это — предсказание будущего (не всякое предсказание сбывается). А посмотрим на современную действитель-

ность. Сейчас Казачество действительно уничтожается. Уничтожается большевицкой Россией. За что? Именно за то, что оно мешалось или его вмешивали в политическую борьбу во Всероссийском масштабе. Россия не хочет казачьего вмешательства в свои дела. Рязанская, Тамбовская, Московская Россия гарантирует себя на будущее от вмешательства казаков в русские дела полным уничтожением Казачества (нынешний террор, ссылки и пр.). Здесь именно гибель Казачества.

Одна московская власть сейчас экспериментирует над Казачеством, а Мельников хочет, чтобы экспериментировала потом еще другая, третья и т. д. (кто знает, какая именно — первая, вторая или десятая Россия будет той новой, о которой мечтает Мельников, и чем она будет отличаться от России не новой?). Мы хотим вывести Казачество из под ударов всяких чужих экспериментов. И если уж без экспериментов обойтись нельзя будет, то пусть Казачество экспериментирует само над собою, — не так больно и дешевле! От своих экспериментов не погибнет.

Мы понимаем г. Мельникова, когда он зовет казаков разобраться во всех этих вопросах «с холодной головой». Голова холодная и у нас. Мы только думаем, что у Мельникова холодно и сердце.

Решительным аргументом в руках г. Мельникова против самостийности является неказачье население Казачьих Земель. Вопрос трудный. Уходить от него не желаем. Напротив, ищем решения, удовлетворившего бы обе стороны — казаков и иногороднее население. Намерений своих не скрываем. Воевать с «большей чем на половину» (по Мельникову, по нашему — во всяком случае м е н ь ш е й) частью населения Казакии за каждую цену не собираемся. Думаем решить вопрос мирно.

Больше половины неказачьего населения Казакии — украинцы. Думаем, что помиримся с ними в первую очередь. Помиримся и со всеми теми другими иногородними, кто мириться с нами захочет. Инициативы

борьбы и в этом вопросе мы на себя не возьмем. Труднее будет обстоять вопрос с теми, кто пришел к нам во время большевиков, или с той русской интеллигенцией, которая заражена великодержавным русским духом и надеется и в будущей Казакии подправлять свои животишки в роли московского служилого сословия на «окраинах». Но... таких будет незначительное меньшинство, — это раз. А другое: теперь московская оккупационная власть уничтожает казаков дома или посылает на верное уничтожение в Соловки, в Нарым, Сибирь и др. места, весьма отдаленные. Мы считаем более справедливым, если некоторые к нам пришельцы из Орла, Владимира и Москвы (колонизаторы!) или «неспокойные» вернутся к себе... домой. В нашем понимании Казакия — страна, в которой каждый, кто будет по отношению к ней лойялен, будет хорошо жить. Но прежде думаем позаботиться о своем населении. Это — естественно и законно.

Чувств г. Мельникова в адрес Украины касаться здесь не будем, т. к. по сравнению с покойным «освагом» он ничего нового или оригинального не сказал.

Новое или старое «явление» самостийничество среди донцов — спорить на эту тему с г. Мельниковым тоже не будем. Бесспорно во всяком случае то, что донцы — самостийники есть, что самостийничество среди донцов растет и ему — самостийничеству — принадлежит казачье будущее. Процесса роста самостийного в. к. движения среди Казачества уже никто не остановит. И не только Мельниковы, но и всякие другие представители русского прошлого — назад, в прошлое Казачества не затянут, какие бы истерики они не поднимали.

Еще раз повторяем, что не имеем никакого намерения путаться в узко донской спор между собою. Особенно, что касается особы ген. Богаевского. Но, нам кажется, что избранный г. Мельниковым способ показать популярность среди казаков ген. Богаевского, как Атамана (количеством и содержанием приветствий в

день 10-тилетнего его (невольного!) юбилея) — путь довольно скользкий. Г-н Мельников забыл, вероятно, что на похоронах и на юбилеях говорят только хорошее и приятное. Aut bene, aut nihil.

Много споров среди донцов было и есть до сего времени и по вопросу о донской Конституции. Вернее — о другом. Донская Конституция ясная и определенная. И как нельзя доказать, что день есть ночь (хотя бы и закрыли тучи солнце), так нельзя д о к а з а т ь, что донская Конституция может быть по разному толкована. Черным по белому, без всяких оговорок написано: Дон есть самостоятельное государство. Донцы спорят о другом. Спорят о том, что думали в сердце своем принимавшие и голосовавшие за безоговорочную донскую Конституцию. Ибо противники самостийников (и Мельников в том числе) «доказывают», что В. Круг думал иначе, чем писал (чем принимал закон). Задним числом заподазривают искренность и добросовестность донского законодателя и опорачивают его наиважнейший акт — основные законы В. В. Д.

Напрасный спор: думали, вероятно, по разному. Но закон формулировали все одинаково. И сколько бы ни призывал сейчас Мельников живых и мертвых свидетелей против донской Конституции, — для донских казаков закон этот останется законом! Самостийники его принимают таким, каков он есть.

Г-н Мельников забывает (или не хочет этого знать), какое тогда было время и как много зла принесла Казачеству обрусевшая казачья интеллигенция или русская интеллигенция, пристроившаяся к казакам (вроде и самого Мельникова). Конечно, думали разное. Конечно, говорили разное. Иначе и не могло быть. Ведь сотни лет русского владычества так скоро испариться не могли... Но, решает з а к о н, а не толкования тех или иных лиц, хотя бы это был и сам Мельников.

Но, даже допустим, что г. Мельникову удалось бы доказать сейчас, что т о г д а «думали» все за «впредь до», — что бы из этого следовало? Ровно ничего, т. к.

теперь есть донские казаки, которые отбрасывают это (существующее в воображении некоторых неудачных политиков прошлого) «впредь до» и которые принимают свою Конституцию так, как она есть, без опорачивающих ее комментарий. Число таких казаков растет, число последователей «впредь до» уменьшается. Для нас, самостийников, этого достаточно.

Следует ли в пылу полемики привлекать имя Каледина за или против самостийности? По нашему — не следует. Вообще, самостийники не заставляли служить себе это имя. И напрасно г. Мельников старается «обобщить» некоторые толкования роли Каледина в устах одного из авторов «Ответов». Мы вообще не согласны, что Каледин — «непререкаемый в Казачестве авторитет». Может быть у донцов (да и то вопрос спорный); у других же казаков Каледин не был совсем авторитетом. Да его и знали мало.

Мы уже говорили однажды, что Каледин стоял на перепутьи между служением России и служением Казачеству. Он так и не смог решить этой дилеммы. В трудное для Казачества время он предпочел решить свою личную трагедию и решил ее неудачно. «Выстрел Каледина» не имеет того «всеобщего» значения, какое ему приписывается. На Кубани или на Тереке выстрела этого совсем не слышали... В этом отношении роль и поведение донского генерала, а в свое время походного Атамана, П. Х. Попова, уведшего остатки донских партизан в степной поход, была для Казачества куда удачнее. Да и с точки зрения личного мужества, чтобы идти и вести тогда в степи бойцов с таким (наиболее сильным тогда) оружием, как вера в правоту своего дела, требовалось больше личного самообладания и политической прозорливости, чем для того, чтобы пустить себе пулю в сердце и тем решить только свой личный вопрос.

Мы уже говорили выше, что журнал «В. К.» не нападает первый ни на кого из казаков. Точно также, совершенно определенно отношение наше и к аноним-

ным авторам. И это отношение было и есть одинаковым как до 59 номера «В. К.», так и после. Г-н Мельников грамотный человек. Он прекрасно видит, что брошюра «Ответы» издана не редакцией «В. К.», что на ней стоит штамп издательства «Об'единения В. К.» (что не одно и то же, что В. К.) и все же намеренно отожествляет «Ответы» с В. К. Делает он это потому, что статья его по сути является не столько защитой Донского Атамана против авторов «Ответов», сколько направлена вообще против самостийности. Свои подтасовки г. Мельников, конечно, прекрасно понимает. Не предполагает же он в самом деле, что читатели «Р. К.» все так наивны, что этой ловкости его рук не заметят?

Г-н Мельников «опасается», что в будущем «виновниками» «скверного» отношения к казакам со стороны русских «могут стать именно самостийники». Таких «скверных» отношений в прошлом не отрицает и сам Мельников. «Оскорбительные и наглые слова, бросавшиеся иногда раньше по адресу казаков — «изменники», «предатели» — бывшие раньше абсолютно неверными и глубоко несправедливыми — ныне»... (см. стр. 19 в номере 7 «Р. К.»). Так если виновниками за будущее явятся, по мнению Мельникова, самостийники, то позволим себе спросить здесь: кто же был таким виновником в прошлом, когда (по Мельникову) самостийников еще не было? За что же «угощали» русские казаков «изменниками» и «предателями»? Кому «изменяли» и кого «предавали» в прошлом казаки? — И потом: скверные отношения в будущем — это все таки предположения Мельникова, а скверные отношения в прошлом — факт. Очевидно, вопрос стоит несколько иначе, чем его хотят поставить противники самостийности.

Г-н Мельников ставит упрек самостийникам в том, что они «вносят раз'единение в казачью семью». — «В. К.» вышло в свет только в конце 1927 года. Спрашивается: почему же за предыдущие 7 лет эмиграции г. Мельников ничего не сделал для того, чтобы внести

об'единение в казачью семью? — Мы знаем почему. Казачью семью можно об'единить только около казачьих интересов, около казачьей программы, а таковой у Мельникова как не было, так и нет.

— Так на протяжении многих убористых страниц своего «Р. К.» «доказывал» г. Мельников, какие «нехорошие» люди эти казачьи самостийники. Ради чего он это делал? Отрицая казачью самостийность, воюя с В. К., что же он предложил взамен?

Посмотрим, какова программа самого Мельникова. Собственно, разыскать эту программу — задача не легкая, т. к. отсутствие ее (программы) г. Мельников заменяет общей фразеологией. Постараемся все же выбрать здесь то, что предлагает своего глава Донского Пр-ва и председатель «Казачьего Союза»:

„Лучше быть частью великого целого и работать во имя воссоздания Великой и Свободной России и Свободного сильного Казачества в его составе..."

„Казачеству необходима Великая национальная Россия, как и России необходимо крепкое казачество, ибо и после ликвидации большевизма России суждено будет пережить невероятно трудное время, а в такие периоды особую ценность будут иметь государственно настроенные элементы, в первых рядах которых всегда стояло здоровое духом и навыками к самоуправлению и крепкое традициями казачество".

„В новой будущей Свободной России казачество будет самоуправляющимся хозяином в своем собственном доме и верным сыном России..."

„Мы должны употребить все усилия, мы все должны работать и стремиться к тому, чтобы вывести Россию, — а с нею и Казачьи Края — из состояния большевицкого кошмара, общими усилиями должна быть создана Россия новая, свободная в которой свободно жилось бы и казачеству..."

— Вот и все. Это и есть положительная программа Мельникова. Из-за этого он так рьяно и воюет с казачьими самостийниками.

Удовлетворяет ли и удовлетворит ли такая программа Казачество? — Мы говорим — нет! Мы расходимся с Мельниковым в основном: для него — сначала интересы России, а для нас — сначала интересы Казачества. Для блага «целого» Мельников может пожер-

твовать интересами и даже судьбой «части». Мы на это не идем. Зла России не желаем, но хотим добра прежде всего Казачеству. Мы не хотим быть частью никакого целого, мы хотим работать во имя воссоздания свободной Казакии. Ни в какой России не может быть свободного и сильного Казачества, — Россия, всякая Россия будет расказачивать и ликвидировать Казачество в своих собственных интересах.

Мы совершенно согласны с Мельниковым в том, что «и после ликвидации большевизма России суждено будет пережить невероятно трудное время»... И потому страдания и испытания Казачества в составе России не кончатся с падением большевиков. Казачья сила нужна Мельниковым не только для борьбы с большевиками за «новую» русскую власть, но и для восстановления разоренной русскими России. Мы думаем, что «платежи» и расплата за «революционные опыты» (а их будет еще много) будут не легче «стоимости» самой революции.

Господа Мельниковы, Богаевские, Деникины... водили уже казаков «спасать» Россию от большевиков. Они хотели бы попробовать это сделать еще раз (а где же русские?). Мало того, г-н Мельников хотел бы и после, потом поставить казаков в первые ряды восстановителей России. Не много ли это на одни и те же плечи? Хватит ли на это казачьих сил?

И за все это — только самоуправление в пределах и по усмотрению «свыше», а значит — постольку, поскольку это не противоречило бы интересам «целого». По опыту прошлого мы знаем, что в России всякое «самоуправление», а тем более национальное возрождение всегда противоречило «общегосударственным интересам».

Г-н Мельников говорит о России Свободной. В такой де России будет свободно и Казачество. — Тоже из опыта знаем, что это не так. Но, даже если бы кто поверил Мельникову, то — кто же поручится, что Россия будет действительно свободной? В прошлом сво-

бодной не была, не свободна и сейчас. Значит, более вероятно, что и в будущем Россия не будет свободна — по крайней мере среди самих русских больше сторонников России не свободной, чем свободной. Мы позволим себе спросить на этом месте г-на Мельникова: а какова же будет судьба Казачества в России не свободной?

Недавно мы ставили уже единонеделимцам из казаков вопрос: какую Россию они любят? — Сейчас мы имеем ответ Мельникова: он любит Россию пока не существующую (и неизвестно, будет ли она такая существовать). Можем поставить теперь другой вопрос: какая Россия и как любит Казачество? Какая Россия, наконец, — любит вас — казачьих единонеделимцев? — Россия большевицкая, Россия Керенского или Милюкова? Россия Деникина-Миллера? Россия Маркова II или Кирилла? — Какая же? И где она, любящая? Россию казнящую, Россию разоряющую, Россию изгоняющую Казачество (Екатерина, Петр, большевики) мы видели. Россию, требующую за все это бесконечной «службы», мы знаем... А где же та новая? и какая она, эта новая?

Итак, еще раз говорим: у Мельникова никакой программы решения казачьего вопроса нет. Мельников не дает своего решения казачьего вопроса, — он повторяет решение Миллер-Гукасовско-Милюковское. Вот почему ему не удалось и не удастся об'единить Казачество в одну семью.

Повторяем: Казачество хочет иметь казачью программу решения казачьего вопроса. Такую программу дают самостийники — В. К. Казачья Семья соберется только около Казачьей Идеи и Казачьей Программы, самая короткая формулировка которой укладывается в одно слово — Казакия!

XXII.

Вместо полемики.

10 мая 1931, № 80.

В. К. приняло программу Казакии, т. е. самостоятельного Союзного Казачьего Государства, или иначе — федерации Казачьих Земель. Это значит, что Казакия, по мысли В. К., своим государственным строем была бы, в общем, подобна государственному строю Северо-Американских Соединенных Штатов. Сходство здесь, конечно, только формальное, т. к. Казачество в рамки федерации Казачьих Республик вложит, несомненно, свое содержание. Бесспорно также, что независимое Казачье Государство, базируясь на всем своем населении, в своей политической (административной) и социальной организации будет преследовать интересы всего своего населения, отвергая классовую организацию государства. При политической активности населения, демократический принцип достаточно удовлетворительно защищает интересы каждой составной части общества, не закрывая возможности государству создавать гармоническое сотрудничество всех элементов населения страны в настоящем и хорошо думать о будущем.

Когда и каким бы путем ни произошло освобождение, произойдет оно в условиях не легких, — наследство и обстановка будут тяжелы. Одно можно только сказать, что трудностей будет тем больше, чем позже придет час освобождения. Подчеркиваем это затем, чтобы казаки не заблуждались на счет завтрашнего дня. И еще одну оговорку мы бы здесь сделали — «для ясности», т. к. считаем, что в интересах казачьего дела

в целом, надо теперь уже ставить все точки над i. Мы совсем не будем преувеличивать, если скажем, что трудностей первого времени после освобождения на другие плечи переложить не удастся. Противники казачьей самостоятельности любят всегда стращать казаков именно на этом месте. Мы должны будем разочаровать и тех, кто им, нашим противникам, поверит, и тех из самих противников, которые сами искренно этому верят. Мы уже говорили когда то, что в случае, если Казачество останется в составе той неизвестной пока России, которая придет на смену теперешнему СССР, «платежи» его по счетам ликвидации русской революции будут никак не легче нынешних платежей самой революции. Русские себя не обидят, а «вину» за Казачеством найти сумеют, — были же «виноваты» казаки у Временного Правительства, были «виноваты» у Деникина, были и есть «виноваты» у большевиков, будут «виноваты» у будущих Керенских и Милюковых, если в России будет демократия, или у Миллеров и Кириллов, если в Москве сядет снова царь. Но больше всего «виноваты» будут казаки в этом последнем случае у русского мужика, который такой «вины» не забудет и до следующей революции... Мы еще раз настойчиво повторяем: самая дорогая самостийность будет все же дешевле Казачеству не только теперешнего большевицкого ига, но и всякой другой русской опеки. К этим вопросам, *что* будет дороже или выгоднее для Казачества — самостийность или автономия (или федерация) в составе России, — мы еще вернемся.

Программа В. К. встретила разный прием.

Казачество мыслящее, ищущее решения казачьего вопроса под углом зрения казачьих интересов, программу В. К. приняло.

Решительно высказались против В. К. все русские политические течения. Для них вообще казачьего вопроса в нашем его понимании не существует. Они сейчас против В. К. потому, что и всегда будут против всякого решения казачьего вопроса в пользу Казаче-

ства. Они, русские, даже не аргументируют своего к нам отношения, заменяя доводы «иронией» или простым отрицанием («нет!»). Мы имеем все основания утверждать, что даже те русские люди или партии, которые сейчас допускают возможность существования казачьего вопроса (но только как вопроса исключительно «внутренне русского»), и те отписываются общими фразами, с плохо скрываемым намерением не исполнить никаких своих обещаний в адрес казаков, ибо для всех них — прежде всего интересы «целого» — России. А раз интересы России будут требовать ликвидации казачьего вопроса, то — дело ясное — сделают то, чего будут требовать эти «общеимперские» интересы. Сейчас, ведь, тоже интересы Советской империи требуют ликвидации Казачества и требование это исполняется, не спрашивая и не считаясь ни в какой мере с самим Казачеством.

Заметьте: по своей инициативе еще ни одна современная русская политическая группировка казачьего вопроса не затрагивала, а только в полемике, как ответ на ту или иную постановку его казаками.

В последнее время лавры противников идеи Казакии не дают покоя некоторым (подчеркиваем это — некоторым) украинцам из «Тризуба» или, вернее, некоторым неудачным, в прошлом бывшим кубанским министрам, «странствующим» заграницей от одной украинской группировки к другой и ныне нашедшим приют в «Тризубе». «Тризуб» устами разных кубанских Сагардинських (псевдоним) тоже не аргументирует своего отрицания программы В. К., заменяя аргументацию попытками дискредитации или «глузування». Так как еще недавно сам «Тризуб» выражал большое «недовольство» по поводу аналогичного к себе отношения русских, то мы сами в такую же «полемику» с «Тризубом» вступать не будем, в предположении, что в создающейся «обстановке» читатели «Тризуба» разберутся хорошо и сами.

Среди самих казаков противниками программы В.

К. выступили те казачьи единонеделимческие круги, которые до сих пор еще формально возглавляются ген. Богаевским, а идеологом и публичным трибуном которых является председатель «Казачьего Союза» в Париже г. Мельников. Эти круги казачьей эмиграции — вообще против всякой казачьей самостийности.

Но в последнее время появилась еще одна казачья группировка (донская) — «Лига Возрождения Казачества», — называющая себя самостийной, но не приемлющая идеи Казакии. «Л. В. К.» признает существование отдельных самостоятельных казачьих республик, но одновременно допускает и возможность сговора с будущей Россией (самостоятельность «впредь до»).

Об'ективно, такая постановка вопроса приемлема и той кубанской группировке из «Кубанского Края», которая сотрудничает ныне с «Тризубом» для борьбы против нашей программы и, по тактическим соображениям, говорит иногда в пользу кубанской самостоятельности, допуская в будущем включение Кубани в состав Украины.

Все это говорит за то, что не раз еще придется ставить Казачеству основной вопрос программы Вольного Казачества — вопрос Казакии. Противники Вольного Казачества из казачьих же «самостийников» (по сути — самостийников только «тактических», временных) хотят оставить за собою в будущем некоторую свободу «маневрирования» и «игры» с отдельными казачьими республиками в пользу некоего «целого», а мы — В. К. — хотим всерьез строить Казакию — казачье государство, консолидированное внутри и сильное во вне.

Предоставим нашим противникам искать и впредь аргументы против программы В. К., ибо до сих пор все аргументы их п р о т и в идеи Казакии для нас являлись аргументами з а.

Интересно подчеркнуть, между прочим, что аргументируют отрицание Казакии только казаки. Так, напр., совсем недавно генеральный секретарь «Казачьего Союза» проф. А. Марков выступил со второй

своей статьей в «Посл. Новостях» (28 апреля 1931 г.) — «Казачьи Думы», — которой мы здесь и коснемся несколько более подробно.

Проф. А. Марков весьма недоволен тем, что для самостийников «работа большевиков» является «аргументацией не только против большевиков, но и против всякого рода „москалей"». Ну, хорошо, — а кто же такие большевики и на кого они опираются? — Большевики, напр., колонизуют сейчас Казачьи Земли. Но, кто же идет туда? — Идут русские крестьяне из «более густо населенных областей Европейской России», и вместе со своей властью выселяют (или расстреливают) казаков на свой север на принудительные работы, забирают казачий живой и мертвый инвентарь, селятся в готовые казачьи хаты и присваивают себе казачью землю (грабят «законным» путем!). Это делают, ведь, не коммунисты! Русский крестьянин в полной мере использует соввласть для захвата казачьих территорий, не останавливаясь ни перед каким террором для создания на казачьей земле своего «большинства». Ведь, если бы русский мужик не шел селиться на казачью землю, коммунист бы сам там не сел. Совершенно правильно: «разорение казачьих краев большевизмом есть продолжение старой русской политики эксплоатации казачества»... Кто знает историю, тот знает, что это правда. Г-н Марков подсовывает нам, далее, другие «выводы», а именно, что «надо стремиться к ликвидации большевизма» (читай: в России); «надо создать для казаков такое государственное положение, при котором повторение ошибок царской власти было бы невозможным»; «для этого достаточно установить для всей страны более совершенный государственный порядок»... Проф. Марков не говорит только, что двенадцать лет тому назад он и его единомышленники «водили» уже казаков для установления в России «совершенного государственного порядка» и что советская власть руками русского мужика побила таких «предпринимателей». Побила именно за то, что шли решать дела всероссий-

ские (советская власть в начале 1919 г. предлагала казакам такой же мир, как латышам и эстонцам, но Богаевским и Филимоновым хотелось непременно сыграть еще раз роль Межаковых в XX ст.).

Не знаем, зачем проф. Марков «наивничает»: «Необходимо иметь в виду, что казачество не может и не должно отказываться от своих Законодательных учреждений (В. Круга и Казачьих Рад)»... Мы категорически утверждаем, что подлинно свои законодательные Учреждения Казачество будет иметь только в случае осуществления программы самостийности. Если Казачьи Земли останутся в составе России, то решать о том, будут или не будут в Казачьих Краях свои Круги и Рады, будут не казаки. Казаки получат то, что им дадут и сколько дадут. А могут и совсем не дать, что вероятнее всего.

Совсем уж несерьезна «угроза» проф. Маркова о том, что «самостийническая программа потребует восстановления военной службы исключительно за счет казачества» и «потребует огромных расходов на создание всего правительственного (для самостоятельного государства) аппарата». — И служба будет и «расходы» будут — все равно, будут ли казаки самостоятельны или останутся в составе России. Налоги платить вообще будут. Служить будут — на «свой счет» или на «государственный», но — в обоих случаях на свой. Если будут служить на свой счет, налоги будут меньшие, если будут служить на счет государства, налоги будут большие. Разница между самостийностью и не самостийностью в данном случае будет та, что в случае, если Казачество останется в составе России, условия службы, «счет» и размеры налогов (на покрытие расходов по содержанию казаков на военной службе, если они будут служить за «счет государства») будут определять для казаков неказаки в Москве или Петербурге, а если будет Казакия, то все эти вопросы будут решать казаки сами. В первом случае казаки будут служить снова кому то, а во втором —

себе. В первом случае всеми материальными рессурсами Казачьих Земель будут распоряжаться русские в интересах «целого», во втором — само население Казачьих Земель в интересах своих же.

«Нельзя и преступно вести Казачество по такому пути, который в будущем неизбежно связан с тяжелыми столкновениями, с новым разорением разоренных казачьих краев» — «предостерегает» г. Марков. Но, спросим мы в свою очередь господ Марковых, разве связь с Россией гарантирует Казачьи Края от «тяжелых столкновений» и от «новых разорений»? Разве могут быть большие «столкновения» и большие «разорения», чем сейчас в составе сов. России? А в прошлом — при Петре, при Екатерине? А кто бы поручился за будущее? — Поэтому — еще раз — «нельзя и преступно вести Казачество» по пути Марковых, «который в будущем неизбежно связан с тяжелыми столкновениями» и «с новым разорением разоренных Казачьих Краев». «Надо искать здорового разрешения вопроса и это разрешение можно найти только на пути сохранения за казаками права иметь свои Законодательные... Учреждения», т. е. на пути самостоятельности.

Можем заверить гг. Марковых и в том, что мы прекрасно понимаем, что «создание Казакии потребует от разоренного Казачества не только материальных жертв, но, может быть, и крови». Но так же бесспорно, что оставление Казачьих Земель в составе настоящей или будущей России требует и потребует от обескровленного и разоренного Казачества еще больших материальных жертв и больше крови. И все это — на алтарь современных чужих экспериментов или потом — на восстановление разоренной экспериментами центральной России. Будьте покойны, гг. Марковы, Казачьи Края в составе будущей России попали бы на последнее место в будущей «пятилетке» по приведению в порядок наследства русской революции. Если уж суждено Казачеству нести жертвы, то пусть оно само уста-

навливает и их размер и несет их в свою пользу и на благо своей Земли.

Не имеет никакой цены, с нашей точки зрения, и «аппеляция» профессора-экономиста к будущим «хозяйственным проблемам» Казачьих Земель. Опять таки, при осуществлении единонеделимческой программы единомышленников Маркова, хозяйственными проблемами Казачьих Краев будет заниматься не население их, а «Центр» и, конечно, в своих интересах. И если проф. Марков не отрицает, что «Казачьи Края и по своей территории, и по количеству населения, и по естественным богатствам могут быть самостоятельным государством», то мы самым настойчивым образом подчеркиваем, что только самостоятельность гарантирует им «богатое хозяйственное будущее».

Мы остановились на всех основных возражениях проф. Маркова и можем еще раз засвидетельствовать, что все его аргументы против Казакии так же прекрасно говорят и за. Это потому, что доказать такое желание, как нежелание казачьей самостийности, нельзя. Дело здесь не в доказательствах, а в нашей воле и в нашем сознании. Кто хочет самостийности, тот найдет свои аргументы за; кто самостийности не хочет, тот найдет свои аргументы против. Но, единственным решающим за или против в этом вопросе всегда останется воля непосредственно заинтересованных. Если г. Марков захочет проверить это наше утверждение, пусть предложит первому встречному французу доказать необходимость самостоятельного существования Франции. Мы уверены, что тот француз не докажет такой необходимости (если захочет доказывать) тому, кто не будет хотеть французской самостоятельности.

Как видим, враги в. к. программы воюют с нами разными средствами и разными аргументами. Одни борятся вообще против самостийности открыто. Другие нападают, особенно казаки «не казачьего толка», на саму идею Казакии. Им, не менее действительным про-

тивникам В. К., чем и Богаевские-Марковы, кажется, что с самостоятельностью отдельных казачьих республик они смогут справиться в будущем (в интересах своей программы) гораздо легче, чем с целой Казакией — Союзным Казачьим Государством.

Мы же на это ответим только большим сплочением своих сил и рядов около своей программы.

Степи седые, курганы, холмы —
Думают думу казачью — как сны...
Стонет Сибирь, Енисей, Семиречье,
Стонет Амур, Уссурия, Байкал,
Стонет Кавказ, Запорожская Сеча,
Стонет Тамары красавец Дарьял...
. . . . . .

Почему ж ваша песня уныла?
Разве жизнь безотрадна-горька,
Иль „опека" Москвы так постыла,
Душит ли злая судьба казака?

Сила ли ваша уж вам изменила,
Взор ли орлиный померк и угас?
Иль сила вражья душу смутила,
Вера ли, братья, убита у вас?

Грань ли казачью смело и размыло
И погост родных ваших трактором взрыт?
Или любовь ко Христу так уныла
И завет наших предков растоптан, разбит?

И не пора ль нам позор отцовский
Смыть, и преданье дедов оправдать,
И весь этот пришлый к нам сброд московский
С просторов родных нам изгнать?

Нам, казакам, и сынам Кавказа
Нет ведь иного пути:
Распри забыв, всем вместе и сразу
К свободе народов идти.

Павел Кудинов („ВК" № 74).

XXIII.

Кто же извращает волю казачью?

10 сентября 1932, № 112.

«Кавказский Казак» продолжает свой «поход» против В. К. В августовском номере 1932 г., наряду с «перлами» полемической литературы противников казачьей самостийности и «сенсационными разоблачениями» о «подпольной работе в. казаков» некоего М. С. (сам стыдится подписаться своим полным именем под своим «творчеством»), есть и выступление генерал-майора Науменко.

В прошлом номере «ВК» мы уже заявляли, что не будем состязаться с «КК» в употреблении «сильных выражений». Т. к. кроме таких «выражений», ничего другого в № 8 «КК» нет, то мы оставляем его без ответа. Ответим только ген. Науменко.

«Вольные казаки извратили волю казачью» — утверждает ген. Науменко. — В чем же выразилось это извращение? — А в том, что:

«Что касается политических положений, то Рада наша еще в 1918 году, во время напряженной борьбы с большевиками, указала, что, беря временно, в виду отсутствия центральной Российской власти, в свои руки управление Краем, она мыслит казачество «неразрывно связанным с Россией единой и свободной». «Но здесь, заграницею, вольные казаки извратили волю казачью, они отказались от России и изобрели Казакию».

— Такое именно извращение воли казачьей приписывает нам ген. Науменко. Попробуем остановиться на этом вопросе и разобраться в нем более внимательно.

но, а тогда и увидим, кто же в действительности извращает волю казачью.

Ген. Науменко, для доказательства своего утверждения, приводит одну фразу из декларации, приложенной к Кубанской Конституции 1918 года. Мы приведем эту декларацию целиком, остановимся и на Конституции, припомним, в каких условиях они принимались, и проанализируем эти документы. А потом скажем несколько слов и о том, кто и когда «изобрел» Казакию.

Итак, прежде всего о Конституции и приложении-предисловии к ней.

Конституция Кубанского Края, принятая Кубанской Краевой Радой 5 декабря 1918 г. (по ст. ст.), по существу является основным законом ни от кого независимой, самостоятельной, по форме правления — демократической республики, в которой, согласно ст. 9, источником Высшей Власти является воля ее граждан, выражаемая на представительных собраниях (Краевая и Законодательная Рады). Согласно точному содержанию текста Конституции, на Кубани нет иной высшей власти, чем власть кубанская. Точно также, нигде в Куб. Конституции нет никакого упоминания о России или о связи Кубани с Россией.

Откуда же взялось декларативное предисловие к Конституции, на которое все время ссылается ген. Науменко? — Для ответа на этот вопрос припомним ту обстановку осени 1918 г., в которой была созвана Краевая Рада, и те силы, которые давили тогда на ее волю.

Краевая Рада 1918 г. созывалась в то время, когда на восточной части территории Кубани шли еще самые ожесточенные бои с большевиками. Фактически власть на Кубани принадлежала тогда больше командованию Добрармии, чем Кубанскому правительству, хотя должно было быть наоборот.

Собралась Рада. Больше 500 депутатов от станиц и городов. По соглашению Кубанского правительства и командования Добрармии в состав Рады вошло и 4 представителя Добровольческой Армии. Среди этих 4

представителей был и ген. Науменко (таким образом, ген. Науменко в то время представлял в Раде интересы русской Добровольческой Армии, а не интересы Кубани).

Вот в этой Раде и столкнулись два различных мира. То, что принимала Рада, не принимали представители Добрармии. То, что предлагали представители Д. А., не принимала Рада. 11 ноября 1918 г., после того, как Рада приняла свою декларацию, определившую основные вехи кубанской политики на будущее, представители Д. А. были демонстративно отозваны ген. Деникиным из ее состава. Наступил разрыв. Позже была создана «согласительная комиссия» в составе 16 членов с каждой стороны (16 от Краевой Рады и 16 от Добровольческой Армии). О результатах работ этой согласительной комиссии ген. Деникин пишет так: «Комиссия не привела ни к каким существенным результатам, подтвердив лишь непримиримое внутреннее расхождение сторон» («Очерки Русской Смуты», т. IV, стр. 51).

Против позиции Рады ополчились тогда не только добровольцы. Не менее горячо «заволновались» и некоторые военные-кубанцы, требуя от Рады уступок и сговора с Добрармией. На эту тему выступал в Раде тогда еще полк. Шкуро. Ген. Деникин свидетельствует: «Тревожные события... назревали не на шутку. В один из ближайших дней (после 11 ноября. Ред.) ген. Романовский доложил мне, что ген. Покровский и полк. Шкуро, введя в Екатеринодар свои конвойные сотни, решили произвести переворот, предполагая расправиться с черноморскими лидерами и принудить атамана, полк. Филимонова, принять на себя всю полноту власти»... Члены Рады хорошо помнят, что некоторые военные начальники недвусмысленно намекали в то время на возможность «открытия фронта» в случае, если Рада не пойдет на соглашение с командованием Добрармии. Налегали на соглашение (под влиянием этих угроз) и депутаты от станиц, в районе которых

проходил фронт или которым в первую очередь грозили бы непосредственные последствия открытия фронта.

Вот в этих условиях Краевая Рада и приняла следующую компромиссную декларацию, как предисловие к Конституции:

«Кубанское казачество, горцы и коренное население сел и городов Кубанского Края, вынесшие из испытаний революции устои порядка и народоправства, стоят перед необходимостью устроения родного Края собственными усилиями.

Отсутствие государственного единства и обще-российской власти, продолжающаяся в центре России анархия и затянувшаяся борьба с нею, властно диктуют населению Кубани необходимость самостоятельно упрочить государственность в пределах Края.

Мысля себя неразрывно связанным с Россией, единой и свободной, население Кубани твердо стоит на прежней своей позиции: Россия должна быть федеративной республикой свободных народов и земель, а Кубань отдельной составной ее частью.

Ныне же Кубанский Край, стоя на пути государственного строительства, сохраняет за собою всю полноту государственной власти в пределах Края и управляется органами, поставленными его населением, согласно настоящего Положения».

Через год, в ноябре 1919 года, генералы Деникин, Врангель, Науменко и Покровский, повесив Кулабухова, под прямою угрозою казни еще 10 человек, заставили Краевую Раду изменить не только Конституцию 1918 года, но и предисловие к ней на такое:

«Кубанский Край мыслит себя неразрывно спаянным с Единой, Великой и Свободной Россией. Население Края сохраняет твердую уверенность в близкой победе над врагами России и непоколебимое решение вести борьбу до конца в тесном союзе с Добровольческой Армией и всеми силами, борющимися за возрождение Великой России через Всероссийское Учредительное Собрание.

Краевая Рада считает ближайшей задачей создание единой Государственной власти на Юге России с участием в ней представителей Кубани и с сохранением за Кубанью широких прав по установлению Краевой жизни через свои представительные учреждения и органы исполнительной власти».

Меньше чем через два месяца, 1 января 1920 года, Краевая Рада аннулировала (отменила) все решения, принятые в кулабуховские дни, восстановила снова Конституцию 1918 года, но ничего не сказала относительно предисловия к ней. Остается каждому толковать по своему.

Такова краткая история того предисловия, на которое ссылается ген. Науменко. Мы видим, что оба раза ген. Науменко был не с кубанскими казаками, а с командованием Добрармии и оба раза участвовал в том, чтобы навязать Кубанской Раде волю ген. Деникина-Врангеля, а сейчас сам укрывается за ту именно навязанную волю, выдавая ее за волю казачью.

Большой вопрос о том, поскольку решения Рады, принятые под давлением или угрозою внешних сил, обязательны для Кубани, особенно тогда, когда те решения опрокинуты уже самой жизнью! Но согласимся на время с тем, что предисловие к Конституции 1918 года «имеет силу» и сегодня. Что же это значит? Каково его подлинное содержание? — Прочитаем его внимательно. Касается оно двух моментов: настоящего и будущего. То, что касается настоящего, совершенно ясно:

«... Стоят перед необходимостью устроения родного Края собственными усилиями... Властно диктуют населению Кубани необходимость самостоятельно упрочить государственность в пределах Края... Ныне... Кубанский Край... сохраняет за собою всю полноту государственной власти в пределах Края и управляется органами, поставленными его населением»...

Ясна и та часть, которая касается будущего:

«Мысля себя неразрывно связанным с Россией, единой и свободной, население Кубани твердо стоит на своей прежней позиции: Россия должна быть федеративной республикой свободных народов и земель, а Кубань — отдельной составной ее частью».

Согласно этого абзаца Кубань свое присоединение мыслит только к России как к федеративной республике свободных народов и земель. Этот же абзац декларации совершенно не предписывает кубанцам работать над созданием Российской федерации больше, чем работают другие народы, но он запрещает присоединение Кубани ко всякой другой России, кроме свободной федерации свободных народов и земель. Неясным остается вопрос, а что бы делала Кубань, если бы сами свободные народы и земли не хотели бы вообще федерации, а предпочитали бы остаться самостоятельными? Или, если бы Россия не хотела федерации с казаками, а подчинения (подданства) казаков России (что в действительности было и есть)? — Логика и в данном случае диктовала бы Кубани тоже самостоятельность.

А что значит: быть отдельной составной частью федеративной республики свободных народов и земель? — Ответим сначала на вопрос: что такое федерация, кто и как ее образовывает?

Федерация, федеративное государство создается путем договора самостоятельных государств. Федерация — добровольный союз равных. Компетенция федеральной (союзной) власти создается путем отказа каждого из участников союза от части своих суверенных (верховных) прав и функций и передачи их в пользу власти общей — федеральной (союзной). Таким образом, чтобы образовалась Российская федеративная республика свободных народов и земель, надо сначала, чтобы эти свободные народы и земли сделались действительно свободными и самостоятельными государствами — это раз, а второе — чтобы они захотели образовать федерацию. Федерация принуждением не создается.

Предположим, что Кубань — самостоятельное государство и хочет идти в Российскую федерацию. Этого мало. Надо, чтобы и те другие, а прежде всего сама Россия (Великороссия) хотела федерироваться с Кубанью. Мы знаем очень хорошо, как мало среди русских федералистов. Ведь в 1917 и 1918 годах почти все народы б. Р. Империи были федералистами, и только русский народ меньше всего разделял такую государственную программу. В свое время на стр. «ВК» мы уже отмечали, что даже те немногочисленные русские федералисты, которые признают нужным перестройку России на федеративных началах, — что они ограничивают круг тех, за кем они такое право признают, — во всяком случае почти никто из русских не признает такого права за казаками. И сейчас ведь сов. Россия по конституции является союзом, много народов имеют — пусть фиктивную, но все же автономию хоть в чем либо, лишь только Казачество не имеет никаких прав... Искренние заблуждаются, а «сознательные» «русские казаки» лгут, когда говорят, что Россия «даст казакам федерацию».

И еще один вопрос: кто и когда решит за Кубань, что пришло время федерироваться? — Такой вопрос может решить только само население Кубани всенародным голосованием или специально избранная для того Краевая Рада — Верховный хозяин освобожденной, государственно самостоятельной Кубани.

Вот почему преступно сейчас, ссылаясь на то, что Рада приняла когда то решение: «мысля себя неразрывно связанным с Россией»..., ничего не делать для освобождения и осуществления самостийности Казачества. Наоборот, об этом «мысля себя неразрывно связанным...» надо забыть и помнить только: «ныне же»... Это в точности отвечает и решению Рады, на волю которой ссылается ген. Науменко. Тем более, что будущая Рада может и отбросить это самое «мысля себя...», в чем мы не минуты не сомневаемся.

Мы убеждены, что читатели легко и сами разбе-

рутся теперь и в той «тонкой» перестановке с этим самым «мысля себя...», какую (мы думаем — намеренно!) делает ген. Науменко. В самом деле, есть большая разница между двумя формулировками:

... «беря временно... в свои руки управление Краем, мыслим себя неразрывно связанным с Россией...»

и: «мысля себя неразрывно связанным с Россией..., берем в свои руки управление Краем...»

Последний вопрос: а что, если условий, предрешенных Радой для федерирования с Россией, единой и свободной, не наступит 1000 лет, — что тогда: ждать и ничего не делать? — Нет, не ждать и одного дня, а осуществлять прямую и ясную волю Казачества «н ы н е ж е . . .»

Перейдем дальше к следующему вопросу: извращают ли вольные казаки волю Казачества, «отказываясь от России и изобретая Казакию».

Прежде всего, что такое Казакия в нашем понимании? — Казакия — союзное казачье государство, казачья федерация, в состав которой, согласно нашей программе-максимум, должны войти шесть Войск Европейского Казачества и Калмыки.

Зачем и для чего создаем мы Казакию? — никогда и ни от кого не скрывали ответа на этот вопрос: не для служебной роли другим народам и государствам, а для самостоятельного и независимого существования коренного населения Казачьих Земель в своем государстве, во имя блага своего народа, для обеспечения его исторического существования, для успеха полного развития его духовного и материального благосостояния, для того, чтобы впредь никто над ним уже не делал никаких опытов, а был он сам себе хозяином и распорядчиком своего настоящего и будущего, как было когда то Казачество полным и самостоятельным господином самому себе в прошлом.

Чтобы можно было говорить о том, что вольные казаки, стремясь к Казакии, извращают волю казачью, надо было бы показать, что казаки вообще не стреми-

лись и не стремятся к самостоятельности, не стремились и не стремятся к об'единению.

Нужно ли нам доказывать сейчас еще раз, что Казачество не только стремилось и стремится к государственной самостоятельности, если оно эту самостоятельность уже имело и боролось за нее? Что говорит Донская Конституция? А если вы, русские казаки, оспариваете содержание Кубанской Конституции, то почему же и из-за чего между Кубанью и представительницею русских интересов — Добрармиею — шла такая ожесточенная борьба? За что убиты Рябовол и Кулабухов? Если вы будете отрицать наличие самостийных стремлений у терских казаков, то как об'яснить то, что в январе 1920 г. терцы вместе с донцами и кубанцами хотели строить самостоятельное союзное государство из Дона, Кубани и Терека? А вы думаете, что, если бы тогда имели возможность собраться вместе с донцами, кубанцами и терцами и другие казаки, то они потянули бы в другую сторону?

Значит, было и есть не только стремление к самостоятельности, но была и самая самостоятельность. И если вы можете пытаться брать под подозрение эту волю и других казачьих Войск, то взять таковую у донцов и кубанцев вам никогда не удастся. А Дон и Кубань — старейшие и наиболее многочисленные казачьи Войска — могут быть хорошим примером для других. Процесс политического развития и государственного строительства в 1917-1920 гг. у казаков шел от несамостийности к самостийности, а не наоборот.

Было ли у казаков стремление к об'единению, стремление создать «казачий комплекс» в пределах шести Войск Европейского Казачества? — Вспомним «Юго-Восточный Союз» 1917 года, возродившийся в 1918 году на Дону при Атамане Краснове в форме проекта Доно-Кавказского Союза, так наз. «Южно-Русскую Конференцию» 1919 года, «Верховный Круг Дона, Кубани и Терека» 1920 года. — Ведь все это этапы к.... Казакии.

Инициатива создания Юго-Восточного Союза принадлежит конференции представителей Донского, Кубанского и Терского Войсковых правительств, созванной в конце сентября 1917 г. в Екатеринодаре. Договор об образовании Союза подписан 20 октября 1917 г. (по ст. ст.) на второй конференции во Владикавказе. В образовании Союза приняли участие Войска: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Горцы и Калмыки. Впоследствии присоединились к Союзу Войска: Уральское и Оренбургское.

В задачу «Юго-Восточного Союза» входило решение казачьего вопроса в пределах «новой России» (послереволюционной). Вопроса об отделении от России тогда еще не ставилось. Кто помнит события, тот знает, что в 1917 году все народы, повторяем, были федералистами, за исключением русских.

Договор 20 октября 1917 года создавал скорее целевую организацию, чем органическое государственное образование, ставя перед Союзом в первую очередь задачи: борьбы с надвигающимся на территории Казачьих Земель анархо-большевизмом, взаимной поддержки у себя дома и обеспечение в будущей Российской федерации за Казачеством надлежащего места равноправного члена этой федерации. Осуществление самой Российской федерации возлагалось на Всероссийское Учредительное Собрание, с одной стороны, и на свободное соглашение с окраинными народами, с другой.

Не по вине Казачества Россия не стала федеративной республикой. Навалившийся большевизм, раз'единив фактически наши Края, не дал возможности осуществить Казачеству и Юго-Восточного Союза. В 1918 году все народы б. Р. И., бывшие в 1917 г. федералистами, стали на путь самостийности. На тот же путь стало и Казачество.

Генерал Деникин (т. II, стр. 182) считает Юго-Восточный Союз «начинанием казачьей интеллигенции». Отвечая ему, «русский казак» В. А. Харламов («Донская Летопись», т. II, стр. 284 и след.) пишет следую-

щее о существовании постоянного стремления у казаков к об'единению:

«Если обратиться к недавнему до-революционному прошлому, то мы увидим, что с начала открытой политической деятельности в России, с учреждением Государственной Думы, депутаты-казаки составляют одну казачью группу, которая, несмотря на разницу политических взглядов лиц, в нее входящих, действовала и выступала по казачьим вопросам всегда об'единенно. В первые месяцы революции стихийно выражается стремление казаков к единению и создается Союз Казачьих Войск, где выковывается общая казачья мысль, намечаются планы обще-казачьего строительства в новых условиях жизни... Если на Юго-Востоке России казачьи Войска пытались создать Союз, то за Уралом и в Сибири остальные казачьи Войска проделали то же самое... Идея Юго-Восточного Союза не умерла с фактическим прекращением его существования в начале 1918 года. Каждая сессия Донского Войскового Круга выносила постановление о неотложной необходимости осуществления этой идеи... В период величайшей опасности для самого существования казачьих Войск... создается Верховный Круг Дона, Кубани и Терека... Факт этот характерен и доказателен... В январе 1921 года создается в Константинополе Об'единенный Совет Дона, Кубани и Терека... Казачья общественность в эмиграции, независимо от политических взглядов и настроений, идет тем же путем. В Константинополе возникает Обще-Казачий Сельско-Хозяйственный Союз, в Праге создается Об'единенный Комитет Дона, Кубани и Терека, в Белграде — Общеказачья строительная организация, в Париже — Общеказачий Союз, равным образом организация зарубежного казачества по станицам включает в себя казаков всех Войск, проживающих в данной местности... Необходимо признать, что эти явления выражают стихийное стремление казачества к об'единению и это стремление коренится в психологических особенностях казачества...

Пусть формы выбираются неудачные, пусть деятели не оказываются на высоте положения, пусть обстановка неблагоприятна для развития и даже существования этих форм, но идея казачьего об'единения жива и воплотится в жизнь».

— Так свидетельствует единомышленник ген. Науменко — бывш. председатель Д. В. Круга.

Итак, идея казачьего об'единения жива и воплотится в жизнь — добавляем мы, вольные казаки, — в осуществлении вольно-казачьей программы, в Казакии.

Идея казачьего об'единения — первая предпосылка идеи Казакии.

Посмотрим теперь, было ли и есть ли у Казачества стремление к государственной самостоятельности.

Об отдельных казачьих Конституциях, как первом доказательстве нашего утверждения, мы уже говорили. Остановимся теперь на попытках к государственной самостоятельности Казачества в масштабе союзном.

Развивая неосуществленную идею Юго-Восточного Союза, Донской Атаман ген. Краснов летом 1918 года предложил другим казачьим Войскам проект «Доно-Кавказского Союза», как суверенного государства, т. е. самостоятельного и независимого. Статья первая проекта договора о создании Союза гласила: «Доно-Кавказский Союз состоит из самостоятельно управляемых государств: Всевеликого Войска Донского, Кубанского Войска, Терского В., Астраханского В. и Союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана, соединенных в одно государство, на началах федерации».

Бывший Кубанский Атаман ген. Филимонов, получив предложение Донского Атамана, сообщил его немедленно ген. Деникину, который сделал все, чтобы «пресечь» в корне инициативу ген. Краснова. «Некоторые положения этого акта, пишет теперь ген. Деникин в своих «Очерках Русской Смуты» (см. т. Ш, стр. 247), являлися совершенно несовместимыми с идеологией Добровольческой Армии. Создание «суверенного госу-

дарства» в корне противоречило идее Единой России... Создание вооруженных сил «Союза», имеющих задачей «борьбу с большевицкими войсками» лишь «на его территории», лишало всякого смысла жертвы добровольцев, приносимые во имя спасения России»...

В июне месяце 1919 года по инициативе Кубанской Рады и Донского В. Круга в Ростове собралась конференция представителей трех Войск: Донского, Кубанского и Терского снова для решения вопроса о казачьем Союзе.

Генерал Деникин сообщает: «Российская общественность и печать отнеслись к этому факту (созыву конференции. Ред.) с единодушным и резким осуждением». («О. Р. С.», т. V, стр. 201).

Сам ген. Деникин тоже был противником казачьего об'единения.

Конференция собралась 11 июня (по ст. ст.), а через три дня был убит глава Кубанской делегации Н. С. Рябовол.

В отсутствие Кубанской делегации, стараниями г. Харламова и по соглашению с ген. Деникиным, основная задача конференции — о казачьем Союзе — была подменена другой задачей — об организации южнорусской власти. Тем самым предрешен был и конец конференции: продолжавшиеся в последующие шесть месяцев переговоры не привели ни к чему. Сторонникам «единой и неделимой» так и не удалось тогда сломить волю казачью...

5 января 1920 г. (по ст. ст.) в Екатеринодаре собрался Верховный Круг Дона, Кубани и Терека.

Генерал Деникин по этому поводу отмечает (т. V, стр. 292): «Казачество сочло возможным самостоятельно и односторонне разрешить вопрос о построении общей власти»...

10 января Верховный Круг, об'явив себя Верховной властью по делам общим для Дона, Кубани и Терека, поставил себе задачу установления Союзного Государ-

ства из Дона, Кубани и Терека и создание союзной власти.

Чтобы читатели отчетливее представили себе о подлинной воле казачьей, проявившейся на первом в истории Казачества об'единенном Учредительном Собрании, приведем некоторые отзывы о нем его противников, собранные в книге ген. Деникина (т. V, стр. 292 и след.), в том числе и его самого:

«Отсутствие национальной идеи, убогая мысль, потеря чувства реальности, оторванность от народных масс, личные и партийные интересы»... («оценка» Верховного Круга ген. Деникиным, стр. 292).

«Идея самостоятельного казачьего государства и самостоятельной казачьей армии под влиянием кубанских самостийников по началу стала брать верх на Круге»... (стр. 294).

... «Создается совершенно ненужный союз. Предатели затевают нечестную кампанию и ставят крест на нашем существовании»... (Ген. А. П. Богаевский, стр. 296).

... «Изменение лозунга борьбы и замена идеи борьбы — борьбой за собственный очаг, за собственную шкуру — означает конец этой борьбы... Самостоятельное казачье государство для нас немыслимо... Единственная речь, произнесенная на Верховном Круге, напоминавшая о государственной идее и говорившая об обще-государственной власти, единственная речь — говорю это с болью в сердце — вышла из уст осетина Баева, представителя Терского Войска»... (В. А. Харламов, стр. 297).

«Тяжелая обстановка и атмосфера на Круге... Там слово «Россия» произнесено быть не может»... (Председатель Терского Круга Губарев, стр. 297).

«Екатеринодар устранил Россию, создал казачье государство, формирует самостоятельную армию и готовится принять всю полноту власти военной и гражданской на юго-востоке»... (ген. Деникин, стр. 300).

«Вершители дел на Круге — группа донских и кубанских самостийников»... (ген. Деникин, стр. 304).

— Поддержанный Донским и Терским Войсковыми Атаманами и старшими военными начальниками (донцами и кубанцами), ген. Деникин резко и определенно поставил перед Верховным Кругом вопрос: Единство России и единство армии.

С 16 января между Верховным Кругом и ген. Деникиным начались вновь переговоры о создании «общей государственной власти». В конце января соглашение состоялось. Ген. Деникин отмечает: «Обе стороны пришли к соглашению под влиянием обстановки, без особой радости и больших надежд»... (Т. V, стр. 307).

По существу — соглашение это осталось бумажным.

Сбитый со своего пути вынужденным и неискренним соглашением с ген. Деникиным, Верховный Круг не выполнил той основной задачи, для которой собирался. Роль и значение самого Верховного Круга вследствие этого фактически пали. Накануне оставления Екатеринодара Верховный Круг аннулировал соглашение с ген. Деникиным; освободил Атаманов и Правительства от всех обязательств, связанных с соглашением; из'ял войска Дона, Кубани и Терека из подчинения генералу Деникину и решил приступить к организации союзной власти. Но событий эти решения уже не могли повернуть... И это последнее решение Верховного Круга осталось... только решением. На второй день Екатеринодар пал...

Итак, было две казачьих воли: одна свободная, другая — вынужденная. Свободная воля казачья была за казачье об'единение и государственную самостоятельность. Вынужденная воля казачья, которую единонеделимцы при помощи «русских казаков» добывали у Казачества под виселицей, — та воля казачья добавляла к казачьей самостоятельности «впредь до»... и «мысля себя»...

Читатели уже составили себе, конечно, совершенно ясное представление о том, кто же из нас: мы, вольные казаки, или генерал Науменко (а с ним и ген. Богаевский, и прочая, и пр., и пр.) извращает теперь заграницей подлинную волю казачью.

К тому мы можем только добавить: печально не только для Кубани, но и для интересов всего Казачества, что на одном из самых ответственных постов казачьих до сих пор стоит человек, не только никогда не считавшийся с подлинной волей казачьей, но всегда помогавший недругам Казачества склонять ее перед ними и ломать ее в интересах не казачьих.

Если бы ген. Науменко сам верил тому, что подлинная воля казачья с ним, а не с нами, он не прибегал бы сейчас к довольно прозрачным «намекам» о возможности репрессий со стороны властей Югославии по адресу живущих там вольных казаков. Эта «угроза» лучше всего свидетельствует, что ген. Науменко сам прекрасно знает, что свободная воля казачья никогда не будет с ним и его пониманием сути казачьего вопроса. Дома ген. Науменко навязывал Казачеству свою «русскую волю» в сослужении с генералами Деникиным-Врангелем-Покровским... Здесь он не прочь был бы использовать уже целое большое самостоятельное государство в роли Покровского по отношению к Казачеству. Атаман, которому нужно «иностранное вмешательство» против избравших его, — плохой Атаман.

Что касается самой «угрозы» по существу, то мы все же плохо верим в реальность ее. Прежде всего, вряд ли Югославия так заинтересована в ген. Науменко, что Югославянское правительство активно выступит на его защиту административными репрессиями по адресу тех казаков, которые живут сейчас в Югославии, но имеют смелость свое суждение иметь в казачьем деле или расходиться с ген. Науменко в понимании казачьих интересов и казачьего будущего.

Такая наша уверенность тем более оправдывается, что ген. Науменко сам до сих пор ставил себя в

положение русского, над которым в Югославии есть другие старшие русские...

С своей стороны мы глубоко верим в справедливость и беспристрастие Югославянских властей, как и в то, что они ничем не заинтересованы в споре ген. Науменко с вольными казаками. Казаки вообще, тем более вольные казаки, были и есть не только лояльными по отношению к Югославии, но имеют много поводов считать югославян своими друзьями, платя им тем же.

Не хотим касаться здесь отношений русско-югославянских, но, кажется, многочисленные русские «беженцы» своим поведением вызывают там к себе такое отношение, какое разные русские «спасители» вызывали у нас, казаков, когда слишком широко »расселись« было за казачьей спиной в 1918-1919 годах...

Нет, в югославянские репрессии мы не верим, т. к. вольные казаки не сделали ничего худого в адрес Югославии. Что же касается ген. Науменко, то это его обещание репрессий за чужой счет, нисколько нас не удивляя, вызывает вполне определенные чувства, собственное имя которым мы в свое время дадим открыто в глаза самому ген. Науменко перед казачьей аудиторией.

*

Из всего сказанного выше сам собою напрашивается вопрос: сколько же нужно иметь лицемерия, чтобы утверждать, подобно ген. Науменко, что ВК, отвечая «КК» и его фактическим издателям, ведя пропаганду вольно-казачьей программы и борясь с ее противниками, борется «против существующего порядка, основанного на постановлениях Рады!..» — Существующий порядок, по нашему, существует вопреки всем постановлениям Рады.

Генерал Науменко пишет: «Последние номера вольно-казачьего журнала наполнены почти исключительно»... борьбой с Войсковыми Атаманами и что он «вы-

нужден рассматривать вольно-казачье движение совершенно недопустимым, вредным для казачества и соответственным образом относиться к нему».

Прежде всего — ген. Науменко и раньше не относился к ВК иначе, чем враждебно. Сам ведь он этого не скрывает, а, наоборот, подчеркивает (см. стр. 2-3), что при всех своих прежних выступлениях он «всюду... добавлял, что считает вольно-казачье движение вредным»... — Таким образом, и ребенок поймет, что ген. Науменко рассматривает в.-к. движение недопустимым и вредным не с последних номеров вольно-казачьего журнала, а считал его таким и раньше.

Что касается того, что «последние номера в.-к. журнала наполнены почти исключительно» антиатаманским материалом, то раньше, чем ответить на это утверждение, сравним последние номера в.-к. журнала и журнала ген. Науменко («КК»). А перед тем читатели пусть еще припомнят, с какого времени ген. Науменко открыл поход против того, чтобы во главе станиц и хуторов стояли и вольные казаки по убеждению в тех случаях, когда их, вольных казаков, на те посты станицы и хутора выбирали.

Теперь просмотрим «КК» и «ВК».

«КК» начал вообще «нервничать» с того времени, как вольно-казачье движение начало проникать все больше и глубже в толщу казачью и когда ВК поставило открыто вопрос о своем С'езде (Большой Круг ВК). «КК» начал все чаще и чаще давать на своих страницах приют вольно-казачьей «оппозиции». В апрельском номере «К. Казак» весьма охотно помещает гнусное письмо Быкадорова, очевидно солидаризируясь с ним, ибо письмо напечатано без всякой редакционной оговорки. Для нас тогда уже все стало ясным. Но вот 24 апреля в Белграде ген. Науменко делает сам открытое выступление против ВК. Отчет об этом выступлении помещен в майском номере «КК» и в «ВК» 10 мая. Майский номер «КК» уже полон антивольноказачьим материалом. 22 мая полк. Соламахин выступает в Смеде-

рево против ВК. В июньском, июльском и августовском номерах «КК» нет ничего другого, кроме похода на ВК.

Читатели «ВК» помнят, что первый наш ответ ген. Науменко, полк. Соламахину и «КК» напечатан в номере от 25 июня и в следующих. Все наши статьи редакционные и отклики на выступление ген. Науменко наших сотрудников и читателей — все это только ответы. Или ген. Науменко думает, что он и «КК» могут позволять себе все, что угодно, а мы будем молчать?

Таким образом, мы видим, что борьбу начали ген. Науменко и «КК». Возможно, что им сейчас «трудновато», что своих сил не хватает (своих сил никогда не хватает защищать неправое дело!), но — что делать!

Генерал Науменко всячески «отговаривает» казаков не заниматься политикой. И на этот раз он подчеркивает, что «наши организации отнюдь не политические, а лишь бытовые...» Тем не менее мы думаем, что это не должно закрывать возможности казакам заниматься политикой. В результате политической борьбы мы очутились заграницей и только в результате политической же борьбы мы можем попасть домой. Не политической жизни сейчас нигде нет — тем более ее не может быть у нас, политической эмиграции. Поэтому — будем и должны заниматься казаки политикой, хотя бы уже по одному тому, чтобы никто чужой не занимался политикой за их счет! В противоположность ген. Науменко мы думаем, что «облегчение жизни казака» здесь и там — большая политическая задача.

Совершенно правильно говорит ген. Науменко, что «никто не имеет права навязывать свое мнение другим и насиловать их волю». Хорошо бы только было, если бы он сам тоже не навязывал никому своего мнения и не насиловал ничьей воли. Что касается нас, то вольные казаки никого еще силой к себе не тащили, как никого насильно в своих рядах и не держали. К нам

идут только те, кто сами себя считают вольными казаками и имеют мужество этого не скрывать.

Не будем спорить с ген. Науменко на тему о том, кто ведет «работу по разложению казачества», — мы имеем слишком много свидетельств тому, что наша работа не считается Казачеством, как работа по его «разложению». Что же касается «оплаты поездок наших агентов», то в этом месте особенно посмеются те казачьи группы или станицы, которые, выписывая к себе вольных казаков, всегда оплачивали и их поездки.

Об отношении своем к русскому народу и России, о ненависти и о не ненависти мы писали уже столько, что повторяться еще раз считаем излишним. Ясно наше отношение и к тем, кого ген. Науменко именует казачьей старшиной. Прежде всего, старшина эта весьма неоднородна. Мы не против хорошей старшины, мы против плохой казачьей старшины, как и против плохих казаков...

Относительно прекращения притока средств в распоряжение Атаманов: ни для кого не секрет, что приток средств в распоряжение Атаманов прекратился давно, гораздо раньше, чем ген. Науменко обнаружил «меры», принимаемые в этом отношении «агентами» вольных казаков. И прекратился он прежде всего потому, что никто из казаков не видел никакой атаманской работы на спасение Казачества, что все эти «фонды» атаманские обманули доверие казачье. Казаки перестали давать Атаманам деньги, когда из уст «идеолога» их услышали признание в их банкротстве. Да, политическим банкротам не верят...

Что и когда мы обещали Казачеству; когда, какое и в каких условиях мы обещали возвращение казачьей эмиграции домой; какую и при каких условиях мы обещали жизнь там, — все это читатели «ВК» знают слишком хорошо, чтобы стоило еще раз обо всем этом повторяться. «Райской» жизни во всяком случае никому не обещали. Наоборот, всегда подчеркивали, что самостоятельная жизнь не легка, но она всегда легче,

чем жизнь подневольная. Не так же мы наивны, чтобы не предвидеть того «наследства», какое оставят после себя на Казачьих Землях теперешние их оккупанты и колонизаторы, но уверяли и уверяем, что и на пепелище легче жить и работать, строя свой дом, будучи самому хозяином своей земли, чем жить и работать там работником, которым командуют и которого заставляют строить сначала палаты для хозяина, а потом на «арендованной» земле позволят поставить и себе конуру для временного пользования.

В заключение, мы с гораздо большим основанием можем написать в адрес ген. Науменко то, что он хотел бы «прилепить» нам: «Годы идут, мы все остаемся заграницею», ибо Войсковые Атаманы, приписавшись к Миллеру, ровно ничего не сделали и не делают для освобождения Казачества, оставляя все время казачий вопрос небольшим придатком «русского вопроса».

Точно также и упрек (выражаясь весьма мягко) за ничего неделание или за неисполнение своих обещаний мы могли бы послать ген. Науменко с гораздо большим правом, чем он это делает в наш адрес, так как «испанских» приказов не писали и приказами № 12 казаков не обманывали.

Предоставив «русским казакам», возглавляемым генералами Науменко, Богаевским и иже с ними, барахтаться в русском болоте, мы, вольные казаки, во исполнение подлинной воли казачьей, пойдем дальше по намеченной дороге — казачьей дороге — к светлому будущему Казачества.

С отвагою в сердце, с любовью в груди
На подвиг священный отчизны идти!
С измученных братьев всю тяжесть оков
Сорвем мы на славу грядущих веков.
Мы солнцем свободы родных озарим
И светлую Родине жизнь мы дадим...

И. Уколов („ВК“ № 63—64).

XXIV.

Деды и внуки.

I.

25 января 1931, № 73.

Отвечая на «обращение» «Центрального Казачьего Союза в Париже», «Казачий Союз в Шанхае» пишет («Род. Край», № 12):

1. «Довести до сведения казачьего центра и опубликовать через газеты и периодические казачьи издания, что в Шанхае среди казаков нет ни одного самостийника и их работа здесь рассматривается, как предательство русского национального и казачьего дела. Казачьи края есть прочные якоря центрального русского национального правительства на окраинах Российского государства.

2. В дальнейшем в отношении самостийников придерживаться священных слов Атамана Каледина: «всяким сепаратным стремлениям должен быть положен предел в самом зародыше».

3. Личные выпады казаков-самостийников против выборных Войсковых Атаманов признать недопустимым явлением в казачьей среде и грубым нарушением славных традиций седой казачьей старины»...

— Хотя это постановление «Шанхайского Союза» направлено против нас и нам для опубликования не прислано, тем не менее мы считаем весьма полезным помочь его распространению среди казаков и остановить на нем их внимание.

Итак, по утверждению Союза, в Шанхае, где сосредоточена, главным образом, казачья эмиграция из Сибири, самостийников нет; самостийничество — предательство, а отпор, данный одному из Атаманов за его публицистическое выступление, есть нарушение традиций седой казачьей старины.

Имеются или не имеются среди казаков в Шанхае самостийники, не беремся судить, хотя и не сомневаемся, что многие из казаков, которые подписали шанхайское «постановление», после прочтения десятка номеров нашего журнала станут самостийниками. Что же касается неуважения к священной особе импер... то бишь в-выборного Атамана и грубого нарушения традиций седой старины, то тут мы должны решительно заявить, что господа «шанхайцы» сознательно и грубо извращают и попирают именно славную седую старину Казачества и его историю, думая, очевидно, что казачью массу и на широком свете так же легко ввести в заблуждение, как это им удалось в Шанхае. По неосмотрительности они выпустили из виду, что на широком свете найдется теперь уже много казаков, которые историю Казачества и его седую старину знают лучше, чем «шанхайцы», и могут внести для них весьма неприятные «поправки». Специально по этому поводу мы обратились к авторитетным знатокам седой старины Казачества и его истории, — к г. Эварницкому в его «Истории Запорожских казаков», к проф. Щербине в его «Истории Кубанского Казачьего Войска», и к проф. Сватикову в его труде «Россия и Дон» и особенно в его последней книге «Россия и Сибирь» (которые мы настойчиво рекомендуем «шанхайцам» и всем казакам) — и они единогласно и категорически утверждают:

1. «священной особой», действия которой не подлежат критике подданных, является только особа монарха — короля, царя, императора, шаха, султана и т. д. Их судит только революция;

2. действия президента, как президента, подлежат

оценке со стороны не только законодательных учреждений, но и граждан республики; когда же он выступает в печати, как журналист, публицист, — тогда с ним поступают так же, как и со всяким публицистом;

3. Атаман же у казаков был исполнителем воли Войска; когда эта воля им не выполнялась, его не только критиковали, но и немедленно, до срока, лишали на Круге или Раде атаманства и вместо него избирали другого; если же нарушение воли Войска проявлялось в отношении основных вопросов жизни Казачества, он, кроме того, подвергался еще более суровым наказаниям, чем рядовой казак.

Таким образом, выходит, что «шанхайцам», вопреки традициям именно седой старины Казачества, весьма хотелось бы, чтобы современное Казачество рассматривало Атамана, как «священную особу богдыхана», действия которой не подлежали критике и оценке. Но это совсем не казачья традиция, а просто старая монархическая повадка части казачьей старшины, продававшей русским царям первородство казачества за похлебку армейских чинов.

Что же касается предательства и измены «родине и казачеству», то мы позволим себе напомнить сибирякам их же собственную историю.

В конце 1929 г. Общество Сибиряков в Чехословакии издало весьма интересную книгу проф. С. Г. Сватикова «Россия и Сибирь», излагающую историю областнического движения в Сибири.

Оказывается, что сибирское областничество — то же, что кубанское самостийничество и донской сепаратизм, и что сибирские казаки в истории сибирского областничества играли примерно ту же роль, какую в своих краях играли кубанцы и донцы. Оказывается даже, что деды, а может и отцы современных сибирских казаков были активнейшими участниками и героями наиболее яркого периода сибирского самостийничества. Среди них некоторые из подписавших шанхайское «постановление Казачьего Союза» найдут ниже

и свои фамилии, носителями которых, возможно, были их отцы или деды в самом настоящем, буквальном смысле...

Впрочем, обратимся лучше к книге историка и попытаемся передать ее содержание более или менее последовательно. Это будет лучшим нашим ответом «шанхайцам», а в то же время весьма полезным сообщением казакам всех Сибирских Войск, прочитать эту статью которым, а особенно самую книгу С. Г. Сватикова, весьма рекомендуем.

«Созданию идеи особности Сибири, как совершенно правильно утверждает С. Г. Сватиков, способствовали условия географические, исторические, политические и административные».

«Совершенно отличная от российской природа Сибири, ее суровый климат, крайняя редкость расселения, словом, вся совокупность условий и характера борьбы за жизнь неизбежно должны были выработать и особые черты характера сибирского населения.

Отсутствие крепостного права, готовый, веками сложившийся свободолюбивый и независимый характер основного ядра первых пришельцев — казаков, еще более усиливали влияние природных условий, и из сибиряка должен был выработаться тип инициативного, самодеятельного и независимого колониста. Так оно и получилось в действительности. Попавшие в Сибирь декабристы и другие ссыльные из России дают о сибиряках наилучшие отзывы».

«Я уже говорил, — пишет один из них, — о развитии сибиряка вообще, о ясном сознании своей личности, своего человеческого права... Народ этот помнит былое и выражается не иначе, как говоря: «Мы покорили Сибирь». Он смотрит на все, как на свою собственность, и судит обо всем чрезвычайно здраво... Много толковал я с казаками и вижу их значение в будущем. Предоставленные своим только средствам, они делают громадные успехи в своем развитии... Сибиряк — не русский мужик. Тому надо стряхнуть долгое рабство,

сжиться со свободою, воспитать себя в ее смысле. Сибиряк же вырос под ее сенью... Материальный быт также на стороне сибирского населения. Ныне устроены школы по казачьим селениям, они битком набиты мальчиками и девочками... Ну, словом, все, что закон русский признал лишним или опасным для себя, водворилось здесь»... (стр. 38).

«Чем далее мы подвигались в Сибирь, — говорит декабрист Басаргин, — тем более она выигрывала в моих глазах. Простой народ казался мне гораздо свободнее, смышленнее и даже образованнее наших русских крестьян и в особенности помещичьих. Он более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими. Впоследствии мне не раз случалось слышать от тех, которые посещали Соединенные Штаты и жили там, что сибиряки имеют много сходства с американцами в своих нравах, привычках и даже в образе жизни»... (стр. 26).

«Располагай такое население свободою общественной самодеятельности и общественной самоорганизации, оно не стояло бы на месте, а быстро двинулось бы по пути развития общественных и хозяйственных форм жизни огромного и богатого края. И, как знать, может быть, к нашему времени Сибирь напоминала бы путешественнику Соединенные Штаты Америки не только характером и образом жизни своего населения, но и многим другим, что нам так нравится в этой стране».

Однако, этого не случилось. Если правильно, что сибиряк — не русский мужик, то не менее правильно и то, что русское правительство — далеко не английское, для которого хоть немногие нормы морали и этики не были пустым звуком и которое было все же далеко от деспотических методов Чингисханов и Тамерланов в управлении своим государством. Держа в рабстве русский народ, угнетая и принижая его до положения рабочего скота, русское правительство несло и на «окраины» те же начала и те же методы управления. Даже такая колоссальная страна, как Сибирь, отдавалась

в руки какому-нибудь сатрапу на положении вотчины, где он стоял выше всех законов, где закон — произвол сатрапа. И не об интересах «вверенной» окраины и ее населения заботился такой правитель, а о личном благополучии и интересах поставившей его власти думал он. Общественная самодеятельность и организованность должны были вести к ограничению самовластья «генерал-губернатора» и произвола центральной власти. Поэтому в корне, в зародыше «пресекались» всякие попытки к самоуправлению и к организации местного общества.

Восставая против затрат государства на нужды Сибири и против насаждения в ней начал гражданственности, один из столпов петербургских правительственных сфер, барон Мейендорф, говорил, например: «Предполагая даже, что мы успеем устроить благосостояние новых наших поселений (на Амуре), мы этим только будем способствовать их отделению от метрополии, как учит история всех колоний.». Пример превращения американских колоний Англии в независимое государство настолько пугал централистический Петербург, что он готов был идти на все возможности гнета и удушения общества «окраин», которые предоставляла ему деспотическая власть.

Просвещение, которое неизбежно влечет за собою повышение сознательности населения, осознание им своих человеческих и гражданских прав, — «вольнодумство» — признавалось русским правительством для окраин еще более вредным, чем для самой России. Государственный секретарь Половцев открытие университета в Сибири считал настолько опасным не то в отношении сепаратизма, не то — крамолы, что прямо советовал: «Вместо открытия Сибирского университета (лучше) построить ледяной дом на Неве, как при Анне Ивановне. Прохладное шутовство в этом случае было бы и дешевле, и безвреднее».

На Сибирь, как и на другие «окраины-колонии русское правительство смотрело только как на об'ект дикой, варварской эксплоатации, подобно тому, как смотрят сейчас и русские большевики.

Хорошие пути сообщения вообще и в особенности железные дороги и водный транспорт имеют первостепеннейшее значение для развития производительных сил страны. Иностранцы, — англичане и американцы, — много раз предлагали (напр., еще в 1857 г.) русскому правительству предоставить им концессию на постройку железнодорожного пути через Сибирь. Однако, и тем и другим под разными «благовидными» предлогами было отказано, а само русское правительство, после долгих и «мучительных» колебаний, приступило к постройке «Великого Сибирского пути» только в 1894 г., т. е. почти полвека спустя. Посылая, напр., Коллинсу через Иркутского генерал-губернатора Муравьева официально мотивированный отказ, управляющий делами Сибирского комитета велел словесно сообщить последнему: «Все это, что писал управляющий Чевкин, вздор, а сущность в том, что нельзя нам пустить на Амур и в Сибирь республиканцев: они разовьют там свой дух, и Сибирь отвалится от нас». Генерал-губернатор Западной Сибири кн. Горчаков, опасаясь «пагубного» влияния иностранцев на жителей Сибири, благодаря проведению дороги, писал в Петербург: «Но что будет, если народонаселение (Сибири) сблизится с Англией и Америкой, которые примут на себя легкий труд внушить народу, что ему за свое золото удобнее получать от них то, что ныне доставляется из России, и что в случае нужды они поддержат эту сделку оружием..., тем более, что жители Сибири отнюдь не питают к России той привязанности, которою льстит себя Муравьев» (ген.-губ. Вост. Сибири).

Кому же, как не самому генерал-губернатору лучше знать, как стонет поверженная перед ним страна,

как пламенно «любит» она и его самого, и пославших его, как жаждет она вырваться из его об'ятий и броситься, куда угодно: к Америке, к Англии!..

Понятно поэтому, что там, где народная душа еще не убита, где народ еще не стал рабом, безропотно сносящим все прихоти своего властелина, и где он сохраняет хоть проблески сознания своих человеческих и гражданских прав, — там должен родиться протест, должна появиться борьба и желание найти выход.

«Сибиряк — не русский мужик», безнадежно смирившийся со своим рабским положением. Ядром сибирских колонистов был казак. И в Сибири родились и крамола и сепаратизм. Ибо против гнета и рабства казак протестует и борется всюду, где бы он ни находился, — на Дону или на Урале, на Днепре или в Сибири, на Кубани или на Амуре. Ибо свобода человеческой личности и воля общественной жизни — его стихия, в которой он жил века.

Как сознательное общественное движение, сибирское областничество возникло в XIX веке, вслед за тем, как возникли необходимые экономические условия для дальнейшего развития производительных сил огромной страны, таившей в себе неисчерпаемые возможности. Россия со своим всеподавляющим и мертвящим строем стояла поперек пути этого развития и Сибирь оказалась в тупике. Пытаясь понять свое положение и найти из него выход, сибирская общественная мысль стала на путь областничества. «В его основе, — говорит проф. С. Г. Сватиков, — лежала мысль, что Сибирь составляет особый от России край, во многом на нее непохожий, имеющий право на свое особое бытие и развитие в составе государства Российского или даже вне его».

Сибирское областничество в своем развитии прошло через несколько стадий и принимало различные формы. «Вначале оно носило характер местного партикуляризма или противопоставления интересов края, как отдельной части, остальной России, как

целому, противопоставления провинции империи. Затем пришла эпоха сознания, что Сибирь — эта колоссальная по размерам, хотя и малонаселенная колония, имеющая свои собственные интересы, не всегда совпадающие, часто противоположные интересам метрополии — России; проявилась мысль о противоположности интересов общества колонии интересам общества метрополии, а не только о противоположности интересов центрального правительства интересам местного населения. Наконец, развиваясь логически, мысль о Сибири, как колонии, пришла к выводу, что и эта колония сможет впоследствии или даже будет должна отделиться от метрополии и начать свое независимое политическое существование. Таким образом, областничество в Сибири принимало форму борьбы за преобразование управления краем на началах самоуправления, затем форму автономизма, борьбы за создание автономного края в составе империи и, наконец, в известные моменты форму прямого сепаратизма». (стр. 3).

Проведение железной дороги, вопреки опасениям русского правительства, сыграло положительную, с российской точки зрения, роль. Огромная волна переселенцев и ссыльных, хлынувшая с проведением дороги, захлестнула старых поселенцев края и создала новые слои населения, тянувшиеся к России и, таким образом, укреплявшие с нею связи Сибири. Не могло это не отозваться и на областнических стремлениях старого сибирского населения. Хотя и временно, пока масса новых поселенцев не сживется с общими интересами края и не почувствует себя сибиряками, областническое движение неизбежно должно было ослабнуть и задержаться в своем естественном развитии.

Наиболее ярким периодом сибирского областнического движения было время 60-70 годов XIX в. Время же 40-50 гг. было его подготовительным периодом.

Одним из первоначальных центров движения было

сибирское студенческое землячество Казанской духовной академии, из среды которого вышел первый крупный теоретик и проповедник сибирского патриотизма и сибирского областнического федерализма — А. П. Щапов. «Среди сибиряков студентов уже тогда жила мысль о желательности отделения Сибири от России», хотя высказывалась она только мимоходом и не развивалась. Не так отнесся к этому Щапов. Человек выдающихся способностей, он вскоре же по окончании академии занимает кафедру русской истории в Казанском университете и уже во вступительной лекции высказывает себя уже вполне сложившимся областником-федералистом. «Скажу наперед, — заявил он в этой лекции, — не с мыслью о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и областности я вступаю на университетскую кафедру русской истории... Я буду привлекать ваше внимание к элементу сколько загадочному, столько может быть зиждительному, плодотворному элементу нашей будущей цивилизации... Нет в Европе народа, который бы отличался таким провинциальным этнографическим разнообразием, как народы, обитающие в разных русских областях. Много ли общего между малороссийским, белорусским и сибирским населением?»...

Любя Сибирь, как родину, он и других звал к любви к «конкретной» родине, а не к родине вообще, звал к работе среди родного народа, в родных краях. Он призывал к внимательному и любовному изучению своих областей, изданию областных сборников, которые должны были служить руководством областного самосознания. Арестованный, сидя в застенках III отделения (Г. П. У. царских времен), Щапов обращается с письмом к Александру II, в котором, ссылаясь на обширность территории империи и разнообразие интересов и нужд различных областей, откуда голос народа о своих страданиях и чаяниях часто совсем не доходит до царя, умоляет его разбить империю на ряд областей с областным советом во главе каждой области. Он до-

казывал, что в каждой такой области необходимо создание местных очагов культуры, — университетов, и что такой очаг нужен и для Сибири.

Областнические идеи Щапова производили сильное влияние на сибирскую молодежь, учившуюся в высших учебных заведениях Казани, Москвы, Петербурга. «Благодаря Щапову и его лекциям, в сибирском землячестве появились мысли о служении нашей родине, о возвращении домой» после окончания университета, — вспоминал потом один из активнейших областников Сибири, тогда студент Петербургского университета, Н. М. Ядринцев.

Не менее значительную роль в истории сибирского областнического движения сыграло сибирское студенческое землячество в Петербурге, основанное студентами Г. Н. Потаниным и Н. М. Ядринцевым. Талантливые юноши и горячие патриоты Сибири, они придали своему землячеству значения гораздо больше, чем обыкновенно имели студенческие землячества.

Первоначальными членами землячества были студенты-сибиряки различных высших школ Петербурга, сыгравшие потом выдающуюся роль на своей родине: Наумов, впоследствии видный беллетрист-народник, Шашков — публицист и историк Сибири, Худяков, Щукин, Усов — слушатель академии генерального штаба, сибирский казак, Шайтанов — студент-юрист, казачий офицер, Березовский и др.

Душою землячества был Потанин, студент — офицер Сибирского казачьего Войска, впоследствии вождь сибирского областничества на долгие годы, приобретший «идею о сепаратизме Сибири еще в бытность свою в 1846 г. в Сибирском кадетском корпусе», как гласило в 1865 г. «дело» о независимости Сибири. Он проповедовал своим товарищам необходимость всестороннего изучения родины, подготовки к деятельности именно на родине, а не в Европейской России, что долг каждого сибиряка-студента вернуться жить и работать среди родного народа. Идеи Потанина особенно

захватили Шашкова, отдавшего впоследствии свои силы изучению и изложению истории родного края, и Ядринцева, ставшего одним из столпов сибирского областничества. Ядринцев один из первых стал рассматривать Сибирь, как колонию, и первый противопоставил интересы сибирского общества интересам общества Европейской России.

«Идеология основоположников сибирского областничества, — говорит проф. Сватиков, — была основана, во-первых, на вполне естественном и законном чувстве любви к родному краю, во-вторых, на признании Северной Азии колониальной империей и на теоретических рассуждениях о том, что колонии в конце концов должны стать независимыми; в-третьих, на сознании тягостного положения Сибири, как штрафной колонии и обойденного во всех отношениях центральным правительством края».

Первым практическим результатом деятельности сибирского землячества было то, что ни один из его первых участников не остался по окончании учения в Европейской России, а все они немедленно же направлялись в родной край с ясным сознанием того, что им делать и чему служить. «Мы сознавали, — писал Потанин в 1913 г., — что над Сибирью тяготеет три зла: деморализация ее населения, вносимая в край ссыльными социальными отбросами Евр. России; подчиненность сибирских экономических интересов интересам московского мануфактурного района и отсутствие местной интеллигенции, могущей встать на защиту обездоленной родины».

Возвратившись на родину, бывшие студенты рассыпались по городам Сибири и энергично принялись за работу в духе выработанных и принятых ранее положений, поддерживая друг с другом переписку.

Потанин в Омске добился подачи адреса атаману Сибирского казачьего Войска о необходимости участия депутатов от казачества в комитете, пересматривавшем в 1863 г. положение о Войске, и сам принял горячее

участие в его заседаниях, отстаивая права рядового казачества. Ядринцев и другие выступали с лекциями, основывали кружки, убеждали молодежь ехать учиться в высшие учебные заведения, писали горячие статьи в газетах, будя общественное сознание сибиряка, налаживали издание сборников, своей газеты, вели пропаганду за открытие народных школ и университета, отдаваясь своей общественной работе со всем пылом молодости, воодушевляемые горячей и искренней любовью к своей живой, конкретной родине.

«Недремлющее око государево» не могло, разумеется, не заметить «пагубной крамолы» и не замедлило принять «надлежащие» меры для «пресечения зла в корне». Стесненные в легальных возможностях служения своей родине по совести, сибирские патриоты попытались это делать иными путями и... заплатили долгими годами тяжких страданий на каторге и ссылке.

II.

10 февраля 1931, № 74.

Наиболее ярким судебным процессом против сибирских патриотов было дело о «независимости Сибири». Управляющий III отделением «собств. е. и. вел. канцелярии» доносил: «21 мая 1865 г. у воспитанника Сибирского кадетского корпуса Арсения Самсонова найдено рукописное воззвание «К патриотам Сибири», в котором с выражением ненависти к правительству и к верховной власти изложено, что Сибирь завоевана народом, бежавшим от царей для свободы, но потом царями захвачена; у народа отняли земли, полные богатств природы; казаки лишены самостоятельности и край наполнен преступниками, развращающими жителей; что теперь явились пытки, смертная казнь, усилилась ссылка на каторгу и тяжесть власти особенно пала на Сибирь, а потому требуют для нее республиканского правления по примеру Америки, для чего необходимо взяться за оружие; и что с этой целью об-

разовалось уже общество под названием «Независимость Сибири», агенты которого должны собирать деньги, устраивать типографии и подготовлять молодежь к восстанию.

Самсонов показал, что воззвание найдено его товарищем Гавр. Усовым у его братьев: ассесора войскового правления Сибирского казачьего Войска есаула Федора и хорунжего Григория Усовых. По произведенному у последних обыску найдены два литографских станка,... письма секр. Томского статист. ком., отставного сотника Сиб. к. В. Григория Потанина, учителя Томской гимназии, мещанина Николая Ядринцева и слушателя Московского университета хорунжего Сиб к. В. Александра Шайтанова»...

«Виновные», разумеется, «арестованы и доставлены в Омск». «Засим» обнаружены и арестованы сообщники: проф. Щапов, сотник Сапожников, сотник Нестеров, Комаров, Зимин, Колосов, Бабиков, Тохтаров, Пахаруков, Кузнецов, Ганкин, Щукин, Шашков и др., всего 46 человек.

Тяжелее всех пострадал Потанин, приговоренный к 5 годам каторжных работ с последующей ссылкой. Другие, после 3-х летнего предварительного заключения, были приговорены к ссылке в отдаленнейшие уезды Архангельской губернии, третьи — к кратковременному тюремному заключению, некоторые освобождены. Среди высланных в Вятскую губ. был один воспитанник Иркутского военного училища Андрей Золотин, которому в момент совершения «преступления» (передал прокламацию) было 12 лет.

Сибирский сепаратизм не был уделом только интеллигентских кругов сибирского общества. Сибирская буржуазия также отчетливо понимала, чем были для Сибири агрессивные аппетиты буржуазии русской. В то время, как, по мнению проф. Сватикова, сепаратизм группы Потанина был принципиальным, народническим, говорившим о более или менее отдаленном будущем, сепаратизм купеческих и иных сибирских

кругов, основанный на ущемлении их интересов, был реальным, практическим и потому более резким и определенным.

После разгрома группы Потанина-Ядринцева, сибирское областничество значительно ослабело, но далеко не умерло. В самой Сибири осталось старшее поколение областников, более умеренное в своих требованиях и осторожное в своих действиях. Областническая работа, хотя и не с прежним размахом и напряжением, все же продолжалась. Группа же Потанина даже и после десятилетних страданий сохранила бодрость духа и энергию и приступила к работе на пользу родины, как только представилась для этого возможность.

Освободившись из ссылки и не имея возможности возвратиться в Сибирь, Потанин и Ядринцев поселились в Петербурге, где также стали продолжать борьбу за родное им дело. Здесь они усиленно пропагандируют необходимость земской и судебной реформ для Сибири, введенных уже в России, прекращения ссылки, открытия университета. Благодаря их настояниям Сибирь получила и университет, хотя и в весьма урезанном виде — в составе одного факультета, и новые судебные установления, и новое городовое положение. Земства же они не смогли добиться, и Сибирь так и осталась без него вплоть до революции.

В то же время они выступают, особенно Ядринцев, в различных органах прогрессивной печати, проводя свою областническую точку зрения, выступают в связи с различными, преимущественно с радикальными, группировками русского общества, ища единомышленников и поддержки своим областническим стремлениям. Но именно здесь их ожидали наибольшие разочарования. Влияние Герцена, морально поддержавшего польское восстание, пошло на убыль, от него отвернулись. Для правых кругов — бюрократии и буржуазии — идея областной автономии казалась просто абсурдом. В революционных же группировках первенствующую роль играли мотивы социальные. Вопросы же

больше всего интересовавшие сибиряков, как окраинцев, для них казались второстепенными, малозначущими, а то и просто опасными, от решения которых они уклонялись, чтобы не отталкивать до поры до времени окраинцев. И к тяжелым, горьким выводам в это время пришел Ядринцев, писавший потом, под конец своей жизни, в своей автобиографии:

«Я убедился, как слабо проявлялась вообще областная идея... в Европ. России. Она жива была... только на окраинах. В Великороссии же всегда господствовала идея централизации... Эта привычка рассматривать народную жизнь с централистической точки зрения перешла и в либеральные, оппозиционные, народнические и революционные теории. Централисты-бюрократы сменяются централистами-культуртрегерами, идущими в народ, централистами-якобинцами и т. д.».

Это было написано в 1894 году. Почти через 40 лет, после революции, на оселке которой на наших глазах проверены программы всех русских партий и испытана искренность их авторов и последователей, мы утверждаем то же самое. Да, централистическая точка зрения свойственна всем направлениям русской политической мысли, в том числе и тем, которые одним из основных пунктов своих программ ставят федерацию. На основании кровавого опыта мы теперь знаем, что автономизм кадетский и Деникинско-Колчаковский, федерализм эсеровский и эндековский, конфедерализм большевицкий — не более, как фиговый листок, прикрывающий подлинную наготу «истинно-русского» централизма.

На основании того же кровавого опыта, который особенно остро переживается всеми «окраинными» народами в настоящий момент, мы теперь знаем и то, чего, возможно, не знал Ядринцев, — что дело не только в привычке, привитой русскому народу веками азиатского деспотизма сверху и беспомощного рабства снизу, но

и в том, главным образом, что централистическая точка зрения для него, по его мнению в целом, весьма выгодна. Ибо централизм именно, т. е. сосредоточение неограниченной власти в центре, в Петербурге или Москве, всегда давал возможность России подчинять своим интересам интересы окраин-колоний. Благодаря именно централизму, во имя которого Петр I не остановился перед варварским уничтожением чуть не половины всего населения северного Дона и во имя которого он разгромил донское народоправство, русские цари имели возможность потом отнимать у донского казачества миллионы десятин земли «под государственное коннозаводство», заставлять его нести воинскую повинность за собственный счет и т. д., и т. д., не давая взамен ему ровно ничего. Благодаря централизму «диктатуры пролетариата» большевики забирают в Казачьих Землях пшеницу под метелку, продовольствуют ею «пролетарские центры» и торгуют с заграницей, заставляя казаков питаться ячменем и кукурузой. Желание обеспечить и будущей, «новой» России возможность такого же бесконтрольного и беспрепятственного распоряжения богатствами окраин руководит и нынешней русской эмиграцией.

Задним умом крепок русский мужик, — говорит русская пословица. Да и не только мужик, заметим мы.

Когда польский народ изнемогал под деспотически-централистским русским гнетом, наиболее просвещенные круги русского общества укоризненно кивали в сторону своего правительства и словесно сочувствовали полякам: это-де правительство, а мы — против насилий и гнета. Когда же польский народ не выдержал «братских» об'ятий России и восстал на борьбу за свое национальное освобождение, то же русское общество дружно поддержало расправу царского правительства с польским восстанием, а Герцена, бывшего до того «властителем дум русской интеллигенции» и морально поддержавшего польских повстанцев, не менее едино-

душно заклеймило печатью предателя и изменника, на долгие годы отвернулось от него и морально изолировало его и его друзей. А в 1918 г. освобождение польского народа и создание им своего государства «приветствовали» даже Деникин с Долгоруким и Врангель с Кривошеиным. Вслед за ними «приветствует» теперь поляков и вся русская эмиграция. Мало того, современное русское общество пошло даже значительно дальше Герцена и так же «приветствует» и Финляндию, и Латвию, и Эстонию, и Литву, — словом, всех, кому удалось освободиться от российских об'ятий, вопреки воле русского общества.

Но то же русское общество, даже наиболее политически демократические его круги, как круги Милюкова, Керенского, Адамовича и круги невозвращенцев — Беседовского и Дмитриевского, не только не приветствуют украинцев, белоруссов, грузин, а тем более казаков, т. е. всех тех, кому не удалось отстоять себя от об'ятий красной России и которые продолжают борьбу за свое национальное освобождение, но настойчиво стремится вырвать у них «жало сепаратизма», бранит их «самостийниками» и борется с ними всеми доступными в его настоящем положении средствами. А так как этих средств у эмигрантского русского общества сравнительно очень мало, то оно склонно иногда щадить даже ненавистную им советскую власть, — лишь бы не дать самостийникам возможности использовать благоприятную обстановку для своего национального освобождения.

Однако, основное направление общего исторического процесса переживаемого нами времени и положение в СССР таковы, что нам не так долго, как полякам и финнам, придется ожидать часа нашего национального торжества, и весьма возможно, что даже Милюков и Керенский вынуждены будут «приветствовать» наше национальное освобождение, как сейчас они «приветствуют» поляков и литовцев.

Но, возвратимся к нашим братьям шанхайцам, так

любящим «славные традиции седой казачьей старины» и убежденным, что историческое назначение Казачества — быть якорями Российского государства на его окраинах.

О каких же, — позвольте спросить, — традициях они говорят? Об уважении к старшим? Но если они хоть немного знают историю именно седой казачьей старины, они должны знать, что отношения не только личные, но и общественно-экономические и политические, в казачьем обществе были основаны на глубоком сознании полного равенства всех казаков во всех отношениях и на глубоком чувстве товарищества и братства. Когда московские цари приглашали донцов прислать на Москву посольство «из лутчих людей», Донской Круг отвечал: «Лутчих людей у нас нет, все мы меж себя равны; лутчие, — кого мы, выбрав Войском, пошлем». Особым же уважением в казачьем обществе пользовались лишь те, кто своим умом, моральным весом и деяниями на общее благо Войска того заслуживали, и лишь до тех пор, пока они были достойны этого, пока свои таланты они отдавали Войску и блюли его интересы и достоинство перед московскими царями и турскими султанами. И уважение это заключалось лишь в том, что к их голосу на Круге прислушивались больше и внимательнее, чем к другим. Но если бы такой уважаемый казак, хотя бы он был 20 раз Атаманом, вздумал «доброхотствовать Москве» или турскому султану, или крымскому хану, и попытался интересы Войска подчинить их интересам, тогда через полчаса после того, как это было бы установлено, он в куле сидел бы на дне Дона. Московские доброхоты из казаков рассматривались на Дону и в XVII и XVIII веках так же, если не хуже, как и московские »лазутчики«.

Современного Донского Атамана все донские в. к. обвиняют в том, что он «доброхотствует»... даже не царям московским, а их белым генералам, даже последышам этих генералов. Его обвиняют в том, что он на-

рушает Конституцию Дона, что он... скажем мягче, — нарушает свою присягу, данную Донской Республике. А он, обратив себя в Атамана пожизненного, не только не опровергает этих обвинений, но даже еще подтверждает их, демонстративно прикрыв казачьи флаги русским на могиле «неизвестного солдата» в Париже. И господа шанхайцы, — народ все важный, титулованный, явно претендующий на особое уважение среди казачества к их чину и званию, — детски лепечут: «Личные выпады против выборных Атаманов»... Выборный Атаман? — Следовательно, обсуждаемый, оцениваемый, критикуемый и сменяемый. Его атаманскую деятельность, — блюдет или нарушает Конституцию, мог или не должен был Атаман свой флаг покрыть чужим, блюдет интересы Войска или «доброхотствует» турскому султану, — и обсуждают и должны обсуждать. Взял Атаман перо публициста, — не сетуй, если на тебя возьмут десять перьев.

Понимают ли тогда господа шанхайцы, что такое личные выпады? А если понимают, то это значит, что они хотят кого то ввести в заблуждение, чтобы заткнуть рот противникам, или выборного Атамана под сурдинку превратить в наказного... Не о славных традициях седой казачьей старины думают, шанхайцы, когда говорят эти слова, а о совсем не славных «традициях» той части казачьей старшины, которая, опираясь на царского наказного атамана, могла еще не так давно прикрикивать: «Молчать и не рассуждать!»

Нет, «славные традиции седой казачьей старины» не на стороне господ шанхайцев.

Но может быть история Казачества за них? О, нет! И они, наши политические противники, господа шанхайцы и особенно их парижские друзья, прекрасно знают и понимают это. Они очень хорошо понимают, что правдиво и хотя бы относительно беспристрастно изложенная история Казачества — против них и за нас, и потому бегут от нее, как от ладана.

Факты? А вот все то, что мы рассказали из истории

областничества в Сибири, о чем говорит? — О том, что так дорого нам и ненавистно им, — о сибирском самостийничестве, ведущую роль в котором играли сибирские казаки. Мы подробно рассказываем об этом нашему читателю, как только получили возможность сами ознакомиться с книгой проф. Сватикова. Господа же Мельников и Марков со своим журналом «Родимый Край» обязательно примут «надлежащие меры, чтобы пресечь зло в корне», и постараются не заметить и замолчать «вредную книжонку».

А вот и еще один, но более знаменательный факт. Донская Историческая Комиссия издала в Париже историю Дона — «Россия и Дон» проф. Сватикова. Автор ее — автономист, о чем сам заявляет в предисловии к своей книге, но настолько добросовестный и корректный историк, что не замолчал и тех исторических фактов, которые характеризуют Казачество, как «прирожденных республиканцев» и неисправимых самостийников, и прекрасно документировал ее. Мы стремимся возможно полнее ознакомить нашего читателя с родной историей, хотим воскресить в его сознании действительно славное и прекрасное прошлое нашего народа, и потому широко используем на своих страницах труд Сватикова и рекомендуем тем самым ему самому заинтересоваться и обратиться к чтению этой книги. Мы нисколько не боимся некоторых тенденциозно-автономистских предпосылок в начале и выводов в конце книги, не сомневаясь, что живое и горячее чувство любви к своему народу и его прошлому, которое загорится у казака при ее чтении, подскажет ему более правильные выводы, чем предлагает автор. Редактор же «Родимого Края» был членом той самой Комиссии, которая издавала «Россию и Дон», и, следовательно, уж никак не мог не знать, что такая книга по истории Казачества где то в подвалах Донского Атамана существует. Редактор «Родим. Края» и его «генеральный» секретарь г. Марков, бия себя в грудь, доказывают и на страницах журнала, и на собраниях казаков, что они — горя-

чие и последовательные автономисты, и пичкают своего читателя... сказками Гоголя, которые известны ему еще со школьной скамьи. Из номера в номер, регулярно и настойчиво они берут выдержки из повести Гоголя «Тарас Бульба» и помещают их в виде эпиграфов ко всему номеру. Было бы, кажется, естественнее и правильнее не пичкать казака уже сказками, а дать ему возможность узнать хотя заграницей то из истории его народа, что до революции скрывалось от него под страхом каторги, ссылки и проч. скорпионов. Отчего бы, кажется, не напечатать эпиграфом хотя бы к одному номеру своего «автономистского» журнала, например, такой вывод историка: «Подводя итоги, мы можем утверждать, что в XVI-XVII веках Войско Донское, говоря языком современного государственного права, было простой непосредственной демократической республикой» (Сватиков: «Россия и Дон»). Отчего бы не взять несколько таких эпиграфов и не рассказать читателю действительно славные страницы истории его народа?

Оттого, — ответим мы, — что таким путем легко можно пробудить у казака интерес к знанию своего действительного прошлого; оттого, что в таком случае у него могут, — храни, Боже, — воскреснуть старые идеалы старого вольного казачества, и он снова станет противополагать себя русскому, а Дон — Руси, — словом, снова станет самостийником.

Поэтому они замалчивают историю Казачества, рассказывающую не о военных только его подвигах, но и о его старой гражданственности, разбитой Россией. Поэтому они замалчивают исторические труды даже своих «единомышленников» — и убаюкивают своего читателя старыми, давно известными сказками.

Они знают, что история Казачества против них и за самостийников, и потому замалчивают ее, а «неосторожно» изданный труд автономиста Сватикова глубже прячут в подвалах новоявленного Вишаты Васильева.

Современные «доброхоты» хорошо учитывают опыт

1917-1920 г. г. и знают, что и 200-летний период существования Казачества под властью Москвы на положении служилого сословия не вытравил из него духа предков, и потому всячески стараются подсунуть ему автономистскую программу. Но это только тактический прием, с помощью которого они хотят отвлечь внимание Казачества от его исторического пути и направить его в такое русло, которое привело бы его в единонеделимческое русское море.

«Шанхайцы» с полуслова понимают своих парижских друзей и патронов, но, не умудренные их политическим опытом, наивно еще обосновывают свои стремления «седой стариной» и «историческим назначением казачества». Они так и заявляют, что последнее состоит в том, чтобы служить «якорями» русского правительства на окраинах России. И, сделав такую предпосылку, шанхайцы приходят к выводу, что самостийники — предатели и изменники русскому национальному и казачьему делу.

Измена и предательство национального дела, предатели и изменники своему народу! Что может быть позорнее и страшнее этого? —

Но отчего же они так легко и поспешно бросаются такими обвинениями? Не горит ли на них шапка? Посмотрим. Они утверждают, что казак — русский человек, так же, как пензяк или тамбовец. Мы же доказываем, что Казачество — такой же славянский народ, как украинцы или болгары, и так же противополагаем его русскому народу, как чехи или поляки противополагают себя ему или друг другу. Призываем историю, и она говорит: «казаки всегда, в течение всей своей истории противополагают себя русским». Шанхайцы и их парижские патроны хотят внушить себе и другим, что историческое назначение Казачества состоит в том, чтобы служить «якорями русского правительства на окраинах русского государства». Другими словами: они хотят, чтобы Казачество и в дальнейшем выполняло ту роль военно-служи-

лого сословия в русском государстве, которая силою была навязана ему после смерти Атамана Булавина, т. е. служило средством в руках русского правительства для расширения и охраны границ русского государства и было опорою... престола. Последнего шанхайцы не говорят, но несомненно мечтают об этом, ибо служить правительству Керенского они явно не хотели и по отношению к нему проявляли себя явными самостийниками.

Мы же утверждаем, что роль завоевания для России соседних с нею народов — далеко не почетная, и тем более невыгодная роль, а роль «охранников царского престола» — привела к тому, что русский народ стал ненавидеть Казачество. Мы доказываем на основании истории, что служебная роль была навязана Казачеству русским государством силою, что само Казачество всегда смотрело на себя, как на самоцель, и упорно, настойчиво боролось против превращения его в «якоря» русского судна и за то, чтобы отстоять от разрушения свой государственный корабль. Мы утверждаем, что Казачество существовало самостоятельным государством, как народ, и хотим, чтобы и в дальнейшем оно осознало себя, как народ, и восстановило свое разрушенное Россией государство.

За это наши шанхайские братья, подталкиваемые из Парижа, называют нас предателями и изменниками.

Но призовем историю, а она говорит: «Казаки всегда, в течение всей своей истории противополагают Дон Руси».

Современные казачьи историки — С. Г. Сватиков и И. Ф. Быкадоров и русский — С. Тхоржевский, — категорически утверждают, что Войско Донское в XVI-XVII веках существовало, как совершенно и ни от кого независимое государство, «со своею непроизводною властью, территорией, народом и правом международных сношений». Всю историю Дона до 1917 г. историки делят на 4 основных периода:

С 1549 по 1671 г. г. Дон существовал, как незави-

симое государство; с 1671 по 1721 г. г. — период государственной автономии в составе России; с потерею права свободного выбора Войскового Атамана в 1721 г. и по 1835 г. тянется период областной автономии; в период 1835-1917 г. г. Донское Казачество «превращается в служилое, закрепощенное русскому государству сословие военных поселян». Примерно по той же схеме протекала история и других казачьих Войск.

Но не по доброй воле Казачество с высоты своего государственно-независимого существования постепенно скатилось до положения военно-служилого сословия, а под давлением грубой и жестокой силы Российского государства и в постоянной и упорной борьбе с ним. Много крови пролито Казачеством в этой борьбе за волю. Она вопиет к потомкам. Это ее голос поднял на борьбу и страдания сибирских патриотов. Чуя ее зов, и мы зовем Казачество на борьбу за волю, завещанную нам предками.

Как стальная пружина, сжатая до отказа, мгновенно подскакивает вверх, как только гнетущий груз сваливается с нее, так и Казачество, покорное голосу крови, встало в 1917 г. во весь свой исторический рост и менее чем за год вернуло себе то, что отнималось у него в течение 200 лет. Историк современности спокойно и беспристрастно заносит в свой протокол:

«10 декабря 1917 г., несмотря на оговорки, Дон стал самостоятельным государством» («Россия и Дон», стр. 4).

Так же поступили и другие Войска, все Казачество.

Таким образом, из всех ступеней, на которых волею судьбы Казачество стояло за свою многовековую историю, оно сразу же заняло первую, высшую. И теперь, когда оно снова страдает под пятою новой России, мы убеждены, что поступаем и в духе 1917-20 г.г., и в духе седой старины, призывая его снова встать на борьбу за свою государственную независимость, потерянную в 1671 и в 1920 г. г. Ибо мы убеждены, что

его страдания будут продолжаться до тех пор, пока оно будет находиться под властью России.

Мы зовем Казачество спасти свой корабль государственности, тонущий в русском море, а наши противники уговаривают его снова взять на себя роль «якоря» на чужом корабле, позорную роль охранителей чужого государства, по справедливости именуемого тюрьмою народов, — роль, от которой Казачество с радостью отвернулось в 1917 г. Мы зовем Казачество снова подняться на высшую ступень, к достижению своих целей, а наши противники тянут его на низшую, предлагая ему отказаться от своих целей и служить средством для достижения целей чужих, и, указывая пальцами на нас, кричат: предатели, изменники Казачеству и Родине!

Кому «доброхотает» некоторая современная казачья старшина, — г. г. Мельниковы, Марковы, Богаевские и их шанхайские друзья, — надо полагать, не может быть двух мнений: Москве, ее последышам. И не так ли, как в «седую и славную казачью старину», должно отнестись к ней за это современное Казачество? Несомненно так, ибо сами шанхайцы в свидетели обвинения свих противников призывают именно старину. Что же говорит наша седая, славная старина? На странице 48 своего труда «Россия и Дон» историк С. Г. Сватиков рассказывает:

«В 1593 г. Борис Годунов, правитель, вздумал наложить на Дон московскую руку, посадить донцам назначенного «голову» и вообще поступить с ними так, как поступали царские воеводы в новозанятых местностях. Эта миссия была возложена на царского посла Нащокина, ехавшего Доном в Цареград. По пути Нащокин толковал кое с кем из верховых казаков и привлек на свою сторону некоторых старшин, в том числе и атамана Вишату Васильева. По содержанию царской грамоты, по всему необычному поведению Нащокина Низовое Войско поняло, что дело идет о превращении его в служилое или, как говорят шанхайцы,

в «якорь русского правительства». Вместе с Нащокиным был и новообращенный «доброхот» московский Вишата Васильев. Оскорбленные поведением Нащокина и возмущенные ролью Васильева, донцы, придя через несколько дней в стан посла, захватили там силою Вишату Васильева, «били его ослопы» перед шатром посла и тут же «посадили его в воду», «а говорят — доносил Нащокин царю, — что он всему Войску изменник».

Заключая рассказ об этом, историк говорит: «Вишата Васильев, пошедший в служилые казаки, был казнен казаками, как изменник Войску, за то, что «государю доброхотает». Один этот факт говорит больше об отношениях Дона к Москве, чем десятки отписок, от имени «холопей» писанных»...

Скажите, господа шанхайцы, кто же из нас должен по праву носить ваш ярлык «изменников Казачеству и Родине»? Мы ли, зовущие Казачество к восстановлению своей государственности, к самостийности, потерянной отчасти по вине Васильевых? Или современные «доброхоты»... царских воевод, тянущие Казачество на ступеньку служилого сословия и убеждающие его, что счастье его в том, чтобы служить «якорем» на чужом прогнившем корабле?

Скажи и ты, наш читатель, подумай основательно и скажи, кто же из твоих братьев стоит на пути измены Казачеству, — самостийники или их противники?

. . . . . .

Нас одна река вспоила,
Степь широкая вскормила,
Вольный дух нас воспитал —
Кровью братскою спаял.
Зацветут, как прежде, степи,
Заживем семьей одной,
Будем мы и наши дети
Прославлять Урал родной!!!

И. Константинов („ВК“ № 67).

XXV.

Эмиграция казачья и эмиграция русская.

25 декабря 1927, № 2.

Один из вопросов, в который нужно внести ясность и определенность, есть вопрос взаимоотношений казачьей и русской эмиграции. А чтобы действительно в этом вопросе поставить все точки над и, нужно сначала поставить некоторые вопросы, касающиеся состава казачьей и русской эмиграции и задач той и другой ее части, как в настоящем, так и в будущем.

Одна, наиболее многочисленная часть русской эмиграции, это — довоенная буржуазия и старое дворянство, как и часть вышедшей из этих рядов интеллигенции. Против буржуазии и землевладельческого дворянства направлена была вся острота социальной революции, начатой в октябре 1917 года российскою коммунистическою партиею (тогда еще большевицкою фракцией российской социал-демократической рабочей партии).

Эта часть нынешней русской эмиграции тогда, в начале октябрьской революции, там у себя на родине, не организовала и не оказала никакого сопротивления, уступила большевикам все свои политические и социальные позиции без боя и предпочла бежать за границу. — Эта эмиграция и в будущем активно (если не считать слов!) сама бороться с большевиками не будет (да и не в состоянии такую борьбу вести, если бы того и хотела), хотя, конечно, была бы очень рада, если бы кто нибудь другой боролся за ее прежнюю Россию.

Другая часть русской эмиграции, гораздо малочис-

ленное первой группы, — это осколки разных старых политических партий, социалистических и буржуазных, которые там оказывали или могли оказывать большевикам только словесное сопротивление. Когда же «дело дошло до дела», они не получили реальной помощи и поддержки в массе русского народа хотя бы в той мере, в какой ее получили большевики, и, легко разгромленные последними, ушли со своими «штабами» тоже в эмиграцию.

Далеко не одинаково отношение разных партий и партийных группировок к вопросу о борьбе с советской властью; острее стоит вопрос о методах и средствах этой борьбы, а еще больше разногласий существует по вопросу о ее конечных целях. В одном отношении они, правда, все находятся в одинаковом «исходном» положении: ни одна из партий не имеет своей реальной силы. Даже те из них, которые стоят за активную борьбу с большевиками, могли бы вести ее только чужими силами.

Третья часть — это остатки всевозможных «белых» армий, в том числе и наиболее многочисленной (в эмиграции, по крайней мере) — Добрармии. Формировались эти армии там из офицерского состава бывших русских армий и небольшой части интеллигентской молодежи. К ним приставали некоторые, главным образом, правые русские политические партии и группировки. Эти последние делали «политику» тех армий.

Нужно сказать, что из всего многочисленного офицерского корпуса б. императорской армии только очень малый процент пошел в «белые».

Большевицкой «диктатуре пролетариата» белые армии (по существу: частные военно-политические организации) противопоставили свою диктатуру и свои реставрационные лозунги, идеологически питавшиеся из старого программного хлама наиболее правых старых русских партий.

Все «белые» борьбу проиграли. Русский народ не стал на их сторону. Наидольше вела борьбу Добрармия,

но и то потому, что сумела вести войну кубанскими, донскими и терскими казаками.

Таким образом, русскую часть эмиграции послал в изгнание ее собственный народ. Это он дал силу большевицкой советской власти в ее вооруженной борьбе со своими противниками. Сам же русский народ не дал эмиграции: ни русских рабочих, ни русских крестьян в эмиграции нет.

Иное дело эмиграция казачья.

Война с большевиками для Казачества носила иной характер и имела иной смысл, чем это было для разных российских противников советской власти. Это различие лежит в самой природе нас и их.

В то время, как для различных русских антибольшевиков эта борьба была внутренним спором разных партий и группировок за государственную власть и за тот или иной социальный строй, т. е. войной гражданской, для нас эта борьба была войной внешней. Не внутренний спор, не свое домашнее дело решали казаки с большевиками в течение почти трех лет на поле брани. Это была внешняя оборонительная*) война наших Республик против нападавшего северного государства. Казачество предпочитало самостоятельное государственное существование своих Краев включению их в красное Московское царство.

Таким образом, борясь с Деникиным или Колчаком, Московская советская власть боролась против контрреволюции, усмиряла внутренний бунт. Идя же войной на Дон и Кубань (точно так же, как и на Украину, Грузию и др.), та же Москва шла завоевывать эти Земли и народы, провозгласившие уже к тому времени свою государственную самостоятельность («Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное Государство»... так начинается Донская Конституция. «Ныне же Кубан-

*) Не казаки начали войну. Лучшее доказательство тому то, что на Кубани война началась в 10 верстах от Екатеринодара, точно так же, как на Дону она завязалась под Новочеркасском.

ский Край, стоя на пути государственного строительства, сохраняет за собой всю полноту государственной власти в пределах Края и управляется органами, поставленными его населением»... — из Конституции Кубанской).

Это в нашу сторону было и есть направлено острие завоевательной, колониальной политики московских комиссаров.

Войну против большевиков и против тех, кто за ними шел, или кого они против Казачьих Краев воевать посылали, вели не отдельные группы или партии, а все Казачество, весь наш народ. Поэтому и эмиграция казачья иная, чем эмиграция русская. Не верхи, стоявшие над народом, не политические сектанты-партийцы, не добровольцы-одиночки, а грубой, более сильной физической силой побежденная часть вооруженного народа — армии. Не донцы или кубанцы изгоняли кубанцев или донцов. Чужими руками, внешней силой оторвано живое тело от живого тела.

Русская эмиграция — это на 90% люди прошлого. И идеалы этой эмиграции, несмотря на все их обилие, по существу, тоже в прошлом. Та же борьба за свою власть, за свою старую «Единую и Неделимую».

Совершенно иначе стоит вопрос для эмиграции казачьей. Идеалы Казачества, как народа, поднявшего знамя своей свободы, впереди, в будущем.

Не в борьбе за ту или иную Всероссийскую власть, а в борьбе за полное раскрепощение своих Земель от этой власти, в восстановлении своей государственности, в защите своего права распоряжаться судьбою и долею свих Краев так, как то будет только ему угодно, — в этом направлении лежат пути Казачества. Идеалы его в том будущем, которое несет свободу, равенство и мир для всех народов б. Р. Империи. Казачество не хочет того прошлого, когда один народ господствовал, а другие были у него «служилым сословием». Не «арендатором», а полным Хозяином своих Земель хочет быть Казачество.

Лучшей иллюстрацией различия между русской и казачьей эмиграциями служит и поведение казаков на чужбине. Казачество не растворилось в русской эмиграции. Несмотря на то, что среди казачьей эмиграции не существует единства взглядов и убеждений, оно везде и всюду организовано в с в о и хутора и станицы, или другие какие, но свои организации. Не редки весьма характерные случаи, когда даже те, кто мыслят себе Россию — «Единой и Великой, с широким местным з е м с к и м самоуправлением», а такие вещи, как «федерация» или «самостийность» считают „беспочвенными мечтами" или „пустыми бреднями", — что даже и они предпочитают стоять в стороне и не связывать себе рук никакой русской организацией.

Происходит это потому, что нет у Казачества и русской эмиграции одинаковых целей впереди.

Конечно, есть и у нас исключения. Есть и у казаков свои полтора эсера, свои полтора милюковца, каждый из «вождей» тоже имеет своих полтора казака. Но если принять во внимание то, какую громадную энергию затрачивала и затрачивает каждая русская эмигрантская группировка, чтобы залучить в свой политический лагерь большее или меньшее количество казаков, то результаты ни в коем разе нельзя считать блестящими.

Тем более это верно относительно эмигрантской казачьей массы. Она так и осталась в большинстве вне «сферы» идеологического влияния русской эмиграции.

Мы не говорим, что в среде казачьей эмиграции все уже так хорошо и «благополучно». Мы нисколько не намерены преуменьшать те разногласия, и серьезные разногласия, какие существуют по многим вопросам у самих казаков между собою. Что же касается нас, то, несмотря на все разногласия, мы думаем, что п р и ш л а п о р а г о в о р и т ь к а з а к а м с к а з а к а м и.

XXVI.

Русская политическая мысль и Казачество.

10 февраля 1928, № 5.

Существуют среди Казачества разные политические группировки. Эти группировки, каждая по своему, разрешают основной вопрос будущности Казачества — его отношение к настоящей и будущей России (Великороссии) и о своем «месте под солнцем».

В спорах, которые ведутся между казаками на эту тему, очень часто «Россия» заменяется «русской властью» и, наоборот, «русская власть» — «Россией». Почти всегда казачьи сторонники «единой и неделимой» все зло, все насилие и несправедливость, какие когда либо были совершены над Казачеством (это даже и они признают!), — неизменно приписывают русской власти, но не России самой, которую они в таких случаях старательно отделяют от ее государственной власти. И почти всегда при этом высказывается «твердая» уверенность, что совершенные в адрес Казачества кривды исправит или «Россия будущего» или сам русский народ, который «посчитается», наконец, со своею властью и полным рублем уплатит Казачеству за грехи этой своей «ненавидимой» им власти. Одного только здесь не договаривается: неизвестно, когда это будет. На наших глазах правит Россией уже третья власть, возможно, что скоро будет четвертая, но воз некоторых казачьих надежд и мечтаний... «и ныне там».

Не будем вообще останавливаться на вопросе, поскольку можно проводить грань между властью и народом в одном и том же государстве. Вернее, пожалуй, другое общее положение, что каждый народ достоин

своей власти и каждая власть достойна своего народа.

Но, вместе с «оптимистами», сделаем самое лучшее предположение, что русский народ сам, в конце-концов, «возьмется за разум» и поставит над собою «своею волею» власть такую, какая ему будет угодна. Каков бы ни был государственный строй этой будущей России (предположим, что он будет самый демократический) и какова бы ни была эта власть, бесспорно одно, что и при организации государства — «России будущего» — и при организации ее государственной власти, найдет свое выражение и осуществление организованная политическая и общественная мысль разных русских политических партий и группировок.

Посмотрим же, как разрешала и разрешает вопрос о Казачестве русская политическая мысль, организованная и неорганизованная в политические партии и группировки, т. е. ближе присмотримся к возможным «претендентам» на русскую власть в прошлом и настоящем. Знание прошлого даст нам некоторое предвидение будущего.

Первой русской политической организацией, ставившей перед собою задачи государственного переустройства России и создания новой власти (Конституции), были декабристы. Из всего Казачества, декабристы в своих конституционных проектах уделили некоторое место только Дону. Но и среди декабристов не было единодушия по вопросу о будущем государственном строе России, они сами делились на централистов и децентралистов.

Сторонник бóльшего децентрализма Н. Муравьев отводил Дону, в преобразованной согласно его мыслям России, место «области», т. е. по тогдашнему пониманию — штата русской федерации.

Бóльший централист Пестель хотя и помещал казаков среди различных племен, присоединенных к России, но решение будущего Казачьих Войск, кроме Донского, он оставлял «усмотрению и решению временного Верховного Правления». Согласно его мысли, только

донцы должны были составлять «особенный отдельный округ под названием Донского удела», т. е. Пестель предоставлял, и то только донцам, что то вроде автономии.

Донские Атаманы, назначаемые центральной государственной властью, должны были служить укреплению государства Российского «единого и неразделимого». Муравьевскую мысль о «федерации» Пестель «отвергал совершенно, яко пагубнейший вред и величайшее зло».

После разгрома Николаем I декабристов, русская политическая мысль надолго хоронится. Либеральное и революционное движения начинают оживать только в царствование Александра II.

Русский либерализм того времени нашел некоторое практическое применение своих сил в земском самоуправлении; революционная же русская мысль поставила во главу угла идеи и лозунги не политические, а социальные, предполагая, очевидно, к «политическому» придти через «социальное». Наоборот было и есть в остальном мире. Русские революционеры того времени не столько боролись с самодержавием царей за политическую свободу, сколько мстили им за «социяльную несправедливость». Естественно поэтому, что вопросы государственного (политического) переустройства России ими почти не разрабатывались.

Вопросы политические, вопросы русской конституции (государственного устройства) начинают понемногу становиться на очередь дня только к концу XIX ст.

«Земский Союз» (1882) рассматривал Российское Государство «как вполне самостоятельный политический организм и в то же время, как союз народов и племен» (цитируем по Г. Сватикову «Россия и Дон»). Этим довольно неопределенным конституционным («федеральным!») проектом Россия делилась на самоуправляющиеся области. Эти области должны были «значительно превосходить размеры губернии, за единственным, быть может, исключением земель казачьих Войск, покуда об-

щий ход прогресса не изгладит окончательно эту отживающую форму самоуправления».

К концу XIX и в начале XX ст. начали создаваться русские политические партии. Как же они разрешали вопрос о русском государственном строе и месте в нем (в русском государстве) Казачества?

Прежде всего следует отметить, что, хотя различные (почти все) политические партии старались о распространении своих взглядов (программ) и в Казачьих Краях, но толщи казачьей они так и не коснулись. Казачества не привлекла в свои ряды ни одна из русских политических партий. Исключение составляли города с пришлым русским населением и в небольшой мере «ополитичилась» некоторая часть казачьей интеллигенции.

Разные партии слишком по разному решали вопрос о государственном строе России и по разному же решали и долю Казачества. Но в большинстве случаев вопрос о Казачестве вращался между сохранением его и на будущее, как «сословия» для «опоры власти» (тогда самодержавной царской) и полной ликвидацией этого «анахронизма» — «пережитка старины».

Партия Народного Права, возникшая в 90 г. г. прошлого столетия, смотрела на Россию не как на однородное политическое целое, а считала ее очень сложным конгломератом разнообразных общественно-экономических и национальных образований и высказалась поэтому за федеративное устройство России. О праве Казачества на свою «федерацию» партия не говорила ничего.

Вообще следует резко подчеркнуть одно очень характерное обстоятельство даже для тех русских политических партий и группировок, которые мыслили или мыслят будущую Россию как федерацию. Признав принцип федеративного устройства России, они ограничивают число тех, кто имеет (по их) право на то, чтобы быть равноправным членом этой федерации. И никто

из них не признал такого права за Казачьими Землями. Это общее положение казакам нужно твердо усвоить и никогда не забывать. Мало того, когда какая либо из русских политических партий или группировок скажет, что она хочет или соглашается на федеративное устройство России, — надо всегда точно установить, за кем признается право на эту федерацию. Вот, ведь, и сейчас есть и С.С.С.Р. и Р.С.Ф.С.Р., а Казачьи Земли никаких прав ни на федерацию, ни на автономию, ни даже на настоящее самоуправление не имеют, а разделенные и поделенные, пребывают на положении далеко худшем, чем обыкновенные российские губернии, и управляются пришельцами.

В 1895 году в Лондоне «Фонд Вольной Русской Прессы» издал «проект русской конституции» (автор неизвестен). Проект этот предусматривал разделение России на области во главе с областными сеймами. О Казачьих Краях — ни слова.

В 1899 году С. Шарапов, впоследствии глава Народной Партии, издал (в Берлине) проект государственного переустройства России, свою, как он сам говорит, «славянофильскую программу государственного устройства». Программа эта сводилась к созданию земско-областной самоуправляющейся России под самодержавным царем. Одна из «областей» этой «новой России» — «Казачья Область» — должна была составиться из части губ. Екатеринославской, части Дона, части Астрахани, Ставропольской и Черноморской губерний, Кубани и Терека. Проект предусматривал разделение Астраханцины и Дона, северная часть которого отходила к Воронежу. Во главе области должен был стоять генерал-губернатор, назначаемый царем.

В 1904-1905 г. г. «Союз Освобождения» предлагал уничтожить «области» и «земли» (казачьи) и поделить Россию на «земские» губернии.

Нечто подобное предлагали в 1905 году и представители общеземских с'ездов.

Возникшая в конце прошлого столетия российская социал-демократическая рабочая партия, централистическая по существу, делала уступки «областному самоуправлению» только для тех местностей, которые «отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения» (имелись в виду главным образом тогдашняя Польша и Финляндия). Как показали позднейшие события (годы 1917 и последующие), одна из фракций этой партии — большевицкая — права даже на такое «куцое» областное самоуправление за Казачьими Краями не признала. Все мы знаем, что сделало теперь большевицкое русское правительство с Казачьими Землями, — очевидно не вопреки воле русского народа, но безусловно вопреки воле Казачества.

В 1906 году выступили социалисты-революционеры со своей идеей областных автономий. Одна из этих областей — «Юго-Восточная» — составлялась из: Кубани, части Дона, Астраханской и Ставроп. губ., части Сарат. губ., части Уральской области и северной части Терека. Проект предусматривал, таким образом, раздел Дона, Терека и Урала.

Недавно, в пылу полемики против «Вольного Казачества», Егор Лазарев, старейший с.-р., напоминал нам, что с.-р. были единственной партией, защищавшей федерацию еще до 1917 года. — С.-р. требовали, правда, «установления демократической республики с широкой автономией областей и общин», но, что касается «федеративного начала», то оно должно было быть применено только к «отношениям между отдельными национальностями». А т. к. казаки, согласно эсерам, не «национальности», то и эсеровский федеративный принцип к Казачьим Землям не относился. Наоборот, уже в том же 1906 г. эсеры вели кампанию за уничтожение Казачества и передел его земель. Это же в 1917 г. подтвердил б. русский министр, эсер В. М. Чернов, своим известным заявлением, что «казакам придется потесниться».

Программа образовавшейся в 1905 году кадетской

партии говорила о распространении «местного самоуправления» на все Государство Российское и об «открытии правомерного пути в порядке общегосударственного законодательства для установления местной автономии». Конкретно это место кадетской программы имело в виду только Польшу и Финляндию. Никто другой, не говоря уже о Казачестве, не мог рассчитывать тогда получить от к.-д. даже «местную автономию».

Партии: «демократических реформ» и «демократический союз конституционалистов» защищали «широкое местное самоуправление».

Правые политические партии («правого порядка», «октябристы» и др. еще более правые, монархические организации, вплоть до «союза русского народа») были категорическими противниками всяких автономистских стремлений Украины, Казачьих Земель, Сибири и др. Что же касается Казачества, то «исторический» смысл его существования, согласно понимания (и желания!) правых, должен был состоять в защите старого государственного режима и общественного порядка.

— Отношение разных русских течений общественной и политической мысли к национальному вопросу в России, как и отношение их к Казачеству, выработанное в нормальных условиях мирного времени, нисколько не изменилось и во время бурь и революций. Особенно это касается отношения к Казачеству.

Общее отрицательное отношение всех почти оттенков русской мысли к освободительным движениям народов б. Р. Империи было очень хорошо переверено в 1917 году.

В 1917 году ни один из народов, сейчас уже существующих, как отдельные самостоятельные государства (Латвия, Эстония и др.) или стремящихся и борющихся ныне за свою государственную самостоятельность, не хотел еще отделяться тогда от России, каждый из них думал о Всероссийской федерации. И только резкая отрицательная и очень единодушная в этом отношении политика всех русских (великорусских) по-

литических партий оттолкнула потом все народы от России и заставила каждого из них думать самому о себе.

Русская эмиграция представляет собою почти неизмененным все разнообразие приведенных нами выше различных направлений русской политической и общественной мысли. Она, в большинстве, все еще хранит «верность» своему прошлому.

Очень медленно, только под давлением чрезвычайных обстоятельств, признают некоторые (очень немногие!) русские политические партии возможность перестройки государственного строя России на началах автономии или федерации, не говоря уже о принципе самоопределения народов, но после этого начинается еще более упорная борьба за ограничение круга возможных «претендентов» на автономию или на федерацию. Бой идет из-за каждого народа, из-за каждой Земли.

Вообще нужно сказать, что еще нет ни одной русской политической партии, которая бы, став на точку зрения федерации, признала бы за Казачьими Землями право быть равноправным членом российской федерации.

Не народились еще подлинные русские федералисты. Нет еще той России, с которой та часть Казачества, которая стоит на принципе федерации, могла бы федерироваться.

Нам, во всяком случае, едва ли дождаться появления на свет Божий русских федералистов, а потому мы не связываем себя согласием или несогласием тех или иных русских политических группировок на наше понимание казачьего вопроса и оставляем за Казачеством бесспорное его право на пользование принципом самоопределения народов, со всеми вытекающими из этого последствиями.

XXVII.

Ласточка, не сделавшая весны.

25 марта 1929, № 32.

В январской книжке одного из парижских (французских) журналов — официальном бюллетене „Comité France-Orient", — посвященном вообще «Востоку» (Восточной Европе и так наз. «Ближнему Востоку», т. е. Малой Азии и Балканам гл. образом), напечатан очень любопытный «документ» — декларация в. к. Кирилла Владимировича, нынешнего претендента на Русский престол, сделанная им 15 октября 1928 года в Париже в заседании французско-русской секции Комитета France-Orient. Наиболее интересным и «сенсационным» по своей неожиданности местом заявления в. кн. Кирилла Владимировича является пункт, касающийся его программы по национальному вопросу, гласящий:

«По отношению к народностям, провозгласившим свою независимость и которые продолжают находиться под игом советов, как то: народностям Украины, Грузии, Азербейджана, Северного Кавказа и Армении, Е. И. В. великий князь Кирилл заявил, что он признает их независимость и будет отстаивать право этих народов на самоопределение».

Заявление это встретило немедленно же довольно единодушный отклик обоих крыльев русской эмигрантской прессы. По словам «Возрождения» (№1352), это — «бесполезная грамота»; по словам А. Керенского («Дни», № 24), это — «бесстыдное заявление»...

Вскоре («Возрождение», № 1355) и сам в. к. Кирилл Владимирович выступил с «опровержением» и «раз'яс-

нением», что он неправильно понят, что «по вопросу об отношении к народностям, населяющим Россию, он сказал, что признает их право на самоопределение, в смысле внутреннего самоуправления, а отнюдь не «независимости», т. е. отделения от России, каковое, прежде всего, явилось бы невыгодным для самих этих народностей».

Одно из двух. Или в. к. Кирилл Владимирович в таком простом (для ясного ответа!) вопросе сумел говорить так неясно, что действительно ввел в заблуждение относительно истинных своих намерений довольно многочисленное собрание, состоявшее из людей очень хорошо разбирающихся в подобных вопросах; или, сделав определенное заявление, сам испугался того, что наговорил, «раскаялся» и довольно таки неумело поправляется. К истине ближе, конечно, второе предположение. И в том и в другом случае остаются некоторые моменты, стоющие того, чтобы на них остановиться.

Очень характерно, что до сих пор не знавший «никакого национального вопроса» на территории б. Р. И. монархический сектор русской общественности вынужден был заговорить, наконец, на эту тему устами самого претендента на трон, но... сейчас же и обнаружилось, что заговорил он сразу же неискренно. Для нас — это лишнее доказательство того положения, давно проповедуемого «В. К.», что ни на кого не надейся Казачество, кроме как на самого себя.

Мы уже несколько раз подчеркивали сущность отношений русской общественной и политической мысли к основному вопросу настоящей исторической эпохи — к вопросу национальному, к вопросу самоопределения народов б. Р. И., к их стремлению к освобождению и независимости.

Как известно, в дореволюционное время только левый сектор русских политических партий и группировок (гл. образом, социалистических и отчасти либе-

ральных) уделял некоторое внимание национальному вопросу и (на бумаге!) разрешал его, в лучшем случае, в смысле автономии или, в крайнем случае, шел на федерацию «постольку — поскольку», во всем согласную с интересами «общегосударственными». Это «принципиальное» признание принципа автономии или федерации сейчас же суживалось тем, что значительно ограничивался круг возможных претендентов на использование этого права. Далеко не все народы, еще во времена Империи добивавшиеся национальной автономии, могли рассчитывать на поддержку русских партий даже тех, какие «принципиально» автономию или федерацию признавали. Фактически, до войны, в этих кругах только два народа как будто не встречали «теоретических препятствий» к осуществлению своей национальной автономии, это — поляки и финляндцы. Остальные принадлежали к «вопросам спорным». Но что касается Казачества, то тут (с «той стороны») вопрос для всех был бесспорный: никто, никакая партия или группировка, не то что признавать за Казачьими Землями какое либо право на автономию или федерацию не хотела, но и ставить перед собою подобные вопросы избегала.

В революционные и последовавшие вскоре дни войны с большевиками мы видели и испытывали на собственной шкуре практику различных (почти всех) крыльев русской политической мысли в национальном вопросе и их настоящее отношение к Казачеству.

В первые дни революции Казачество испытало на себе теорию либеральной и революционной демократии; потом очень хорошо узнало по собственному опыту практику Деникина — Врангеля и до сих пор еще испытывает теорию и практику решения проблемы освобождения народов русским революционным пролетариатом.

Что касается правых политических группировок (монархических), то для них, в дореволюционное время, никакого национального вопроса в Р. И. не суще-

ствовало. Теория и практика их, не в пример левым течениям, совпадали.

Положение вещей не изменилось и теперь, когда настали: для одних из нас — дни эмиграции здесь, для других — рабство там. Даже больше: национальный вопрос, вопрос освобождения и самоопределения народов — единственный вопрос, по которому существует «единый фронт», не только среди русской эмиграции, но и общий фронт этой эмиграции с большевиками. И, к сожалению, нет надежды, что фронт этот серьезно будет нарушен. Больше того: по мере роста у различных народов национального самосознания, — с другой стороны растет ему сила противодействия, не ослабевает стремление сохранить свое главенствующее положение.

И только иногда этот единственный единый фронт российский прорезывается некоторым диссонансом какой либо «белой вороны». Таким же «диссонансом» прозвучало и последнее заявление в. к. Кирилла Владимировича, так поспешно взятое им обратно. Ласточка, — не сделавшая весны.

Но, все же «знамение времени»: заговорил ведь не только представитель монархических течений, а сам кандидат в монархи, один из Романовых. За одно, во всяком случае, можем быть ему благодарны: лишний раз казаки убедились, что с той стороны, говорит ли Романов или Ленин, Деникин или Керенский, — одинаково: когда им трудно — обещают; когда поправят дела — забывают.

Как раньше левые, признавая принцип автономии или федерации, ограничивали до минимума тех, кто имел на нее (автономию или федерацию) право и, во всяком случае, никто из них не признавал такого права за Казачеством, так теперь правый, в. к. Кирилл Владимирович, говоря о признании им права на самостоятельность за Украиной, Грузией, Азербейджаном, Сев. Кавказом и Арменией (повторяем, заявление это

по существу взято уже назад), ни словом не обмолвился о Казачестве (трудно бы было приписать Казачество к Северному Кавказу. Очевидно, в этом последнем случае имелась в виду Северо-Кавказская горская республика). Пусть этого казаки никогда не забывают и делают соответствующие выводы.

А выводы эти всем настоящим казакам подскажут, что де тех пор, пока сами казаки не заставят всех уважать свое право и свои желания, до тех пор о них будут молчать, с ними не будут считаться, ими будут распоряжаться. А чтобы этого не было, чтобы Казачество стало, наконец, само себе господином, надо, чтобы казаки сами прежде всего хорошо знали, чего они хотят и около этих своих желаний, около своей программы об'единились бы.

Меньше всего нужно надеяться на обещания. Вспомним недавнюю практику взаимоотношений Казачества с Добрармией: что обещали, когда были слабы, и что практиковали, когда стали сильнее. Москва всегда дает много на словах, когда ищет помощи, и берет на деле, когда окрепнет.

. . . . . .

Потешилась Москва достаточно над нами —
Три века нашими играла головами;
Пора бы, кажется, и честь ей в этом знать
И доброй, мирной лишь соседкой с нами стать...
Пора Казачеству найти уж путь свободы,
Какой нашли себе уж все почти народы...
Сомкни-ж, сомкни, Казачество, ряды стальные —
Уж лучше смерть, чем жить без воли Казакии!

Ив. Томаревский („ВК“ № 91).

XXVIII.

Большевики в Казачьих Землях.

I.

10 октября 1930, № 66.

Царская Москва, убив независимость Казачества и разгромив казачье народоправство, сделала потом все, чтобы казаки забыли свое прошлое. И она почти полностью достигла этой цели: к своему стыду и несчастью, мы действительно не знали своей славной истории и именно в той ее части, которая в наибольшей степени была бы полезной нам для настоящего. Но главного, основного, духа наших предков она все же не смогла убить в нас. Его нам, хотя и в слишком общем и романтическом виде, сохранила наша народная песня и изустное народное предание. И этого, однако, оказалось достаточным, чтобы в 1917 году восстать из политического небытия и, хотя и не твердым и не совсем уверенным шагом, но пойти к воссозданию своей государственности.

Зато Россия, русский народ, совершенно не знал и не понимал Казачества.

Особенно же диким, таким, как у нас о жителях Тасмании или Огненной Земли, было представление о Казачестве у русских революционных партий, в том числе и у большевиков.

«Сам» Ленин, касаясь вопроса о Казачестве почти мимоходом в одной из своих статей, установил о нем взгляд, обязательный для большевиков.

По этому представлению выходило, что Казачество — это какая то средневековая привилегированная

каста, странным образом и до сих пор еще проявляющая волю в какой то своей, особой общественной жизни... Кроме того, по его мнению, казаки являются... мелкими помещиками, владея по 30 и более десятин земли на душу. Каждому предоставлялась возможность сделать вывод, что, таким образом, на каждую казачью семью приходилось в среднем от 120 до 200 десятин.

Большую часть своего времени казак отдает на разного рода средневековые развлечения и военные состязания, предоставляя обработку своей земли... крестьянам-иногородним, находящимся от него в полукрепостной зависимости.

Отсюда вывод: наряду со всеми частно-владельческими землями, казачьи земли подлежат конфискации и распределению между трудящимися, а сами казаки лишаются всех своих «средневековых привилегий» на общем для всех основании. (К тому же, в 1905 г. они «показали себя стойким и сознательным защитником царского строя и таким же врагом демократии и революции!»).

С этой, так сказать, отправной точки зрения большевики и устанавливали свое отношение к Казачеству. Как к врагу революции, да еще так показавшему себя в 1905 г., — по отношению к нему дозволено все, что может его разложить, обессилить, обезвредить: обман, разлагающая агитация, разжигание антагонизма между ним и иногородним крестьянством и т. д.

И, — надо это признать, — во многом они достигли значительных результатов. Разложенное и обезволенное большевицкой агитацией, Казачество дало им возможность без особых усилий захватить наши Края в конце 1917 года.

Однако, возгоревшаяся потом почти трехлетняя вооруженная борьба окончательно убедила большевиков, что с их системой политического и социально-экономического устройства государственного общежития, равно как и вообще с государственной зависимостью от Москвы казаки добровольно не примирятся ни при

каких обстоятельствах и что в борьбе это — чрезвычайно опасный противник. Поэтому во второй свой приход в Казачьи Земли большевики стали проводить целый ряд заранее, повидимому, намеченных и продуманных мер, конечной целью которых было — «стереть казаков с лица земли», как заявляли иногда даже официальные представители большевицкой власти, не говоря уже о распропагандированной пришлой «бедноте».

Такими заранее продуманными мерами были: организованный государством поголовный грабеж нашего населения, жесточайший массовый террор и, наконец, обезглавленье населения путем уничтожения и высылок всех общественно-развитых и активных элементов, а также всех тех, кто мог бы когда руководить вооруженной борьбой.

Наученные, однако, опытом первого захвата казачьих территорий, большевики не сразу приступили к применению этих мер. Красная армия, двигавшаяся вслед за отступавшими казачьими и добровольческой армиями, почти совершенно не проявляла эксцессов и даже сдерживала иногда не в меру усердствовавшие пришлые элементы.

Население, ожидавшее прихода красных в самом подавленном состоянии, какое только можно представить себе, как будто оживилось, «перевело дух». Но это продолжалось недолго.

Как только большевики дошли до Черного моря, картина резко изменилась. Органы ГПУ, до того устраивавшиеся, собиравшие сведения и кадры своих местных агентов, приступили «к активной работе»: начались многочисленные аресты и расстрелы, началась расправа с непокорным Казачеством, не менее дикая и жестокая, чем при царе Петре I, но более планомерная, продуманная и... «широкая».

Многочисленные карательные отряды, действовавшие еще более упрощенно, чем органы ГПУ, переходили из станицы в станицу и делали свое жестокое дело. В станицу отряд приходил обычно внезапно, ночью,

и немедленно производил аресты по заранее составленному списку. Недлинные допросы сводились главным образом к тому, чтобы установить «сообщников», т. е. добиться оговора других, и... где спрятаны деньги. Казни производились, как правило, на свалочных местах или в глинищах, где много готовых ям.

Какое трогательное единомыслие с Петром I и деникинцами. Последние ведь тоже на свалочном месте зарыли тело казненного А. И. Кулабухова...

После недельного пребывания такого отряда в станице, там оставалось потом 15-20-50 трупов и соответствующее количество плачущих семей.

Отряды переходили из станицы в станицу, всякий раз меняя направление на самое неожиданное. За распространение слухов о пребывании отряда в станице и его «деятельности» полагался немедленный расстрел без суда. Но такое «шило» даже и в большевицком мешке, разумеется, никак нельзя было утаить, и слухи о «каротрядах» быстро разлетались по станицам.

Одновременно действовали и так называемые продовольственные отряды, в задачу которых входило взять у «казака-богатея» все, в чем нуждалась голодавшая Москва. Рыская по станицам, как шакалы, эти продотряды забирали все: хлеб, семячки, свиней, овец, рогатый скот, кур и яйца, масло и сало, шерсть и кожу, табак и коноплю, и т. д., и т. д. Сотнями и тысячами подвод, выгребая до зерна казачьи закрома, везли хлеб к станциям железных дорог, забивали пакгаузы, а за недостатком помещений, сваливали просто в мешках под открытым небом. Немцы на Украине в 1918 г. были весьма гуманными людьми по сравнению с большевиками в Казачьих Землях.

За недостатком подвижного ж.-д. состава хлеб месяцами ждал своей отправки. Не хватало брезентов для покрытия, и десятки и сотни тысяч пудов хлеба гнили, поливаемые дождями.

Отбираемый скот, даже тельные коровы, овцы и свиньи за сотни верст направлялись «гужом» на заго-

товительные пункты, — например, из Баталпашинска на ст. Кавказскую (180 в.). Скот начинал голодать уже с того момента, как его забирали от хозяина. Не было, разумеется, заготовлено корма и по путям следования. Понятно поэтому, что из тысячных стад и отар, до заготовительных пунктов доходили только немногие сотни, а остальное гибло от усталости, голода и даже жажды. Прикрываясь «естественной» убылью, продотрядчики не мало разворовывали и распродавали «казенного» скота.

Это называлось военным коммунизмом.

И осенью 1920 г. повсеместно, — и на Дону, и на Кубани, и на Тереке, — одно за другим стали вспыхивать восстания. Это были восстания отчаяния. Сами восставшие плохо верили в конечный успех своего дела. Но и жить при таких условиях, в таком кошмаре не было возможности. «Уж если погибать, — так с оружием в руках, в бою с врагами, а не на гноях со связанными руками!» И сколько легендарной отваги, мужества и презрения к смерти было проявлено казаком, знает только наша родная, кровью политая земля...

Восстания вспыхивали и стихийно-быстро развивались, но, разрозненные и не об'единенные общим руководящим центром, они так же быстро и затухали, изолируемые и подавляемые большевицкими войсками.

Трудно даже и представить себе, что делалось после восстания в станицах, им охваченных. Но особенно свирепствовали большевики во время Врангелевского десанта на Кубань. В одном только Екатеринодаре и по получении только первых сведений о десанте, в три ночи было расстреляно и порублено свыше 1800 человек, — все, что тогда было под арестом в ГПУ или в «особых отделах» войсковых частей, стоявших в городе. Комсомольцы взводами ходили в городскую тюрьму «на рубку казаков».

Осколки подавленных восстаний, группы в 50-25, а чаще в 10-15 человек, скрывались в степи, в плавни, в горы и оттуда делали потом налеты на коммуны, раз-

местившиеся преимущественно по экономиям, на продотрядчиков, на советские учреждения в мелких населенных пунктах, захватывая продовольствие, оружие и патроны и избивая коммунистов. Началась партизанская война населения со своими завоевателями.

На языке большевиков эти мелкие партизанские отряды получили название банд, а самое явление — политбандитизма (т. е. политического бандитизма).

Путем террора населения, так или иначе, вольно или невольно соприкасавшегося с «бандитами», с одной стороны, а с другой — путем переговоров и «амнистий», большевикам удалось в конце концов к 1923 г. заманить повстанцев в станицы и таким образом их ликвидировать. Примерно через год после этого, когда «амнистированные» и сдавшиеся почувствовали себя уже в безопасности, в апреле 1924 г., почти все они внезапно и одновременно были переарестованы и в течение одного-двух месяцев перестреляны или высланы в Соловки.

Прекратившийся после этого террор снова было вспыхнул в связи с появлением в горах Кубани группы во главе с полковником Орловым и членом Рады Лаштабегой, прибывшей, кажется, из Константинополя через Черноморское побережье. Однако, она вскоре была выловлена ГПУ и после шумного «показательного» процесса «69» в Армавире, расстреляна. Тем не менее горные станицы района Псебайская-Отважная-Преградная еще раз подверглись ужасам первого периода прихода большевиков, хотя и не в такой степени.

Введение и развитие НЭПа сыграло, пожалуй, более решительную роль в успокоении населения и налаживании более или менее сносной жизни, чем все мероприятия принудительного и террористического характера, вместе взятые. Но и НЭП не помог большевикам привлечь Казачество на свою сторону, заставить его принять господство Московской советской власти.

Принимавшиеся и раньше усилия привлечь из ря-

дов Казачества хотя бы некоторые кадры в состав партии, комсомола и активных работников в ККОВ (крестьянск. ком. общ. взаим.) вдвойне были увеличены с наступлением успокоения.

Но Казачество не шло к большевикам. Оно инстинктивно чувствовало, что его же руками собираются завоеватели ковать его порабощение. Характерная деталь: бывали случаи, когда из партии уходили те из казаков, которые боролись на их стороне с 1917 г., после того, как увидели, что дали большевики казакам. И самое большое, чего достигли большевики в этом отношении, это 2-3-4 человека казаков в партии на 8-10 тысяч казачьего населения в станице. В комсомоле, который открывает пути во все учебные заведения, молодежи несколько больше: иногда даже человек до 10 в станице, при чем это — дети главным образом служилой интеллигенции.

1925 год был годом наибольшего ослабления гнета и опеки («руководства» — на большевицком жаргоне) над населением Казакии. В этом году выборы даже в советы, правда, только в станичные и хуторские, были произведены при таком «послаблении», что население во многих случаях могло выбрать тех именно, кого оно хотело. И результаты, выявившие действительное отношение нашего населения к представителям советской власти, оказались настолько ясными и убедительными, что почти в половине станиц выборы были опротестованы «сверху» и произведены вновь с применением старых способов «агитации», ведения выборного собрания и голосования («Кто против?.. Нет... Избран единогласно!»). В следующем году к «свободным» выборам большевики уже не рискнули прибегнуть ни в одной станице, и все пошло по старому.

Выборы в 1925 г. показали и московским оккупантам, что их политика «расказачивания казачества» потерпела полную неудачу, что Казачество и при полном, безраздельном их владычестве, проявило такую волю к жизни, такую жизнеспособность, что с этим надо счи-

таться, как с существующим фактом и так или иначе приспособиться к нему. Но пойти по этому пути до его естественного конца, до официального признания Казачества, как народа, большевики не захотели. Да и вряд ли они могли пойти на это, не отказавшись от самих себя, ибо это значило — отказаться от бесконтрольного, ничем не ограниченного права распоряжения богатыми экономическими рессурсами огромной «окраины». И они снова пошли на обман.

В конце 1925 г. они решили созвать в Ростове с'езд для решения казачьего вопроса на «Северном Кавказе».

Слух об этом, разнесшийся по станицам с необычайной быстротой, взволновал казаков. Многим казалось, что это будет крутой перелом в политике советской власти по отношению к Казачеству. Казалось, что Москва пойдет на образование казачьей республики, по советскому образцу, конечно. Во многих станицах сами собою возникли кружки казаков, пытавшихся наметить наиболее удовлетворительное решение казачьего вопроса в советских условиях. Замечательно при этом то обстоятельство, что в разных местах, не находящихся между собою ни в какой связи, — и на Дону, и на Кубани, приходили в общем к одним и тем же решениям: Северо-Кавказский Край должен быть превращен в Казачью Республику, и в виду того, что в среде Казачества почти совсем нет рабочих, должна быть образована особая хлеборобная партия, которая и должна руководить всей общественно-политической жизнью Республики; для данного же момента считалось необходимым в ближайшее же время созвать с'езд свободно избранных представителей Казачества.

Большевики поступили, однако, гораздо проще. С'езд был созван из секретарей районных парткомов, председателей РИКов (обе категории на 99,9% из ново-пришлых) и казаков, которые «на деле доказали свою искреннюю приверженность советской власти» и кото-

рые должны были изображать заранее за все благодарное Казачество.

Микоян, — тогда секретарь Северо-Кавказского крайкома, — «в обстоятельном докладе» чуть не с математической точностью доказал, что глупо преследовать казаков за то, что они любят свои обычаи, свои песни, свой костюм, что допускавшиеся до сих пор «в некоторых местах отдельными товарищами перегибы есть недопустимое, а в настоящих условиях — прямо преступное головотяпство».

В таком же духе были приняты и решения «с'езда»: казакам разрешалось петь свои песни, носить свой костюм, территориальным частям присваивалась казачья форма с... собственным казачьим холодным оружием и седлом и служба на своем же коне.

Словом, большевики попытались так же, как и цари, утешить казаков побрякушками, возложив на них тяготы военного снаряжения, и усыпить их внимание и бдительность относительно главного. Однако, обман был очевиден, и Казачество на него не пошло.

II.

25 октября 1930, № 67.

Казачество не пошло на ловушку со с'ездом (1925 г.), ибо поняло, что таким путем большевики хотят отвлечь его внимание от главного. Главное же заключалось в том, что Москва крепко держалась за возможность бесконтрольной эксплоатации наших Краев, что управление станицами, округами и Краем, распоряжение землею попрежнему оставалось в чужих и враждебных Казачеству руках, а само население также попрежнему должно было оставаться на положении пассивного исполнителя велений оккупантов-правителей, на положении овцы, покорно подставляющей свою спину для стрижки. Главное заключалось в том, что как виды и формы, так и размеры налогов и их употребление устанавливались и определялись Москвою. Суть

дела состояла в том, что соввласть попрежнему могла бесконтрольно и по своему произволу вести так называемую политику «твердых цен», и население Казакии не получало ровно никаких средств для самозащиты от нее.

А политика твердых цен, как известно, хотя и простая, но очень хитрая штучка. Все фабрики и заводы, а следовательно — и вся их продукция, начиная от молотилки и плуга и кончая гвоздями и нитками, т. е. все, что хлебороб вынужден покупать, находится в руках государства, Москвы, и цены на все это устанавливает Москва. С другой стороны, Москва же устанавливает твердые, т. е. обязательные цены и на все продукты сельского хозяйства, — хлеб, скот, шерсть, кожу, овчину и даже коноплю и клещевину. Она и установила, скажем, на 1929 г. цены: аршин ситцу — 50 коп., фунт сахару — 30 к., пуд хлеба — 95 к.-1 р. 5 к. в зависимости от натуры, засоренности и проч.

Как ни «прост» наш хлебороб, он все же хорошо отличает палец от ноги, скажем, и потому хорошо понимает, что эта самая «политика твердых цен» забирает у него из закрома по меньшей мере еще 3 раза тот налог, который он платит из кармана.

Казак отлично понимал, что тем, что он оденет черкеску, хотя бы и с кинжалом даже, он не оградит ни своего Края, ни свои закрома от грабежа советским государством, и потому просто посмеялся над «хитрой» московской затеей со с'ездом для «решения» казачьего вопроса. Когда же с 1926 г. цены на фабрикаты и продукты сельского хозяйства стали расходиться еще более, казак сократил свой посев до того почти, сколько нужно для своей семьи, и увеличил посев конопли для белья.

Русский крестьянин, которого и обирают то гораздо меньше (казачье хозяйство той же мощности платит в $1^1/_2$-2 раза больше налога), имеет хоть то утешение, что это — его государство, что оно обстраивается

фабриками, заводами, мощными электро-установками и т. под. Казак и этого не имеет, он — просто работник у чужого хозяина. Все, что у него забирают, идет в Москву. За 10 лет большевики удосужились приступить, — не построить, а только приступить, — к постройке единственного завода на всей территории Казачьих Земель, завода сельско-хоз. машин в Ростове. А ведь, если бы хоть десятая доля того, что взято Москвою за эти 10 лет из наших Краев, осталось на месте и было употреблено на строительство, мы имели бы теперь десятки первоклассных фабрик и заводов, которые уничтожили бы в будущем нашу зависимость от ввоза чужих фабрикатов. Большевицкая же Россия, как и царская, делает все, чтобы именно увеличить эту зависимость и при том за наши же средства.

Да, таков закон жизни: горе побежденному, горе народу, потерявшему право быть хозяином в своем доме...

Сокращение посевов впервые дало себя остро почувствовать осенью 1926 г. Ни весною, ни летом большевики не заметили, что хлебороб Казачьих Земель (и Украины!) почти на половину сократил свой посев. До того времени они начинали вести свои наблюдения лишь с момента, когда начинают выявляться виды на урожай. По всем данным урожай в том году должен был получиться выше среднего, во всяком случае не хуже, чем в 1925 году. Поэтому, как и полагается по всем правилам «планового ведения государственного хозяйства», еще в середине лета, когда хлеб далеко еще не созрел, большевики уже заключили договоры с заграницей на поставку хлеба, базируясь на результатах урожая «прошлого года». Положение, и без того не предвещавшее для них ничего хорошего, значительно ухудшилось оттого еще, что в самом конце июня, когда происходит налив зерна, случился северо-восточный ветер, сухой и горячий летом — суховей, с необычайной силой дувший в течение целой недели. В результате — «захват» почти по всему Северному Кавказу,

зерно сморщилось и «натура» его должна была получиться самая низкая.

Осенью, совершенно неожиданно для себя, наши оккупанты оказались, что называется, в большом конфузе. Надо было видеть их смущение и газетный шум, а с другой стороны — злорадную усмешку хлебороба, когда выяснилось, что приходящие к договорным срокам иностранные пароходы не могут грузиться за отсутствием хлеба или вследствие его брака, и большевики должны были платить и за простой судов, и неустойки по договорам.

Заметив такой эффект, хлебороб и не думал в следующем году увеличивать свой посев, несмотря ни на какие уговаривания и агитацию о «расширении посевной площади и повышении урожайности» и т. д. И осенью 1927 г. встал вопрос уже не о поставках хлеба заграницу, а о недохвате его для городов и хлебопотребляющего «севера» на зиму.

Однако, на этот раз хлеборобу уже не пришлось торжествовать...

С октября, когда выяснилось, что хлеб почти не поступает на рынок, большевики приступили к насильственной «качке» хлеба. Одновременно они стали проводить наспех состряпанный закон о «самообложении», от которого не было возможности отбиться ни руками, ни ногами, насильственно распространять облигации «займа укрепления крестьянского хозяйства» и, наконец, — «государственную заготовку хлеба». Цель всех этих мероприятий заключалась единственно в том, чтобы под тем или иным предлогом, тем или иным способом взять у хлебороба Юга (ибо такова же политика была и на Украине) хлеб для Севера или, выражаясь на большевицком жаргоне, — «из'ять у кулака хлебные излишки». А так как у хлебороба и без того еле хватило бы хлеба для своей семьи, то это «из'ятие» превратилось в открытый, организованный государством грабеж поголовно всей хлеборобской массы Юга: Казакии и Украины.

«Активисты» и «беднота», т. е. вся „наброда", по определению нашего хлебороба, приглашалась «зорко следить за всеми ухищрениями кулака», за количеством имеющегося у хлебороба зерна, не прячет ли он в ямы, не вывозит ли и т. д. и обо всем доносить надлежащим властям. Пошли обыски, сначала сравнительно редкие, а затем почти поголовные, и если обнаруживалось, что у хлебороба имеется более, чем по 2 пуда на едока в месяц до нового урожая, весь хлеб у него конфисковался (забирался без всякой платы) «в пользу государства», а сам «виновный в сокрытии излишков» проводился через показательный суд и направлялся в тюрьму от 6 мес. и до 3 лет. Тех же, кто пытался возражать или доказывать на собраниях или даже в отдельных кружках что либо, что противоречило «проводимым кампаниям», судили по статье о контрреволюции, т. е. уже как «государственного преступника», и гнали в тюрьмы до 3 лет со строгой изоляцией. В результате — уже в декабре повсеместно тюрьмы оказались переполненными до последней степени. Так, например, Армавирская тюрьма, расчитанная при царях на 260 ч., в январе-апреле 1928 г. заключала в своих стенах в среднем свыше 950 человек.

В конечном счете хлеб из наших Краев «выкачали» до такой степени, что хлебороб вынужден был питаться ячменем, пареным бураком и в лучшем случае — кукурузой.

К началу лета выявилось весьма характерное обстоятельство. Ехавшие на Юг с Севера рассказывали, что до Воронежа на любой станции можно было купить хлеба, сколько нужно, а на Дону и на Кубани, в самой, так сказать, житнице, нельзя и сухой корки достать ни за какие деньги.

Как на беду, зима и весна 1928 г. оказались необычайно затяжными и на редкость холодными. Не хватило и для скота корма. Дело закончилось «из'ятием кормовых излишков» — сена и соломы.

Кругом стоял стон. В поисках выхода, хлебороб за-

метался из стороны в сторону. Прослышав о том, что переселенцам предоставляются льготы, — на 3, на 5 лет освобождают от налога, дают отсрочки даже по отбыванию воинской повинности, на льготных условиях или даже бесплатно отпускают лес для построек и т. д., многие ухватились за эту мысль и бросились на поиски новых, свободных земель. И, начиная с зимы 28-29 г., Азербейджан, главным образом районы Геокчая, Мугани и Мильской степи, стали заполняться целою волною ходоков и разведчиков с Дона, с Кубани и даже Ставрополья. Летом 1929 г. в районе Геокчая, рядом с молоканским селом Ивановкой, уже сидел поселок из кубанцев Тихорецкого района.

А тем временем такая переселенческая волна двинулась на наши Края из Белоруссии и северо-западной части Украины. Можно было думать, что чья то сознательная рука тут проводит продуманный сатанинский план: наше население разрежать белоруссами и украинцами, а казаками — азербейджанцев с тем, чтобы и тех, и других, и третьих держать в своем повиновении при помощи этой дьявольской перетасовки. Заметив это, многие остановились:

«Так что же, выходит так, что нас выжимают с нашей земли с тем, чтобы на нашем месте поселить пришельцев? Нет, братцы, за свою землю зубами держись!»

С осени 1929 и весны 1930 гг. большевики приступили к коллективизации сельского хозяйства. До этого они утверждали, что путь сельского хозяйства к коммунизму лежит только через кооперацию. Теперь этот «единственный путь» признан негодным и избран новый (заведомо негодный!). Правда, они и раньше усиленно насаждали и щедрой рукой поощряли коллективные хозяйства — коммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли и проч. Из этого, однако, ровно ничего не получилось, особенно с точки зрения «грандиозных» большевицких планов. В подавляющем большинстве случаев коллективисты проедали и разворовывали отпускавшиеся им кредиты, захваченный

в экономиях скот, орудия, машины, затем ссорились, дрались и, наконец, разбегались. Да иначе и не могло быть, ибо в коммуны шли не те, кто житейским опытом убедился в выгодности и преимуществах этой формы хозяйствования, а почти исключительно «краса и гордость октябрьской революции», которую сами же большевики убедили, что надо «грабить награбленное». И в коммуны шли грабить, проедать готовое, а не работать.

Теперь большевики перешли к «сплошной», т. е. по существу обязательной, насильственной коллективизации, ибо ведь добровольно ни один хутор, не говоря уже о станице, да еще с двадцатитысячным населением, не может пойти на то, на что он не пошел даже тогда, когда предоставлялась полная возможность завладеть хорошими экономиями с постройками и всевозможным инвентарем. Ни о какой добровольности теперь, разумеется, и речи быть не может. Все их газетные и митинговые разглагольствования о добровольности, о том, что вот такая то станица или хутор, на опыте убедившись в преимуществах крупного коллективного хозяйства перед единоличным, постановили всем вступить в колхоз, предназначены для обмана, для втирания очков отчасти внутри, но главным образом заграницe. В действительности дело обстоит так, как пишут в письмах оттуда: «У нас з а б р а л и в коллектив пару быков, 1 корову, всех овец, плуг, а нам о с т а в и л и только корову с телкой да свинью с поросятами». На самом деле дело обстоит так, что большевики хотят насильственно превратить хутора и станицы целиком в колхозы с тем лишь, чтобы не допустить население до открытых восстаний. И хлебороб идет в колхозы, потому что над его головою висит огромный и всепроникающий принудительный аппарат государственной власти вплоть до самых диких и самых изощренных форм и методов террора. Хлебороб идет в колхоз, как не может не идти он в тюрьму или на расстрел, когда у него «четыре сбоку».

Колхоз — это вотчина, помещиком в которой является партийная большевицкая организация. Колхозник — это крепостной крестьянин, если не горше, не хуже, — затычка на всякую грязную дыру, попыхач, которым будет помыкать «полевод», «бригадир» и вся свора бездельников-паразитов из «набродьі», которая присосется ко всякого рода «административным» и «командным» должностям в колхозе.

Загнанный в колхоз, хлебороб теряет какое бы то ни было право распоряжения результатами своего труда. Все будет зависеть от произвола парт'ячейки. Хлебороб должен будет при всяком удобном случае громко, во всеуслышание высказывать свою «пламенную» благодарность «нашей» партии и «нашему рабоче-крестьянскому» правительству, чтобы иметь хлеб для детей и не ходить без штанов. Распоряжение всей продукцией колхоза будет находиться в руках администрации, состоящей обязательно из коммунистов, которые сделают сначала все, чего потребует Москва, а потом уже будут думать (если будут!) о том, как и чем прокормить колхозников. О себе то они уже во всяком случае позаботятся.

Таким образом, из коллективизации красная Москва думает сделать наиболее действительное и всепроникающее средство для высасывания всех соков из «окраинного» хлебороба.

Наш хлебороб несомненно понимает, что через коллективизацию его стремятся закрепить, и потому борется против нее всеми доступными в его положении средствами и всеми способами, как сообщают об этом большевицкие же газеты: не спешит с пахотой и посевом, затягивает уборку и обмолот, гноит хлеб в полях, не свозя его домой и оставляя лежать в валках до самого сентября; вкладывает в снопы куски железа и камни, устраивает пожары и т. д., и т. д.

Только тот, пожалуй, кто сам подбирал на поле даже отдельные колоски, поймет, что должен сейчас испы-

тывать наш хлебороб, если он решается гноить и жечь уже убранный хлеб.

Стон стоит сейчас над нашими Землями и клокочет ярая, ничем непримиримая ненависть к угнетателям. Там идет борьба, глухая пока, но упорная, настойчивая, беспощадная и непримиримая, борьба не на жизнь, а на смерть.

Когда она придет к концу, нам не дано знать. Но одно несомненно: не было еще в истории случая, чтобы народ, имеющий волю к жизни, не сбросил с себя ига ненавистных поработителей.

Тягчайшие периоды переживало Казачество за свою многовековую историю, но рабства оно не знало никогда, рабом казак никогда не был. Казак и воля — это синонимы. Казак и рабство — вода и пламень. Кто же осмелится сказать, что казаки теперь станут рабами?

Красная Москва в сущности только продолжает и углубляет дело Москвы черно-желтой, царско-дворянской.

Спекулируя на племенном родстве, на общности языка и религии, обманом, хитростью создавая экономическую зависимость от себя, царская Москва добилась, наконец, того, что Вольное Казачество в проклятый час 29 августа 1671 года принесло ей свою присягу. А менее чем через 50 лет, 19 апреля 1709 г., палач Казачества Петр I «вышел полюбоваться, — говорит историк Дона Сватиков, — на поверженное в прах донское народоправство» и донскую независимость, полюбоваться на воткнутые, по его приказанию, на кольях на войсковом майдане головы двух последних атаманов, — Кондрата Булавина и Ильи Зерщикова.

Камень за камнем последующие цари разобрали потом и растащили всю храмину ненавистной им казачьей демократической государственности, а самое Казачество шаг за шагом довели до положения военно-служилого сословия в своем крепостническом, рабском

государстве. Но окончательно подстричь его под общую гребенку, обратить его в крепостное состояние царям так и не удалось. Это пытаются теперь сделать большевики, красная Москва.

Допустим на одну минуту то, чего не случилось в исторической действительности. Допустим, что народная «раскольничья» партия, партия донской независимости, яснее откристаллизовала в свое время свои политические взгляды, организовала свои ряды и, одержав верх над старшинской «московской партией», защитила донскую государственную чезависимость от Москвы Алексея Михайловича и Петра I. В таком случае Дон безусловно сохранил бы и до наших дней, скажем, до начала германской войны, хотя бы остатки своей независимости, хотя бы государственную автономию, — достаточно полновластный Войсковой Круг, выборного атамана, свою армию и достаточно налаженный административный аппарат. Не ясно ли, что при таких условиях Дон с большим бы успехом предоставил России вариться в 1917 г. в собственном котле, а сам вместе с Кубанью и другими Казачьими Землями пошел бы своей дорогой, чем сделал он это в действительности, когда всю свою государственность ему надо было строить заново? И не может быть сомнения, что Казачество при таких условиях отстояло бы свою независимость от большевицкой Москвы, а, возможно, что большевики и носа не сунули бы к нам. Но перед ними лежала проторенная дорога в наши Края, и они пошли по ней. И вот теперь мы имели 3 года кровопролитнейшей и жесточайшей войны, закончившейся оккупацией нашей Родины, принесшей и военный коммунизм с его кошмарным террором и, наконец, коллективизацию.

Представители современной старшинско-московской партии: — все эти Филимоновы и Богаевские, Скобцовы и Мельниковы, — не преминут, конечно, возразить нам «раскольникам-отпадчикам», сепаратистам и самостийникам, что нечего де мол гадать о том, чего не было. Они, конечно, не заметят, что это только способ

более наглядно представить и показать наше понимание исторического прошлого Казачества и его современного положения. Они не заметят этого, а может быть и не поймут, как не понимают и не замечают того, что всю свою современную политику и свою московскую идеологию они именно базируют на кофейной гуще. Открещиваясь от России красной, все свои надежды и упования возлагают они на новую, будущую Россию, т. е. строят на фундаменте гадательном, которого в действительности нет.

Скажи, говорит древняя поговорка, кто твои друзья, и я скажу, кто ты. Посмотрите, кто друзья у Богаевского и Мельникова, с кем они ведут свои деловые отношения и идеологическую связь, в чьих органах печати они находят гостеприимство для своих политических выступлений, в чью «казну» и в чьи банки они приглашают казаков нести свои кровные гроши? В «Возрождении», от которого даже «демократ»-либерал Милюков отворачивается с омерзением; в банк князя Долгорукого, в «казну» «блюстителя» Николая Николаевича и «императора» Кирилла, с воинским союзом Миллера.

Вот кто их друзья, вот кто они, вот какую Россию они считают «государственно-мыслящей», любезной их сердцу. Россию Кутеповых, Врангелей, Деникиных, Россию «императора» Кирилла, т. е. Россию хоть как нибудь сколоченную из обломков России Алексея Михайловича, Петра I и Екатерины II, повергших в прах казачье народоправство и казачью независимость и уготовавших ему большевицкий военный коммунизм и коллективизацию.

Нельзя, однако, обольщаться Казачеству и на счет России Милюковых и Керенских. Достаточно вспомнить «знаменитый» приказ Керенского об отрешении от «занимаемой должности» Донского Атамана Каледина, будто это был московский чиновник или губернатор, и требовавший его «выдачи» в Москву на расправу. В противном случае демократическая Москва грозила по-

ступить с Доном совершенно так же, как это делали и царь Петр I и Екатерина II: мобилизовать и послать на Дон Московский и Казанский военные округа, чтобы «казачьи городки опустошить по Хопру сверху Пристанной по Бузулук..., по Айдару — все, по Деркуле — все, по Калитвам и по другим Задонным рекам — все»... как приказывал царь Петр I князю Долгорукому. (Оказывается, князья Долгорукие — старые «друзья» Казачества: не даром же Богаевский так усердно упрашивает казаков поддерживать Долгоруковские банки своими грошами).

Этот знаменательный исторический факт наглядно показывает, что и русская демократия иначе не мыслит своих отношений к Казачеству, как к «неотделимому слою русского народа», что на территории Казачества она считает себя в праве распоряжаться в сущности так же, как и в Пензенской губернии, и в лучшем случае, как в бесправной колонии.

При таких условиях совершенно естественен вопрос: да не все ли равно для Казачества, под какую гребенку его будет стричь Россия, — под черно-желтую, царско-дворянскую, под красную ли большевицкую путем военного коммунизма или коллективизации, под белую ли Деникинско-Кутеповскую или под демократическую, розовую?!. По нашему важно не то, под какую гребенку собираются стричь Казачество, а то, что его стригли и вновь собираются стричь. Поэтому мы и говорим Казачеству и неустанно будем повторять: чтобы тебя не стригли, строй свою государственную хату по тому же плану и на том же историческом фундаменте, на котором она стояла от Сары Азмана до Булавина.

Казачья народная мудрость в прошлом прекрасно и четко определила свое отношение к России: «Живи, казак, пока Москва не узнала!» Та же народная мудрость в 1918 году устами депутата Донского Войскового Круга не менее решительно приговорила:

— Я коснуся одного, господа члены. Так как мы на той поприще стоим, штобы свово не отдать, а чужово нам не надо, то надо до тово добиться, чтобы эти флажки (указывает на карту) назад не передвигались, но и вдаль далеко не пущались... Россия?.. Конешно, держава была порядошная, а ныне произошла в низость. Ну, и пущай. У нас и своих делов не мало собственных. Прямо сказать, господа члены, кто пропитан казачеством, тот свово не должон отдать дурно. А на счет России — повременить. Пущай Круг идет к той намеченной цели, штобы спасти Родной Край, — пригребай, братцы, к своему берегу. Больше ничего не имею... *(Донская Летопись, т. I. стр. 107).*

Сказано действительно коротко, но так много и так метко, как не удалось сказать ни одному из наших златоустов.

Мы ничего не изобретаем, не фантазируем и не мудрствуем лукаво. Мы только добросовестно и внимательно прислушиваемся к духу нашего народа и повторяем во всеуслышание: пригребай, братцы, к своему берегу!

МОСКВЕ.

За много тяжких скорбных дней,
За бездну мук и горя,
За стоны Родины своей —
Мы не умрем, не споря...

Григорий Козлов („ВК“ № 103).

XXIX.

Казаче-иногородний вопрос.

10—25 августа 1928, № 17—18.

Один из самых больших «больных» вопросов, подлежащих обязательному разрешению при решении вопроса о государственной самостоятельности Казачьих Земель, есть и будет решение так наз. иногороднего вопроса на Кубани, крестьянского и иногороднего на Дону и т. д.

Решение этого вопроса — это, в то же время, решение основного конституционного вопроса о гражданстве Казачьих Республик: кто же есть полноправный гражданин Дона, кто — гражданин Кубани, кто гражданин Терека, Яика...

В недавнем прошлом, когда Казачьи Земли восстанавливали свою государственную самостоятельность, и Кубанская Рада и Донской Круг неоднократно подходили к этим серьезным вопросам; но правильному решению их в то время мешали внешние причины: война Казачества с московскими большевиками и, в большинстве, московско-большевицкая ориентация самого иногороднего населения Казачьих Земель. На Кубани, напр., большинство иногороднего населения необходимой предпосылкой сговора с казаками ставило требование о признании Казачеством Московской Советской власти, а, значит, и сохранение единства «советской России» (декабрьские, 1917 г., с'езд и Рада).

Еще в начале революции 1917 года, иногороднее население в Казачьих Землях с его ориентацией на Всероссийское Учредительное Собрание почувствовало себя над казаками; среди него получило всеобщее

распространение настроение в пользу «расказачивания» Казачества, чем подкреплялись психологические предпосылки у казаков в пользу более осторожного отношения к полному и немедленному решению иногороднего вопроса. Можно сказать, что у казаков в это первое «революционное» время действовал больше инстинкт самосохранения, чем холодные политические рассчеты. Оглядываясь сейчас назад, можно только констатировать, что, к сожалению, в этом прошлом, в общем, не было нужных и надлежащих предпосылок для спокойного, правильного и справедливого решения вопроса. Да и вряд ли эти предпосылки могут быть в тот момент, когда все вопросы решаются «страстями».

В 1917 году «неравенство» «заинтересованных сторон» (казаков и иногородних) сказывалось не только в неодинаковом понимании, или в стремлении к неодинаковым конечным результатам решения казаче-иногороднего вопроса, но различие было и в самом подходе к вопросу, в неодинаковом понимании метода решения его и, что самое главное, обе стороны расходились в понимании того: кто же может и должен вопрос решить. В то время, как казаки, восстанавливая свое государственное бытие, признавали за собою бесспорное право на полное решение вопроса (за себя), большинство иногородних связывали себя и свое решение Всероссийским Учредительным Собранием или того или другого цвета Москвой.

Как же понимать иногородний вопрос в Казачьих Землях и кто и как его может и должен решить?

Иногородние — это иммиграция в Казачьи Земли из России (Великороссии) и из Украины. И борьба («неравенство» сторон) в прошлом между Казачеством и этой иммиграцией была и есть естественное, «законное» и неизбежное явление, имеющее место всегда и везде там, где на одной и той же территории встречаются (сталкиваются): старое население страны (аборигены края, туземцы) с новыми пришельцами-коло-

нистами (иммиграцией). Мы, теперешняя казачья эмиграция, прекрасно, своими собственными глазами видим эту борьбу сейчас во всем почти мире. Одни, старые хозяева страны, защищают свое право и свое достояние, другие, пришельцы, тоже «хотят жить» и «просят потесниться». Одни, сильные, устанавливают нормы, «квоты», не дают виз. С этим мирятся, потому что «не сила». Здесь царствует право, право сильного. Те же другие, которые не сумели в прошлом создать надежных «таможенных застав», не смогли провести на своих рубежах таких границ, перейти через которые можно бы было только с визой, — те сейчас «теснятся», уступая понемногу свое место и свое право. Здесь тоже царствует «право» сильнейшего. Где, на чьей стороне правда и справедливость?

В условиях, аналогичных положению Казачьих Земель, борьба между старым населением и новым, пришлым, кончается двояко: или подчинением новых пришельцев божеским и человеческим законам той страны, куда они пришли, т. е. в конечном счете ассимиляцией, слиянием иммиграции с аборигенами: новые пришельцы становятся в ряды старых граждан страны; или пришельцы вытесняют старожилов, ведут с ними войну, пока не восторжествуют, пока не подчинят своей воле «недорезанных» аборигенов. В этом последнем случае, край приобретает новый характер. «Оправдываются» подобные «культуртрегерские предприятия» в большинстве интересами «цивилизации» или интересами «общей Родины».

До революции 1917 года положение в Казачьих Землях подходило больше (благодаря, главным образом, большей силе сопротивления, стремлению Казачества к самосохранению) к первому случаю. Медленно уступали казаки свои позиции, понемногу переваривая пришлый элемент и подготовляя его ассимиляцию. На Кубани, напр., не один раз, ведь, была громадная приписка в казаки. Только огромный наплыв пришельцев в последние перед войной десятилетия нарушил есте-

ственный процесс «акклиматизации» и создал действительно острый «иногородний» вопрос.

После оккупации Казачьих Земель московской советской властью и утверждения владычества там Р. С. Ф. С. Р. и С. С. С. Р., Казачество этой внешней грубой силой отстранено было (и есть) от решения всех, в том числе и иногороднего вопроса. Чужая сила решила, вернее, пытается решить его против воли Казачества. Москва всей своей тяжестью надавила на Казачьи Земли для того, чтобы решить вопрос Казачьих Земель по второму способу, т. е. ликвидировать Казачество, а его Земли обратить в обыкновенные русские губернии с обыкновенным русским населением. В свое время мы вернемся еще к колонизационной работе и колонизаторским планам Москвы в адрес Казачьих Земель.

Иногородний вопрос — большой вопрос и не раз еще придется нам возвращаться к нему для полного и всестороннего его освещения, тем более, что все равно он еще не решен, а решен он должен быть, но не так, как решает его и сейчас еще Советская Москва.

Нам хотелось бы наперед подчеркнуть и то не столько для нас самих, сколько для другой стороны, что хорошее решение вопроса зависит не только от доброй воли казаков, но в не меньшей мере, и от доброй воли и поведения самих иногородних. Что касается прошлого, то не казаки виноваты в том, что такого хорошего решения не было найдено.

Свой путь решения трактуемого вопроса мы уже наметили и это ясно сказали: это — путь первый, для нас единственный. Мы, казаки, аборигены своих Земель, сходить с исторической сцены не хотим, мы тоже хотим жить. Переселяться больше нам уже некуда. Исторические условия создали нам «иногородний» вопрос. Мы с этим считаемся, как с фактом, и хотим решить его так, чтобы нам не пришлось прекращать свое историческое существование. Мы имеем все права божеские и человеческие защищаться. Пусть пришельцы стано-

9, Rue du Val-de-Grâce, 9
ТОУРГЕНЕВ
БИБЛИОТЕКА RUSSE

ятся в наши ряды, пусть они, если хотят жить на казачьей земле, служат нашему Краю, прежде всего.

Мы уже сказали (см. первый номер «В. К.»):

«нужно правильно и раз навсегда решить: на Дону — вопрос крестьянский, на Кубани — вопрос иногородний. Нам кажется, что, в целях создания внутреннего мира, укрепления начал государственности и развития экономического благосостояния наших Краев, единственно правильным решением будет о к а з а ч и т ь, т. е. дать все права гражданства наших республик, равно, как и обязанности, всем тем, кто жил или родился в пределах наших областей до войны».

В номере тринадцатом мы еще раз подтвердили, что «нужно... искреннее и полное примирение и соглашение казаков со старым (до большевицким) иногородним и крестьянским населением на Дону, на Кубани, на Тереке... Они должны стать такими же гражданами Казачьих Республик, как и сами казаки».

Мы считаем, что, раз мы ставим вопрос о государственной самостоятельности Казачьих Земель, нельзя и «иногороднего» вопроса ставить иначе, чем это делаем мы. Такая постановка — единственный путь к внутреннему миру в Казачьих Землях, который нам нужен не только на время борьбы за освобождение, но и в последующее время мирного строительства наших Краев.

Нужно правильно только понимать слово «оказачить». К а з а к а м и, конечно, иногородних с д е л а т ь нельзя, но г р а ж д а н а м и Казачьих Республик — да! — такими гражданами, которые бы имели все права и все обязанности, наравне с казаками. А дело потом уже самих иногородних — с д е л а т ь с я казаками.

Трудно сразу дать окончательное и исчерпывающее решение иногороднему вопросу (как всякому б о л ь ш о м у вопросу), но «уходить» от его решения Казачество, в своих же интересах, не может. Иначе

его будут решать другие против интересов Казачества.

Мы знаем, что многим наша постановка вопроса покажется слишком смелой. Мы прекрасно понимаем, что многим из нас нужно преодолеть чувства, созданные недавней еще борьбой, что при решении этого вопроса встанет целый ряд «деловых» вопросов, затрагивающих материальные интересы той и другой стороны, а из них на первом месте, несомненно, стоит вопрос земельный. Но, отдавая себе ясный отчет во всей важности вопроса, мы приглашаем всех наших братьев побороть чувства и подчинить их разуму. Этот вопрос нужно решать по рассчету. И к решению его нужно заранее готовиться. Нужно, прежде всего, всесторонне и наиболее полно осветить все вопросы, связанные с вопросом основным. Нужно знать заранее не только, как нужно решить вопрос, но и то, каковы будут последствия принятого решения.

Зная то, что делается сейчас в Казачьих Землях, мы для всех тех чужих, кто так или иначе решал или думает решать там «иногородный» вопрос против Казачества, хотим во всеуслышание сказать ясно и определенно: никакая посторонняя сила не решит иногороднего вопроса. Даже кровавые московские большевики и те не задушили отпора Казачества против своих колонизационных планов. Окончательно решить вопрос может только Казачество.

А теперешним господам положения из московского Кремля и всем любителям чужого не менее решительно заявляем: никаких ваших разделов Казачьих Земель, никаких ваших колонизаторских планов мы никогда не признаем и с ними никогда не примиримся. Разделами и колонизаторскими планами и «иногородний» вопрос не только не решается, а, напротив, только усложняется.

XXX.

Казачьи „привилегии".

(Казачьи права и привилегии).

10 ноября 1932, № 116.

Положение Казачества в недавней освободительной войне было значительно хуже и труднее положения других народов, боровшихся за свое освобождение, т. к. большая часть неказачьего населения казачьих республик, нашедшего в прошлом приют на казачьих землях, во время борьбы примкнула к русскому большевизму и затруднила Казачеству сопротивление вражьим силам, подрывая и разрушая его извнутри. Непомерная борьба Казачества на своих Землях против двух остро-враждебных фронтов, извне — против северных большевиков, а внутри — против их пособников из иногородних — наряду с другими причинами — сломила силу казачьих республик.

Но вот странно: в то время, как борьба всякого иного народа за свои права и свободу на своих исторических землях признается вполне понятной, оправданной и освященной высшей человеческой справедливостью, — в отношении казаков такая борьба неказачьей мыслью истолковывается почти всегда совершенно иначе. При таком несправедливом для Казачества толковании его борьбы не исходится даже из основных — необходимых в подобном случае — предпосылок борьбы народа на своей земле, а сразу обнаруживается предвзятая тенденция, имеющая задачей извратить казачье национальное движение в какую то мелкую борьбу отдельной, якобы, группы населения бывшей Р. И. за свои сословные интересы.

Мы не говорим уже о всевозможных русских авторах такой извращенной мысли, которые в силу своего единонеделимческого мировоззрения враждебно относятся к казачьей борьбе и казачьим стремлениям — то-ли умышленно и нечестно искажая их смысл, то-ли действительно не будучи в состоянии понять и оценить их суть. Довольно бы для примера указать на ген. Деникина, близко столкнувшегося с казачьим движением во время борьбы »белых« на казачьих землях. Этот русский генерал, воспитанный, очевидно, на трафаретных учебниках русской истории, трактующей слишком »по казенному« о народах б. Р. И. и их исторической судьбе, является, в общем, довольно типичным и полным выразителем русской общественной мысли о Казачестве. В репликах и суждениях ген. Деникина о неудачах »белых« на казачьих территориях (и в частности на Кубани) ясно проскальзывает желание навязать причины своих неудач и »сословному« эгоизму казаков в их споре с крестьянским или иногородним населением своих Земель. Эта, дескать, вражда казаков к иногород-
[illegible] и их эгоизм в сохранению прав на землю и всех прочих (как бывшего военного сословия) »привилегий« привела к разрушению единства казачьей страны, укрепила там силу большевизма и, в конечном результате, повлияла и на борьбу »белых« (ген. Деникин: »Очерки Русской Смуты«, т. Ш).

Такое общее русское мнение мы могли бы иллюстрировать многими примерами. Нас это и не удивляет. Мы считаемся с тем, что честное и искреннее отношение русских к нам, казакам, и действительное понимание наших освободительных стремлений связано у них слишком сильно их собственными интересами, их историей, их психологией, — всем их миропониманием. Считаемся и — вели и ведем борьбу за свои интересы, свою историю, свое миропонимание.

Но нам кажется несколько странным, когда подобный голос мы слышим со стороны украинцев извест-

ного политического толка, группирующихся вокруг »Кубанского Края«. Один из украинских сотрудников этого »казачьего органа« г. П. Сулятицкий и в своих статьях о »казачьем железе« и в отдельно изданном труде »Нарис з історії революції на Кубані« высказывает все ту же свою основную мысль, что все собственно *казачье* движение на Кубани было ничем иным, как лишь эгоистической сословной борьбой казаков за свои групповые права и стремлением сохранить свои военно-сословные привилегии. При этом г. Сулятицкий, точно так же, как и ген. Деникин, проводит резкую отличительную черту в социальном и правовом положении казаков и иногородних на казачьих территориях и (совсем подобно Деникину) характеризует и обосновывает причины их враждебных отношений. Взгляд г. Сулятицкого на казачье движение в данном случае удивительно совпадает со взглядами и мнением русского единонеделимческого лагеря.

Что это? — Тоже нечестное, неискреннее отношение к Казачеству или непонимание казачьего вопроса вообще?

По мысли г. Сулятицкого казачье движение на Кубани выходило бы из рамок узко сословных стремлений и превращалось бы в широкое национальное движение только тогда, когда бы кубанские казаки (имеются в виду только Черноморцы) солидаризировались бы и соединились с иногородним украинским населением Кубани (об иногородних русских вопрос остается открытым). Такое казачье движение было бы для г. Сулятицкого желательным как *украинское национальное движение на Кубани*.

По мнению ген. Деникина, наоборот, чисто казачье движение перестало бы быть сословным и превратилось бы в широкое русское национальное движение тогда, когда бы кубанские казаки (одинаково — Черноморцы и Линейцы) соединились бы с русскими людьми — с русским крестьянским и вообще иногородним на-

селением (иногородние украинцы включаются в состав русских).

А так как ни того, ни другого не случилось, то в большевизме и русских и украинских крестьян на Кубани (аналогично, очевидно, и в других казачьих Краях) виновны, по мнению обоих авторов, лишь »безрассудные« казаки, толкнувшие из-за своих эгоистических »сословных« интересов и »привилегий« иногородних и крестьян в лоно коммунизма (а с ними и собственную судьбу).

Явная предвзятость и грубая политическая тенденция и у Деникина и у Сулятицкого (у каждого, конечно, своя) в таких рассуждениях и умозаключениях ясна и очевидна; выражена она у них по одной и той же линии, хотя и подходят они к вопросу каждый со своей стороны.

Интересно бы знать, как решали бы этот вопрос указанные противники между собою и как да чем доказывали бы они свои утверждения вне казачьего вопроса? Впрочем, решение этого вопроса мы оставляем им самим. Пусть себе они между собою ломают копья и доказывают, кому принадлежат казаки и иногородние на казачьих землях... Мы же знаем свое: *принадлежим самим себе, а наши земли принадлежат нам.*

В данном случае нам лишь необходимо констатировать то поразительное обстоятельство, что и русские и некоторые украинские круги, каждый исходя из своих предвзятых и тенденциозных предпосылок, сходятся одинаково согласно на одном — на отрицании собственно казачьего движения, как движения национально-государственного, и на определении его как движения узко сословного.

Отказываясь признавать казачью революцию на Кубани, как проявление широкого и самобытного народного казачьего движения, стимулируемого всем специфическим казачьим укладом жизни и могучим комплексом исторически традиционных социальных и пра-

вовых казачьих понятий, Сулятицкий отказывает вместе с тем в признании за казаками прав на свою собственную национально-казачью революцию.

И опять странно: для самого Сулятицкого является совершенно понятным и естественным, когда иные народы — грузины, армяне, туркестанцы и др. и, наконец, сами украинцы, стремясь к освобождению и утверждению своей национальности в своей государственности, куют свои »национальные железа«, но вот когда за кование своего собственного »казачьего железа« принимаются казаки, это уже становится для г. Сулятицкого неестественным, непонятным и выходит за рамки его обычного мышления.

Где же причина такого неравного отношения к правам народов и такой неодинаковой характеристики их освободительных движений?

Ответ на этот вопрос дает г. Сулятицкий своими статями в »Куб. Крае« и, главным образом, в своем труде »Нарис з історії революції на Кубані«. Сводя все казачье движение на Кубани лишь к одной борьбе казаков за свои узкие сословные интересы, Сулятицкий пытается при этом установить якобы и »естественные« причины этой борьбы, приведшие к печальному провалу вообще революции на Кубани. Эти причины, разделившие в борьбе все население Кубани на два лагеря — казаков и иногородних, — можно в общем понимать, как обладание казаками особенными, отличными от всех остальных социальных групп б. России, правами и »привилегиями«. Борьба казаков за эти пресловутые привилегии, упорное их отстаивание и нежелание поступиться ими или поделиться с иногородними, особенно нежелание казаков солидаризироваться с иногородними украинцами*) и привела к погибели революции на Казачьих Землях.

Необходимо при этом еще раз отметить, что мысль

*) Какого нибудь украинского национального движения среди иногородних мы тогда в действительности не видели.

Сулятицкого о казачьих привилегиях почти точно совпадает с такой же мыслью о них русских единонеделимцев, всегда и везде не упускающих случая кольнуть казаков их »привилегиями«, возведшими якобы казаков в отдельное выгодное сословие и возбуждавших зависть и ненависть к казакам остального подневольного населения б. России.

Таким образом — одинаково — и в понимании русских единонеделимцев и по мнению г. Сулятицкого выходит, что ничто иное, как »казачьи привилегии« были наибольшим злом и что это они сыграли такую роковую роль в событиях 1917—1920 годов. Казаки, дескать, имели привилегии; эти привилегии выделили их в обособленное выгодное сословие; во время революции обладатели этих привилегий — казаки — не захотели поделиться ими с бесправным крестьянским и иногородним населением и всю свою казачью борьбу свели к защите этих своих сословных интересов, — это, мол, и привело к погибели освободительное дело.

— Вот общая схема примитивного мышления всех единонеделимцев и Сулятицких из »Куб. Края.« Разница лишь в том, что в конечном заключении из вышеприведенного русские »освободительное дело« относят к движению »белых«, а Сулятицкий понимает под этим украинскую национальную революцию на Кубани. Это противоречие оставляем им решать самим между собою. Одно ясно, что казаки действительно не имели причин увлекаться ни тем, ни другим. И в этом, конечно, по мнению неказачьих авторов виноваты казаки и их »привилегии«. И это, безусловно, заставляет Сулятицкого несправедливо (не говорим уже о русских) отказывать казачьему движению в характере широкого собственно казачьего народного движения.

По Сулятицкому: если казачье движение на Кубани не было движением украинским, то это вообще не было революционным широко народным движением, а было скорее реакционной борьбой за свои сословные интересы, разбившей единый революционный фронт с

иногородними украинцами (существовавший только в голове у г. Сулятицкого уже в эмиграции, ибо никакого украинского движения среди иногородних на Кубани не было). Проблески действительно революционного казачьего движения проявлялись лишь там, где Черноморцы вступали прямо или косвенно на один путь с Украиной... Но во всем, во всем виноваты, конечно, казачьи привилегии, которые, правда, мало называются Сулятицким просто по имени, но его ненависть к которым чувствуется огненно дышащей из всех его литературных о казаках трудов. Виноваты казачьи права и привилегии — в общем — »казачье железо«.

Но что же это за »казачье железо« — »казачьи привилегии« и как они понимаются и об'ясняются неказачьими авторами и противниками Казачества?

Внимательное наблюдение над мыслью наших противников, навязывающих нам какие то »привиллегии«, приводит нас к заключению, что они как будто сами не знают, о чем говорят и не дают себе добросовестного отчета в неясности для них этого вопроса.

Действительно: что такое привилегия? — Ответ по существу один: дарственное право на какие либо выгоды. Кто-то кому-то дарит какое либо право на те или иные выгоды (какие сам имеет), отличающие одаренного от общих окружающих условий. В этом и заключается процесс явления всякой привилегии, как некоторой правовой нормы. Всякое право природное (натуральное) и самостоятельно добытое не может считаться привилегией, — как, напр., право всего живого на воздух. Это есть просто право без всяких оговорок. Такое право насильственно можно лишь ограничить или отнять, но дарить его никто не может, ибо сам человек является источником этого своего права. Дышать воздухом; пользоваться продуктом своего собственного труда; жить и в поте лица своего обрабатывать свою землю; жить какому нибудь народу на своей территории, образовать на ней свои формы соци-

ального и политического общежития, развиваться и жить самостоятельной государственной жизнью — все это не есть какая нибудь привилегия.

Пользующийся привилегий всегда есть об'ектом чужого права. Пользующийся же натуральным или обычным правом является сам суб'ектом его (права).

Конечно, в простой повседневной обывательской речи зачастую не делается строгого различия между этими двумя разными по существу понятиями. Понятия права и привилегии смешиваются. Нам кажется, что и противники казачества смешивают вопросы и понятия о казачьих правах и о так называемых »привилегиях«.

Ведь действительно, всякому внимательному наблюдателю, добросовестно мыслящему, ознакомленному с бытовым и общественным укладом жизни Казачества и его историей никогда бы и в голову не пришло видимые самобытные особенности казачьих народов называть какими то привилегиями. Ведь никто же не называет привилегиями особенности какого либо иного народа.

Нет по сути никаких и казачьих привилегий — есть просто их народные особенности и права, и — сохранились было еще к 1917 году остатки автономных прав некогда свободного и самостоятельного Казачества.

Основы своих особенностей — национальных признаков бытовых, социальных, общественных и правовых форм, Казачество выработало уже в давнишние исторические времена, еще тогда, когда не то что Российского, а и Московского государства не было. — Каким же это образом все эти особенности и права казачьих народов, живших самостоятельно вне России, можно было понимать раньше как особенности и права именно народов, а со времени вхождения казаков в состав Р. Империи вдруг те самые признаки, особенности и права их становятся уже особенностями сословными — сословными привилегиями? Возможно ли, чтобы казаки до России были народом, а в России

стали сословием? Возможно ли, чтобы казаки, будучи в составе России »сословием«, порвав во время революции государственную с нею связь, вновь стали народом и утвердили у себя собственную государственность? (Почему же тогда мы не видели подобных процессов у других сословий русского народа?).

Это ложное понимание и намеренное смешивание казачьих народов с сословием в действительности и началось лишь с того времени, когда Казачество вошло в состав России и стало на общем фоне сравнительно одинакового бесправного населения громадного государства заметно выделяться своими особенностями. Тогда то и произошла эта довольно грубая (в административном порядке!) подмена понятия казачьих народов »казачьим сословием«, а понятие и содержание дедовских прав (сначала суверенных, а позже автономных) Казачества — »казачьими привилегиями«.

Способствовали этой замене правдивого по сути понятия понятием извращенным прежде всего (в своих политических интересах) само русское правительство и русская казенная история, внедрившая в сознание русского общества свою фальшь по этому вопросу с такой силой, что у многих русских, даже просвещенных людей, она не вывертилась и до сих пор. Так именно и создалась в русском массовом обывателе легенда о казачьем сословии и казачьих »привилегиях«.

Но почему же обычная мерка, прилагаемая к измерению особенностей и прав иных народов, в руках Сулятицких сейчас же меняется, как только они ею коснутся казачьих народов?

Мы уже сказали, что главной причиной такого явления есть просто грубая политическая тенденция и предвзятость мысли у всех недругов Казачества, так или иначе »разрешающих« казачий вопрос. Самого главного в этом вопросе они не могут или не хотят понять. С нескрываемой (или плохо скрываемой) собственной политической тенденцией все противники Казачества

подходят так легкомысленно к казачьему вопросу и легко превращают основные права казаков в сословные привилегии потому, что это им для их политических комбинаций и спекулятивных заключений выгодно. Вот и все.

Но суть и структуру казачьего вопроса следует и необходимо рассматривать во всей его полноте и широте; всю жизнь и состояние казачьих народов надо брать в собственной широкой исторической перспективе вне связи и зависимости Казачества от тех или иных условий русской социальной, общественной и государственной жизни. Таким образом, самостоятельно поставленный казачий вопрос, исключенный из случайного фона общей русской жизни, с ее разнообразными правами и особенностями различных сословий и групп населения, — повторяем, только так именно поставленный самодовлеющий казачий вопрос был бы очищен от ненужного, случайного, постороннего загрязнения чуждыми ему в данном случае понятиями и сам в себе раскрыл бы всю свою полную сущность. Тогда и невозможно было бы подменить понятие казачьего народа русским сословием, а его исконные исторические права »привилегиями«.

Широко воспринятый и освещенный таким образом весь казачий вопрос в целом облегчил бы восприятие и понимание и всех действительных прав казачьих народов. А это в данном случае очень важно потому, что, в свою очередь, с наибольшей верностью и полнотой осветило и представило бы всю вековую казачью освободительную борьбу и особенно борьбу его в последнюю революцию. И тогда всяким Деникиным, Сулятицким и прочим их единомышленникам не казалось бы, что казаки во время революции боролись не за свои в широком об'еме народные исторические права, которые они хотели бы утвердить в своей государственности, а лишь за свои узкие эгоистические сословные интересы и »привилегии«. Тогда бы и освободительное движение Казачества было бы для них, как

и для всех честно мыслящих, таким же понятным, как и освободительные движения других народов.

Но это, еще раз подчеркиваем, возможно было бы лишь при честном исключении всякой умышленно предвзятой политической тенденции. К сожалению, некоторые наши противники подняться выше такой тенденции не могут. Они в своих нападках на Казачество совершенно ясно и открыто обнаруживают свои симпатии к иногородним, якобы несправедливо »обиженным« казаками, и лишь под углом зрения этих »обиженных« иногородних да под совпадающим углом собственной политики характеризуют и оценивают ход освободительной борьбы на Казачьих Землях.

Понятно при этом, что всем недругам Казачества приходится всегда по необходимости нажимать и подчеркивать именно »привилегии«, вытекающие якобы из особенного сословного положения Казачества. Искусственный нажим на сословные интересы и привилегии как раз здесь и нужен, чтобы легче было по своему истолковать разницу социального, имущественного и общественного положения казаков и иногородних и лишить всякого оправдания стремления и действия казаков в их борьбе. В этом случае именно по »привилегиям« и по »казачьему железу« нужен был удар со стороны противников Казачества.

Понятие »привилегии« в отношении Казачества введено было искусственно и им (понятием привилегии) искусственно же было подменено понятие народного казачьего права. В причинах собственно казачьего движения, в казачьей борьбе и их столкновениях да недоразумениях с иногородними надо было искать подложных стимулов в виде »привилегий« для того, чтобы ослабить моральное значение казачьих стремлений и борьбы, ибо всякая привилегия обладает всегда меньшей моральной силой, чем право. Именно из этих вот морально малоустойчивых основ, из дутых »привилегий« надо было вывести

все собственно казачье движение, чтобы унизить его и доказать его несостоятельность.

Противники Казачества вводят в действие вымышленные ими казачьи »привилегии« как тяжелую артиллерию с одной ясно обнаруживаемой целью извратить под своим политическим углом зрения все самостийническое казачье освободительное движение и отсюда вывести свои тенденциозные отрицательные заключения о моральной неценности и неоправданности этого движения.

Г-н Сулятицкий в этом смысле посвятил как раз большую часть своего труда »Нарис з історії революції на Кубані«, в котором очень обширно, хотя и по обывательски примитивно занимается описанием, характеристикой и оценкой положения казаков и иногородних на Кубани да их ненормальными для дела освобождения взаимоотношениями, вытекающими, якобы, главным образом, из наличия пресловутых казачьих »привилегий«, как чего то, по сути, не вполне оправданного, не вполне законного, не совсем морального, полученного, якобы, казаками — так себе — с чужой руки, в дар от царей в качестве »слуг« их...

Цель Сулятицкого для нас, казаков, так же очевидна и понятна, как и все цели Деникина и прочих единонеделимцев. Цель все та же: искусственным выводом казачьих стремлений, казачьей освободительной идеологии и борьбы из... »царских подачек«, даров, наделов, »вознаграждений за службу« и вообще из всех морально малоценных в данном случае »привилегий« — обесценить, обессилить и унизить все освободительное казачье движение...

Но... »тонко« рассчитанный политический удар по »казачьему железу«, в действительности оказывается совершенно неверным и лишенным силы. Ибо »казачье железо« ковалось и куется вовсе не из казачьих привилегий, а из исконных исторических прав казачьих. Ибо Казачество не получало никогда и ни от кого никаких »привилегий«, а всегда обладало и обла-

дает своими собственными правами. То, что многие умышленно или по непониманию считают казачьими »сословными интересами« и »привилегиями«, есть по существу казачьими народными, национальными интересами и историческими правами. Ибо все те права, которыми казаки обладали до революции, были лишь еще сохранившимися обломками тех великих прав, которые когда то на протяжении исторических веков, они добыли и утвердили мечом, кровью и трудом многих поколений и которые насильственно и беззаконно урезывали и отнимали у казаков русские цари. Не раздавали казакам цари привилегии, а, наоборот, отнимали казачьи права.

А во время революции казаки вновь вынуждены были на своей собственной земле отстаивать свои права против всех тех новых сил, которые на эти права посягали и которые уничтожением этих народных прав грозили.

*

»Казачьи привилегии« служат не только противникам самостийного казачьего движения для »обоснования« их антиказачьей »философии«. За »привилегии« ненавидел казаков и русский мужик, сам не имевший никаких прав. Но если это можно еще об'яснить в исторической перспективе, то совершенно непонятно другое — непонятно, как это и сейчас еще встречаются казаки, которые мечтают о »возвращении« Казачеству »привилегий« в будущем через новую монархию в России. Остается только допустить, что те казаки тоже или не разбираются в том, что такое привилегии и что такое права, или действительно не знают своей казачьей истории и живут чужим умом во всем, что касается не только прошлого, но настоящего и будущего Казачества.

Это все побуждает нас поставить дальше более подробно вопрос о казачьих правах.

XXXI.

Казачьи права на свою территорию.

(Казачьи права и привилегии).

25 ноября 1932, № 117.

В предыдущей статье мы коснулись только слегка вопроса о казачьих правах в связи с ложной или тенденциозной подменой их »привилегиями«. Здесь же сделаем твердую установку самого вопроса об историческом и моральном праве казачьих народов и определим ближе общие понятия о праве и привилегии, вытекающие из различных правовых принципов и норм как в целом, так и в специфическом более узком отношении этих понятий к вопросу казачьему и последней казачьей освободительной борьбе.

В первой статье была указана уже разница между правом и привилегией; было также подчеркнуто, что Казачество вело свою освободительную борьбу, опираясь на свое собственное исконное, присущее ему одному, естественное и историческое, освященное кровью многих поколений право, и что в своей борьбе казаки защищали именно эти свои живые и жизненные народные права, а не мертвые, несправедливо недругами приписываемые им »привилегии«, каковых, в сущности, Казачество никогда и не имело.

Была там также указана и та общая исходная точка зрения противников Казачества, с которой они рассматривают взаимоотношения прав и привилегий при столкновении интересов казаков и иногородних на Казачьих Землях и с которой легкомысленно или намеренно тенденциозно они оценивают все казачье освободительное движение. Там же мы уже подчеркнули,

что в отрицательном, унизительном для Казачества толковании его прав и борьбы между всеми вообще нашими противниками разницы почти не имеется. Подходя с разных, даже противоположных сторон к решению казачьего вопроса, но слепо или умышленно придерживаясь одинаковой тактической линии, основанной на однородной (хотя и разной) идеологии, оба лагеря приходят в результате к одинаковому, или, вернее даже, к одному заключению, что Казачество в общих революционных событиях и в борьбе — наряду с другими народами — за освобождение ковать свое собственное »казачье железо« никаких прав не имело, а должно было бы это свое »железо«, т. е. права, жизнь, имущество и прочие ценности предоставить великодушно и безоговорочно в полное и совершенное распоряжение своих »соседей« на своей же казачьей земле...

На такую неоправданную ничем и позорную самоликвидацию, уже хотя бы по одному главному инстинкту самосохранения своей многовековой жизни, Казачество согласиться не могло и впредь на это никогда не пойдет. Такие жертвы, вполне понятные и приемлемые во время революционных сдвигов для отдельных сословий того или иного народа, — не логичны и нецелесообразны для народа в целом. То, что является возможным для чести, интересов и самосознания одного какого сословия, как части целого, т. е. известная жертва сословия в пользу всего народа, для народа — как полного и самодовлеющего целого — никогда не может быть приемлемо. Да и сам вопрос об отказе одного народа в пользу другого народа — явная бессмыслица для всякого, не принадлежащего к составу »претендующего« народа...

И Казачество своей последней борьбой и современной подготовкой к борьбе будущей это свое право, как право народа, доказало, доказывает и, несомненно, еще раз — и окончательно — докажет. Ибо: сословие — одно, а народ — другое. Для честно и правильно логически мыслящего смешение таких понятий исклю-

чается. Права или бесправие сословий, определяемые искусственными привилегиями или ограничениями, никогда не могут быть поставлены на один уровень с природными или историческими правами — вернее самоправами — народов...

И мы еще раз подчеркиваем, что в недавней последней борьбе, как и в ближайшей будущей, Казачество боролось и будет бороться за свои широкие жизненные народные интересы, за свою свободу, за свои права...

*

Приступая к исследованию вопроса о казачьих правах, должны наперед оговориться, что не имеем в данном случае возможности останавливаться на всех разнообразных группах казачьих прав.

Т. к. почти все без исключения наши противники в своих выступлениях против Казачества обрушиваются главным образом на основные и наиболее жизненные казачьи права — как права казачьих народов на их Землю (народную, национальную территорию), их права на собственное самоуправление (государственную самостоятельность) и их бытовые вольности и политическую свободу (собственный гражданский порядок и общественный лад на своей земле), то и нам в обосновании и защите этих исконных и неот'емлемых казачьих прав придется придерживаться этого же порядка.

Таким образом, из общего комплекса казачьих прав мы остановимся сейчас на главной, наиболее существенной их группе, состоящей из основных казачьих прав, характеризуемых как казачьи права на свою территорию, на государственную самостоятельность и свой особый гражданский уклад жизни.

Обращаемся при этом в первую очередь к аргументам историческим, т. е. постараемся из прошлых неоспоримых свидетельств вывести основания казачьих прав из самого процесса многовековой казачьей жизни, установившей и определившей права казачьих на-

родов на их землю, народоправство и свободу, как права исторические.

Почему именно так важно для нас в данном случае определение и доказательство всех этих прав, как прав исторических? — Важно это для нас и необходимо потому, что такие исторические права имеют под собой и великие моральные основания. И до сих пор (так, очевидно, будет и всегда) в международных политических спорах и иных отношениях многие исторические права народов, главное же — право народа на свою свободу на своей земле и при моральной оценке сил этих прав, моменты исторического возникновения, формирования, укрепления и завершения права сохраняют всю свою доминирующую роль. Не надо забывать, что под суггестивным моральным влиянием таких прав провозглашен был после Мировой войны и благородный принцип самоопределения народов. Не надо забывать, что все современные новообразованные государства, возникшие под Вильсоновским лозунгом самоопределения, в большей части фактически оперли свои государственные границы на историческое право и обосновали им свою самостоятельность.

Кроме того, исследование, доказательства и определение известных казачьих прав, как прав исторических, имеет для нас еще и то несомненно громадное значение, что равным раскрытием процесса возникновения и естественного развития их совершенно рассеиваются тенденциозные или несознательные легенды противников Казачества о »казачьих привилегиях«. Вместе с тем, раскрываются эти казачьи права, как права целого казачьего народа, а не как те или иные преимущества какого то сословия (части целого). К тому же еще вырисовываются со всей полнотой права эти как права народа великого духом, большого-народно-национального коллектива вечного, обуславливающего свое существование многими столетия-

ми в прошлом и простирающего его через настоящее в далекое будущее.

Такое осознание Казачеством своих исторических прав накладывает на него и четко определенную великую моральную обязанность сознательной непрерывной защиты этих прав. Казачество не есть какой то непродолжительно временный искусственно созданный недавними прошлыми условиями русской государственной жизни феномен. Поскольку же оно является вечным, цельным, самодовлеющим, геополитически и социально исторически обусловленным живым национально-человеческим организмом, то и жизненные особенности и права, возникшие в нем исторически, принадлежат не только его части — современному казачьему поколению, а в еще большей мере — всем казачьим поколениям; принадлежат всему Казачеству в его прошлом, настоящем и будущем.

Короче и проще: права Казачества, добытые и созданные прадедами, должны быть не только использованы современным казачьим поколением, но сохранены, расширены и переданы правнукам. Это является заповедью для всех живых исторически народов; в ней же заключается главная жизненная сила исторического права и коренится глубоко всем понятная мораль, обуславливающая неуклонную защиту права целого народа и борьбу за него.

Но обратимся к истории — пусть говорит она.

Первое: права казачьих народов на их Земли (территории) суть исконные, споконвечные п р а в а и с т о р и ч е с к и е.

Доказательства:

Земли (территория) В. В. Донского.

Территорией своей донские казаки владеют с незапамятных времен. Эта территория определилась уже в самом начале существования Донского Казачества. В состав ее, как основное ядро, входили: »бассейн реки Дона, кроме его верховьев, и бассейн рек — Бузулука,

Хопра, Медведицы и Донца. Исторические изменения в границах Войска были сравнительно незначительны« (С. Сватиков: Россия и Дон).

На этой обширной территории, как своей первоначальной основной метрополии, в давние исторические времена и родилось Донское Казачество; все последующее время удерживало за собой и удержало до последнего времени эти свои исконные — Родимые! — земли и с этой своей родины путем военной и мирной колонизации овладело значительными территориями для выделившихся из его состава других казачьих Войск — Волжского, Яицкого, Гребенского, Терского, Линейного и др.

Начало существования казачьего Войска Донского, как такового, некоторые историки относят обыкновенно к 1549 г., в котором упоминается о построении Атаманом Сары-Азманом нескольких городков по р. Дону. Но, несомненно, что в этом случае говорится уже о Донском Войске, как о сформированном государстве, утвердившем на казачьей территории полностью свою власть, которая об'единила вокруг себя разбросанные, может быть до того разрозненные вольные казачьи общины. В таком смысле понимает возникновение Войска Донского, как государственного образования, и проф. Сватиков, относящий государственный расцвет Войска к XVI-XVII в. в. Он ясно указывает, что »Войско Донское представляло из себя в XVI-XVII в. в. военно-демократическую республику. Эта республика была особым, отдельным от Московского царства государством, имела свою территорию, свой народ и свою власть« (С. Сватиков: Россия и Дон).

Но при этом является опять таки несомненным и то обстоятельство, что задолго до образования собственно казачьей Донской республики, как вполне сформированного суверенного государства, земли (территория) этого государства уже принадлежали донским казакам, ибо в исторический подготовительный период к полному государственному (постепенному)

оформлению несомненно существовали уже и достаточно долго такие основные элементы этого государства, как народ и территория, об'единенные впоследствии единой, общей, суверенной государственной властью. И такие необходимые для государства элементы действительно задолго уже возникли и существовали в образе народа — свободных казачьих общин и в виде территории — земельного достояния этих общин.

В самом деле, существование, или хотя бы процесс образования казачьих народов и овладение ими своей территории должен быть отнесен к самым давним историческим временам.

Исторические исследования это как раз и потверждают. Так уже в XIV ст. упоминается об участии донских казаков в Куликовской битве на стороне вел. князя Дмитрия Иоановича, а еще ранее, в XIII ст. — участие предков казаков — бродников — в битве на Калке на стороне татар.

Углубление в казачью историю раскрывает нам более полную картину образования казачьих народов из смешения этнографических элементов славянских и тюркских — древних восточных славян, обитавших в качестве автохтонов в областях Приазовья, с центром в древней Руссии (городе), и Подонья да многочисленных более крупных и мелких тюркских народов — берладников, торков, косахов и, наконец, печенегов и половцев, пришедших в эти славянские области из Азии и ассимилировавшихся на протяжении веков с автохтонным славянским населением.

Уже это одно служит достаточным основанием утверждать, что донские казаки на всей своей настоящей территории искони владели всеми землями, занятыми их предками правом первого овладения или правом завоевания. С образованием же самостоятельного Донского государства, донские казаки и в государственном смысле утвердили свои суверенные права на собственные земли и долго, упорно и жертвенно отстаивали границы своей территории от насилий и пре-

тензий на них со стороны усиливающейся и разбухавшей завоеваниями Москвы.

Казачество Донское в долгой, упорной, кровопролитной и геройской борьбе отстаивало свои права на свободу и землю. Устояло с честью против натисков московского севера за царей Ивана Грозного и Бориса Годунова. В так называемое Смутное время в Московии играло даже активную и значительную роль в определении судеб самого государства Московского. Но в этой постоянной, непрерывной и часто неравной борьбе, Донское Казачество сломлено было только силой уже русских императоров Романовых и уже в лоне Российского государства начало постепенно тратить свои народно-казачьи права и на свою свободу и на свою землю.

Донские казаки присягнули русским царям (но не Москве и не России!) лишь в 1671 и 1676 г. г., но и несмотря на эту вынужденную присягу, они долго еще держались независимо и игнорировали разные требования к ним царей. Однако, Московская политика окружения Дона линией крепостей и изоляции его неустанно подрывает его силы. В 1708 году Дон под предводительством К. Булавина с оружием в руках совершает еще одну попытку защитить против посягательств Москвы свои права и территорию. Но это была уже последняя великая вспышка казачьей воли. Петр I жестокой рукой подавил булавинское движение и подверг страшному кровавому разгрому весь Дон. Он же первый решился посягнуть и на казачьи земли. Донская территория была сильно обрезана. Так: бассейн Донца был присоединен к Бахмутской провинции; земли по Айдару отданы были Острогожскому полку, »отличившемуся« при разгроме Дона; земли по верховьям Хопра прирезаны были к Воронежской губернии. Общая потеря Доном своей территории исчислялась тогда не меньше, чем в миллион десятин.

Помимо этого, Петр I начал самовластно распоряжаться и землями внутри Дона. Земли восставших

городков конфисковались и отдавались верным царю казакам или даже чужим. Позднее это повлекло за собою установление порядка земельного награждения царями казачьей старшины.

В XVIII ст. начала вообще приобретать на Дону большое — иногда даже исключительное — влияние казачья старшина. Под прикрытием царских грамот она продолжала расхищение войсковых земель и отдачи их чужим переселенцам на Дон, крепостным трудом коих сама пользовалась. Таким образом начало на Дону появляться в массе неказачье население, остававшееся вне влияния самого быта и порядка казачьего.

Со времени Екатерины II, с переводом казачьей старшины в дворянство, награждение его и чужих царских фаворитов казачьими землями и их и самовольное хищение земельного войскового фонда развернулось в правильную систему политики русского царского правительства на Дону.

Так насилием, лукавством, царским самовластием и хищничеством старшины началось и продолжалось до революции 1917 года ограничение и уничтожение стародавних исконных прав Донского Казачества на его земли.

Земли Донских казачьих колоний.

Донское Войско по мере роста своей военной мощи и общественно-бытовой силы довольно рано начало выделять из своей среды свободные казачьи общины и направлять их на овладение и заселение новых, преимущественно безлюдных пространств, главным образом на северо-восток и юго-восток от Дона. Так возникла обширная донская казачья колонизация по большим рекам — Волге, Яику, Тереку, — охватывавшая своими землями метрополию с северо и юго-востока от Уральских до Кавказских гор. Эта колонизация проводилась первоначально естественным путем оседания казаков на свободные земли и защиты их от других народов, главным образом кочевых народов из Азии.

Позднее, после разгрома Дона, уничтожения его политической силы и беспрестанного русского нажима, из состава Донского Войска стала выделяться и казачья эмиграция, бежавшая от преследований русских царей и открывавшая и захватывавшая новые отдаленные земли, служившие ей, эмиграции, обеспеченным убежищем.

Таким образом, донская казачья колонизация отбывалась двумя естественными путями — путем добычничества и путем эмиграции. В обоих случаях Казачество, добывая новые земли, занимало их преимущественно мирным путем, оседая на свободные пространства и строя свободно свои городки по берегам больших рек. Таким путем создало Донское войско свои большие военные колонии — впоследствии: Волгское, Яицкое и Гребенское казачьи Войска. Первоначально эти Войска, а некоторые из них и довольно продолжительное время, были в тесной подчиненной связи со своей метрополией — Донским Войском — и считали себя как бы его »доминионами«, современем же, вследствие политических и экономических обстоятельств эти »доминионы« превратились в новые самостоятельные казачьи Войска, поддерживавшие, однако, постоянную моральную и дружественно-политическую связь со своим этническим ядром — Войском Донским.

Ранее всех прочих образована была донскими казаками обширная колония на р. Волге, превратившаяся впоследствии в самостоятельное Волжское Войско.

По некоторым археологическим (церковным) остаткам можно допускать, что казачье население проникло на Волгу и осело там еще в XIV ст. Особенный же расцвет донской колонизации можно отнести к половине XVI ст., когда основаны были большие колонии по Яику и Тереку, давшие начало самостоятельным впоследствии Войскам Яицкому и Терско-Гребенскому.

Все усиливавшееся к XVII веку колонизационное движение Казачества легко можно об'яснить и начавшимся активным нажимом на Дон со стороны Москвы

и стремлением казаков уклониться от московского влияния и сохранить свою свободу за пределами подверженной политической и религиозной опасности своей метрополии.

Таким образом, к концу XVI века Казачество уже вполне овладело новыми территориями и начали на них образовываться новые самостоятельные казачьи Войска, давшие начало всем казачьим Войскам, сохранившимся и до сих пор. Так — Волжское Войско выделило из себя войско Астраханское и частично пополнило Войска Оренбургское, Сибирское, Терское и Кубанское. Войско Гребенское дало начало Войску Терскому и пополнило значительно собой Войско Линейное (Кубанское).

Так способом мирного заселения и военного добычничества Донское и другие казачьи Войска добыли, овладели и закрепили за собой, как историческую собственность целого казачьего народа, все те земли, которые принадлежат Казачеству и ныне.

Очень значительным в казачьей донской колонизации явлением был и второй путь отрыва казачьих масс от своей метрополии и движение их за ее границы. Это — путь казачьей эмиграции (политической или религиозной) — вынужденное крайней необходимостью выселение казаков с родной земли и искание ими безопасных убежищ от московских царских преследований. Так, под давлением религиозных преследований уже в 1688 и 1692 г. г. с Дона вынуждены были эмигрировать казаки-раскольники, переселившиеся на Кубань.

Эмиграционная казачья волна особенно усиливается и становится почти непрерывной с XVIII ст., когда царская Россия начинает вводить в действие против Казачества весь свой военный и правительственный механизм к решительному ограничению казачьей свободы и к овладению казачьими землями. Началось это с Петра I, продолжалось репрессиями Екатерины II и их последователями.

Кубанское Войско исторически создалось из двух главных ветвей Казачества: казаков-Линейцев (потомков донских эмигрантов, выходцев и переселенцев с Дона) и казаков-Черноморцев, потомков Запорожцев, переселившихся на Кубань после уничтожения Екатериной II Запорожской Сичи.

Таким образом казаки вообще появились на землях Кубани и Предкавказья и стали утверждаться там уже с конца XVII ст.

Мы уже упоминали о выходцах с Дона — Гребенских и Терских казаках, которые начали колонизацию Терека еще в XVI ст. Теперь нам остается рассмотреть колонизацию и закрепление за Казачеством тех земель, которые стали достоянием Кубанского Войска.

В конце XVII ст. на Кубани, на Таманском острове между Таманью и Копылом, обнаруживаются уже поселения казаков-раскольников, эмигрировавших туда с Дона. После Булавинского восстания число казачьих поселенцев на Кубани увеличивается еще и ушедшими от преследований Петра I казаками-некрасовцами, основавшими на Тамани поселения: Себелей, Кара-Игнат и Контиде. Земли Кубанские в то время были во владениях хана Крымского и казачьи эмигранты, бежавшие на Кубань, укрывались под его покровительство.

Позднее, правда, казаки-некрасовцы переселились в устья Дуная, а потом и в Малую Азию, где их потомки вблизи Константинополя живут и до сих пор. Земли некрасовцев заняли впоследствии Черноморцы, как бы навязывая кубанскую казачью территориальную преемственность. Но несомненно, что и после ухода с Кубани некрасовцев, достаточно еще всяких казачьих элементов оставалось рассеянными на широких просторах кубанских земель. Это были все те же политические и религиозные эмигранты, прибывшие сюда в разные времена и искавшие убежища под покровительством хана и Турции. Среди этих казачьих поселен-

цев на Кубани были одинаково как выходцы с Дона и Волги, так и переселенцы-эмигранты с Запорожья и даже реестровые казаки с Украины.

С учреждением Россией Кавказской Линии, начинается постепенное, но непрерывное заселение восточной Кубани Линейным Войском, в состав которого входят и многочисленные, разбросанные до того времени по обширной территории казачьи поселенцы. Увеличение, расширение и заселение Линии началось с р. Терека, с того места, где казачий элемент с давнего уже времени укрепился и »прирос к земле«.

Для охранения Линии русским правительством переводились сюда казаки различных Войск группами и полками, часто с их семьями. Так, в 1777 г. казаки Хоперские, поселенные первоначально в Новохоперской крепости, в числе нескольких сот семейств были переведены ближе к Кубани, а потом расселены в районе Ставрополя, где к ним было присоединено несколько сот донцов и инородцев из пленных персов и горцев.

Средняя часть р. Кубани принадлежала Кубанскому полку составленному из донцов и присоединенных к ним »малороссиян Войска Донского«. Далее вдоль р. Кубани до границ Черноморского Войска осел Кавказский полк, составленный из казаков упраздненного Войска Екатеринославского и из казаков-добровольцев Волжских и Хоперских.

Со Старой Линии казаки Линейцы подвигались на новые линии, заселяя р. р. Лабу, Уруп, Белую. В число колонизаторов Новой Линии влилось и несколько станиц Терского Войска и сел Ставропольской губ. Позднее казачье население Н. Линии пополнилось новыми выходцами с Дона, из Украины и отчасти из состава солдат б. Кубанской армии.

Почти одновременно с расселением по Кубани Линейного казачьего Войска совершалось заселение ее и Черноморским казачьим Войском.

После разрушения Запорожской Сичи и отобрания у Запорожцев их богатых и обширных земель на Днепре, после долгих мытарств и кочеваний Запорожских казаков, оставшихся в пределах России, от Днепра и Буга по Черноморью до Кубани, им удалось, наконец, получить в постоянное и собственное владение свободные земли на Кубани.

Вне всякого сомнения, что Екатерина »отдала« Кубань Черноморскому Войску не из сожаления к обездоленному ею Запорожью... Насилием и бесправием уничтожив свободную Запорожскую республику и раздавши ее исконные, кровью и пóтом казачьим политые земли в частную собственность своим фаворитам и помещикам, Екатерина далека была, конечно, от мысли жалеть о совершенном ею преступлении или от желания исправить вопиющую несправедливость. Во всех своих отношениях к Запорожскому Казачеству, а значит и к переселению его на Кубань, царица руководилась исключительно русскими интересами и силой собственного самовластия. Иное дело, что в факте переселения Запорожцев на Кубань российские правительственные эгоистические интересы совпадали с интересами самих Запорожцев и что они со своей точки зрения могли расценивать шаг царицы, как хотя частичную компенсацию за потерю родной, дедовской, собственной, а к тому же далеко большей территории.

Запорожцы относились к царскому разгрому своих прав вполне сознательно. Нисколько не заблуждаясь ни относительно русских намерений, ни относительно размеров грозившей им опасности. Поэтому новых земель и нового восстановления Войска искали и добивались всякими возможными для них средствами. И случай помог им достичь своего.

Уже спустя немного времени после разорения Сичи, накануне новой войны с Турцией русскому правительству пришлось очень пожалеть об уничтожении казачьей силы Запорожья. Тогда вот и было поручено Потемкину частичное »восстановление« Запорожско-

го Казачества. И этот фаворит Екатерины, приложивший ранее немало стараний к ликвидации Запорожья и оставивший по себе плохую славу в памяти казаков, бросился вдруг собирать сичевиков, не скупясь, конечно, на различные обещания.

Воспользовались этим случаем и Запорожцы, сами (возглавляемые частью уцелевшей казачьей старшины) искавшие возможностей восстановления Войска и спасения тем Казачества от окончательного распыления »расказачивания«. Стали собираться вновь Запорожцы, некоторые возвращались даже из эмиграции из Турции и »гуртувались« около Сидора Билого, Харька, Чепиги и Ангона Головатого, в надежде восстановить свои попранные недавно права и вольности и найти для войска новые земли, без чего и существование самого Войска немыслимо. Уже в 1787 году первому Кошевому Сидору Билому удалось сформировать и первые вооруженные силы Войска — конницу и пехоту, — названного Войском казаков Черноморских (восстановить прежнее имя Запорожцев нельзя было в силу недавнего решения царицы навсегда стереть из памяти людской самое имя Запорожья). Это войско Черноморское (по существу — Запорожское) и составило впоследствии основную часть Войска Кубанского.

Но перед переселением на Кубань, Черноморскому Войску пришлось претерпеть еще много мытарств, пролить достаточно пота и крови (участие в Русско-Турецкой войне 1787-1791 гг.). Стойко и мужественно несли Черноморцы все те великие жертвы, охваченные единым внутренним страстным желанием какой угодно ценой сохранить за собою свои старинные вольности и приобрести новую территорию.

Еще в начале Турецкой войны 1787 года Черноморцам обещаны были земли на Кубани »в Керченском куте или на Тамани». Во время же войны Потемкин разрешил им расселиться между Днестром и Бугом и, несмотря на тогдашнее военное положение, Черноморцы успели было довольно хорошо на этих

землях обосноваться. Но положение казаков в Приднестровьи было в общем очень непрочно, ибо земли те не были закреплены за ними в собственность, а с другой стороны, близкое к этим землям соседство екатеринеиских помещиков, как уже знали по опыту казаки, угрожало новым бесправным захватом их земель. И потому Черноморцы по смерти Потемкина в 1791 году стали усиленно добиваться возможности переселения на обещанные им далекие и вольные земли на Кубани.

И опять много трудов, средств и хитрости употребили Черноморцы пока, наконец, эти кубанские заветные земли добыли. Нужно только еще раз подчеркнуть, что Черноморцы на Кубани »получили« далеко меньше того, что у них взяли на Днепре.

Черноморцы водворились (в 1792 и 1793 гг.) на землях частично занятых некогда перед тем казаками-некрасовцами. Земли эти ко времени заселения их Черноморцами были совершенно вольными, незаселенными. До того принадлежали они татарам-ногайцам, бывшими под покровительством Крымского ханата и Турции. Со времени же завоевания Россией Крыма Суворов в 1784 г. переселил ногайцев в Таврический край и, таким образом, правобережная Кубань, занятая Черноморцами, фактически стала принадлежать им по праву первого заселения.

Первое время по прибытии на Кубань и по разделении своих войсковых земель между куренями Черноморцы устраивались на новых местах довольно спокойно, — сравнительно удаленная от черноморских поселений горско-кавказская граница позволяла им это. Но вскоре начались соседские »недоразумения«, начались частые и опасные нападения горцев и чрезвычайно жестокая кровавая взаимная борьба с ними Черноморцев. Черноморское Войско должно было и здесь тратить много сил и энергии на непрерывную защиту своих земель и своего населения.

Все земли на Кубани принадлежали вначале, согласно неписанным казачьим споконвечным законам

Войску Линейному и Черноморскому, как целым великим коллективам. Но позже, как и на Дону, по инициативе и под покровительством русского правительства войсковыми землями стала наделяться старшина, права же самого Казачества на свою землю начали царями ограничиваться.

*

Итак, рассмотрев, хотя бы кратко, историческую принадлежность территориальных владений того или иного казачьего Войска, в заключение можем сказать, что все казачьи земли всему Казачеству принадлежат: 1. По праву автохтонного владения (первоначального обывания), как то было на Дону; 2. по праву первого заселения и культурного под'ема края путем мирной колонизации, как то было в донской колонизации Яика, Волги, Терека и в заселении Черноморцами Кубани; 3. по праву завоевания края, как то имело место за Тереком, в Оренбургских степях, у Линейцев в Предкавказьи и на Кубани; 4. по праву вековой, упорной и многожертвенной защиты своего края, как то постоянно имело место у всего Казачества вообще на протяжении всей его исторической жизни.

Никаких »привилегий« казаки на свои земли ни от кого не получали, да и не нуждались в них, ибо они имели вначале все права на свою землю, которые постепенно ликвидировались русскими царями, а теперь резко ликвидируются русскими большевиками. Если в чем Казачество и нуждалось, то не в наделении »привилегиями«, а в том, чтобы у него не отнимали его прав. Этого было бы достаточно. Вопрос о »привилегиях« — выдумка (»хитрость«!) тех, кто ограничивал в правах. Эта выдумка »подкидывалась« в свое время казакам, а современем была подхвачена всеми недругами Казачества. Но само оно знает, где правда-истина и где правда-справедливость.

XXXII.

Казачьи права на суверенитет.

(Казачьи права и привилегии).

10 декабря 1932, № 118.

Перейдем к исследованию другого основного права Казачества — права его вольного и независимого самоуправления (государственного суверенитета).

И это право, как и право на свою территорию, создалось у Казачества исторически, согласно геополитической обстановке и его специфическому племенно-народному духу. Право это — может быть вернее правосознание — было усвоено казаками с наидревнейших времен, развито ими самостоятельно до совершенных по тогдашнему времени демократических форм и до последнего времени (до большевицкой оккупации) являлось основой его общественного порядка. И опять таки, при столкновении с русским самодержавием и самовластием (одинаково — царей и большевиков!) право это, как и все прочие права, подверглось многочисленным и жестоким ограничениям.

Действительно, почти все лучшие историки, русские и украинские, как Ключевский, Платонов, Любавский, Костомаров, Грушевский, Антонович, исследуя развитие демократизма у юговосточных славян (казаков и украинцев) в отличие от роста и укрепления династического деспотизма у славян северо-восточных (великороссов), приходят к одинаковому заключению, что главной причиной этих явлений была различная историческая и геополитическая обстановка, разно повлиявшая на образование как отличительных социальных, гражданских и правовых порядков, так и на

выработку неодинаковых характеров и вообще всего народного духа славян юго-восточной полосы и славян полосы лесной на северо-востоке Европы.

С другой стороны, те же историки и некоторые историки казачьи, как и целый ряд русских историков-юристов — Сергеевич, Владимиров-Буданов, Дьяконов — утверждают, что народовластие у юго-восточных славян было отражением или продолжением в новой форме Рад и Кругов старинного славянского вечевого права. В то время, как старое славянское вечевое право на северо-востоке заглохло и заменено было деспотизмом сначала великих князей, а позже царского самодержавия, в юго-восточной степной полосе, в зависимости от иной исторической обстановки, вечевое право продолжало существовать в новой форме казачьего народовластия.

Проф. Костомаров (»Две русские народности«) прекрасно и выпукло обрисовал основное различие характеров и типов северо-восточного славянина и юго-восточного славянина. Проф. Платонов (Русская история — университетский курс) раскрыл причину этих различий, которую он видит главным образом в действии неодинаковой исторической обстановки. Профессора: Ключевский (Боярская Дума), Грушевский (Історія України-Руси), Антонович (Коротка історія козаччини) и Любавский (История восточных славян) подходят ближе к исследованию и оценке самой исторической обстановки, повлиявшей на укрепление вечевого права в древней Киевской Руси и на расцвет вытекающего из него, вечевого права, народовластия у украинского и юго-восточного Казачества.

Причину укрепления веча у юго-восточных славян и развития демократизма у Казачества эти историки видят прежде всего в соседстве с восточными и юго-восточными народами вечно неспокойной и опасной кочевой степи. Дикая степь, пропускавшая через свои пространства различные многочисленные воинственные

племена, висела вечной и страшной угрозой над славянским населением юго-восточных окраин Европы.

Для защиты своих жизней, земель и имущества славянское население вблизи этой беспокойной и опасной »дороги народов« должно было напрягать на протяжении веков все свои усилия, всю свою физическую и духовную энергию. Такая постоянная опасность, постоянное напряжение сил, необходимость быть подготовленными к защите и самые оборонительные действия — естественно — выработали у юго-восточных славян дух самодеятельности, смелый, предприимчивый и воинственный характер, позволявший им не только удачно отстаивать себя, но побуждавший часто и их самих к наступательным действиям. Военный же образ жизни требовал и специальной военной организации населения. И в такой организации постоянным коллективным опытом было многое создано самостоятельно, многое было позаимствовано из военного опыта противников. Вся же оседлая жизнь с военной организацией юго-восточных славян уже в давние времена сделала их народами оседло-военными и эта черта одинаково заметно выступает и в жизни Киевской Руси и в жизни Руси Азовско-Черноморской. При такой оседло-военной жизни и организации по мере эволюции исторического бытия юго-восточно-руссов увеличивалось и укреплялось и их историческое значение. Постепенно ассимилировались славянами более мелкие степные народы, приходившие в военное и культурное соприкосновение с Русью Приазовской. У других, более крупных и сильных племен, постепенно отбивалась степь и речные дороги для торговых и военных экспедиций в Византию. Прилив степной воинственной крови, преимущественно тюркской, сделал приазовских руссов еще более воинственными и предприимчивыми.

Таким образом, внешние геополитические и исторические условия повлияли коренным образом и на выработку специфического юго-восточно-славянского этнического типа, отличного во многом от других славян,

в том числе и от своих ближайших соседей — славян северо-восточных.

В особенностях специфического этнического типа юго-восточного славянина заключались и свои психические особенности. Выработалась натура смелая, инициативная, сознающая собственное достоинство и ценящая выше всех благ — свободу. Постоянно угрожающая опасность и готовность ко встрече ее выработали глубокое сознание ценности своей и чужой личности. Каждый был прежде всего сознательным воином-предпринимателем и качества такой личности не утратили своего значения и в военно-гражданском коллективе. В общей массе каждый боролся за себя и за всех, защищая свою и близких свободу и жизнь... Такое постоянное и напряженное психическое состояние повлияло, несомненно, и на возникновение сознания равенства членов военной общины. Каждая отдельная человеческая особь ценилась лишь по личным качествам и эти качества ценились тем выше, чем более обеспечивали они благо каждого в отдельности и целой общины. Таким же наибольшим благом была жизнь и свобода, а наиценнейшим военным качеством, могшим обеспечить эти блага, были: мужество, сила, воля, ум, стойкость, находчивость, знание военного дела и уменье руководить. В виду постоянной опасности эти качества ценились наивыше и этими качествами мог обладать и выдвинуться каждый воин. Вот о т с ю д а вытекают высокое сознание своих обязанностей и ответственности каждого воина в отдельности и строгие требования всего военного коллектива к своему вождю.

Такие психические особенности и военно-правовые понятия и были основной структурой характера древних юго-восточных степных славян, а впоследствии, при повторении такой же исторической обстановки, созданной степью татарской, развились с такой же силой и в характере преемников и потомков степных славян — казаков.

Культурные воззрения и характер юго-восточных славян (Азовской Руси), несмотря на значительные влияния тюркских народов, были в основе все же славянские, обусловленные старинными обычаями и сознанием древнего народовластия, выраженного в вечевом праве военнообщинная жизнь и опасность лишь расширили и укрепили пользование этим правом на практике. Даже в период утверждения княжеской власти над юго-восточными славянами, вечевое право не утратило своей силы, достаточно ограничивая самую власть князя. Князь рассматривался прежде всего как военный вождь.

Татарским нашествием была уничтожена княжеская власть на юго-востоке. Татарская же степь вновь воскресила существование вольных славянских оседло-военных общин на ее границах и обусловила возникновение из них Казачества. У казаков же старинное вечевое право достигло наиболее полных форм народовластия, осуществлявшегося через Войсковые Круги, Рады, »казачий присуд«, в выборе начальников (Атаманов), должностных лиц и пр.

Вот где и вот как глубоко коренится собственное казачье право самоуправления и народовластия. И с этим великим человеческим естественным правом, представлявшим собою как бы остров свободы среди моря насилия феодализма, абсолютизма и деспотизма в Европе того времени, жило и развивалось вольное казачество на протяжении сотен лет, образовав постепенно свои самостоятельные и независимые (суверенные) республики. Но — начали надвигаться на Казачество мрачные тучи московского деспотизма в лице царского самодержавия. Со времени вхождения казачьих республик в состав Российского государства началось постепенное »прибирание к рукам« Казачества, неуклонное ограничение и урезывание царским российским правительством всех казачьих прав, в том числе и важнейшего его права на свободное самоуправление и народоправство.

Раньше всего подверглось уничтожению казачье право выбирать Войсковых Атаманов, потом уничтожены Войсковые Круги и Рады и заменены русскими административными органами »общеимперского типа«. Так — на Дону уже с 1738 г. Войсковые Атаманы начали назначаться исключительно царской властью. В 1775 г. Войсковой Круг фактически заменен был Войсковым Гражданским Правительством, автономия Дона разрушена и он в гражданском управлении приравнен был к областному управлению общеимперского типа. В 1798 г. казачьи войсковые чины сравнены были с армейскими и даны им были привилегии российского дворянства. В 1848 г. Наказным Атаманом на Дону был назначен не казак и этот порядок правления Донским Казачеством русскими генералами продолжался до 1917 года.

Такая же судьба постигла и права Казачества Черноморского. Уже со времени прихода Черноморцев на Кубань порядок их управления был изменен: Рада заменена была »Войсковым правительством« »навсегда управляющим Войском«. В самом этом Войсковом правительстве войсковые должности ограничены были лишь Кошевым Атаманом, войсковыми судьей и писарем. В административном отношении Черноморское Войско подчинено было Таврическому губернатору.

Несмотря на это, Черноморцы и на Кубани еще некоторое время сохраняли старинные запорожские обычаи, в своей внутренней жизни управляясь вполне самостоятельно, сами выбирали свою старшину и т. д. Но уже в 1801 г. грамотой Павла I казачье устройство Черноморцев было значительно ограничено: были изгнаны из употребления некоторые названия лиц и учреждений, оставшиеся еще от времен Запорожцев; вместо Войскового правительства учреждена была »Войсковая канцелярия«, при которой состоял постоянно правительственный прокурор. Войско разделено было на 20 полков. В 1802 г. вместо Войсковой канцелярии возобновлено было наименование Войскового правитель-

ства, но состав его — относительно участия в нем чужих элементов — был мало изменен. Новое Войсковое правительство было приравнено к Донской Войсковой канцелярии, в которой присутствовали: Войсковой Атаман (назначенный), два непременных члена, четыре ассесора и правительственный прокурор. Войсковые Атаманы у Черноморцев начали назначаться царской властью уже с 1797 г., а с 1855 г. Атаманы (наказные) назначались исключительно из русских генералов (не казаков).

Некоторая степень вольного самоуправления у Черноморцев удержалась было еще в куренных управлениях, но в 1842 г. и это казачье право было значительно урезано. Положение же 1842 г. узаконивало и роль казачьего дворянства, наделив его не только значительными привилегиями по сравнению с рядовым казачеством, но и »приличными« земельными наделами »в пожизненное пользование« (генералам 1500 дес. штаб-офицерам 400 дес. и обер-офицерам 200 десятин).

В худшем (по сравнению с Донцами и Черноморцами) положении было дело самоуправления у казаков Линейцев. Они, с переходом на Линию с Дона и иных Войск, сразу же теряли это исконное казачье право и принуждены были подчиняться назначаемой сверху военной администрации. С 1861 года Линейцы вошли в состав Войска Кубанского и стали пользоваться одинаковым управлением с Черноморцами, составившими основание нового Кубанского Войска.

Такая же, если не худшая, судьба постигла одновременно или с течением времени и все другие казачьи Войска, заложенные выходцами с Дона, вынесшими оттуда свое старинное казачье право на свободное и ни от кого независимое самоуправление и принципы народоправства.

*

Таким образом, даже из этого крайне краткого очерка главнейших (основных) казачьих прав мы убеждаемся и видим, как рассыпаются в прах все неоснова-

тельные легенды или просто глупые сказки о каких то казачьих привилегиях, дарованных им царями или русским государством. Сказки про эти привилегии серьезно трактовались официальной русской историей, оживлялись и поддерживались — сознательно и бессознательно — многими русскими людьми, которые в этих »привилегиях« и »царских милостях« казакам видели как будто действительно что-то особенно существенное и ценное для Казачества, упавшее им с неба и способное возбудить зависть у русских »обездоленных« людей. В конце концов, находились и среди слишком поддавшихся русскому влиянию казаков такие, которые, не зная или забыв свою историю, тоже начинали верить чужим выдумкам о »своих« »привилегиях«...

В последнее время этими фантастическими »привилегиями« козыряют все политические противники Казачества — все единонеделимцы, все »русские казаки« и даже некоторые »соборники«, — одни — завидуя и ненавидя эти »привилегии«, другие — »восторгаясь« и желая их возврата, а все вместе — прикрывают шумихой о них свои разные, но по существу враждебные Казачеству намерения.

На самом же деле, как видим, никаких таких »привилегий« и прочих »знаков монаршей милости« Казачество никогда не имело. Не было никогда у казаков никаких »привилегий«, полученных ими откуда-то сверху, от постороннего правомочного источника. Никто ничего никогда *не дарил* Казачеству. Те же ценности материального или правового характера, которыми оно в действительности обладало, были добыты или созданы самим Казачеством в продолжении его исторического бытия. И то, что добыто и создано самим Казачеством, всегда было и есть его *правом*. *Не* »*привилегией*«, а *правом* — подчеркиваем это.

Русские цари никогда ничего Казачеству, как таковому, не дарили и никаких привилегий не жаловали.

Наоборот, цари казачьи права постоянно ограничивали, урезывали, уничтожали. То великое, ценное и святое, что Казачество само создало и имело еще задолго до столкновений с русскими царями, эти самые цари преступным насилием над волей казачьей уничтожали; грабили (как сейчас большевики!) добытые кровью и потом казачьи земли, самовольно раздавали их своим любимцам дворянам (как теперь русские большевики — своим людям!); распоряжались на казачьей территории, как в собственном крепостном хозяйстве (точно так же, как теперь красные оккупанты); насаждали у Казачества российскую чиновную бюрократическую администрацию и назначали казакам чужих генералов-атаманов (совсем так, как делает теперь Московская советская власть)... — Это ли не привилегии?!

Что же тогда Казачество должно почитать за привилегии: то, что у него было отнято, или то, что пока, до поры — до времени, оставалось нетронутым, — право Казачества за все свои войсковые земли и право полного своего свободного Войскового самоуправления или остатки земли по несколько десятин на душу и обломки самоуправления в станицах?! — И к тому же еще за эти »монаршие милости« Казачество должно было напрягаться изо всех своих сил и изнуряться в тяжелой военной службе для пользы далеких русских интересов...

Вот весь этот грабеж, уничтожение прав и постепенную ликвидацию самого Казачества противники наши и называют привилегиями. Все, что до революции в руках Казачества оставалось еще нерасхищенным и не отнятым, они и считают за казачьи »привилегии«, »царские дары« и знаки »монаршей милости«... »Монаршая милость« состояла вероятно в том, что казачьи исконная историческая собственность и право не были еще »милостиво« отобраны! — Не есть ли это для всякого честно и правильно мыслящего — абсурд из абсурдов?

— Мое собственное добро, на которое я имею естественное и постоянное право, мне кто-то »дарит« и называет это своей »милостью«. Когда это добро от меня отнимает, называет свое насилие тоже »милостью«. А когда у меня остаются всего только небольшие остатки моего добра, еще не отнятые, насильник называет снова это »милостью« и »привилегией«... — Не смешно ли это? — Не есть ли это издевательство грабителя над своею жертвою? —

Вот такой самый логический и моральный внутренний смысл имеют все дарственные, жалованные и прочие »милостивые« грамоты царей Казачеству. И на основании этих высокопарных и звонкословных грамот, прикрывавших своей пышной внешностью отвратительные злодеяния и преступное своеволие, создались дикие легенды про »привилегии« Казачества!

Дело в том, что при присоединении Казачьих Республик к России не заключалось с ними никаких договоров, служивших хотя бы некоторой гарантией казачьих конституций и охранением казачьих прав и свободы. Эти права много раз ограничивались, но остатки по тем или иным причинам признавались и подтверждались царями в форме различных грамот. По существу эти грамоты всегда более урезывали казачьи права и ограничивали казачью свободу и самоуправление, нежели подтверждали то, чем Казачество владело до издания тех грамот, не говоря уже о том, чтобы ими, грамотами, что либо Казачеству даровалось...

И что удивительно: целый ряд русских историков и юристов целыми десятками лет исследовал, переворачивал эти самые монаршие грамоты, вникал в их букву и суть, как будто серьезно делал из их содержания разные юридические заключения, строил схемы, а самого главного в них не обнаружил. — Не обнаружил того, что эти грамоты всего только ловкие прикрытия совершенных царями и их правительствами нарушений казачьих прав и ограничений вольностей некогда свободного казачьего народа, что цена всем этим

грамотам равна цене негодной фальшивой монеты. Но — сколько раз этой фальшивой монетой бряцали и бряцают наши недруги! И надо было действительно нашего времени »переоценки всех ценностей«, времени возрождения народов и борьбы их за свободу и справедливость, чтобы можно было обнаружить всю ту фальшь и пышную ложь...

Для единонеделимцев всех разновидностей все эти »всемилостивейшие« грамоты и до сих пор имеют как будто какое то значение, являясь в известном смысле »документом«, когда им надо выставить против Казачества острие »привилегий«. Единонеделимцы, »русские казаки« и прочие действительные противники подлинных казачьих стремлений умышленно и сознательно или в наивном заблуждении могут еще позволить себе играть и забавляться этой подделанной деньгой — царскими »грамотами« и »привилегиями«, но пробудившийся от тяжелого сна вольный казак, обострившийся свой взор и слух к совершающимся мировым событиям, а свое внутреннее чувство — к своей казачьей правде, свободе и праву, чувствует ясно во всех тех »монарших милостях« и »привилегиях« внутреннюю жестокую фальш: сквозь пышные пустозвонкие строки тех »жалованных грамот« он видит цепкую кровавую руку русского правительства, сдавливающую казачью вековую волю... Вольное Казачество, осознавшее и ощутившее боль своих предков в неравной борьбе с российским самодержавием, знает теперь, что все те царские грамоты и дутые »привилегии« были в сущности ничем иным, как грубым нарушением казачьего права и постепенным убиением его государственной жизни.

Если говорить о привилегиях как таковых, то лишь один случай таких привилегий имел место в казачьей жизни. Это — царские привилегии казачьему новоиспеченому дворянству, вышедшему из казачьей старшины. Казачье дворянство действительно было привилегировано по сравнению с казачьей мас-

сой и в своих сословных выгодах приравнено было к дворянству общероссийскому. Но для всего Казачества привилегии казачьего дворянства были таким-же самым попранием казачьего права, как и все остальные »монаршие милости«, ибо они, во-первых, вопреки вековому казачьему обычаю и порядку, перекраивали в интересах отдельных лиц казачью войсковую собственность — территорию и отрезывали от нее порядочные таки куски в собственность этого самого дворянства, а во-вторых — разрушали правовое казачье понятие равноправия всех членов Войска.

Такие привилегии никогда не принимались Казачеством за свои общие привилегии, и потому при возрождении Казачества, в то время, когда оно восстановило все свои исконные права, дворянские привилегии постановлениями Кругов и Рады были уничтожены. Этим Казачество с наибольшей очевидностью показало, что именно оно понимает и признает, как свое собственное право, не нуждающееся ни в чьем чужом утверждении, а что считало действительными привилегиями.

Таким образом, Казачество в целом не только никогда не пользовалось никакими привилегиями (никто ему не давал больше того, чем оно имело само), но при первой же возможности само ликвидировало привилегии одного из своих сословий.

Все вышесказанное относится к вопросу о привилегиях в связи с жалованными царскими грамотами, на которых такие лже-привилегии основались. Но есть еще один источник легенд о казачьих »привилегиях«, возможно даже более широкий и действительный для смущения умов с примитивной, обывательской способностью мышления. Этим источником являются, так сказать, измышления гл. образом неказачьего населения Казачьих Земель, недавно туда пришедшего, питавшиеся, очевидно, простым сравнением уклада и образа жизни казаков и неказаков на казачьей земле (такие взгляды-измышления в значительной мере присущи во-

обще русской народной массе, что весьма умело использует сейчас и советская власть).

Крестьяне и иногородние (особенно »новоприбывшие«), жившие в казачьих Краях, сравнивая там свои ограничения в правах (совершенно естественные, ибо они приходили на чужую для них землю и врезывались в чужую для них жизнь) с положением самих казаков, находили, конечно, в положении казачьем преимущества и склонны были расценивать их (одни — по неосведомленности или недомыслию, другим это было выгодно) как какие то привилегии, полученные, мол, казаками от царей... На те некоторые жизненные, правовые или социальные преимущества, которые казаки держали еще в своих руках, как сохранившиеся обломки своей некогда полной свободы и прав, русский крестьянин с завистью и жаждой смотрел как на нечто, что казак владеет ему (крестьянину) в ущерб, не по праву...

Такой конфликт двух мировоззрений — казачьего и русско-крестьянского — и привел к обострению иногороднего вопроса в Казачьих Краях во время революции. В конфликте этом положение Казачества было положением обороняющегося аборигена против наступающего колонизатора... Казачество, п о н и м а я такую русско-крестьянскую точку зрения, н е м о ж е т ни в какой мере принять на себя ответственности за обострение конфликта и последовавшие затем события, ибо — оно тоже хочет жить и не оно шло теснить русских, а русские шли теснить его...

Казак не мог и не смел отказаться от своих вековых человеческих прав на своей дедовской земле. Казачество, по примеру всех народов, имело моральную и высокую обязанность защищать свои права и свою свободу от всяких чужих посягательств.

С падением царского режима и восстановлением Казачеством своих прав и свободы, на них — казачьи права и свободу — совершено новое посягательство

все с той же стороны, хотя и под другими знаменами (но с одинаковыми намерениями!).

Обстановка все же несколько меняется. В то время, как старое иногороднее и крестьянское население Казачьих Земель усваивает казачью точку зрения и принимает постепенно казачью программу, а казаки, в свою очередь, мирятся со старыми иногородними и коренными крестьянами, готовы принять их в свою среду и зовут общими силами бороться за с в о е (общее) настоящее и будущее, фронт насильников-претендентов на казачье добро и казачьи земли расширился ныне от части новых русских колонизаторов казачьих территорий до почти всего русского народа. Для нас совершенно ясно это современное нападение на Казачество, это противоказачье крестьянское движение, возбуждаемое и подогреваемое русским большевизмом, демагогией и собственной массовой »философией«, питаемой животной ненавистью и жаждою захвата чужого добра и отрицающей в то же время чужие право и свободу. В общем, это русское крестьянско-иногороднее противоказачье движение, возглавляемое ныне Московской советской властью, можно охарактеризовать как движение чужесоциальных и чуженациональных агрессивных элементов, на Казачьих Землях ныне сущих или на казачьи земли стремящихся...

Но это не все. На такую же точку зрения по отношению к Казачеству становятся вообще единонеделимцы и некоторые »соборники« из противоказачьего лагеря, стараясь морально и как будто даже с правовой стороны оправдать всякую борьбу против прав Казачества. Ясно при этом, что для оправдания современного крестьянско-иногороднего колонизационного движения против казачьих прав само понятие казачьего права у таких противников Казачества искажается в »привилегии«...

На первый взгляд могло бы даже показаться, что авторы такого искажения впадают просто в глубокое заблуждение или проявляют поражающее непонимание

вопроса, о котором говорят и »учат«. Но это — только на первый взгляд. Для нас не подлежит никакому сомнению, что в общей системе нападений на Казачество и на его права, под маской »привилегий« кроется не непонимание, а сознательная политическая тенденция, имеющая задачей создание предубежденно-враждебного отношения к Казачеству как со стороны его соседей »внутренних«, так и »внешних«.

В. К. имеет свою точку зрения на решение крестьянского-иногороднего вопроса в Казачьих Землях, которую неоднократно высказывало и защищало. Здесь же только подчеркнем, что казаче-иногородний или казаче-крестьянский вопрос у нас должен разрешится не в порядке насильственного ограничения иногородними и крестьянами (при помощи русских »красных«, или »белых«, или еще каких сил) казачьих привилегий, а в порядке уравнения казаками в правах с собою той части старого (до-большевицкого) крестьянско-иногороднего населения Казачьих Земель, которое примет Казачью Программу освобождения и создания самостоятельного и независимого государства — Казакии — и, связав свою судьбу с Казачеством, станет рядом с ним против общего врага...

. . . . . .

Нас много здесь, заброшенных далеко,
И все мы с мыслею одной — свобода!
Мы верим крепко и глубоко:
Придет он, Воли час, для нашего народа.

А. Бабков („ВК“ № 82).

XXXIII.

К русскому народу.

10 апреля 1932, № 102.

К тебе, русский народ, обращаемся мы ныне со своим словом — казачьим словом. Хотели бы, чтобы слово это было понято тобою так же искренно и честно, как честно и искренно мы его пишем.

Слушай!

Пятнадцать лет тому назад народы бывшей Российской Империи свергли царское иго. И, полные радостных надежд и глубокой веры в лучшее будущее, устремились освобожденные народы к свободе... Верили в мир и братское согласие всех народов... Светлая, взлелеянная мечтами целых поколений Свобода, влившись широкой и могучей струей в »тюрьму народов«, захватила и воодушевила души всех тех, кто столетиями изнывал в тяжком невольничьем ярме... И помнишь ли?... Помнишь ли, русский народ, как в первые дни революции все народы мечтали о братстве, о федерации народов?...

И лишь ты молчал... А твоя интеллигенция, твои руководящие политические партии, твои революционные правительства, в глухой злобе затаив в себе черные мысли старого великодержавия, уже ополчались против только что родившейся свободы народов. Продолжая в национальном вопросе политику павшего царского самодержавия, они не считали приемлемым, не находили для себя и для »русского достоинства« возможным говорить с другими народами бывшей Р. Империи как равный с равным... Яд великодержавных стремлений к господству над другими народами у

твоих революционных правительств оказался не меньшим, чем у самодержавия царского.

Но, заговорил и ты, русский народ. Заносчиво самонадеянный в своих верхах и, казалось, безвольно пассивный в широких »низовых« массах, ты скоро показал свое истинное лицо. Оно ничего хорошего не сулило другим народам. Только что сам сбросивший цепи рабства, ты »на второй день после революции« стал уже тянуть в новую, с в о ю кабалу тех, кто хотел быть твоим братом. И неискренними и недостойными кажутся все твои казуистические заявления и уверения в том, что ты вынужден был совершать насилия против братьев и соседей во имя какого то »общего блага«, иллюзорного »единства русского народа« или »единства русского государства«, или во имя сохранения привилегии »русской культуры«, которой ничто не угрожало — по крайней мере — с нашей стороны. Ибо, ничем нельзя оправдать насилия против свободы. Насилия, совершаемые в этом случае хотя бы и во имя твоих »наивысших благ«, не перестают быть насилием против свободы народов, против наивысшего из наивысших благ. Свобода была добыта всеми народами сообща для того, чтобы каждый из них пользовался ею по своему праву и по собственной воле. Но ты, русский народ, это наивысшее общее благо свободы подменил своим собственным »общим благом«, скрывая под ним ненасытное стремление к господству над другими народами, даже теми, кого ты называл иногда своим братом. Во имя этого стремления ты стал совершать над стремящимися к освобождению народами насилия, достойные твоих прежних царей. Теми насилиями ты первый стал убивать новорожденную свободу — и чужую, и свою собственную...

Это отшатнуло от тебя все освободившиеся вместе с тобой народы, вселило в души их тревогу и сомнение в целесообразности их стремлений к общему вольному строительству новой жизни — государственной жизни на новых началах самоопределения, на началах рав-

ноценности и равенства народов, на началах сговора и соглашения с тобою. А когда вскоре ты дал опору диктатуре большевицко-коммунистической власти — новой тирании народов — все сомнения их относительно твоих истинных намерений рассеялись. Все стало снова ясно...

Тогда каждый из народов бросился строить с в о й д о м, каждый сам и для себя должен был и принялся устраивать свою собственную государственную жизнь. А ты, еще недавно сам об'являвший святые принципы свободы и воли народов — самоопределение вплоть до отделения — ты на остриях штыков своих красных солдат опять понес тем народам старое историческое насилие твоих царей и снова залил кровью и слезами даже тех, кто имел неосторожность поверить твоим, как оказалось, неискренним заверениям и — в устах твоих — ложным лозунгам свободы. Свою свободную жизнь, свой собственный суверенный государственный Дом смог построить только тот народ, кто с оружием в руках сумел отстоять свои границы против тебя, русский народ, предводительствуемого большевицко-коммунистической властью. У кого же не хватило физических сил отбить нашествие твоих красных армий, кто оказался слабее тебя, тому не помогли никакие, провозглашавшиеся тобою же самим, святые идеи и высокие принципы свободы и равенства народов и священного права их на самостоятельную государственную жизнь. Насильнической, беспощадной грубой ногой красноармейцев ты жестоко потоптал там святость свободы, права и справедливости и вновь восстановил, вновь утвердил над народами свергнутый революцией режим бесправия, насилия и рабства. Держа в одной руке фальшивый ярлык »социалистической«, »советской« и всякой иной »свободы«, ты другой рукой наново стал строить разваленную революцией »великую тюрьму народов«, загоняя в нее силой всех тех, кто не захотел добровольно подчиниться тебе и тираническому господству твоей новой власти.

Это ли не свидетельство того, что в твоих устах все освободительные лозунги звучали не искренно, что против чистых и доверчивых стремлений других народов ты держал за пазухой камень?!... Это ли не свидетельство того, что твои новые, признанные тобой вожди с твоего именно согласия двинули тебя на совершение величайшей несправедливости и страшнейших злодеяний против права и свободы стремящихся к освобождению и государственной самостоятельности народов?!... А то, что происходит вот уже 12 лет на территориях вновь порабощенных тобою народов — не свидетельство ли это опять таки того, что твой кулак, твоя тяжелая поступь не легче и не мягче кулака и пяты царской?!...

Но, не думай, не будь самомненно уверен, что такое бесправие будет продолжаться бесконечно долго. Грядут события, которые и перед тобой поставят многие вопросы ребром; настанет время, когда страдающие, изнывающие под твоим господством народы — по добру иль против твоей воли — заставят тебя еще раз решать свой вопрос... И неизвестно, хватит ли у тебя сил покорить соединенные, солидарные между собою в борьбе за свою свободу народы и на этот раз... Неизвестно еще, удастся ли тебе и на этот раз насилием заглушить стремление к освобождению и восстановить ненавистный режим рабства и эксплуатации народов. — Подумай об этом глубоко, русский народ; подумай и приготовся к достойному и искреннему ответу!

*

Среди порабощенных ныне тобою народов, под тяжелым игом твоей власти страдают великим сверхчеловеческим страданием и казаки, которые тоже хотят жить человеческой жизнью, которые тоже стремятся к освобождению и к восстановлению своих человеческих прав. Они хотели бы одного: исполнения единственного заветного обусловленного природою и справедливостью желания: жить на своей земле так,

как им хочется, и предоставить такое же право всем другим народам. Казаки не хотят ничьего чужого господства над собою и не стремятся сами к господству ни над кем другим. На своей дедовской земле, в своей хате — свое право и своя воля — этот величайший принцип истинной свободы — принимается Казачеством безоговорочно для себя и, в такой же мере, признается им право на такую свободу за всеми другими народами.

И сейчас мы, казачья эмиграция, об'единенная в самостийническом движении »Вольное Казачество«, берем на себя инициативу сказать тебе, русский народ, прямо и открыто еще раз о наших стремлениях и о том, как мы их хотели бы осуществить. И тогда от тебя и больше ни от кого другого будет зависеть — решится ли наш спор без крови и борьбы. Мы не желаем ненужного пролития крови ни своей казачьей, ни твоей, русский народ. Но, когда проливается тобою казачья кровь, она требует ответа.

До сих пор за тебя, русский народ, говорили твои цари, потом — революционная и нереволюционная, демократическая и недемократическая, партийная и непартийная интеллигенция, говорили военные и политические организации... Ты же или угрюмо молчал и, исполняя веления старой своей власти, совершал над нами свои исторические насилия, или, поддакивая ныне власти своей — рабоче-крестьянской, — повторяешь ее лицемерные лозунги и... продолжаешь совершать еще большее насилие.

Теперь кричат за тебя на весь свет: советская большевицко-коммунистическая власть или изгнанная тобой эмигрантская, бывшая раньше у власти интеллигенция, а ты — молчишь или поддакиваешь... Твоя настоящая власть распинает, уничтожает многострадальное Казачество, а ты молчишь и... помогаешь. Твоя революционная интеллигенция заграницей и остатки царско-помещичьего строя одинаково таят в себе губительный яд злобы и ненависти против сво-

боды Казачества, готовясь и к своему по нем удару, а ты — молчишь и... одобряешь.

И вот мы пробуем вступить с тобою, русский народ, в переговоры непосредственно. Обращаемся к тебе открыто и желаем говорить »на-чистоту«.

Вспомним весну 1917 года. Сколько уверений в братстве слышали мы, казаки, от русского мужика в солдатской шинели!... Какие »сладкие« речи вел он о справедливых отношениях; о справедливой новой власти! Сколько приводил аргументов, опирающихся на совместную »окопную жизнь« в Мировой войне или ссылок на »общий военный котелок«!... И все это до тех пор, пока, мы, казаки, не были разоружены и пока вы, русские красные вооруженные солдаты, не полонили наши беззащитные станицы и города.

А потом что было? — Исчезли, развеялись твои, русский народ, соблазнительные речи, уста твои исказились безбожной бранью; глумлением и бесстыдным издевательством проявился ты над слабыми и беззащитными и твои руки обагрились на казачьей земле казачьей кровью. Хуже, чем в завоеванных вражеских землях, насиловалось и губилось тобой казачье население; хуже, чем дикий варвар и разбойник, ненасытно господствовал ты на нашей земле, в нашем доме...

И восстали мы. По завету отцов и дедов подняли мы на насильников свою руку для защиты своих жен и детей, отцов и матерей, своего труда и своего добра, своей земли и своей воли, своего права и поруганного, истоптанного тобою своего человеческого достоинства. И в огне и крови принесенной тобою в наш угол войны стали мы строить и защищать свой родной дом, — свои вольные, самостоятельные государства — казачьи республики.

Но, пришел ты к нам, русский народ, и с другой стороны: пришли к нам другие твои солдаты, офицеры и генералы — »белые«. И наши, не подвластные тебе, казачьи государства и земли сделали вы — »красные«

русские и »белые« русские — ареной решения вооруженной силой своего внутреннего домашнего спора, чуждого и не нужного нам... И вновь весь ужас этой твоей борьбы обрушился на нашу землю несчастную...

И не менее соблазнительные слова слышали мы и от твоих солдат »белых«. Пришли и они к нам с лозунгами свободы и порядка. Но и они говорили эти сказки лишь до тех пор, пока не захватили наших территорий, пока не овладели нашими богатствами и пока нас самих не свели на единоборство со своими красными противниками для достижения своих целей и осуществления своих интересов. И на наших землях, в нашей хате господствовали твои »белые« не лучше твоих »красных«.

Боролись мы и с твоими »белыми« и продолжали строить свой Дом. Боролись и с »красными«, и с »белыми«... Выбивалось из сил, изнурялось, изводилось борьбой на два фронта Казачество... И не можем теперь сказать, кто хуже, кто лучше из вас был, ибо, когда мы бросили »белых«, »красные« залили наши земли еще обильнее казачьей кровью. По какому божескому или человеческому праву? — спрашиваем мы.

*

Чего же хотим мы, казаки, и чего хочешь ты, русский народ? Можем ли мы говорить между собою открыто и искренно? И можем ли мы договориться?

Мы, казаки, своих стремлений не скрываем. Наша цель открыта и ясна, ибо — справедлива и оправдываема всеми законами человеческого общественного бытия. Наши стремления чисты и честны, ибо опираются на право и оправдываются человеческим достоинством. Наша политическая программа коротка: мы боремся за освобождение, мы хотим строить свое собственное свободное государство и жить в добром согласии со всеми своими соседями, в том числе и с тобою.

Что нового в этой программе и в наших, выраженных в ней, желаниях? — Мало нового! — ибо наша нынешняя программа есть лишь повторение священного завета наших предков. Мы теперь повторяем и стремимся к тому, что завещали нам наши деды и прадеды. Наши желания и лозунги — желания и священные лозунги всего великого, единого и вековечного Казачества в целом — от глубоких времен старины до сегодняшнего дня — и это единое желание, этот лозунг — Свобода.

С этим желанием, с этим лозунгом шло Казачество всю свою историческую жизнь. И не только для себя одного искало оно это наиценнейшее человеческое благо. Всегда приходило оно на помощь и другим, ищущим свободы, права и справедливости. Помогало Казачество не раз и тебе, русский народ, искать волю и землю... Припомни историю, припомни наши взаимоотношения. Сколько твоих сынов, уходивших из-дому от царской тирании и помещичьего крепостнического деспотизма, находили свободу и защиту на казачьих землях среди вольного и радушного казачьего народа! Великим казачьим правом — правом убежища — пользовался ты, русский народ, в полной мере в разные тяжелые дни и невзгоды твоей исторической жизни. Приходил ты к нам не раз рабом и становился на нашей земле свободным господином себе и равным нам братом. На казачьей земле ты снимал свои оковы и опоясывался мечом свободного рыцаря. Это ли не было казачьей помощью тебе?!.

Но не только ты ходил к нам искать свободы, — и сами мы не раз носили к тебе свободу... Вспомни великие освободительные движения Разина и Пугачова. Отвыкни от извращенной и несправедливой мысли, внушенной тебе царями и старыми помещиками, что эти казачьи вожди были »разбойниками«. Разин и Пугачов, свободные сыны казачьей земли, несли светоч казачьей воли и народоправства и на твои русские земли. И там, где ступала казачья нога, там

рвались и опадали с русских мужиков-рабов крепостнические оковы... Это ли не было казачьей братской помощью тебе?!.

Были времена, когда Казачество искренно хотело помочь тебе. А как же отплатил ты Казачеству эти благородные его стремления? — Ты, во главе со своими царями и царицами, нес в Казачьи Земли огонь, меч, разрушение и истребление. Покорение »под нози« деспотов и рабские оковы нес русский мужик-солдат туда, откуда раньше и на него готов был излиться луч свободы.

Это было в прошлом. А вот и в недавнее уже время, увлекая нас на борьбу с коммунистической властью в сов. России, твои »белые« вели нас тоже под флагом помощи тебе. Не было ли и это желанием со стороны казаков помочь тебе? — И не мы, казаки, виноваты в том, что для тебя твои »красные« оказались более своими, более желательными и приемлемыми, чем »белые«...

*

Мы, вольные казаки, берем на себя инициативу мирного решения нашего с тобой спора и установления нормальных между нами взаимоотношений. Никто так, как мы, не хотел бы решить этот вопрос мирно, без борьбы и крови. Мы никого не хотим звать к ответу за грехи против Казачества в прошлом. Сам ты должен был бы добросовестно сознать эту историческую вину свою и, если не чуждо тебе чувство божеской и людской справедливости, сам ты должен был бы искать путей исправления ее. Мы, повторяем, не хотим лить кровь ради прошлого, ради минувшего... Не хотели бы мы лить ее и при решении настоящего нашего с тобой вопроса. И если бы наше доброе к тебе, русский народ, казачье слово нашло в душе твоей соответствующий искренний отклик; если бы наша инициатива встретила у тебя такое же желание мирным путем раз и навсегда решить наши взаимные исторические спо-

ры; если бы ты действительно искренно и по братски захотел, чтобы между нами в будущем установились и укрепились добрососедские отношения и мирное сожительство равных, то первым твоим шагом на этом добром и мирном по отношению к нам пути был бы: *увод со всех казачьих территорий всех абсолютно вооруженных русских сил. Конец военной оккупации* — должно быть первым твоим словом мира.

Мы говорим с тобою открыто и честно, русский народ; мы не скрываем своих намерений: мы хотим свободно сами на своей земле по своей собственной воле и праву устраивать свою жизнь. От тебя же желаем полного невмешательства в казачьи дела навсегда. Ты должен признать за нами такое же абсолютное право на самостоятельную государственную жизнь, какое признаем мы за тобою. Мы желаем, чтобы ты занял за границами Казачьих Земель надлежащее свое место доброго мирного соседа и никогда и ничем уже не навязывал впредь своей воли Казачеству.

Мы искренно и открыто говорим тебе о своих желаниях. Мы свободно, открыто и нелицемерно провозглашаем свою программу. Мы, таким образом, открыто и добросовестно предлагаем тебе решение нашего вопроса. Говорим: *Мы не хотим твоего, но не дадим, защищаем и будем защищать свое...*

Скажи же, *чего хочешь ты*, русский народ? Чего ты желаешь: мира или борьбы? Хочешь ли признать наше священное право на свободу и государственную самостоятельность или собираешься вновь и впредь насилием топтать его?

Мы говорим с тобою непосредственно и хотим слышать от тебя непосредственно и ответ. Скажи, *чего хочешь ты?*

Но помни одно: сколько бы и как долго бы не господствовал ты над другими народами, как бы жестоко не давил их своими оккупациями, — все равно

придет великий час их освобождения, ибо правда существует в мире для того, чтобы разрушать ложь и обман; Добро — для того, чтобы уничтожать зло: Свобода — для того, чтобы убивать насилие и рабство. И чем больше и жесточе будешь ты душить и притеснять других, тем более будут ненавидеть они тебя в ответ, тем большею и сильнейшею будет их отплата, когда придут и для тебя трудные времена, а для них счастливые дни Освобождения.

Мы сказали. Со спокойной и чистой совестью ждем твоего ответа.

. . . . . .

За Дон, за Терек, за Кубань,
За славу дедов, честь отцов,
Что вечный враг ногой попрал —
Сам раб в течении веков...

Не спите ж вы, кто любит спать,
Не ждите вы, что кто-то вам
Вернет ваш Край, свободу даст
Родным станицам, хуторам, —

Смелей вперед! Идет рассвет —
Долой сомнения и страх!
За кровный старины завет —
За Волю — на казачий шлях!..

С. Чепурной („ВК" № 118).

XXXIV.

Братьям казакам под большевиками сущим.

10 марта 1932, № 100.

Из свободной Европы, где людская мысль вольна и свободно человеческое слово, посылаем свой голос-призыв туда, домой, где под тяжелым гнетом московской большевицко-коммунистической тирании в невероятных страданиях изнывают наши братья.

Пишем туда... Пишем с болью в сердце. Посылаем с глубокой скорбью свое слово в царство немого ужаса и смерти. Свободным словом своим хотим бросить луч надежды в родные исстрадавшиеся души. Хотим открыть своим братьям-казакам затуманенные чужим вражеским туманом глаза. Хотим, чтобы они посмотрели на все совершающееся в жизни своими собственными чистыми глазами. Хотим рассказать своим братьям о том, что мы сами, в глубоком напряжении мысли и чувств, скитаясь по миру, исследуя, докапываясь и изучая, сами о самих себе и о судьбах Казачества узнали.

Пусть же и Казачество там, в неволе под большевиками сущее, откроет свои глаза и смело посмотрит в лицо нашей — своей собственной Казачьей Правде. Пусть взвесит и оценит всю тяжелую историческую казачью Долю. Пусть посмотрит открыто в самую суть причин разгрома Казачества. И тогда — возродится оно духом непобедимым к новой жизни, к новой борьбе; воспылает новой несокрушимой силой и верой в свою Правду-Волю.

Ибо: кто знает свою ошибку, тот может исправить ее. Кто знает свою болезнь, тот может лечить ее.

Кто узнает корень зла, тот найдет способ вырвать его...

Главное — знать правду. А главнее всего — знать правду не чужую, а свою собственную.

Где же она — эта наша собственная Казачья Правда и в чем она?

*

Родные братья и сестры! Слушайте! Слушайте все наше вольно-казачье слово!

Нам, пожалуй, лучше, чем вам, — лучше уж тем, что никто не насилует здесь нашей совести, никто не давит нашего духа и слово наше свободно. Но, все думы и мысли наши там, с вами, — ждем не дождемся того счастливого момента, когда снова сможем ступить на свою родную, обетованную теперь для нас Землю. Одного желаем и к одному стремимся — чтобы Земля та была впредь только нашей и ничьей больше, чтобы никогда казаки в будущем не уходили в эмиграцию....

Когда мы, казаки, в конце 1920 года попали заграницу и начали расселяться по разным странам и чужим землям, то, к своему удивлению, обнаружили, что мы не являемся первой казачьей эмиграцией. Узнали мы, что много казаков, наших предков, задолго еще до нашего времени не раз уходило со своих родных Земель в чужие края, спасая свою жизнь и свободу. Мы розыскали казаков-Некрасовцев в Турции; мы увидели остатки Запорожцев в Румынии; мы узнали, что побывали когда то казаки-эмигранты в Банате (теперешняя Югославия); услышали, что даже на отдаленный остров Мальту ведут казачьи следы. Таким образом мы узнали, что уже в прошлом не одна казачья эмиграция появлялась в Европе и Азии. А когда мы порылись в своей истории, в памятниках нашего прошлого, мы нашли и там много общего с тем, что делается сейчас.

На наших глазах убили Рябовола, повесили Кулабухова — русские-белые; убили Назарова, М. Богаевского и многих патриотов-казаков — русские-красные; теперешние большевики-оккупанты убили много тысяч — десятки, сотни тысяч »неизвестных« казаков, а живых — мучат, изводят, ссылают в Сибирь, на Соловки. Теперешние победители — русские большевики — казаков убивают, выселяют, казачье имущество отбирают, а искони казачьи так много раз политые казачьей кровью и орошенные казачьим потом земли заселяются русскими пришельцами-колонистами... Это — теперь.

А в прошлом? То же самое проделывали русские с Казачеством и в прошлом. И повторялась эта история не один раз. Точно так же убивались вожаки и лучшие люди Казачества. Точно так же гибли тысячи и тысячи казаков от русской руки. Точно так же отбиралось казачье имущество грабежом, а казачьи, силой захваченные, земли заселялись русскими пришельцами-колонистами. Вспомните убийство Разина, Пугачова, Булавина, Грузинова, ссылку Петра Кальнишевского на Соловки, а Запорожской старшины в Сибирь, Петровские плоты с тысячами повешенных казаков по Дону, гибель тысяч казаков на земляных работах в Петербургских каналах, массовое уничтожение Запорожцев Екатериной и наделение ею казачьими землями русских вельмож и своих любовников...

И хотя между тем, что делалось в прошлом, и тем, что делается теперь, есть как будто некоторая разница, именно — в прошлом издевались над Казачеством цари, а теперь угнетают его большевики, но разница эта — только кажущаяся, ибо суть всех злодеяний одна и та же: совершалось и совершается уничтожение, ликвидация Казачества.

И как теперь, так и тогда, всякий казак, который имел возможность спасти из русских »братских« об'ятий свою жизнь, честь и свободу, принужден был покидать родные земли и удаляться в скитание на чужбину.

Эти постоянные казачьи эмиграции яснее всего свидетельствуют о подлинном отношении русских к Казачеству.

Нас вот выдавили за свои родные границы русские большевики, но в прежние времена большевиков-коммунистов не было, — кто же выдавил с своих дедовских мест казаков-эмигрантов в прошлом — Некрасовцев и Запорожцев?

Поразмыслите над всем этим, братья казаки, и не покажется ли вам ясной та правда, что по отношению к нам, казакам, и русские »великие« цари и русские большевики не разнятся ничем!

Почему же все это так делается? Почему Казачество и в прошлом и в настоящем должно было бросать свои родные земли и переселяться на »свободные места« куда нибудь подальше или и совсем далеко уходить в эмиграцию? Почему? Кому стояли и стоят казаки поперек дороги? Кому и чем они мешают?

Совершенно понятно, что если Казачество гибло в борьбе, уничтожалось, переселялось, выселялось, уходило на чужбину, то значит, — на него кто-то нападал и принуждал его к этому. И тоже совершенно понятно, что если на Казачество кто-то нападал, то, очевидно, имел в том какую то свою цель, свои стремления и планы. И опять таки — само собою — понятно, что если Казачество боролось с нападавшими, защищалось, гибло в борьбе и не покорялось, то, значит, оно защищало какие то свои собственные права и интересы, отличные от интересов и целей нападающих. Ведь если бы не было между казаками и нападающими разницы прав, интересов и целей борьбы, то не было бы и самой борьбы, не было бы уничтожения Казачества, не было бы его самозащиты, не было бы смертэй лучших, верных сынов Казачества, не было бы »переселений«, выселений на Соловки и Сибирь, не было бы и казачьих эмиграций. А мы видим, что все это было и есть, все обращается в бесконечном круге борьбы...

Почему же, почему все это так происходит? Не пора ли и самим казакам посмотреть на самих себя, на свою историческую действительность прошлого и на настоящее свое положение своими собственными глазами? Не пора ли розыскать причины всех своих несчастий и подумать о том, чтобы в будущем они не повторялись? Не пора-ли думать нам о себе именно теперь, когда, как мы видим, пробудились или пробуждаются к жизни, к защите своих прав и к достижению своих собственных целей многие народы Европы и Азии, когда некоторые из этих народов достигли уже полной защиты своих прав в своей государственной самостоятельности, а другие упорно борятся и добиваются своей государственности? Так не пора ли и нам, казакам, самим о себе подумать и самим о своей доле решать? Не пора ли?...

*

Прежде всего, довольно нам слушать русские сказки о казаках: о том, что казаки — бывшие некогда русские »беглые люди« — преступники и разбойники, — которых де русское государство »приводило к порядку« и тем оправдывало свои над Казачеством насилия. Простой здравый смысл каждому, кто умеет мыслить, вскроет всю ничтожность этой выдумки. Ведь если бы действительно казаки были теми, за кого их выдают ныне русские, то не могли бы у них выработаться такие возвышенные понятия о свободе, которые все время практиковались в казачьем демократическом быту, не могло бы развиться у них такое высокое понятие о свободной человеческой личности, не могло бы быть установлено таких высоких военно-доблестных рыцарских правил, не мог бы возникнуть такой совершенный идеал свободы, с великими лозунгами которого Разин и Пугачов ходили освобождать и »оказачивать« под'яремных крепостных рабов — русских мужиков, а Булавин, Грузинов и другие казачьи вож-

ди защищали Казачество против русской государственной деспотии.

Вообще — бессмысленно утверждение русских официальных историков, а за ними и всей почти русской общественной мысли последнего времени о том, что казаки — »беглые русские люди«, ушедшие будто бы из под московского царского или помещичьего режима на вольные степи... К сожалению, некоторые сторонники России и среди казаков усиленно проповедуют ту же ересь о казаках, как о людях русских. Мы порылись теперь сами в своей истории и знаем, что это неправда. Бегали, конечно, иногда русские крепостные спасаться к казакам. Некоторые натурализировались потом и становились казаками — гражданами казачьих республик. Но, казаки оттого не стали »бывшими крепостными«. Впрочем, бегали к нам не только русские крепостные от помещиков. Совсем недавно бегали к нам и помещики от своих бывших крепостных, но — казаками не стали и казаки оттого не сделались бывшими русскими помещиками...

Нет ли в русских утверждениях кое-чего непонятного? В самом деле, посмотрим — что же происходит? — Если казаки русские люди, то почему одни русские люди других русских людей теснят и уничтожают в продолжении веков лишь на казачьих землях? Почему не отбирают земли Тамбовцы у Пензенцев или Костромичи у Рязанцев, а почему все они вместе лезут на казачьи земли и производят здесь зверства, и безумства, и грабеж чужого добра? Каково же это »единое национальное русское чувство«, если допускает одну част русских над другой частью русских (понимай — Казачество) совершать такие жестокости и притеснения? Не говорят ли эти факты как раз против национального единства и общерусскости русских людей и Казачества? И почему существует такое большое различие между русскими людьми и казаками в быте, нравах, мировоззрении, правопорядке, и в психике, и во внешних чертах? И почему при таком страш-

ном постоянном преследовании и русской обруситель-ной политике, продолжавшейся почти двести лет, казаки все же выдержали и до сих пор сохранили свою казачесть? И, наконец, почему даже те из казаков, которые считают себя как будто русскими, в сущности никогда не позволяли отожествлять себя с русским человеком? — Вот на все эти вопросы русские и »русские казаки« не умеют или не хотят ответить.

Постараемся же мы сами на них ответить, ища в их разрешении своей собственной казачьей правды.

Итак, все эти большие и важные долгие исторические »недоразумения« между русскими и казаками происходили потому и оттого, что казаки действительно не русские люди, а совершенно отдельный по крови и духу славянский народ, живший еще в недавнее историческое время собственной государственной жизнью. Но, к сожалению, казакам суждено было иметь своим соседом русских людей. Постоянно расширяясь и набухая, Московия, а позже (от Петра) Россия стремилась к завоеванию своих соседей, в том числе и казаков, и к овладению их землями, которые нужны были: раньше русскому помещику землевладельцу, а теперь русскому крестьянину земледельцу.

Изучение нашей родной казачьей истории открывает нам собственную нашу правду. Мы узнаем, что Казачество существовало на своих землях еще ранее образования самого Московского государства, а тем более России. Казачий народ произошел от смешения славянских юго-восточных племен со степными тюркскими народами, долгое время пребывавшими на теперешних, исконных казачьих землях.*) В результате этого этнического смешения выработался отдельный специфический казачий тип, отличный и по физи-

*) Великороссы произошли от смешения славян северо-восточных с финскими (монгольскими) племенами.

ческому и по душевному складу от иных славянских народов.

С давнейших времен Казачество — Доно-Яицкое или Запорожское — все равно — выработало у себя свой собственный общественный правопорядок и государственные формы бытия, опирающиеся на принципах свободы личности, народоправства, равенства и братства. Как свою свободную государственность, так и свой высоконравственный идеал свободы Казачество долгое время защищало против посягательств соседей-русских, стремившихся подчинить Казачество азиатско-варварской деспотии царей и режиму рабско-крепостнического права. И только благодаря перевесу физической силы да неописуемым насилиям и террору русским царям удалось, после долгой и упорной борьбы, сломить волю Казачества, постепенно овладеть его добром и посеять среди него разлагающий яд обрусения.

И в этой вековой борьбе Казачество долгое время продолжало существовать как независимые свободные республики. До времен Московского царя Алексея Михайловича все Казачество было совершенно независимым и впервые лиш этим царем Дон принужден был, к формальной по крайней мере, присяге русскому царскому престолу. В течение следующего затем столетия Петр и Екатерина и фактически уничтожили государственную самостоятельность старейших казачьих республик: Донской и Запорожской.

После революции 1917 года, с падением царской власти, освободилось, наравне с другими народами, и Казачество, возродив свою государственность и образовав ряд фактически самостоятельных республик. Эта государственность вновь была уничтожена стараниями русских »белых« и новым нашествием русских красных орд.

— Вот какую правду открывает нам наша родная казачья история. Вот почему нам становятся ясными и понятными те явления и события в жизни и судьбе

Казачества, которые происходили в прошлом или совершаются теперь. Нам понятно теперь, почему русские всех цветов и оттенков, от царей до коммунистов, убивали Разина, Пугачова, Булавина, Грузинова, Рябовола, Кулабухова, Назарова, М. Богаевского, даже — Зерщикова! Убивали и убивают тысячи лучших сынов Казачества, ссылали и ссылают в Соловки или Сибирь борцов за казачью волю и долю, отбирали и отбирают грабежом имущество, а казачьи земли отдавали и отдают русским мужикам. Более чем понятным становится и то, почему Казачество гибло и гибнет в оборонительной борьбе за свои права и волю, и почему оно имело ранее и имеет ныне свою военно-политическую эмиграцию.

Понятным становится, наконец, и то, почему некоторые из самих казаков до сих пор считают себя русскими. Подчинив Казачество и включив их Земли в свой состав, Россия упорно, настойчиво и безостановочно обращала казаков в »русских«. И действительно успела очень много сделать на этом пути. Так много, что даже и теперь, когда и сама Россия превратилась в триесерию, часть казаков, забыв борьбу предков, только и мечтает, что о благе Российского государства.

*

Рассмотрим же теперь характер настоящего политического момента.

Казачья жизнь не выходит из общей исторической схемы, которой намечаются пути почти всех стремящихся к полному выявлению своего государственного бытия народов. Пути и стремления всех народов ведут их к наибольшей своей цели — свободе и самостоятельности. Шло и должно идти по этим путям и Казачество. В государственно свободный период своего существования Казачество осуществляло эту цель — оно было свободно и самобытно: Басурманину не кланялось, у Москвы — как жить — не спрашивалось.

И лишь под тяжестью русских долговечных ударов свобода и самостоятельность Казачества была сокрушена.

Но, сознание свободы и стремление к своим природным человеческим правам не угасало в Казачестве и во время долгой неволи. Целый ряд подвижников и мучеников Казачества своею кровью, пролитой непосредственно в борьбе или на русской плахе, оживлял и укреплял это сознание. И вот, в то время, когда развалилась старая Империя и порабощенные ею народы принялись самостоятельно устраивать свою жизнь, восстало из долгой неволи и Казачество и с полным сознанием своей собственной правды и свободы стало строить свою »вольную хату«, »свой порог« и свой родной угол.

Но, и на этот раз навалилась на Казачьи Земли все та же зловещая беда: и на этот раз пришли к казакам опять русские — белые и красные. В казачье государственное строительство внесен был разлад. В этот решительный исторический момент всплыла наверх и сказалась во всей своей пагубной силе вековая, планомерно веденная среди казаков руссификация. Она разложила, подломила и сокрушила силу возрождающегося Казачества, внесла в его среду братоубийственную внутреннюю борьбу и, в результате, привела Казачество вновь к неволе. Ибо только благодаря этой предшествовавшей руссификаторской работе, казаки расслоились и поделились с 1917 года на три лагеря: одни за Казачество и его свободу по завету предков, другие и третьи — за Россию — красную или черно-белую — против Казачества.

В этом разделении и состоит самая страшная трагедия Казачества, приведшая непосредственно его к тому, чем оно есть сейчас: к тому, что происходит дома, где идет усиленная ликвидация Казачества, и к тому, что происходит здесь в эмиграции: борьба между самостийниками и сторонниками единой — неделимой России.

В настоящее время положение Казачества больше, чем тяжелое. Необходим выход из этого положения. Но, чтобы был возможен выход, чтобы он был виден, — нужна ясная цель. Нужно хорошо продумать и уразуметь, почему мы в такую ситуацию попали. Не надо никому из казаков закрывать глаза на свои ошибки, — наоборот, в них мы должны найти причины наших неудач, чтобы, избегая в будущем их повторения, твердо наметить ясную цель своих стремлений.

Что же было причиной наших неудач в недавней борьбе? Несомненно: 1. Неподготовленность к событиям в таких формах и размерах, в каких они пришли, и отсутствие своей собственной, строго проработанной, казачьей государственно-политической программы. 2. Служение иногда чужим интересам во вред Казачеству: одних — интересам русских большевиков, других — интересам русских »белых« генералов Добровольческой армии.

Революция 1917 и события последующих годов захватили Казачество неподготовленным. И понятно почему: в царский период и невозможно было казакам выработать свою собственную казачью программу и распланировать наперед свои поступки и действия. Эта неподготовленность казаков-самостийников, при самых лучших их намерениях, и шатание части Казачества между красной и белой Россией и были, безусловно, главными причинами казачьих неудач и поражений. И теперь только безумцы могут звать Казачество опять к повторению того, что уже привело нас к пропасти.

Зная причины неудач, казакам надо стараться не повторять своих ошибок еще раз. Надо решительно отбросить и всех тех, кто нас снова зовет на этот гибельный путь. Наши ошибки на-руку только нашим врагам и они, предательством и обманом, сознательно зовут нас к повторению наших промахов.

Мы зовем казаков бросить ходить по чужим проселочным дорогам и выходить открыто на с в о ю прямую и широкую дорогу.

Где же она, эта прямая и широкая шлях-дорога Казачества? — Ответ один: в государственной самостоятельности. Надо, наконец, всем нам, казакам, уразуметь, что лишь в государственной самостоятельности сможет Казачество восстановить и защитить всю полноту своих прав. Никогда никакое другое государство, поглотившее Казачество, не сможет дать всех тех прав и обеспечения свободы, каких может достичь Казачество в собственной государственности, служащей наибольшей и наиреальнейшей гарантией всех прав каждого народа.

В состав какой бы России ни входило Казачество и как бы велики не были его заслуги перед той Россией, все равно — вся полнота государственных и политических прав будет принадлежать в ней — во всякой будущей России — »первостепенным« гражданам — русским, а Казачеству, в качестве граждан »второго порядка« придется все время »тесниться«. И как бы не были горячи уверения »русских казаков« (сами русские в том совсем не уверяют) о полном будущем равноправии казаков с русскими людьми, должно принимать все те уверения или как наивную несознательность или как сознательную ложь. Еще большей ложью является утверждение о »свободном Казачестве в свободной России«. Должно знать, что ни Россия, ни какое иное государство собственными руками казачье государство (штат, автономную или даже самоуправляющуюся Область) в своем собственном государстве строить не будет и не позволит этого делать и самим казакам. Точно также — и казачьих прав против самого себя защищать не будет. Такое утверждение — полный абсурд.

Итак, совершенно ясно, что единственный путь Казачества, ведущий его к наиболее заветной своей цели — есть путь казачьей государственной самостоятельности.

Но, можем ли мы строить свою собственную государственность, сможем ли ее построить? — Можем

и сможем, если захотим. Твердая, несокрушимая воля народов есть мощный двигатель их по путям всех их стремлений. Без желания и воли ничего нельзя совершить, — с твердым же, ясно отточеным желанием и вышколенной сильной волей всего можно достигнуть. Должно быть и у казаков несокрушимое желание ясно очерченной цели и сильная воля к осуществлению этой цели. Тогда собственное государственное строительство никому из нас не будет казаться чем то неосуществимым, — тем более, что тем же путем проходили и проходят свой исторический путь все иные народы. Идет этим путем, в силу неотвратимых жизненных исторических законов, и Казачество. Мы же должны лишь сознательно ускорить движение Казачества по этому пути.

Для того, чтобы наша цель представлялась нам с наибольшей ясностью, а действия наши к ее достижению были планомерны, и верны, нам нужна *своя программа* и соответствующие — для ее выполнения — *свои люди*.

Совершенно понятно, что там, дома, под страшным террористическим режимом красных оккупантов составление и формулировка такой освободительной программы, а иногда и подбор соответствующих людей труден или и совсем невозможен. Эта ответственная задача должна в первую очередь пасть на плечи казачьей эмиграции, пользующейся за границами красного царства рабства и ужаса правом независимой мысли и свободного слова.

Что же делает казачья эмиграция?

Казачья активная эмиграция делится сейчас на две группировки: 1. на единонеделимцев — »русских казаков« — группирующихся сейчас около избиравшихся еще под давлением Деникина-Врангеля Войсковых Атаманов, тянущих к преемнику Деникина-Врангеля-Кутепова генералу Миллеру и к повторению дела Добрармии. И 2. — на сторонников казачьей самостоятельности, на сторонников создания независимой сво-

бодной Союзной Казачьей Державы — Казакии, группирующихся и об'единяющихся в движении: Вольное Казачество. С течением времени, по мере проникновения в казачью эмигрантскую массу вольно-казачьих освободительных идей, первая, единонеделимческая группировка, убывает, вторая — вольно-казачья — растет.

Вольное Казачество стремится к тому, чтобы будущие события не застигли Казачества снова неподготовленным, как это случилось в 1917 году. Старые же В. Атаманы попрежнему стремятся к тому, чтобы казаки и в будущем исполнили то, что им в свое время прикажут русские люди.

Таким образом, казаки, группирующиеся вокруг В. Атаманов, готовятся к исполнению в будущем чужой, русской воли. Вольное же Казачество готовится к исполнению своей собственной казачьей воли. Вот почему разработку собственной казачьей освободительной программы, равно как и инициативу борьбы за ее осуществление взяло в свои руки именно Вольное Казачество.

Что же должны делать братья-казаки там, дома?

Прежде всего: осознать себя национально, перестать считать себя »русскими« и готовиться не к перемене русской власти, а к полному освобождению Казачьих Земель из под власти всякой России и строительству собственной самостоятельной казачьей государственной жизни.

Тем, кто еще питает какие либо иллюзии относительно характера и отношения к казакам России »будущей«, тем надо знать, что всякая другая русская власть по отношению к Казачеству немногим будет разниться от власти большевицкой. Не надо забывать, каково было еще недавно отношение к нам даже демократической России Керенского и Милюкова, по существу продолжавших в наш адрес ту же старую царскую политику. Что делается теперь — знаете вы, знаем и мы. Но, не успокаивайте себя »несбыточ-

ными ожиданиями« — всякая »будущая« Россия — преемница большевиков — потребует от Казачества еще больших жертв на восстановление русского государства, чем брали и берут большевики на содержание сов. России и на свои опыты мировой революции.

По-нашему — нечего казакам думать и стараться о России — об этом стараются и постараются сами русские. О судьбах Казачества, кроме самих казаков, тоже никто чужой не думает и думать не будет. И потому самим казакам надо думать лишь о своей собственной судьбе, надо свою историческую судьбу брать нам в свои же руки.

Долг перед страдающим Казачеством, перед памятью дедов — борцов за казачью долю, перед родными порабощенными станицами велит и указывает нам, казакам-эмигрантам, этот единственный путь.

Вольное Казачество и идет этим путем, защищая свою программу — программу национального возрождения Казачества, его освобождения Казачества, его освобождения и создания Союзного Казачьего Государства. Основы нашей программы — казачьей программы укладываются в весьма немногие положения:

Первой задачей В. К. является освобождение всех Земель Европейского Казачества: Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Яицкого (Уральского) и Оренбургского и Земель Калмыцкого и других степных или горских народов, живущих между или на территориях перечисленных Казачьих Краев (Войск, Областей), из под власти и государственной зависимости СССР и РСФСР и их возможного наследника или наследников.

Вторая задача В. К.: создание из Казачьего Государства — Казачьей Федерации — Казакии.

Вопрос о самом государственном строе будущей Казакии более подробно разрешен в опубликованном

уже проекте Конституции Казакии. Признавая в национальном вопросе принцип равенства основных национальностей Казакии в области национального и культурного развития, В. К. берет на себя инициативу постановки и решения самого острого и больного вопроса нашей жизни, сыгравшего такую печальную роль в недавней борьбе за свободу. Это вопрос неказачьего населения в Казачьих Краях.

Для радикального и целесообразного решения этого вопроса нужно, очевидно, искреннее, полное и взаимное примирение и соглашение казаков со старым (до большевицким) иногородним и крестьянским (сельским и городским) населением Казачьих Краев. Все это неказачье население надо »оказачить«, т. е. бывшие иногородние — крестьяне, мещане, купцы, рабочие и др. должны будут стать такими же гражданами Казакии, как и сами казаки. Но, нужно, чтобы этого хотели не только казаки. Неказачье население Казачьих Земель должно перестать смотреть на Москву, должно принять в.-казачью сепаратистическую программу, вместе с казаками бороться за освобождение Казачьих Земель из под власти сов. России и вместе же строить казачье государство — Казакию. Такое сотрудничество казаков и неказаков в борьбе за освобождение было бы наилучшей гарантией будущего дружного и мирного сожительства обеих частей населения казачьего государства и подлинного уравнения не только в правах, но и в обязанностях по отношению к своему государству всех составных частей населения Казакии и образования единой политически-государственной нации этого государства.

Необходимым условием, основною предпосылкою возможности и успеха в осуществлении принятой нами программы является примирение и между самими казаками. И казакам надо оставить чужие лагери. Надо, чтобы не только »белые казаки« стали вольными казаками, надо, чтобы и »красные казаки« тоже стали вольными казаками. У казаков нет своих спорных

вопросов, наши спорные вопросы — чужие вопросы. Оставим же их их авторам, — тогда нам ссориться и драться между собою будет не из-за чего. Оглянитесь назад: в прошлом дрались мы одни с другими не за свои, а за чужие интересы; пусть же в будущем »чужие« сами дерутся за свои интересы, а мы будем бороться вместе — за свои.

Вот общие черты волно-казачьей программы. Только в ее осуществлении спасение Казачества.

. . . . . .

Не вміли ми боронити здобутую волю —
Роскутую із кайданів козацькую долю.
Утопили її в морі братерської крові
І знов, бідна, опинилась в московській неволі,
Під червоним караулом знову серцем нудить
Та благає порятунку — мов та чайка тужить.

. . . . . .

Ой, не вміли шанувати здобутую волю
Й своїх батьків тих козачих, що кували долю,
Що йшли за нас на голгофу, що їх роспинали
Чорні духи, наше лихо, — ми ж тоді мовчали...
А Кубанське Військо славне... бодай не казати —
Як один ішли на муки, а за що? — не знати.
Цілі річки розливали братерської крові,
Свої голови складали на чужому полі.
Та й добились аж до краю, аж до того лиха,
Що спіткало козаченьків, мов той ворог, зтиха.
Поламали ярмо чорне, в червоне попали —
Пригноблені, заковані в тяжкії кайдани...
Ой, збіраймося ж, кубанці, в своє Військо славне:
Будем Раду вибирати й свого Отамана —
Та й підемо визволяти Матір із неволі:
Степ широкий, Край веселий й козачую долю.

Х. Удовико („В. К.“ № 24).

XXXV.

Речи редактора И. А. Билого.

10 декабря 1928 г. („В. К.“ № 26).

Год тому назад вышел в свет первый номер журнала »В. К.—В. К.«, поставившего себе ближайшей целью:

переориентировать Казачество на самое себя;

внести ясность в казачий вопрос;

поставить этот вопрос, вопрос об исторической роли Казачества и его исторической судьбе, как задачу саму по себе;

найти место и роль Казачества в будущем;

бороться со взглядом на Казачество с точки зрения чужих интересов; бороться с точкой зрения служебной роли Казачества для кого бы то ни было и для чего бы то ни было;

формулировать смысл и содержание казачьей идеи;

наметить казачью государственно-политическую программу — поставить вопрос восстановления государственного бытия Казачества и

пробудить и усилить в Казачестве, прежде всего в нем самом, чувство своего народного достоинства, пробудить жажду к жизни для осуществления своих политических идеалов, для развития своего национального я...

Поставив себе эти общие цели, мы взяли на себя выработать ясную и определенную политическую программу на сегодняшний день и на ближайшее будущее и для казачьей эмиграции здесь и, пользуясь свободой, заменить для наших братьев несуществу-

ющую свободу там, — взять на себя формулировку и их желаний.

Должен наперед подчеркнуть, что мы не создаем ничего нового. Мы только формулируем, придаем »программные формы« тому настроению и тем убеждениям, какие существуют в казачьей массе. Мы только говорим вслух то, что у Казачества было и есть, и что в последнее время выявляется все ярче и определеннее.

Формулируя казачью идею, творя казачью программу, мы первые становимся в ряды ее исполнителей, мы ставим себе к осуществлению конкретные задачи этой программы. Первая и наиважнейшая, самая трудная и самая ответственная наша задача сегодняшнего дня — есть задача освобождения Казачьих Земель из под власти РСФСР и СССР.

Эту свою задачу мы ставим рядом с подобными же задачами других народов Восточной Европы, политическая судьба и доля которых, сейчас по крайней мере, похожа на судьбу и долю Казачества.

Об'ективно, логикою событий, создается фактический »блок« народов, борющихся за свое освобождение, создается не только по мотивам идеального далекого будущего, но, в первую очередь, для осуществления конкретных задач настоящего. Этой сначала практической »школой« сотрудничества народов мы думаем наилучше будет проверено и »идеальное будущее«.

В своем журнале мы не только наметили эту первую свою »международную« задачу — задачу создания Черноморско-Каспийской »антанты« — сговора и соглашения »юга« Восточной Европы, но стремимся всячески к тому, чтобы она из области »общих желаний« перешла как можно скорее в область практического осуществления уже теперь — на время борьбы. Надо теперь уже создавать »прецеденты« и предпосылки будущего Союза Народов Восточной Европы.

Братство по оружию — сильное братство. Блок, Союз будущего мирного времени для сохранения будущего положения вещей, будет сильнее и реальнее,

если ему будет предшествовать Союз на время борьбы за освобождение — Союз Освобождения Народов...

Всем нам в одинаковой мере надо готовиться не только к борьбе за освобождение, но и ко »второму дню после освобождения«. Установлением уже заранее искренних и дружественных взаимоотношений создадим себе же хорошую обстановку, такую обстановку, чтобы, во время будущей страдной поры по восстановлению разрушенного, никому из нас не пришлось бы оглядываться на своего соседа с тревогой...

Когда мы год тому назад, выступили открыто здесь с программой В. К., вся российская общественность встретила нас так, как встречала и встречает она все подобные выступления, все стремления народов к своему национальному самоопределению и государственной самостоятельности:

»Чужеземная интрига«.

Было бы бесполезной тратой времени доказывать что либо тем людям, которым в подобных вопросах логика слова ничего доказать не может, которым можно »доказать« только логикой фактов, логикой событий. С этим мы считаемся.

Должен сейчас же подчеркнуть, что, по сравнению с 1917 и последующими »тамошними« годами, ничего не изменилось, ни что касается нашего самосознания, ни что касается нашей воли... Попали мы за границу. Получили возможность учиться, получили доступ в некоторые »архивы«. И удивительно: сейчас же нашлась целая плеяда упорных и настойчивых людей, которые смело пустились в »исторические раскопки«, в »розыски« и исследования, стараясь под наше право и наши желания подвести »фундамент«: одни — исторический, другие — экономический, третьи доказывают, что Казачество — особый народ, четвертые поставили вопрос о казачьей нации, пятые устанавливают происхождение Казачества...

Убедит-ли все это кого? — Тех, кто не хочет быть убежденным, или тех, кому это невыгодно, ничто, конечно, не убедит. И не в этом сила и ценность всех этих аргументов. Действительная сила и величайшее их значение прежде всего в том, что они нас, казаков, убеждают. Для нас этого достаточно.

События »убедят« тех, кого они должны будут убедить...

Повторяли и повторяем: были бы счастливы, если бы нам все же удалось убедить кого нибудь и из русских, если бы Казачеству удалось достигнуть своих ближайших политических и государственных идеалов без крови. Мы не хотим тратить ее с легким сердцем: кровь — последний аргумент, последнее средство. И чем меньше бы пролито было ее в будущем, тем лучше бы было для обеих сторон. Мы не ищем войны ради войны, — мы только защищаемся, защищаем свою жизнь, свое право и свою свободу.

Хочу сказать далі де-кілька слів і про методи праці »В. К.«, як і про те, що ми вже за цей рік зробили.

Стаючи до праці, ми вирішили, що будемо користатись як найменше негацією, що в першу чергу поставимо проповідь свого позітивного програму. Нікого, крім головного свого ворога, а перш за все нікого з своїх козаків чи то козачих угруповань чіпляти не будемо. Не будемо розпочинати полєміки ради полєміки, рахуючи, що уже самий факт нашого існування є »полєміка«.

Знаємо, що негацією чужого »жити« легче, але своєї мети тим шляхом не досягнеш. Отже і надалі всю свою увагу ми будемо звертати на те, чого ми хочемо, а не на те, чого ми не хочемо, на те, що і як по нашому добре, а не на те, що у инших погане... Цей шлях труднішний, але він і дійсніший.

Вільні козаки знають, чого вони хотять і ховати свої бажання, свої ідеали за негацію чужого, бодай і нехорошого, не думають. Ми хочемо творити, хочемо будувати, хочемо розпочати козачу епоху ренесансу.

От-же, — конструктивізм наш шлях, а не боротьба з другими ради боротьби.

Все це, само собою розуміється, не стосується до того головного ворога, який опанував зараз Козачі Землі.

Козацтво добре уміє володіти шаблею і плугом. На великий жаль, воно до цього часу ще дуже мало володіло пером. А давно вже надійшли часи, коли і в нашому життю перо мусило б грати першу ролю. Бо наколи б це було так — не пролилось би задармо стільки козачої крові.

Біда козача була та й зараз ще є в тому, що воно дуже мало має с в о є ї інтеллігенції. Дійсна козача інтеллігенція лише народжується. Від того, я к а ця інтеллігенція буде, — буде залежати все майбутнє Козацтва.

Що Козацтво в массі своїй самостійне, це викликає найменші сумніви у всіх, але признаємось, що, коли ми рік тому назад розпочали справу В. К., все ж таки знак запитання до того, як поставиться до »В. К.« наша козача інтеллігенція, а перш за все — офицерський корпус, стояв перед нами досить виразно. Зараз, через рік, можемо як з найбільшим задоволенням констатувати, що і рядове козацтво, і козача інтеліґенція, і козаче офицерство зустрили і прийняли »В. К.« так, як і ми самі того в перший мент не чекали.

Ми не говоримо зараз, що справа В. К. вже зроблена, що все вже гаразд, що біля В. К. згуртувались всі. Ні, — справа лише роспочинається. Але той процент козаків, що рахують уже зараз справу В. К. своєю справою, і той процент інтеліґенції та офицерства, який активно вже став до праці В. К., — все це дає нам право рахувати, що справа В. К. стала справою всього Козацтва.

Це та найкраща відповідь, яку Козацтво дає всім тим, хто ще й зараз силкується справу В. К. представити, як чіюсь »інтригу«.

Це теж само свідчить, що ті питання, які ми рік тому назад поставили і протягом цього року боронили, — що всі вони стали питаннями всього Козацтва. Навіть і тої його частини, яка не поділяє думки В. К. Тепер уже козачого питання одними фразами не вирішиш і з Вільним Козацтвом одними словами не поборешся: програмові Вільного Козацтва треба, коли хто хоче з ним боротись, протиставить другий програм. Одні загальні хоч би і »високі« слова тепер уже не поможуть.

Одного цього було б досить, щоб варто було рік тому назад вийти в світ першому числові »Вільного Козацтва«.

...Остається ще одне питання надзвичайної ваги: це — поскільки рух В. К., який найшов для себе такий добрий грунт у козачої еміграції, — поскільки він може рахувати на успіх там?

Щоб можна було дати правдиву відповідь на це питання, треба було б пригадати лише події в Козачих Землях 17 — 20 р. р., пригадати Донську і Кубанську Конституції. То все ж ми робили вмісті і разом с братами та батьками своїми, що залишились там, на батьківщині. Там говорити зараз вслух не можна. І тому це останнє питання треба ставити так: поскільки козача еміграція політично не розійшлася зі своєю батьківщиною?

Придивимося добре до козачої еміграції. Це єсть — плоть од плоті і кость од кості свого народу. У козаків наїздницькою, збройною рукою викинуто за межі батьківщини частину самого народу. Активну частину. Ця еміграція кровно і органично звязана зі своїм Краєм, зі своїм народом. Козаки там — не перестали рахувати козаків-емігрантів своїми. І там і тут — це все ще одна і та ж генерація, одно покоління. Теперішня козача еміграція — вся вона виросла там, дома і, одірвана від батьківщини фізично, псіхологично від неї не одірвалась. Ми тут,

а вони там — ми думаємо однаково. Між нами нема розриву...

І ще одно: ми знаємо, що нас чекають і чекають »без зміни віх«. Там живе і ніколи вже не вмре ідея Круга — суверена, ідея Ради — суверена.

Ось чому ми знаємо, що ми не розійшлись зі своїми братами там і при зустрічі зразу ж зрозуміємо одні одних.

І не одні лише »теоретичні« міркування дають нам право твердити вищесказане. Той, хто читав коли козачі листи відтіля, той добре знає, що то правда.

Та і вороги наші з усієї своєї сили спричиняються до того, щоби підтримувати самостійні течії серед козацтва: це вони — сьогодняшні господарі ситуації там, це та дійсність, що панує там, найкраще допомагають тому, щоби ми, — батьківщина і її еміграція — не розірвались. Навіть більше: не лише самостійність — там уже і самий чорт не страшний, — аби зміна! аби прийшло дійсне визволення!

Допомагають ростові самостійних течій серед Козацтва московські большовики не лише своєю безглуздою політикою террору та ліквідації Козацтва. Політична і національна свідомість Казацтва росте навіть при одному погляді на ті »автономні« республіки, що повстали між або на межах Козачих Земель. Козаки не рахують себе гіршими...

— Підводячи підсумки своїй праці, можемо з певністю сказати, що йдемо по справному шляху. За минулий рік пройшли ми лише перші кілометри його, знаємо, що труднощі ще спереду, що дійсна праця нас ще чекає, але ми її не боємося, бо знаємо одно: з дороги вже нас не зібьють...

---

10 декабря 1929 г. („В. К.“ 50).

Сегодня второй раз собираемся мы праздновать годовщину выхода в свет журнала »Вольное Казачество—Вільне Козацтво«. Собираемся, чтобы оглянуться на пройденный путь, чтобы хотя в общем подвести итоги сделанному и — посмотреть вперед.

Можем сказать заранее, что нам не нужно намечать новых путей на будущее, — нужно продолжать и расширять начатое: путь наш намечен правильно. Вся наша программа настоящего, программа журнала может быть выражена сегодня одной короткой фразой:

Будем идти дальше.

Первым словом своим мы позволим себе послать привет Казачеству и туда, домой, где так жестоко страдает оно под пятой Московских завоевателей, и всем казакам, на чужбине в рассеянии сущим.

Хотелось бы, чтобы голос В. К. дошел и был услышан нашими братьями там, чтобы знали они, что не умерло Казачество в изгнании, не потеряло надежды на Освобождение своей Земли и возвращение в свою Отчизну. Пусть наш привет поддержит там бодрость и веру в свои силы и в правоту нашего общего дела. Хотелось бы и к казачьей эмиграции обратиться еще раз со словом призыва никогда не забывать своей Родины и знать, что даром мы ее не получим и никто чужой нам ее не возвратит, — нужно самим нам об этом думать в первую очередь. Только тогда мы найдем друзей и союзников. Ибо, кто не помогает себе сам, тот не может рассчитывать и на помощь других.

С этими словами мы обращаемся ко всем: и к вольным казакам, которые уже осознали себя национально и вопросы эти для себя решили, и к тем, еще нерешительным и колеблющимся, которые стоят на перепутьи и не знают, какой дорогой идти: пусть знают они, что Дорога Казачеству одна — Казачья Дорога...

Весьма возможно, что в недалеком будущем Казачеству предстоят новые испытания и потребуются новые жертвы, события могут наступить так же »неожиданно« и так же »естественно«, как и в 1917 году. Казачеству нужно быть к ним готовым и заранее, теперь уже и раз навсегда решить: тянуться ли нам снова в хвосте событий и быть слепым орудием в руках чужих, или стать, наконец, активным суб'ектом исторических событий и свои силы тратить на достижение своих целей, казачьих целей. — В. К. стало на этот путь и зовет на него все Казачество.

По всему необ'ятному простору Земель и Народов, пребывающих сейчас под высокою рукою Московского Кремля, идет все та же, а может быть и большая вакханалия красного террора. Земной »рай« снова и снова поливается кровью...

К нашей боли, Казачьи Земли занимают в РСФСР одно из первых мест по жертвам террора. Это значит, что мира там нет, примирения с оккупантами нет, что как бы ни был страшен террор, народ поднимает голову для борьбы и протеста.

К стыду современного человечества, красный террор, — самый гнусный, самый страшный, самый кровавый, — единственный террор, на который никто не реагирует. Мы иногда бываем свидетелями, как »ошибки правосудия« в »буржуазной« Европе или Америке, касающиеся единиц, подымают на ноги целый свет: все протестуют против казни одного. И тот же мир упорно молчит, когда без всякого правосудия уничтожаются тысячи, десятки тысяч в единственном в мире »социалистическом отечестве«... Мир наших протестов не слышит или не хочет слышать. Нам остается поэтому только теснее сомкнуть свои ряды и неуклонно идти к своей цели, надеясь больше всего на свои силы.

Было бы ошибочным предполагать, что в борьбе народа за свое освобождение единственную и решающую роль играет только физическая сила. Фи-

зическую (военную) силу мы не намерены умалять ни в малейшей степени, но нам, казакам, нужно обратить свое внимание и на другую сторону дела, которой мы до сих пор посвящали его слишком мало, — на политическую сторону, на идеологическое руководство борьбой. Особенно это относится к эмиграции, физическая (военная) сила которой может идти в будущем только на убыль, но политическое значение и роль которой может быть колоссальной.

Там думать и говорить нельзя. Эту функцию должна взять на себя эмиграция. Казачья эмиграция должна взять на себя роль интеллигенции своего народа, должна выковать историческую программу Казачества, стать его духовным и политическим вождем.

В. Казачье движение так именно понимает роль казачьей эмиграции.

Через страницы »В. К.« прошло уже (за два года) до 150 человек. Конечно, был здесь и элемент случайный, »текучий«, или тот, кто по тем или другим причинам »не задержался« долго в рядах сотрудников. Те, кто хотя немного знакомы с журналистической практикой, знают, что явление это слишком обычное. Но должен сказать, что большинство, свыше 100 человек, уже стали на эту работу, как постоянные сотрудники. Для казачьего эмигрантского издания это — хороший кадр.

Что это значит, лучше всего можно понять, если принять в соображение то обстоятельство, что Казачество до этого еще почти не имело своей интеллигенции в полном смысле этого слова. Все вы прекрасно знаете, что в б. царской России Казачество политической жизнью (не по своей вине) не жило. Точно также и культурная жизнь его была сведена к минимуму. Немногочисленная казачья интеллигенция, прошедшая русскую школу, забиралась или и сама уходила от своего народа делать карьеру в »общегосударственном« масштабе — свой казачий масштаб ей

был мал. Поэтому во время недавних революционных событий Казачество и не имело хорошего политического руководительства, — не имело своей интеллигенции. Еще хуже в этом отношении дело обстоит с е й ч а с там, дома. Если раньше не поощрялось, то теперь просто уничтожается все, что у Казачества хотя немного напоминает свою интеллигенцию.

Нельзя скрывать, что в эмигрантских условиях процесс образования казачьей интеллигенции — задача вообще трудная, — не забудем, что наша эмиграция разбросана по целому свету. Эту работу формирования национальной казачьей интеллигенции облегчали бы »центры«, — культурные или политические. Одним из таких центров, поднявших знамя борьбы за освобождение своего народа и поставившего себе целью организовывать и казачью интеллигенцию для этой борьбы, есть, по мысли его инициаторов, и журнал »В К.«.

Не могу не подчеркнуть здесь, что не легко работать политически нашим казачьим писателям и журналистам, сплошь бедным, часто принужденным зарабатывать физическим трудом свой насущий кусок хлеба. Трудно в таких условиях думать о другом, тем более трудно писать. И если это есть, то это только свидетельствует о силе воодушевления Казачьей Идеи, захватившей казачью интеллигенцию.

Это воодушевление и увлечение работой (за которую уже теперь грозят виселицей) поддерживает и казачья читающая наш журнал масса — вольные казаки. Со всей откровенностью и уверенностью могу сказать, что казачьи писатели и журналисты знают, для кого они пишут, кто их читает, и казаки читатели знают, кто и что для них пишет. Разрыва между казачьей массой и казачьей интеллигенцией нет. И правильно, ибо тот народ, который не имеет своей интеллигенции, не имеет исторического будущего и та интеллигенция, которая оторвется от своего народа, тоже не имеет будущего.

Работы нам еще много. Лучше сказать, — она

только начинается. И если дорога журнала ясная — идти дальше по намеченному пути — то перед нами встает целый ряд других задач, не менее важных, не менее необходимых: зарождается казачья литература. — Наша задача — дать в руки казаку казачью книгу. На обязанности казачьей интеллигенции лежит научить казака читать свою книгу, — казачью книгу. На примере других народов мы знаем, какую огромную роль для развития национального самосознания народа имеет своя национальная литература. Должна она быть и у Казачества.

Казаки должны знать свою историю, свою экономику, свою географию... Все эти запросы должна удовлетворить казачья книга. Надо, чтобы казак смотрел на свое прошлое, на свое настоящее, как и на свое будущее, своими собственными глазами, а не через чужие цветные очки... Ибо без этой предварительной работы мы рисковали бы точно так же проиграть и грядущую борьбу за освобождение, как проиграли борьбу прошлую.

Мы должны спешить. Мы не можем позволить себе роскоши спокойной работы, рассчитанной на долгие сроки, ибо не знаем своих сроков, не знаем, когда придется ставать опять к активной борьбе, когда ее нужно будет вести, а не готовиться к ней. Наша теперешняя работа должна вестись со всем напряжением наших сил...

---

10 декабря 1930 г. („В. К.“ № 71.).

... В этот день мы, вольные казаки, мысленно, но »организованно« передаем нашим братьям, под большевиками сущим, наше: с л ы ш и м ! В этот день казачья эмиграция, сгруппировавшаяся и об'единившаяся под вольно-казачьим знаменем, по братски хочет говорить со всей казачьей эмиграцией, говорить все на ту же тему: бдите убо, яко не весте ни дне, ни часа...

Три года тому назад, выходя в свет, мы, об'являя программу освобождения Казачества и решения Казачьего Вопроса, предупреждали казачью эмиграцию о грядущих событиях в СССР, призывали казаков быть готовыми к ним, чтобы не повторить прошлых ошибок, не тратить своих сил там, где не нужно, а отдать их туда, где они действительно принесут пользу Казачьему Народу.

Сегодня этот клич свой мы можем только усилить. Да, действительно, мы »накануне великих событий, накануне второго акта той великой драмы, того большого процесса борьбы за освобождение, который начался в 1917 году на широких просторах б. Р. Империи«... И мне хотелось бы подчеркнуть с наибольшей силой, подчеркнуть так, чтобы это услышали все казаки, что скоро центр тяжести вопроса для нас будет не в том, *когда* наступят эти события, а в том, *готовы ли мы к ним*....

... Мы плохо верим, чтобы более или менее серьезная часть казачьей эмиграции захотела и в будущем идти сама и звать Казачество на повторение того, что было в недавнем прошлом.

Наши официальные казачьи верхи сотрудничают с наследником Добрармии — Обще-Воинским Союзом. Добрармия помогла повалить дело Казачества в прошлом. Задачи Миллера те же, что и задачи Деникина. Миллер поведет подвластных ему казаков туда же и на то же, куда и на что водил их Деникин...

Среди последователей Деникина-Врангеля-Кутепова-Миллера есть двоякого рода казаки: одни — убежденные, знающие, *что* они делают, разбирающиеся в том, *куда* они идут, и другие — те, кто увлекается только идеей борьбы с большевиками, делом свержения соввласти, может быть, искренно думая облегчить тем положение Казачества. Эти последние казаки глубоко ошибаются. И та часть русской эмиграции спасения казачьему делу не несет...

Русские люди ушли в эмиграцию из-за

своего прошлого. Казаки же ушли в эмиграцию из-за будущего своего народа. Вот почему, подлинные интересы Казачества требуют, чтобы казачья эмиграция не подчиняла казачьего дела интересам той или иной части русской эмиграции.

... Русская смута так скоро не кончится. Хочет ли Казачество утонуть в этой по существу чужой для него смуте? — Нет! И это нет должна прежде всего сказать ясно и определенно казачья эмиграция.

Положение Казачества на его собственных Землях в настоящее время ужасно: оно буквально морально и физически уничтожается. Бывшее российское правительство политику ликвидации Казачества вело постепенно, время от времени ограничивая его в его правах; большевики же разрубили Гордиев узел Казачьего Вопроса одним ударом — они насильно »расказачивают« Казачество и уничтожают или распыляют его в среде массы остального населения Страны Советов. Находясь под властью оккупационного режима, беспримерного по жестокости в истории человечества, истязаемое и уничтожаемое население Казачьих Земель не имеет совершенно никакой возможности не то что защищаться — даже протестовать и просить кого либо о заступничестве не может. Кровавый беспрестанный террор придушил и голос Казачества.

Кто же может поведать миру о невыносимых муках Казачества? Кто может провозгласить на весь мир чудовищную правду об уничтожении целого народа? Кто может помочь Казачеству? Кто об'явит во всеуслышание Казачью Программу — в настоящих условиях, собственно, программу спасения Казачества? Кто возьмет на себя инициативу сбора и концетрации казачьих сил для борьбы за освобождение Казачества?

Эту обязанность должна взять на себя казачья эмиграция. Пользуясь свободой европейских культурных государств, казаки-эмигранты обязаны приложить все силы к тому, чтобы помочь терзаемому Казачеству. Отцы и матери, братья и сестры, жены и дети обра-

щают к казачьей эмиграции немые взоры и просят, и ждут заступничества. Казачья эмиграция обязана организовать это заступничество, обязана от имени страдающих протестовать против ужаса совершаемых русскими большевиками насилий. Казачья эмиграция должна организовывать и подготовлять совершенное освобождение Казачества. Это должно быть главнейшей целью казачьей эмиграции, ибо Казачество там, дома, об этом может пока только думать. Казачество, порабощенное большевиками, может кипеть только молчаливой ненавистью к поработителям, — создать же освободительную программу, оформить необходимые лозунги, сконцетрировать и спаять сильной волей руководящие силы, чтобы в соответствующий момент действия иметь возможность разумно и целесообразно использовать стихию массового недовольства там, — должна поставить себе в обязанность казачья эмиграция.

Ясно при этом, что освободительной программой казачьей эмиграции должна быть только программа максимум: полное освобождение от всякого рода рабства, создание собственной государственности, проявление свободной воли народа в наивысшей, неограниченной никем форме. Нельзя допустить в будущем ни малейшей возможности каких либо новых экспериментов, диктуемых чьей либо чужой волей, ни малейшего поползновения чужих к власти над казачьим народом. Освободительная программа Казачества должна быть ясна. Окончательная цель всех чаяний и стремлений Казачества — создание независимого государства — Казакии — должна быть понятна всякому казаку. Такую программу формулировать и подготовлять силы к ее практическому осуществлению, повторяю, должна казачья эмиграция. В этом ее историческое назначение.

... Так понимаем роль казачьей эмиграции мы, вольные казаки, и глубоко верим, что вся казачья эмиграция скоро придет к такому единственно правильному пониманию своего назначения. Сегодня же не-

которым инакомыслящим нам хочется сказать: пора перестать казакам заниматься политической партизанщиной. Все казаки должны войти в русло единого всеказачьего освободительного движения и идти одной дорогой к одной цели. К этому мы зовем казачью эмиграцию, ибо для осуществления казачьей задачи нужно единство казачьих сил. Особенно теперь, перед таким ответственным историческим моментом. Этих сил нужно будет много. И не только сил: много — дисциплины, много — жертвенности, много — любви к своей Родине, но вместе с тем — много хладнокровия, много ясной мысли.

---

10 декабря 1931 г. („В. К." № 95)

Сегодня вольные казаки празднуют четвертую годовщину выхода в свет первого номера своего журнала. Четвертый раз собираемся мы на нашу скромную чашку чая, чтобы в кругу своих гостей, сотрудников и тех немногих вольных казаков, которые смогли преодолеть »технические затруднения« и присутствовать здесь непосредственно, отметить день 10 декабря, ставший уже вольноказачьим праздником. Те письма, которые лежат передо мною, свидетельствуют, что если бы все мы могли собраться сегодня вместе, нам пришлось бы искать самый большой зал в Праге. Я верю, что на освобожденной Родине в будущем в. к. всегда будут с'езжаться в этот день, чтобы не только вспомнить тяжелые годы эмиграции, но и общими силами думать о том, как наилучше устроить казачье государство так, чтобы всем народам его и их будущим поколениям жилось в нем хорошо и радостно... Пока... пока же будем к тому счастливому времени стремиться, работая для его приближения не покладая рук, не зная усталости, не делая передышек, ибо дома у нас во много раз тяжелее, чем нам здесь...

Стон слышится с нашей родной Земли... И трудно сказать, чего там льется больше: крови или слез...

Чем ближе конец красному царству на наших Землях, тем лютее враг. Все мы знаем, что такое большевизм, но может быть не все мы знаем, что такое — разнузданный и раз'яренный большевизм, — большевизм непримиримый и беспощадный. Об этом больше всего знают наши братья там... Доведенные до отчаяния, — они восстают, зная, может быть, заранее неудачу своих попыток... Красная армия подавила все начинавшиеся до сих пор местные восстания. Надо признаться, что »Русь красная«, — эти варвары XX-го столетия — достаточно сильны, чтобы подавить неорганизованные вспышки отчаявшихся и рискнувших на все горячих голов. Но, мы глубоко убеждены, что придет и то о д н о восстание, которое сразу охватит все порабощенные народы и подавить которое завоевателям не удастся... Ныне же, перед светлой памятью всех отважных, жизнь свою в борьбе за Волю и Долю Казачества положивших, смиренно склоним свои головы (все встают). А тем живым, но мучимым на своей Земле, в Соловках-ли, в Сибири или на Урале — всем им наш поклон, наш привет-ответ: »Слышим!« Слышим и знаем об их безмерных страданиях, слышим и знаем об их затаенных желаниях... Слышим — и долг свой исполним!...

.... К сожалению, среди казачьей эмиграции, на которую возлагают столько надежд там, много есть еще тех, которые думают больше не об освобождении, а о том, ч т о бы они сделали с Казачьими Землями после освобождения, к какому новому господину повели бы их в услужение... Много и тех »неопределенных«, кто избрал себе в удел пассивность, ожидание, что кто-то что-то сделает и без них.

Не будем повторяться здесь о единонеделимцах. Это, в большинстве, те »упорные«, которые ничего чужого не забыли и ничему свему не научились. Правда, есть одно »преимущество« единонеделимческой ори-

ентации: она избавляет своих последователей от необходимости самим думать о своем казачьем будущем, предоставив этот вопрос всецело усмотрению русских, а себе оставив роль только исполнителей. Те, конечно, »подумают« и решат, вернее давно уже решили казачий вопрос в своих интересах, а как исполнителей казаков тоже используют. Но что будут иметь со всего того казаки? Весьма легко ответить на этот вопрос, вспомнив, как »думали« по казачьему вопросу Деникин-Врангель и их окружение. А ведь Деникин еще слыл за »либерала«, Врангель пробовал говорить о федерации...

Мы глубоко уверены в том, что единонеделимчество среди казаков будет изжито совершенно. Это случится тем неизбежнее, что единонеделимцы из казаков не могут противопоставить нам никакой с в о е й идеи, кроме не своей заповеди служения чужому... Ибо единонеделимцы из казаков борятся за русское прошлое; м ы, с а м о с т и й н и к и, б о р е м с я з а к а з а ч ь е б у д у щ е е.

Мы знаем и результат нашего »состязания« — будущее принадлежит будущему, но никогда прошлому!

Большим, может быть, злом для казачьего дела, чем казачье единонеделимчество, является наблюдающееся еще среди части казачьей эмиграции »безразличие«, т. е. отказ от активной политической деятельности и надежда, что кто-то что-то, помимо нас самих, должен сделать. Часто приходится слышать: »Хорошо было бы жить самостоятельной жизнью, но я не верю, чтобы это можно было осуществить«... Такие настроения собственного бессилия — тоже результат векового единонеделимческого воспитания Казачества в духе и смысле »истинно русском«: нас приучили не верить в свои силы, не верить в то, что казаки могут и способны к творческой общественной или политической деятельности, что они могут дать что-либо на поприще научном, в области техники или искусства. В составе бывшей России казакам отводилось

одно поле деятельности — поле брани — и то во славу и величие того народа, который истребляет сейчас Казачество так, чтобы от него не осталось и корня. И не кажется ли вам, господа, что в результате всего этого воспитания и политики старой России, Казачество обратилось ныне в богатыря, неверящего в свои собственные силы?... И не следовало бы, в интересах самого богатыря, разбудить его и вдунуть в душу его больше бодрости и веры? Знайте, братья казаки, что наши силы равны нашей вере в свои силы. Силы у нас, казаков, есть, надо только, чтобы мы сами в них больше верили и не растрачивали их попусту на чужое дело, а целесообразно тратили их на свои задачи, на осуществление своих целей. Тогда будущее Казачества будет обеспечено.

Сегодня, вступая в 5-й год издания журнала, мы можем подвести итоги своей четырехлетней работы и со спокойной совестью отметить уменьшение и лагеря единонеделимцев и лагеря пассивных. Ибо, как мы заметили — и как должно быть — всякое пробуждение казачьего чувства, казачьего начала в казаке, неизменно ведет пробуждающегося в лагерь казачьих самостийников. Этот один итог стоит того, чтобы оправдать четырехлетнее существование журнала. Но, наша работа еще впереди. И если первые четыре года пошли на пробуждение Казачества, на формулировку казачьей программы и на обнаружение казачьих сил, то дальше, к тем задачам прибавляются более трудные и ответственные — исполнение программы, борьба за нее на фронте внутреннем и на фронте внешнем. Справимся ли мы с ними? — Мы сделаем все, чтобы с ними справиться. Задачи эти будут тем легче, чем единодушнее казаки станут на путь их осуществления. Идеальным для Казачества было бы такое положение, при котором »фронт внутренний« исключался бы совершенно и все свои силы казаки могли бы направить на фронт борьбы внешней. И как бы эта задача, задача

внутренней консолидации казачьих сил не была трудна, мы, идя к своей главной цели, не перестанем звать к ней казаков. И пусть потом за бортом казачьего об'единения останутся некоторые неисправимые — представители ли казачьей старшины прошлого или рядового казачества — все равно, — те нам нужны уже и не будут. Мы тем более уверены, что это будет так, т. к. надеемся достигнуть своей цели не разжиганием страстей и подогреванием внутренних споров, а проповедью своей программы и творческой положительной работой.

Журнал сделал многих казаков самостийниками, вернее — разбудил у казаков самостийность, стал для расселенной казачьей эмиграции знаменем борьбы за лучшее будущее Казачества. Неудивительно, что и день его первого выхода в свет начинает праздноваться, как праздник вольных казаков, не только в Праге.

Но, 10 декабря — праздник не ради празднеств, это — праздник духовного единения вольных казаков, день смотра, день проверки и подсчета своих сил. Силы эти нам уже не только нужно знать, но и упорядочивать их, ибо события каждый день могут поставить перед нами самые неожиданные возможности.

Заканчивая свое слово, я хотел бы напомнить всем вольным казакам, что борьба политическая не легче борьбы вооруженной, и что как в той, так и в другой могут быть и успехи и поражения. И, как на войне, не следует пьянеть от успеха и не падать духом от неудачи, так и в нашей борьбе политичской не следует при успехе складывать руки и думать, что все уже сделано, так равно не следует опускать их и при неудачах. Будем всегда помнить конечные наши цели и неизменно к ним идти.

Казаки никогда не были малодушными на поле брани. Не будем же малодушны и в политичской борьбе (какими бы средствами она ни велась) за освобождение своего народа, за его лучшее историческое будущее.

Посылая сегодня привет всем вольным казакам, я еще раз зову их к дружной совместной работе. Знаю, как отягощается наша задача нашей расбросанностью по всему миру, — но, рассеянные физически, будем едины духовно, будем связаны единым порывом и единым устремлением к осуществлению основной нашей задачи.

Год тому назад я подчеркивал, что будущая роль казачьей эмиграции будет гораздо более нужной и целесообразной в области политичской, чем непосредственно военной. Сейчас мне хочется еще раз напомнить это и обратиться ко всем вольным казакам с призывом: учитесь политической борьбе...

---

10 декабря 1932 г. („В. К." № 119).

Сегодня пятый раз вольные казаки празднуют выход в свет первого номера своего журнала. Пятый раз собираются они на свой казачий праздник подчеркнуть единение между собою и манифестировать неуклонную волю осуществить поставленную цель освобождения Казачества и создания Казакии. Сегодня пятый раз мы подсчитываем свои силы, подводим итоги, проверяем планы и директивы на будущее...

Пять лет упорной работы. Пять лет борьбы за идеал. Пять лет роста и развития вольно-казачьего движения... И подчеркиваю наперед: какой бы ветер ни шумел еще над нашими головами, корни вольно-казачьей программы так глубоко сидят уже в казачьей массе, что никакие бури их оттуда больше не вырвут... Да, мы победили в тех задачах, которые мы до сих пор себе ставили, Вольное Казачество победит и в той основной великой цели, которую оно поставило себе своей национально-освободительной программой!

... Я нисколько не преувеличу, если скажу, что у нас — у тех, кто пять лет тому назад начинал, —

никогда не возникало и тени сомнения относительно успеха или неуспеха нашей инициативы, наоборот, в сердцах наших жила полная уверенность в удачу нашего начинания, покоившаяся на несокрушимой вере в правоту казачьего дела. Этой веры не поколебали у нас и те — может быть и неизбежные — некоторые неудачи в личном подборе команды вольноказачьего корабля, которые грозили иногда посадить его на мель. Не посадили. И не посадят.

Если у нас, инициаторов, из всех наших капиталов было больше всего в е р ы в свое дело, то, не буду скрывать, появление наше в свет даже многие из теперешних вольных казаков встретили недоверчиво, в то время, как некоторые наши противники обещали нам смерть на втором номере. И потребовалось пять лет огромного и неустанного труда, чтобы ВК завоевало себе то положение, какое оно сегодня занимает.

Я не буду говорить сегодня о значении »ВК« для судьбы казачьего вопроса. Сегодня пусть говорят об этом другие. Я же — для решения вопроса о роли »ВК.« — предложу не только вольным, но всем вообще честным казакам представить себе на минуту, в каком положении было бы состояние казачьего вопроса, в каком хаосе политических противоречий находилось бы Казачество сейчас, если бы »ВК« не было!... Ответ на подобный вопрос решает сразу и навсегда вопрос о роли и значении журнала »ВК«.

Ответом же на поставленный выше вопрос решается и вопрос о том, исполнили ли мы поставленную задачу? Да, исполняем. Да, ВК идет к поставленной им цели. Да, благодаря »ВК«, Казачество уже не соб'ется со своего казачьего пути...

Питает нас и другая глубокая вера — вера в то, что ВК д о й д е т к своей конечной цели. И если первые пять лет ушли на формулировку и пропаганду В.-Казачьей программы, то грядущим пяти годам несомненно суждено будет стать годами организации казачьих сил и борьбы за осуществление своей про-

граммы. И мы глубоко убеждены, что в решительный час не только вольные казаки, но все вообще казаки пойдут собирать Землю Казачью...

Не буду здесь повторяться на тему о том, что и как должна далать казачья эмиграция, чтобы исполнить свой долг перед своей Родиной и перед своим народом. Пять лет мы говорили об этом в журнале. Но хочу глубоко верить в то, что казачья эмиграция справится со всеми стоящими перед ней вопросами во благо Казачества.

Победа Казачества будет тем вернее, чем больше единства и согласованности будет между казаками там и казачьей эмиграцией здесь. И там и здесь должна быть у Казачества одна программа его будущего. Это первое условие успеха. Первое и... безоговорочное. Второе и не менее категорическое условие — эта одна программа должна быть только казачьей программой. А казачья программа — это Вольно-Казачья программа. Это налагает на Вольное Казачество величайшую ответственность за ближайшее будущее, ставя его в авангарде решения казачьего вопроса.

Справится ли В.К. со стоящими перед ним задачами?

— Сегодня вольные казаки, празднующие свой праздник, отвечают на этот вопрос. Я не сомневаюсь в том, каков будет этот ответ. С своей стороны я зову к ответу единственно возможному и единственно обязательному для каждого вольного казака. Нам выбора нет. Мы свой выбор уже сделали и будем впредь думать только о том, как достигнуть наших целей...

Замеченная опечатка:

На стр. 25 (первая строка сверху) вместо: „живших на казачьих территориях“, следует читать: „постоянно живших на казачьих территориях“...

СОДЕРЖАНИЕ:

		Стр.
1.	Первое „вместо предисловия“	5.
2.	Второе „вместо предисловия“	8.
3.	„Вольное Казачество—Вільне Козацтво“	11.
4.	Путь Вольного Казачества	20.
5.	Казакия или отдельные казачьи государства	29.
6.	В день годовщины	43.
7.	На пороге пятого года	54.
8.	Наши предпосылки в прошлом	63.
9.	Исполним свой долг!	72.
10.	Необходима организация В. К.	78.
11.	Казачьи идеологические группировки	83.
12.	Корень расхождений	90.
13.	Ко всей казачьей эмиграции	98.
14.	Печальная годовщина	105.
15.	Памяти А. И. Кулабухова	113.
16.	Ноябрьская годовщина	118.
17.	О восстаниях	125.
18.	Пропаганда	130.
19.	О роли казачьей эмиграции	137.
20.	О роли интеллигенции	142.
21.	Вынужденная полемика	150.
22.	Генералу А. П. Богаевскому	168.
23.	Наш ответ г-ну Мельникову	173.
24.	Вместо полемики	186.
25.	Кто же извращает волю казачью?	195.
26.	Деды и внуки	216.
27.	Эмиграция казачья и эмиграция русская	243.
28.	Русская политическая мысль и Казачество	248.
29.	Ласточка, не сделавшая весны	256.
30.	Большевики в Казачьих Землях	261.
31.	Казаче-иногородний вопрос	282.
32.	Казачьи „привилегии“	288.
33.	Казачьи права на свою территорию	301.
34.	Казачьи права на суверенитет	318.
35.	К русскому народу	333.
36.	Братьям казакам под большевиками сущим	343.
37.	Речи редактора И. А. Билого	361.

Библиотека „Вольного Казачества—Вільного Ковацтва“

Цена: в ČSR — 20 Kč.
Заграницу — 20 фр. фр.

Склад издания: Praha XII, Hradecká 2207. Tchécoslovaquie.

2020165463